

Джайлз
Брандрет

Оскар Уайльд, Конан Дойл
и игра под названием
«УБИЙСТВО»

ТЕКСТ

Gyles Brandreth

OSCAR WILDE
AND THE RING
OF DEATH

Джайлз Брандрет
ОСКАР УАЙЛЬД, КОНАН ДОЙЛ
И ИГРА ПОД НАЗВАНИЕМ
«УБИЙСТВО»

Роман

*Перевод с английского
В. Генкина*

МОСКВА «ТЕКСТ» 2018

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
Б87

ISBN 978-5-7516-1431-7

Copyright: © Gyles Brandreth 2008

This edition is published by arrangement with Ed Victor Ltd.
and The Van Lear Agency LLC

© «Текст», издание на русском языке, 2018

Посвящается Мерлину и Эмме

Хотите узнать великую драму моей жизни? Она в том, что я вложил в нее свой гений... В свои произведения я вкладывал только талант.

*Оскар Уайльд (1854–1900)**

Относись к своему доброму имени как к величайшему сокровищу, во владение которым тебе, возможно, придется вступить, ибо честь подобна огню: если ты разжег его однажды, тебе не составит труда его поддерживать, но, коли огонь угас, разжечь его заново потребует тяжких усилий. Путь же к обретению доброго имени таков: приложи старания, дабы стать таким, каким ты хочешь казаться.

*Сократ (ок. 470–399 до н. э.)***

* Эти слова Оскара Уайльда приводит в своих воспоминаниях о нем Андре Жид: Оскар Уайльд. Москва: Прогресс, 1992. (*Здесь и далее, если не указано иное, — примеч. переводчика.*)

** Это высказывание в серьезных источниках указывается как «приписываемое» Сократу. Ближайшая по смыслу цитата приведена в: Ксенофонт. Апологетика Сократа. Книга II, глава VI. «О выборе друзей».

ПРЕДИСЛОВИЕ

Меня зовут Роберт Шерард, я был другом Оскара Уайльда. Впервые мы с ним встретились в Париже в 1883 году. Ему было двадцать восемь лет, он уже получил широкую известность как писатель, остроумец и блестящий рассказчик и считался выдающейся личностью своего времени. Меня же, двадцатидвух-летнего начинающего журналиста и полного честолюбивых замыслов поэта, не знал никто. Наша последняя встреча состоялась в 1900 году, также в Париже, незадолго до его преждевременной кончины. Все семнадцать лет нашей дружбы я вел дневник, в котором делал записи о проведенном с Оскаром времени. Мы не были любовниками, но друга своего я знал хорошо — пожалуй, мало кто мог сравниться со мной в этом отношении. Я был первым, кого Оскар пригласил в свой дом после женитьбы на Констанции Ллойд в 1884 году, и первым, кто навестил его в тюрьме Уондзуорт сразу после приговора в 1895-м. А в 1902 году я стал его первым биографом.

В том — первом — жизнеописании Оскара я старался быть предельно точным. Я писал правду и ничего, кроме правды, — но всей правды не открыл. Незадолго до его смерти я признался Оскару, что задумал написать о нем после того, как он оставит этот мир. Он сказал мне на это: «Только не говори им всего сразу! Когда станешь писать обо мне, не упоминай об

убийстве. Пусть пройдет время». Время прошло. Я пишу эти строки в сентябре 1939 года. Я стар, и мир снова на пороге войны. Мой конец близок, но, прежде чем мои глаза навеки закроются, я должен завершить задуманное: рассказать все, что знаю об Оскаре Уайльде — поэте, драматурге, друге, детективе...

В «De Profundis» мой друг оказал мне великую честь, назвав меня «самым смелым и самым благородным из всех блистательных людей»*. Оскар Уайльд всегда был добр ко мне, и на последующих страницах этой книги, поверьте, я приложил все усилия, чтобы остаться верным ему и не исказить истину.

*Роберт Харборо Шерард
Дьеп, Франция
Сентябрь 1939 г.*

* «De Profundis» («Из глубины, или Тюремная исповедь») цитируется в переводе Р. Райт-Ковалевой и М. Ковалевой.

Глава первая

ПРЕДСКАЗАТЕЛЬНИЦА

Воскресенье 1 мая 1892 года выдалось холодным, хотя и солнечным. Мне особенно отчетливо запомнилось, как сверкающий луч послеполуденного солнца, бывший в окно второго этажа дома № 16 по Тайт-стрит, что в Челси, — лондонского жилища Оскара и Констанции Уайльдов, освещал две фигуры, сидевшие за столиком близко друг к другу, соединив руки.

Я в одиночестве стоял у окна, наблюдая за ними. Женщина, вдова сорока с небольшим лет, довольно стройная, с большими пронизательными глазами на милом узком лице, покрытом легкой сетью морщин (отнюдь не свидетельство мучительных забот), была в черном шелке, на чуть откинутой голове — черный же бархатный тюрбан с единственным серебристо-бирюзовым павлиньим пером изумительной красоты. Цвет пера гармонировал с цветом ее волос.

Вторая фигура за столиком казалась столь же необыкновенной. Это был крупный мужчина тридцати семи лет, высокий и дородный, с густыми темно-каштановыми волосами. Большие глаза слегка прикрыты, полные губы раздвинуты, широкий рот обильно оснащен неровными зубами. На бледном одутловатом лице проступают веснушки. Мужчина облачен в льняной костюм оригинального покроя. Свободно повязанный ярко-зеленый льняной галстук и коралловый амариллис в петлице завершали его наряд.

Женщина, госпожа Робинсон, была одной из нововидиц принца Уэльского. Мужчина, Оскар Уайльд, был поэт и драматург, литературная сенсация века.

Госпожа Робинсон медленно поглаживала правую руку Оскара Уайльда. Тонкий палец, затянутый в ткань перчатки, двигался по его ладони снова и снова. Большим и указательным пальцами правой руки она по очереди брала пальцы Оскара и с легким усилием распрямляла их. Потом довольно долго разглядывала его открытую ладонь, не произнося ни слова. Наконец госпожа Робинсон поднесла руку Уайльда к своей щеке и задержала ее в таком положении. Вздыхнув, она закрыла глаза и прошептала:

— На этой несчастливой ладони написана внезапная смерть. Жестокая, неожиданная, неестественная. Что это? Убийство? Или самоубийство?

— Или ворожея пытается заработать свою гинею, сопроводив гадание мелодраматическим элементом? — Оскар высвободил руку из нежных пальцев госпожи Робинсон и с отрывистым смехом стукнул ладонью по столу. — Мадам, вы зашли слишком далеко. Это просто званный чай, и Кавдорского тана* среди приглашенных нет. Зато здесь дети. Вам следует развлекать гостей, а не пугать их.

Госпожа Робинсон склонила птичью головку набок и улыбнулась.

— Я вижу то, что вижу, — сказала она вполне миролюбиво.

Оскар тоже улыбнулся, а затем обратился к молодому человеку с военной выправкой, который подобно мне одиноко стоял в двух шагах от столика и наблюдал за гаданием.

— Выручайте меня, Артур, — попросил Уайльд. — Госпожа Робинсон узрела внезапную смерть на моей несчастливой ладони. Вы — врач, и мне нужно знать ваше мнение.

* Кавдорский тан — имеется в виду Макбет из трагедии У. Шекспира «Макбет».

Артур Конан Дойл, которому три недели назад минуло тридцать три года, уже обрел славу национального героя. Его «Приключения Шерлока Холмса», вышедшие в журнале «Стрэнд», произвели сенсацию во всей стране. Сам Дойл внешне скорее напоминал Ватсона, чем Холмса. Широкоплечий крепыш с приятными чертами, круглыми блестящими глазами, добродушной улыбкой, которую он прятал в моржовых усах, и энергичным рукопожатием, Артур оставался верным другом Оскара и в благополучные, и в тяжелые времена.

— Я уже оставил медицину, Оскар, и для вас это не новость, — сказал он, отходя к окну. — Но если хотите услышать откровенное мнение, то вам следует держаться подальше от подобных глупостей. Они могут таить опасность — никто не знает, куда это заведет. — Он отвесил госпоже Робинсон сдержанный поклон. — Я не хотел вас обидеть, мадам.

— Разумеется, — любезно ответила дама. — В моих глазах создатель Шерлока Холмса не может иметь дурных намерений.

Дойл залился краской — такое с ним происходило часто.

— Вы слишком добры, — пробормотал он смущенно.

— Что за нелепость, Артур! Госпожа Робинсон, не обращайтесь внимания на его слова, он сам не ведает, что говорит и делает. Я уже перестал удивляться. Взял и уехал — куда бы вы думали? — в Южный Норвуд.

— Но это совсем недалеко, — возразил Дойл.

— Ну да, на другом конце света, и вам, Артур, это хорошо известно. Потому вы и опоздали.

— Мне просто надо было кое-что закончить.

— Закончить скульптуру, знаю. Скульптура — ваше новое увлечение.

Конан Дойл сделал шаг назад.

— Как вы узнали? — воскликнул он. — Я никому не говорил об этом, никому ни слова.

— Да будет вам, Артур. — Вставая из-за столика, Оскар наклонился к госпоже Робинсон и улыбнулся. —

Я слышал, как вы говорили моей жене о просторном строении на краю вашего нового сада, где вы намереваетесь проводить счастливые часы «в холоде и сырости». Только скульптору нравятся холод и сырость в помещении — в таких условиях глина остается влажной.

— Оскар, вы меня поражаете.

— Эту тайну раскрыла бы и госпожа Робинсон, стоило ей только осмотреть ваши ногти. Взгляните на них, Артур, — они вас разоблачают.

— Оскар, вы — человек исключительный. Примите мое восхищение. Вам известно, что я намерен вывести вас в одном из рассказов в образе старшего брата Шерлока Холмса?

— Да, вы мне говорили. Насколько я помню, это будет ленивый тип, страдающий ожирением. Весьма польщен.

Конан Дойл рассмеялся и от души хлопнул Оскара по плечу.

— Я рад, что пришел к вам, друг мой, — сказал он, — несмотря на всю эту толпу гостей.

— Это не мои гости, Артур. Это гости Констанции. Их респектабельность вселяет трепет, а цель происходящего донельзя праведна.

Званный чай, на который собрались около сорока приглашенных — мужчин, женщин и детей, — имел целью собрать средства для одной из благотворительных организаций, особенно любезной сердцу Констанции Уайльд, — Общества рациональной одежды. Организация эта, воодушевленная примером Амелии Блумер* из Соединенных Штатов, направляла свои

* Амелия Дженкс Блумер (1818–1894) — американская феминистка и реформатор женской одежды, ее имя вошло в английский язык в виде слова «bloomers»: так на рубеже XIX–XX вв. называли женский велосипедный костюм — укороченная юбка в сочетании с панталонами, прихваченными на шиколотке шнурком. Развивая ее идеи, в 1881 году в Англии виконтесса Флоренс Харбертон основала Общество рациональной одежды (Rational Dress Society) и стала его первым президентом.

усилия на то, чтобы убедить женщин отдавать предпочтение фасонам, которые «не уродуют тело и не причиняют ему вред». Члены общества полагали, что женщины не должны испытывать неудобства и подвергать опасности свое здоровье, заковывая себя в тесные, ограничивающие свободу корсеты и надевая нижнее белье, вес которого в совокупности превышает семь фунтов. Констанция со страстью и болью говорила о тяжелой участи множества женщин: ежегодно десятки страдалиц, юных и пожилых, простых служанок и знатных дам, получали увечья или смертельные ожоги, когда их пышные юбки и иные предметы туалета вспыхивали от пламени свечи или камина.

Стоя рядом друг с другом, Оскар и Артур оглядывали комнату. Конан Дойл наклонился вперед и оперся руками о спинку одного из бамбуковых черно-белых стульев, весьма характерных для стиля дома Уайльдов.

— Цель и впрямь весьма достойная, — заметил он, обращаясь к Оскару. — Можете быть уверенным: я внесу свою лепту. — И добавил с улыбкой: — Впрочем, я еще не получил доказательств респектабельности всех присутствующих. К примеру, кто эти двое? — Он кивнул в сторону фортепиано.

— А! — сказал Оскар. — Это мисс Брэдли и мисс Купер.

— Похожи на трубочистов.

— Пожалуй, — согласился Оскар, искоса посмотрев на дам. — По всей видимости, они пришли en travestie*. Выбор костюмов, я думаю, не случаен: скорее всего, они хотели принести нам удачу. По роду же занятий они не трубочисты, а поэтессы. Точнее говоря, «они — поэт». Пишут вместе под одним именем и называют себя «Майкл Филд».

— Я наблюдал за ними в прихожей — они курили и целовали друг друга, причем в губы.

* Переодетые (*фр.*).

— Невероятно, — сказал Оскар, с грустью покачивая головой. — Особенно принимая во внимание инфлюэнцу, которая свирепствует в Челси всю весну.

— А что вы скажете о том болезненного вида господине, Оскар? По-моему, он не чужд наркотикам.

— Джордж Добни? — воскликнул Оскар. — Достопочтенный преподобный Джордж Добни? Будет вам, Артур. Он священник и сын графа.

— Вот как? — Дойл рассмеялся. — Где я мог слышать это имя?

— Увы, оно было во всех газетах. Преподобному Джорджу вчинили иск за нарушение обещания жениться. Дело было довольно грязным. Он его проиграл, а заодно и потерял все свое состояние.

— У него безвольный рот, — заметил Конан Дойл.

— И суровый отец, который отказался за него поручиться. И все же он мне нравится. Нынче он служит помощником священника в палате общин и падре с неполным рабочим днем в цирке Этли*, на южной стороне Вестминстерского моста.

— Неудивительно, что этот человек вам по душе, Оскар! Вас всегда влекло невероятное**.

Теперь настала очередь Оскара рассмеяться. Он тронул локоть друга, приглашая его посмотреть на других гостей.

— Оглянитесь вокруг, Артур. Вы ведь повидали мир — как светлые, так и темные его стороны. Вы плавали в Арктику на китобойном судне. Живали в Саутси***, причем вовсе не для отдыха. Встречали людей самого разного разбора. Посмотрите на коллекцию

* Цирк Этли — первый в Европе постоянно действующий цирк, открытый в Лондоне в 1777 г. отставным драгуном Филиппом Этли.

** Невероятным Дойлу представляется то, что один и тот же человек является священником англиканской церкви (в палате общин) и католическим священником (падре).

*** Саутси расположен на южном побережье Англии, город-остров, со всех сторон окруженный морем.

типов, собравшихся в этой гостиной, и скажите мне, кто из них, по вашему мнению, выглядит бесспорно respectable.

Предложение Оскара пришлось Дойлу по вкусу. Он отступил на шаг и упер в бедра кулаки. Затем поджал губы, прищурился и принялся медленно и внимательно оглядывать присутствующих. Толпа, собранная Констанцией на званый чай, была весьма пестрой.

— Так что именно я ишу, Оскар?

— Воплощение respectable, ее высшее проявление, — ответил Уайльд. — Лицо, фигуру, манеры, весь облик в целом, который вам говорит: «Это то, что нужно, прочь сомнения!»

— М-да, — проворчал Дойл, поочередно рассматривая лица гостей. — Каждый из них вызывает сомнения, вы согласны? — Он перевел взгляд от Джорджа Добни ко входу в гостиную, где со своими приближенными расположился Чарльз Брук, раджа Саравака* — англичанин по происхождению и близкий друг Констанции. — Облик Брука, пожалуй, внушает желание поவிноваться. Правда, я с ним едва знаком. Но это — то, что нужно. Джентльмен.

Оскар предостерегающе поднял указательный палец:

— Нет, нет, Артур. Вам не следует говорить о тех, кого вы уже знаете. Выносите суждение только на основании внешнего впечатления. Огляните комнату еще раз и выберите того, кто кажется вам воплощением абсолютной respectable.

— Есть! — торжествующе вскричал Дойл. — Вот он! — И Артур указал на рыжеволосого молодого человека среднего роста и среднего же телосложения, который стоял в противоположном углу рядом с Констанцией Уайльд. Тут же, держась за юбку матери, находился и Сирил, старший — без малого семи лет — сын

* Саравак — ныне один из штатов Малайзии, в описываемые времена — английский протекторат, во главе которого стоял Чарльз Брук (1829–1917).

Констанции. Младший сын Уайльдов, Вивиан, пяти с половиной лет, радостно восседал на плечах молодого человека, вцепившись ему в волосы. — Вот тот, кого мы ищем, Оскар. Ему легко и удобно с детьми, а детям — с ним. Это хороший знак.

— Это крестный отец Вивиана, — сказал Оскар.

— Я не удивлен. Вы сделали правильный выбор. У него вид, безусловно заслуживающий доверия. Кто это?

— Эдвард Херон-Аллен*, — ответил Оскар.

— Имя внушает уважение, — сказал Дойл.

— Вы правы, — согласился Оскар.

— Без сомнения.

— А каков род его занятий? С первого взгляда видно, что этот джентльмен занят делом.

— Он адвокат. И сын адвоката.

— Разумеется. Я должен был догадаться. Достаточно посмотреть на его открытое лицо — такому веришь. Это лицо добросердечного, честного, респектабельного молодого человека. Кстати, сколько ему?

— Полагаю, около тридцати.

— А каков возраст достойного преподобного Джорджа Добни, позвольте полюбопытствовать?

— Думаю, близко к тому же.

— Но этот Добни, — сказал Дойл, быстро переведя взгляд с Оскара на Констанцию, — выглядит лет на десять старше, не так ли? Его лицо говорит о жизни праздной и беспутной. А лицо моего избранника дышит свежестью, он, видимо, много времени проводит на открытом воздухе. У него румяные щеки, подбородок четко очерчен, глаза искрятся энергией, и совесть его чиста.

— Артур, Артур, да вы увлеклись им!

Конан Дойл рассмеялся.

* Эдвард Херон-Аллен (1861–1943) — личность весьма разносторонняя, автор капитального труда об изготовлении скрипок, писал о хиромантии, печатал работы по зоологии, метеорологии, археологии, переводил на английский язык рубаи Омара Хайяма. Под псевдонимом Кристофер Блейр опубликовал множество рассказов с неизменным фантастическим или сверхъестественным элементом.

— Я следую вашим указаниям, Оскар, — делаю заключения на основании внешнего вида. Внешность Эдварда Херон-Аллена весьма убедительна, вы не станете этого отрицать. Взгляните хотя бы на его костюм.

— Покрой самый обыкновенный.

— Вот именно. Этот человек отнюдь не щеголь. Он — джентльмен. Его костюм скромн и прост: именно такой приличествует адвокату надевать в воскресенье. А судя по галстуку, он учился в Харроу*.

— Так и есть, — подтвердил Оскар с довольной улыбкой, — учился в Харроу и играл в крикет за самые сильные команды.

Конан Дойл заметил озорную ухмылку Оскара и вдруг ударил себя по лбу кулаком.

— Ах, Оскар, Оскар, — вскричал он страдальчески, — неужели я попался на вашу наживку? Угодил в слоновью яму? И сейчас вы откроете мне, что этот мой образец респектабельности на самом деле просто хам и невежа?

— Отнюдь, — беспечно ответил Оскар. — Вовсе нет. Но у каждого из нас есть свои тайны, не так ли?

— И в чем же его тайна? Он присвоил деньги своих клиентов?

— Он влюблен в Констанцию.

— Вашу жену?

— Мою жену.

На лице Дойла появилось беспокойство. Сам он был преданным мужем, не помышлявшим об измене. Его молодая жена Луиза, которую все звали Туи, страдала туберкулезом. Она часто оставалась дома одна, но мысленно Дойл всегда был с нею. Он задумчиво потянул себя за ус.

— И вас, Оскар, не тревожит то обстоятельство, что этот самый Херон-Аллен влюблен в вашу жену?

* Харроу — одна из девяти старейших мужских привилегированных школ. Основана в 1571 г., находится в пригороде Лондона.

— Совершенно не тревожит, — ответил Оскар.

— А госпожа Уайльд? — спросил Дойл. — Как она к этому относится?

— Госпожа Уайльд также не вызывает тревоги. — Оскар улыбнулся. — Разве что госпожу Херон-Аллен это может несколько беспокоить.

— Ах вот как! — Дойл нахмурил брови. — Оказывается, этот господин женат. А по виду не скажешь.

— В этом я с вами соглашусь, Артур. Вид у него совершенно беспечный, не так ли?

— Он выглядит вполне заурядно, как мне кажется, — сказал Конан Дойл. — Именно поэтому я остановил на нем свой выбор, когда вы вовлекли меня в эту нелепую игру. Мне не следовало идти у вас на поводу.

— Нет, Артур, заурядным Эдварда Херон-Аллена назвать никак нельзя. Он выращивает спаржу. Он изготавливает скрипки. Он бегло говорит по-персидски. А к тому же он — всемирно признанный авторитет в области некрофилии, скотоложства, педерастии и детской проституции.

— Боже правый! — Артур Конан Дойл побледнел и в ужасе устремил взор на Эдварда Херон-Аллена. Молодой адвокат в это время снимал с плеч Вивиана Уайльда. Он поцеловал мальчика в затылок и осторожно поставил на пол. — Боже правый! — повторил Дойл.

— За ужином я посажу вас рядом с ним, Артур, — сказал Оскар. — Вы найдете его обворожительным. Эдвард, как и госпожа Робинсон, хиромант. Улучите момент между блюдами, протяните ему ладонь, и он даст вам совет, что выбрать: барашка или говядину.

— У меня нет слов, Оскар. — Конан Дойл не отводил глаз от Эдварда Херон-Аллена и Констанции Уайльд. — Просто нет слов.

— Пусть это вас не волнует, — небрежно заметил Уайльд. — Говорить будет Херон-Аллен. У него всегда есть что сказать, и вы сможете убедиться, что все его речи весьма поучительны.

— Вы серьезно, Оскар? — возмутился Дойл. — Этот господин в самом деле будет с нами ужинать?

Оскар негромко рассмеялся.

— Почему бы и нет? Он и мне представляется достаточно respectable. К тому же сегодня он — мой гость. Шерард приходит с преподобным Джорджем Добни. А кто будет вашим гостем?

Конан Дойл извлек из кармана большой красный платок и громко высморкался.

— Уилли... Уилли Хорнунг*, — сказал он, поколебавшись. — Вы его не знаете. Молодой журналист — приятнейший человек, редкое сочетание доброго нрава и тонкого ума.

— Хорнунг... Уилли Хорнунг. — Оскар пробовал имя на язык, полоскал им рот, будто это было незнакомое вино.

Дойл вернул платок в карман и посмотрел Оскару в глаза.

— Пожалуй, я отсоветую Хорнунгу участвовать в этом ужине. Ему недостает жизненного опыта.

— Да будет вам, Артур. Сколько ему лет?

— Не знаю. Лет двадцать шесть. А может быть, двадцать семь.

— Китс умер в двадцать пять. Господину Хорнунгу будет во благо испытать чуточку опасности, окунуться, так сказать, в гущу жизни. Что для нас делает столь притягательной процедуру вскрытия устрицы? Только неизвестность — найдем мы там жемчужину или яд. Да и вообще он нам просто необходим — без него за столом нас будет тринадцать.

— А приедет ли лорд Альфред Дуглас?

— Боузи? Ну конечно. — Оскар откинул голову и пригладил волосы. — Боузи, разумеется, придет, и не один — с ним будет его старший брат Френсис. Лорд

* Эрнест Уильям Хорнунг (1866–1921) — английский писатель, создатель серии романов о Раффлзе, взломщике-любителе (об этом автор напишет в эпилоге).

Драмланриг вам понравится, Артур. Он тех же лет, что и ваш юный друг Хорнунг, и у него столь же добрый нрав. Хотя сам я не прочь пировать в компании пантер, полагаю, что присутствие за столом умеренного числа агнцев, обладающих тонким умом, вреда не принесет. Плохого понемножку — это в натуре человека. — Он обозрел комнату. — Где же Боузи? Он уже должен был прийти.

Гостиная Уайльдов тем временем начала пустеть. Катарина Брэдли и Эдит Купер, поэтессы в облачении трубочистов, стояли у двери, посылая Оскару воздушные поцелуи. Мисс Брэдли — та, что повыше, — вытащила из вазы у камина камыш внушительной длины и крикнула Оскару:

— Я похищаю у вас это, дорогой! Надеюсь, вы не против. Я жду к ужину Мозеса и Ребекку Саламанов, и с этим растением они почувствуют себя дома.

Оскар любезно закивал. Чарльз Брук, раджа Сараватка, вручил Констанции чек и рассыпался в высокопарном прославлении ее усилий на ниве милосердия во благо человечества вообще и Общества рациональной одежды в частности. Его супруга Маргарет, женщина, не блещущая красотой и обычно терпеливая, тянула мужа за рукав.

— Ну замолчит ли он когда-нибудь? — вопрошала она хозяйку.

— Только если мы станем его слушать, — ответила Констанция с ласковой улыбкой, целуя своего друга в щеку. — Спасибо, что пришли, и благодарю вас, Чарльз, за вашу щедрость. Сегодня все были так добры, так восхитительно добры.

— Ах, госпожа Уайльд, — произнес Эдвард Херон-Аллен, шагнув к хозяйке дома и поднеся ее руку к губам, — ведь это вы воодушевили всех нас.

Конан Дойл снова воспользовался носовым платком и, не отрывая его от лица, пробормотал, обращаясь к Оскару:

— Этот тип невыносим.

— Вы воодушевили нас на эти пожертвования, — продолжал между тем Херон-Аллен, не отпуская руку Констанции и глядя ей прямо в глаза. — Мы любим вас, вот и все. Что может быть проще.

— Мы любим и Оскара, — прозвучал голос со стороны лестницы. — Правда, здесь все несколько сложнее.

— А вот и Боузи! — воскликнул Оскар и захлопал в ладоши.

Лорд Альфред Дуглас появился в дверях гостиной и замер, разрешая полюбоваться собой. Это был поразительно красивый мальчик. Слово «мальчик» я употребил намеренно: Альфреду уже минул двадцать один год, но выглядел он словно ребенок. Несколько позже, тем же летом, он рассказал мне, что одна почтенная светская дама была ввергнута в великое смущение, когда пригласила лорда на чаепитие для детей и только потом обнаружила свою ошибку. Даже когда ему исполнился тридцать один год, люди нередко спрашивали, закончил ли он школу. Оскар говаривал: «В Боузи заключена сама квинтэссенция юности. Он не растерял ни капли ее. Вот почему я его люблю».

Оскар действительно любил лорда Альфреда Дугласа и не пытался скрывать это чувство. Стройный как тростинка, с безупречно соразмерными чертами лица, вьющимися волосами цвета спелой кукурузы и персиковой кожей, Боузи казался Адонисом — Конан Дойл и я не могли этого отрицать. Оскар любил его за красоту. Но и за интеллект тоже. Боузи обладал недюжинным и острым умом (даже заявлял права на авторство кое-каких тончайших острот Оскара), а его владение языком, умение играть словами вызывали во мне зависть. Ум, однако, сочетался в нем с ленью и тягой к праздности. Через год, закончив Оксфорд, он покинул стены университета без степени. (Как, впрочем, и я. А также Шелли и Суинберн. И хотя поэзия Боузи не

стоит в одном ряду с их творчеством, все же лучшие из его стихов выдержали испытание временем.)

Кроме всего прочего, Оскар любил лорда Альфреда Дугласа за его знатность. Хотя Уайльд и пытался своими высказываниями представить дело иначе, он все же оставался снобом. Он испытывал тягу к титулам. Ему доставляла удовольствие возможность запросто поболтать с принцем Уэльским. Он был счастлив, что в круг его знакомых входит дюжина герцогов, и испытывал восторг, когда узнал, что Боузи Дуглас (в довершение к безупречному профилю и изысканным манерам) является третьим сыном восьмого маркиза — пусть и маркиза со скверной репутацией.

В 1892 году отец Боузи Джон Шолто Дуглас, восьмой маркиз Куинсберри, по-прежнему пользовался дурной славой. Уродливый коротышка, грубиян и задира с необузданным нравом, лорд Куинсберри слыл к тому же мотом и бабником. Его единственным достоинством было бесстрашие, а единственным достойным делом, давшим ему известность, стал свод правил для бокса, который маркиз составил вместе со своим университетским другом Джоном Грэмом Чэмберсом. Лорд и сам был боксером-легковесом и в поединках выказывал волю к победе и мастерство. Опытный и смелый наездник, он участвовал в «Гранд нэшнл»* на собственных лошадях. На охоте лорд Куинсберри отличался особой жестокостью. Со своим хлыстом он никогда не расставался и, как говорили, с одинаковой легкостью награждал ударами лошадей, собак и женщин. В 1887 году леди Куинсберри, мать его пятерых детей, развелась с маркизом, доказав в суде измену мужа.

Боузи презирал отца и преклонялся перед своей матерью. В глазах сына Сибилла Куинсберри была совершенством. «Отец не дал мне ничего, — говорил

* «Гранд нэшнл» — скачки с препятствиями, проводятся ежегодно на ипподроме Эйнтри близ Ливерпуля.

он. — Все дала мне мать, все, включая имя». Леди Куинсберри стала называть его Боузи, когда он еще был младенцем. Оскар с момента первой встречи с Альфредом, случившейся в 1891 году, называл его «мой милый мальчик». Между ними почти сразу установилась крепкая дружба, и к лету 1892 года они стали неразлучными. Боузи сопровождал Оскара повсюду. Мне он нравился, как и Констанции. Что касается Дойла, то он был сдержан в своем отношении к молодому лорду.

Боузи стоял в дверях гостиной, склонив голову к плечу, словно святой, принимающий мучения на кресте, и смотрел на Констанцию.

— Госпожа Уайльд, — вскричал он, — *ressavi**. Я опоздал на ваше чаепитие, но произошло это вопреки моей воле. Вы подарите мне прощение?

Он достал из-за спины букетик примул, схваченный голубой лентой, сделал шаг вперед и вручил его хозяйке.

Констанция поцеловала его — так целуют ребенка — и сказала:

— Какая прелесть, Боузи, благодарю вас. Я рада вас видеть. Оскар уже начал волноваться.

Кивнув Эдварду Херон-Аллену, Альфред направился к Оскару и Дойлу. Я покинул свое место у окна, чтобы присоединиться к ним.

— Извините меня, Оскар, — произнес юный Адонис, слегка хмуря брови. — День выдался хуже некуда. Я схватился с отцом из-за денег. Он отказался дать мне пятьдесят фунтов — это из его-то четырехсот тысяч. Чудовище, а не человек. Убил бы его.

Артур Конан Дойл удивленно поднял бровь и стал грызть свой ус.

— Я не шучу, — повторил Боузи серьезным тоном. — Я мог бы убить его не моргнув глазом.

— Это невозможно, Боузи, — сказал Оскар. — Во всяком случае сегодня.

* Я согрешил (*лат.*).

— Почему же? — раздраженно спросил Альфред.

— Потому что сегодня воскресенье, — сказал Оскар, — а истинный джентльмен не станет убивать своего отца в воскресенье. Такие вещи следует знать, Боузи. Чему вас только учили в Уинчестере?* Уж не говоря о том, что сегодня — первое воскресенье месяца и мы отправляемся ужинать в «Кадоган». Надеюсь, об этом вы не забыли?

Глава вторая

КЛУБ «СОКРАТ»

Летом 1892 года Оскар Уайльд находился на вершине славы и финансового благополучия. В феврале на сцене Сент-Джеймского театра состоялась триумфальная премьера его первой успешной пьесы «Веер леди Уиндермир». Он был всеобщим любимцем, и отчисления от спектаклей в пользу автора достигали трехсот фунтов в неделю. Но вопреки всему я чувствовал, что Оскар недоволен.

К тому времени нашей дружбе перевалило за десять лет. Недолго — до его женитьбы и моей — мы снимали одну квартиру на двоих в Мэйфере**. Оказалось, общество друг друга нас не тяготит, мы отлично ладили. Оскар был семью годами старше и относился ко мне как мог бы относиться к младшему брату, не судил строго, а принимал таким, каким я был. Когда мой первый брак стал распадаться — моя верность Марте, увы, продлилась недолго, — Оскар не стал осыпать меня упреками, в отличие от моих родителей (да и большинства людей нашего круга: в те давно ушед-

* Уинчестер — Уинчестерский колледж, одна из старейших мужских привилегированных школ. Основана в 1382 г., находится в гор. Уинчестере, графство Гемпшир.

** Мэйфер — фешенебельный район лондонского Уэст-Энда.

шие времена крах вашего брака означал и крах вашей репутации). Он просто заметил: «Бедняга Роберт! — И добавил: — Сам я вовсе не уверен, что какой-либо брак может продлиться более семи лет». Между тем на дворе стояло лето 1892 года, и Оскар к тому времени был женат на Констанции почти восемь лет.

— Но вы все еще любите Констанцию, — возразил я, ошеломленный его словами, — разве не так? — Я ощущал себя младшим братом, и семейство Уайльдов служило путеводной звездой на моем небосводе. — Или что-нибудь изменилось?

— Нет, мое чувство осталось прежним, — ответил Оскар, но в тоне его я различил прискорбную неуверенность. — Однако изменилась сама Констанция. Когда мы поженились, она была прелестной девушкой, светлой и стройной, словно лилия. В глазах Констанции плясали искры, а ее беспечный мелодичный смех рассыпался по всему дому. Через год или около того, после рождения наших мальчиков*, эта грация, эта свежесть прекрасного цветка исчезла. Она стала грузной, бесформенной.

— Как вы можете такое говорить, — возразил я. На самом деле слова Оскара были далеки от действительности. Констанция оставалась красивой женщиной. Конечно же она стала старше — ей минуло тридцать четыре года, — и Оскар уподобил ее возраст увяданию. Общение с ней — по крайней мере, для мужа — уже не вызывало столь трепетного интереса.

— Констанция все время молчит, — сказал он, — и я не знаю, о чем она думает.

Оскар стремился уйти от «домашней ennui**» (он так это называл), заполняя каждый час бодрствования беспрерывной работой или игрой. Он изображал из себя бездельника, но при этом постоянно был занят делом.

* В этих словах есть определенная вольность: второй сын Оскара и Констанции родился в 1887 г., через три года после их женитьбы.

** Скука (*фр.*).

Днем, закрывшись в кабинете, Уайльд сидел за своим любимым письменным столом (когда-то стол этот принадлежал великому Томасу Карлейлю), окутанный сигаретным дымом, и писал и читал часами напролет. Он обладал даром, который столь высоко ценил Наполеон: *de fixer les objets longtemps sans être fatigué**. Оскар был одним из самых трудолюбивых людей, которых мне довелось встречать. Упорство, с которым он трудился, можно сравнить только с его неумеренностью в игре. Вечером он обедал, непременно с вином, а потом снова пил и ел. Между обедом и поздним ужином он шел на концерт, или на выставку, или в театр — это мог быть драматический спектакль, опера, балет... «Что у нас сегодня, Роберт? Посмотрим Генри Ирвинга в роли Уолси** в «Лицеуме» или заглянем в «Бедфорд мюзик-холл» на Мари Ллойд?***» Он видел буквально все и знал абсолютно всех. И разумеется, всем было лестно завести с ним знакомство. Полагаю, во всем поздневикторианском обществе не было человека с более широким кругом общения, чем у Оскара Уайльда. С понедельника до субботы на страницах записной книжки, куда Оскар заносил даты и время своих встреч, вечно не хватало места. Единственный день в неделе, который ставил его в тупик, было воскресенье. «По воскресеньям ничего не происходит, — жаловался Оскар. — Все закрыто. Пойти некуда. Никто не принимает гостей. Даже Бог вынужден идти в церковь — больше просто нечем заняться». Именно по этой причине в начале 1892 года Оскар Уайльд основал клуб «Сократ».

* На долгое время сосредоточиваться на предмете, не уставая (*фр.*).

** Генри Ирвинг (1838–1905) — английский актер и театральный импресарио. Играл и руководил постановками шекспировских пьес в лондонском театре «Лицеум». Томас Уолси, кардинал, реальное историческое лицо; здесь — персонаж трагедии У. Шекспира «Генрих VIII».

*** Мари Ллойд (1870–1922) — наст. имя Матильда Элис Виктория Вуд, популярная певица и актриса мюзик-холла.

Клуб был назван в честь этого великого греческого философа. Конан Дойл предложил Диогена, но Оскар заявил, что «Диоген — провинциал и зануда, на него и эпиграмм нет», а вот «Сократ — гражданин мира», и Оскар ощущает их родство душ. «Сократ был одним из мудрейших людей, когда-либо живших на земле, — сказал он, — но утверждал при этом, что знает лишь то, что ничего не знает. Именно за такого человека стоит выпить в воскресный вечер, разве я неправ?»

Собрание членов клуба означало просто встречу за ужином. Собственного помещения у клуба не было, а цель его существования заключалась в одном: развлекать своего основателя в первое воскресенье каждого месяца. Членов клуба было шестеро: Оскар, Конан Дойл, лорд Альфред Дуглас, я, Брэм Стокер* и Уолтер Сиккерт**.

Кандидатуру Стокера назвал Конан Дойл, и Оскар сразу же с энтузиазмом принял это предложение. Конан Дойл чувствовал себя напряженно со всеми приятелями Оскара, но в обществе Абрахама Стокера не испытывал неловкости, потому что — говоря словами Артура — тот отличался «благоразумием» (ему уже перевалило за сорок) и «основательностью» (в университете Стокер занимался не только спортом, но и наукой). Помимо прочего Стокер был секретарем и другом Генри Ирвинга, самого знаменитого актера своего времени, а такой молодой автор, как Артур Конан Дойл, конечно же мечтал написать пьесу с ролью для него. Уайльд был рад возможности посодействовать сближению Дойла и Стокера. Оскар и Брэм родились в Дублине. «Мы давно знакомы, — сказал Уайльд. — И даже знаем кое-какие секреты друг друга». В 1878 году

* Брэм (Абрахам) Стокер (1847–1912) — ирландский театральный критик и писатель, автор романа «Дракула».

** Уолтер Ричард Сиккерт (1860–1942) — английский живописец и график.

Брэм женился на первой возлюбленной Оскара, девушке с миндалевидными глазами по имени Флоренс Балкомб.

Художник Уолтер Сиккерт также был старинным другом Уайльда. Ему, как и мне, шел тридцать второй год, но Оскар знал его еще мальчиком. В молодые годы Уайльд отдыхал с семейством Сиккертов в Дьепе, и, хотя юный Уолт относился к Оскару настороженно, с годами они сблизились, и художник и писатель нашли, что у них есть немало общего. «Мы оба любим смех, легко гневаемся и падки на похвалу», — сказал Сиккерт. Он согласился вступить в клуб «Сократ» при условии, что ему не придется переодеваться к ужину и будет дозволено курить даже до провозглашения тоста за здоровье королевы. Когда же Конан Дойл недовольно нахмурился, Сиккерт заметил, что из букв словосочетания «клуб Сократ» можно составить слово «трубка», а это служит прямым указанием на право дымить в любое время. Победа осталась за художником. Мало-помалу Дойл и Сиккерт обнаружили, что оба питают страстную любовь к игре словами и Генри Ирвингу. Еще до того, как стать профессиональным художником, Уолтер подрабатывал актером. В восемнадцать лет он поступил в труппу Ирвинга на второстепенные роли: «молодые люди из “Лицеума”» — называли таких актеров. Он выходил на сцену с копьем как «третий страж» или, с прочими, изображал толпу, а бывало и произносил несколько слов. «Похоже, моя юность и красивые белокурые волосы Ирвингу пришлись по вкусу, — говорил он Дойлу. — А я боготворил Ирвинга, потому что он — Ирвинг и потому что он обратил на меня внимание».

Члены клуба собирались в отдельном зале на первом этаже недавно открывшегося отеля «Кадоган», что на углу Слоун-стрит и Понт-стрит, в двух шагах от жилища Уайльдов на Тайт-стрит. Одно время этот отель служил домом для приятельницы Оскара (и не-

когда — любовницы принца Уэльского) Лили Лэнгтри*, и госпожу Лэнгтри (которая сохранила за собой просторный номер в «Кадогане») можно было иногда встретить в вестибюле у стойки портье; в одной из своих знаменитых шляпок она по обыкновению оживленно беседовала со скандально известным гостиничным попугаем по имени — как и можно было предположить — Капитан Флинт. Попугай этот был существом преме́рзким: галдящим и склонным к подлости. По какой причине госпожа Лэнгтри сочла общество этой птицы столь привлекательным, остается непостижимым. Куда проще понять, почему все мужчины, кому доводилось хоть раз увидеть «Лилию из Джерси», попадали к ней в плен. Конан Дойл, сраженный наповал этой полной энергии чаровницей, как-то заметил, что у Лили Лэнгтри «лицо прекраснейшей из женщин и характер самого твердого мужчины».

Секретарем клуба был Альфонс Бёрд, ночной распорядитель отеля «Кадоган». Тощий, бледный и лысый, этот господин пятидесяти с лишним лет весьма походил на оживший скелет. Впрочем, помимо запоминающейся внешности, я не заметил за ним иных сколько-нибудь выдающихся качеств. Говорил он редко, еще реже смотрел в глаза собеседнику, но Оскар испытывал привязанность к этому болезненного вида человеку и находил его общество приятным. В молодости Бёрд пробовал свои силы в качестве иллюзиониста, но не преуспел на этом поприще. «Его душа увяла, покрылась плесенью, — говорил Оскар. — А неудача значительно интереснее успеха. Я бы с большим любопытством прочел жизнеописание Наполеона, чем Веллингтона».

* Лили Лэнгтри (1853–1929) — наст. имя Эмили Шарлотта Ле Бретон, английская театральная актриса, известная своей скандальной любовной связью с принцем Уэльским, будущим королем Эдуардом VII. В 1880 г. художник Джон Миллес написал ее портрет, ставший картиной года. После этого Лили Лэнгтри стали называть «Лилия из Джерси» (о-в Джерси — место ее рождения).

Впрочем, надо признать, что обязанности секретаря клуба Бёрд исполнял безупречно. В его ведении был выбор блюд и вин, под его бдительным оком официанты накрывали на стол и, принимая во внимание скромные средства, ассигнованные на трапезу (полкроны с каждого участника), Бёрд с честью выходил из положения. Оскар полагал необходимым, чтобы ужин состоял из шести блюд. К традиционному супу, рыбе, ростбифу и десерту Бёрд добавлял набор *hors d'œuvres**, непременно включавший русскую икру, голландскую селедку, креветок, омаров, маринованного тунца, копченую лососину и ветчину, а также *entremets*** из сладких и пикантных овощей и фруктов. Каждому члену клуба позволялось пригласить одного гостя — непременно мужчину или, с разрешения основателя, актрису. Дважды там была госпожа Лэнгтри, и время от времени к середине застолья появлялся Уолт Сиккерт, ведя в поводу одну из своих театральных приятельниц.

Тем вечером, 1 мая 1892 года, гостем Оскара был женатый обожатель Констанции молодой адвокат Эдвард Херон-Аллен. Боузи привел своего старшего брата, лорда Драмланрига, молодого человека с многообещающей карьерой в парламенте, которому покровительствовал сам лорд Розбери*** — бывший и будущий министр иностранных дел. Мой гость тоже был потомком аристократического рода, однако не обладал ни перспективами, ни связями Френсиса Драмланрига. Достопочтенного Джорджа Добни, младшего сына графа Бриджуотера, знали в обществе лишь как человека, который бросил свою невесту за неделю до венчания и дорого заплатил за это. Я не был с ним близко знаком, но испытывал к нему сочувствие. Сам я женился на

* Закуски (*фр.*).

** Легкое блюдо, подаваемое перед десертом (*фр.*).

*** Розбери, лорд Арчибальд Филипп Примроуз (1847–1929) — английский политический деятель.

Марте довольно скоропалительно, когда мы оба были слишком юны, и, если бы я покинул ее, не доведя до алтаря, нам не пришлось бы испытывать жестокие страдания в последующие годы.

Гостем Дойла в тот вечер был его друг, обладатель «тонкого ума» Уилли Хорнунг. Судя по словам Артура, этот молодой человек, журналист, только-только вернулся из Австралии, однако хрупкое сложение, бледная кожа, прилизанные волосы и пенсне Хорнунга скорее могли бы подойти робкому сельскому священнику, нежели энергичному охотнику за свежими новостями, недавно побывавшему в дальних краях. «Он немного робеет», — заметил Артур. «Я буду говорить с ним тихим голосом», — шепотом ответил Оскар.

Уолтер Сиккерт и Брэм Стокер привели по актеру. Сиккерт пришел с Бредфордом Пирсом, громогласным крупным мужчиной с бочкообразной грудной клеткой, красным лицом и бородой морского волка. Ему еще не было сорока, но выглядел он заметно старше своих лет. Они впервые встретились с Сиккертом, будучи молодыми актерами в труппе Ирвинга. В те дни притязания Пирса на свою долю славы не шли дальше заучивания ролей Ирвинга на случай возможной замены, и ему таки удалось однажды сыграть за великого мастера в «Лицеуме» — но не лондонском, а в «Лицеуме» Сандерленда*.

Приглашенный Стокером Чарльз Брукфилд никогда никого не заменял. По моим представлениям, он с колыбели привык быть первым — родители в нем души не чаяли, старшие сестры им восхищались, и сам он никогда не испытывал и тени сомнения в собственных достоинствах. Брукфилд был человеком одаренным (в Кембридже он получил Винчестерский приз за декламацию) и разносторонним. Он играл в пантомимах и шекспировских пьесах, его выделяли из общего ряда

* В театре «Лицеум» города Сандерленда Генри Ирвинг начинал свою карьеру актера в 1856 г.

Эллен Терри и Герберт Бирбом-Три*. Он обладал неистощимой энергией, честолюбием, горделивой осанкой и внешностью героя-любовника. Однако чувство юмора и скромность не входили в число его достоинств. Мне он был безразличен. Думаю, что и Оскару он не слишком нравился. Как это ни странно, Брукфилд, по всей видимости, считал себя соперником Уайльда: ведь он был не только актером, но и писателем. В тот вечер он появился в «Кадогане» переполненный известиями о своей последней пьесе, которую он назвал «Поэт и марионетки».

— Премьера состоится девятнадцатого мая, — объявил Чарльз Брукфилд, — в день моего тридцатипятилетия. Я сделал себе такой подарок. Эта пьеса — о вас, Оскар.

Уайльд наклонил голову в знак благодарности.

— Вы поступаете мудро, Чарльз, давая публике то, чего она желает.

— В сущности, это бурлеск, сатира на «Веер леди Уиндермир». Местами она колетя, но Брэм меня убеждает, что вы не станете возражать.

— Похвалы смиряют меня, — ответил Оскар, — зато поношения заставляют воспарить к звездам.

В семь тридцать пополудни, время, когда по традиции члены клуба «Сократ» приступают к трапезе, Оскар обратился к Бёрду:

— Все ли собрались? Мне кажется, нас здесь только тринадцать.

— Запаздывает мой гость, господин Уайльд, — ответил Бёрд. — Обычно он весьма пунктуален. Примите мои глубочайшие извинения, он должен появиться с минуты на минуту.

Оскар опустил взгляд на листок бумаги, где ранее изобразил план размещения гостей и членов клуба за столом.

* Эллен Терри (1847–1928) — английская актриса, прославившаяся исполнением женских ролей в пьесах Шекспира; Герберт Бирбом-Три (1853–1917) — английский актер, режиссер, антрепренер.

— Ах да, — сказал он, — Джарвис Сапалатте... Мы с ним встречались?

— Полагаю, нет, господин Уайльд, — ответил Бёрд, с беспокойством поглядывая на дверь.

— Похоже, он вас знает, Оскар, — сказал я.

— А, так с ним встречались вы, Роберт?

— Мельком, — ответил я, — и только однажды.

— Сапалатте? — переспросил Чарльз Брукфилд, подняв бровь. — Я слышал это имя. Он джентльмен?

— Можно сказать, «джентльмен наполовину», сэр, — сказал Бёрд сконфуженно. — Его мать была благородной дамой, а вот отец — лакеем.

— Лакеем! — воскликнул Оскар. — Превосходно. Высоким?

Бёрд смутился:

— Простите, мистер Уайльд?

— Каков был рост отца Сапалатте? Ведь чем лакей выше, тем больше его жалование.

— Не знаю, как обстоит дело с ростом его отца, но Джарвис Сапалатте, как мне кажется, выше шести футов.

— Счастлив это слышать, — сказал Оскар, который и сам был выше шести футов. — А ваш друг тоже лакей, как и его родитель? Разумеется, у меня нет никаких возражений против того, чтобы поужинать в обществе лакея, но, боюсь, господин Брукфилд может не справиться с этой задачей.

Бёрд издал нервный смешок.

— Нет, нет, сэр. Джарвис Сапалатте боксер. Он выступает на ярмарках. Я знаю его еще с той поры, когда сам выходил на сцену с фокусами. Когда-то он был чемпионом и имел честь встречаться на ринге с лордом Куинсберри. Но лакеем он не служил никогда, уверяю вас. У него привлекательная внешность. Он понравится вам, господин Уайльд.

В это время в дверях обеденного зала появился красивый мужчина, высокий и широкоплечий, лет сорока. Голова и лицо вошедшего были чисто вы-

бриты, а смуглая кожа блестела подобно гладкому плоду каштана. На лице выделялся крупный нос — впрочем, не сломанный; темно-синие глаза излучали тепло. Смокинг с зеленой гвоздикой в петлице был безупречен.

— Мне он нравится, очень, — сказал Оскар.

— Я на это надеялся, — пробормотал Бёрд с видимым облегчением. — Можно распорядиться, чтобы подавали, господин Уайльд?

— Сделайте одолжение, Бёрд. Благодарю вас. — Оскар пересек зал, чтобы сердечно пожать руку последнему гостю. — Добро пожаловать в наш клуб, господин Сапалатте. Сократ учил, что существует единственное благо — а именно знание и единственное зло — а именно невежество. Узнав вас, я умножил собственное благо.

— Благодарю вас, господин Уайльд, — произнес Сапалатте едва слышно и склонил голову.

— Вам нет нужды шептать, — добродушно сказал Оскар. — Здесь вы среди друзей.

— Боюсь, что говорить громче я не смогу, — ответил боксер еще тише. — Несколько лет тому назад во время боя в Бирмингеме у меня были повреждены голосовые связки. Мой обезумевший противник нанес мне сильнейший удар в горло.

— Мне очень жаль, — сказал Оскар, стараясь говорить так же тихо, как его собеседник.

— Не все следуют правилам Куинсберри, — с улыбкой заметил боксер.

— Вы правы, — согласился Уайльд. Он повернулся к собравшимся и громко хлопнул в ладоши.

— Тише! — воскликнул Боузи. — Говорит председатель!

— Господа, — начал Оскар, — мы вот-вот начнем, поэтому соблаговолите занять свои места за столом. Они обозначены карточками с вашими именами. Я по обыкновению взял на себя обязанность вас рассадить,

но меню и выбор вин, как и прежде, остались за Бёрдом. Он редко дает нам повод для разочарования.

Когда все расселись, Оскар занял место во главе стола и снова хлопнул в ладоши.

— Прошу внимания, господа! Я должен объяснить впервые пришедшим к нам, что в нашем клубе практически отсутствуют правила. Даже строгий костюм необязателен — дабы убогатворить Уолта, мы решили, что все могут являться к столу одетыми по своему вкусу. Правда сегодня, поскольку нас почтил своим присутствием священнослужитель, — кивок в сторону Джорджа Добни, — мы вознесем благодарственную молитву. Мы также поднимем бокал в честь королевы — ведь ее величество всегда присутствует в наших сердцах. Во всем прочем — никаких формальностей, никаких торжественных речей: вы вольны говорить все, что пожелаете, — Оскар перевел взгляд на Джарвиса Сапалатте, — и шептать все, что пожелаете, пребывая в полной уверенности, что все сказанное или совершенное здесь в этот вечер останется между нами.

Гул «Правильно! Правильно!» был прерван словами Боузи:

— В нашем клубе отсутствуют правила, Оскар, но у нас есть одна традиция.

— Вот как? — спросил Сиккерт.

— Именно, — ответил Боузи. — Я говорю об игре Оскара.

— Ну разумеется, — подтвердил Уайльд. — По завершении ужина мы играем в какую-нибудь игру.

— И что у нас сегодня, Оскар? — спросил Боузи. — Вы уже решили?

— Да, — сказал Оскар. — Я вижу ее как на ладони... Или, говоря словами госпожи Робинсон, на своей «несчастливой ладони». И называется она — «Убийство». Господин Добни, Джордж, пора произнести молитву перед трапезой.

План размещения за столом
членов клуба «Сократ» и их гостей
в отеле «Кадоган» в воскресенье 1 мая 1892 года

Оскар Уайльд

Эдвард Херон-Аллен	Лорд Альфред Дуглас
Артур Конан Дойл	Лорд Драмланриг
Уилли Хорнунг	Брэм Стокер
Роберт Шерард	Бредфорд Пирс
Достопочтенный Джордж Добни	Уолтер Сиккерт
Чарльз Брукфилд	Джарвис Сапалатте
Альфонс Бёрд	

Глава третья

ИГРА

Ужин Бёрда был образцовым. В своем дневнике я особенно отметил вина: к рыбе — превосходное белое «бургундское» с бархатистым вкусом, к мясу — «марго» восьмидесяти восьмью года, его мягкость по достоинству оценил даже Чарльз Брукфилд. Как ни странно, но с бренди, портвейном и ликерами Бёрд, по настоянию Оскара, приказал подать графин «вин мариани» — странного зелья, который готовили из дешевого «бордо», настоянного на листьях коки, что придавало ему цвет свежего навоза.

— Что это? — спросил Брукфилд, когда Бёрд предложил ему стакан.

— О, вы вовсе не обязаны это пить, — сказал Оскар со своего конца стола. Он владел даром слушать несколько разговоров одновременно.

— Но все же что это за жидкость? — повторил Брукфилд. — Вид у нее омерзительный.

— Это любимый напиток его святейшества Папы, — объяснил Оскар.

— Благодарю, но мы не в Риме, — сказал Брукфилд. Жестом отклонив предложение Бёрда, он потянулся за графином с портвейном.

— Но мы и не в Опорто*, — пробормотал Оскар. — Я попросил Бёрда подать на стол «мариани» в честь доктора Дойла. Этот напиток содержит кокаин, и я подумал, что Артур мог бы познакомить с ним своего друга Шерлока Холмса.

Конан Дойл ответил улыбкой.

— Тогда мне стоит это попробовать.

— Ее величество королева тоже равнодушна к «мариани», — сказал Оскар.

— Оставим эту тему, Уайльд, — сказал Брукфилд, медленно поворачивая бокал с портвейном в руке. — Что там с вашей игрой?

— Да, Оскар, — вскричал Боузи. — Начнем же наконец игру!

— У вас нет сомнений на этот счет, Оскар? — спросил Конан Дойл, наклонившись в сторону председателя клуба и одновременно бросив взгляд на своего гостя, Уилли Хорнунга, тонкий ум которого уже не раз упоминался.

Оскар обратился ко всем присутствующим:

— Господа, у Артура есть определенные опасения касательно нашей игры. В прошлый раз она называлась «Любовницы», и наш добрый доктор не выказал желания принять в ней участие.

— Я счел, что она не вполне прилична, — тихо заметил Дойл.

— Если мне не изменяет память, она и была в высшей степени неприличной, — сказал Сиккерт. — В этом, как я понимаю, и состояла ее суть. — Он повернулся к своему соседу по столу, Сапалатте, и объяснил боксеру, о чем шла речь: — Оскар предложил каждо-

* Опорто — испанское название города Порту в Португалии, на родине портвейна.

му выбрать себе любовницу по вкусу. Сам он, если не ошибаюсь, остановился на Жанне д'Арк.

— И какое это имеет отношение к Сократу? — поинтересовался Брукфилд, вновь наполнив свой бокал портвейном.

— Сократ учит нас, что самый верный способ с честью прожить свою жизнь состоит в том, чтобы в действительности быть такими, какими мы притворяемся.

— Мне трудно следовать за вашей мыслью, — сказал Брукфилд.

— Полно, Чарльз, — заметил Оскар. — Иногда вам это прекрасно удается — скажем, в пьесах.

— Так начнем же игру, господа! — воскликнул Боузи.

— Отлично. — Уайльд повернулся к Дойлу, улыбнулся и тихо сказал: — Артур, ведь это всего лишь игра.

— Пусть так, — ответил Конан Дойл, кивнув Оскару, и похлопал по спине Уилли Хорнунга, как бы ободряя своего молодого друга. — Полбокала вашего «мариани», Оскар, — и я выдержу все, что угодно.

— Я в вас не сомневался, — сказал Оскар, поднимаясь. Он встал во главе стола и с довольной улыбкой оглядел нас, все тринадцать человек, сидящих перед ним. — «Убийство» — таково название сегодняшней игры. Именно Сократ впервые высказал мысль, что смерть есть величайшее благо, дарованное человеку, и сегодня, господа, мы должны будем выбрать жертвы, достойные этого благодеяния. Я достаточно ясно выразил смысл игры?

Общий шум засвидетельствовал, что Оскар донес свою мысль до присутствующих.

— У всех ли есть перо или карандаш? — спросил Уайльд.

Брукфилд повернулся к соседу и пробормотал тому на ухо:

— Похоже, мы попали в школьный класс.

Тем временем Оскар продолжал:

— Господин Бёрд пройдет вокруг стола и даст каждому из вас чистый листок бумаги и, буде в том нужда, иные письменные принадлежности. На этом листке, прикрыв его от глаз соседей, вам надлежит написать одно или несколько имен, принадлежащих тем людям, которых вы более всего желали бы убить.

— Эта игра мне по душе, — прогудел Бредфорд Пирс. — Напомните-ка мне имя театрального критика из «Эры».

— Когда вы закончите, — продолжал Оскар, — Бёрд снова обойдет всех, соберет ваши листки и положит их в этот мешок. — Он показал присутствующим фиолетовый бархатный мешочек размером с ладонь. — Затем, следуя моим указаниям, он станет вытягивать наугад по одному листку и читать написанные на нем имена. Наша задача, господа, заключается в том, чтобы угадать, кто из нас выбрал какую жертву.

— И по какой причине, — предложил Чарльз Брукфилд, лизнув кончик своего карандаша.

— Именно, — согласился Оскар, — и по какой причине.

— А вы примете участие в игре, господин председатель? — поинтересовался лорд Драмланриг. — Дозволяется ли и вам выбрать жертву?

— Ну разумеется, — сказал Оскар, опускаясь на стул и вынимая из внутреннего кармана автоматическое перо. Затем старательно и неторопливо, словно министр иностранных дел, подписывающий международное соглашение, он вывел на листке имя своей жертвы. — Ничто так не поднимает настроение, как неожиданная смерть.

Пока мы писали имена своих предлагаемых жертв на полосках бумаги, которые нам вручил Альфонс Бёрд, в помещении царил удивительная тишина. Имя своего избранника я написал мгновенно, ничуть не задумываясь. Покончив с этим, я принялся наблюдать за другими. Большинство сидевших за столом казались весьма сосредоточенными — словно ученики, склонив-

шиеся над экзаменационной работой. Боузи сосал карандаш — мысль о персоне, которой предстояло стать его жертвой, со всей очевидностью была ему приятна. Бредфорд Пирс созерцал написанное с удовлетворением, но и некоторой осторожностью. Уолт Сиккерт, похоже, набрасывал рисунок своей жертвы — как и Боузи, он, видимо, был весьма доволен сделанным выбором. Создавалось впечатление, что все присутствующие — от циничного и высокомерного Брукфилда до мягкого и робкого Уилли Хорнунга — были целиком и полностью поглощены выполнением полученного задания. Лишь Артур Конан Дойл казался непричастным к этому делу. Он сидел, так и не открыв пера, которое держал в левой руке, и устремив невидящий взгляд прямо перед собой, между лордом Драмланригом и Брэмом Стокером, на пустую стену позади них.

— Тихо как на кладбище, — прошептал Сапалатте.

— Да, — Сиккерт криво улыбнулся, — я слышу шум крыльев ангела смерти.

Оскар поднял голову.

— Трудно сыскать место, где чувства были бы столь искренни, а вкус столь дурен, как на кладбище, — заметил он.

Боузи едва сдержал смех.

— Отлично сказано, Оскар. Это ваше?

Уайльд сложил свой листок вдвое и опустил его в бархатный мешочек.

— Эта фраза вполне заслужила чести быть моей, — ответил он, — но, увы, таковой не является. Впервые я услышал ее в Оксфорде много лет назад. В Бейллиоле*, что особенно прискорбно. — Он протянул мешочек Бёрду. — Все ли закончили?

— Все, — громогласно сообщил Бредфорд Пирс.

— Это довольно забавно, — произнес Уилли Хорнунг, протирая пенсне концом салфетки.

* Бейллиол — один из колледжей Оксфордского университета. Основан в 1263 г. и носит имя своего основателя Джона де Бейллиола.

— Я рад, что вы получили удовольствие от нашего вечера, Уилли, — сказал Оскар. — Выпейте еще стаканчик «мариани».

Когда Бёрд завершил обход стола и все опустили свои записки в мешочек, Уайльд взял чайную ложку и постучал ею по своему бокалу с бренди.

— Господа, — объявил он, — наступает важный момент. Наполните бокалы, закурите сигары, и мы продолжим игру. — Он повернулся к Бёрду, который стоял у правого плеча Оскара. — Господин Бёрд, соблаговолите вытянуть первый листок и прочитать имя, которое на нем написано.

Бёрд чуть сдвинул назад манжету — таким жестом фокусники показывают зрителям, что они ничего не спрятали в рукав, — опустил руку в мешочек (было видно, как его пальцы перебирают что-то внутри), эффектным движением извлек на свет полоску бумаги и приблизил ее к глазам.

— Это забавно, — повторил Уилли Хорнунг, наклонившись вперед.

Оскар улыбнулся молодому человеку и затем взглянул на Альфонса Бёрда.

— Господин Бёрд, — сказал он, — окажите любезность и огласите имя первой жертвы.

Бёрд внимательно изучил листок, который держал в руках, и устремил взор вдаль. Ночной распорядитель отеля «Кадоган» не обладал впечатляющей внешностью — сутулые плечи и бесцветные глаза свидетельствовали о том, что судьба была к нему неблагоприятна, — однако Бёрд имел за плечами опыт выступлений на сцене, и в этот короткий промежуток времени, держа в одной руке листок бумаги, а в другой — мешочек иллюзиониста, он настолько овладел нашим вниманием, что ему мог бы позавидовать сам Робер-Уден*.

* Жан Эжен Робер-Уден (1805–1871) — знаменитый французский иллюзионист, прозванный отцом современной магии.

Оскар резко прервал паузу.

— Бёрд, — сказал он, — мы уже насладились тишиной. Читайте вслух имя.

Вздрогнув словно от удара, Бёрд повиновался.

— Первая жертва: «Мисс Элизабет Скотт-Риверс», — провозгласил он.

Тишина в зале, которая за мгновение до этого была наполнена ожиданием — почти радостным, — вдруг стала тягостной. Каждый из нас знал это имя. Мисс Скотт-Риверс была той самой несчастной невестой, покинутой за неделю до свадьбы преподобным Джорджем Добни, которого в этот вечер я пригласил в клуб «Сократ». Обманутая девушка, наследница и единственное дитя престарелых и к тому времени скончавшихся родителей, она снискала сочувствие публики и шумные восхваления в газетах, когда в канцлерском отделении Высокого суда правосудия вчинила иск бывшему жениху за нарушение обещания вступить в брак, выиграла дело и привела несчастного Добни в крайне униженное состояние, к тому же почти разорив его.

— Так, так... — сказал Оскар и вздохнул. Конан Дойл прикрыл глаза рукой и покачал головой. Джордж Добни сидел справа от меня. Я сжал его локоть.

— Следующий! — скомандовал Оскар.

Добни с неожиданной резкостью освободил свой локоть и вскочил на ноги, опрокинув бокал с этим немислимым зельем — «мариани».

— Мне очень жаль, господа, — выпалил он. — Сам не понимаю, что на меня нашло. Да, я презираю эту женщину, больше того — я ее ненавижу. Но при этом я вовсе не желаю ей зла. Мне конечно же не следовало упоминать ее имя в подобной игре. Это было отвратительно. Да простит меня Господь. И вы простите меня, господа, я слишком много выпил.

Оскар поднял правую руку и задержал ее в благословляющем жесте священника.

— Сядьте, Джордж, сядьте и успокойтесь. Вы не могли выпить более одного бокала.

Я снова взял Добни за локоть и потянул его вниз, чтобы усадить на место.

— Какой же я глупец, — бормотал он. — Я полный идиот.

Оскар заговорил с живостью:

— Продолжим, господа. И помните, что цель нашей игры состоит в разгадке, кто кого избрал жертвой, а не в том, чтобы мнимый злоумышленник тут же признался в преступлении. — Добни сел в гнетущей тишине, устремив безутешный взгляд на свой пустой бокал. — Бёрд, — сказал Оскар, — прошу вас объявить имя следующей жертвы.

Бёрд извлек второй листок из мешочка и прочитал — на этот раз без особой торжественности:

— Лорд Эйберггордон.

— Кто? — спросил Херон-Аллен.

Бёрд повторил:

— Лорд Эйберггордон.

— Весьма любопытный выбор, — сказал Оскар, сделав глоток бренди.

— А кто это? — спросил Сиккерт.

— Не знаю и знать не желаю, — пророкотал Бредфорд Пирс.

— Насколько я помню, это какой-то престарелый член правительства. Чем он там занимается, покрыто мраком, — сказал Брэм Стокер.

— В таком случае, потеря невелика, — предположил Херон-Аллен с кривой усмешкой.

— Весьма забавное замечание, Эдвард, — пробормотал Оскар. — Вы начинаете схватывать идею игры. Продолжайте, Бёрд, сделайте одолжение. Не сбавляйте темпа.

Бёрд вытащил третью полоску бумаги и прочитал с улыбкой:

— Капитан Флинт.

— Это уже похоже на дело, — сказал Уайльд.

— Кто такой капитан Флинт? — спросил Уилли Хорнунг.

— Попугай из этого отеля, — сказал Боузи. — Побитое молью создание, которое сидит в клетке у стойки портье. Наглая, болтливая птица — она заслужила любую кару. Я хотел было убить отца, но Оскар сказал, что это невозможно — по крайней мере, в воскресенье. Вот я и заменил отца на попугая.

Оскар повернулся к своему красавцу другу со словами упрёка:

— Боузи, своими словами вы испортили свой же великолепный выбор. Ведь цель игры не в том, чтобы вы сами раскрыли намеченную вами жертву, — ее должны разгадать все остальные. — Он снова обратился к Бёрду: — Ну же, не останавливайтесь!

Бёрд извлек четвертый листок из бархатного мешочка и громко провозгласил:

— Шерлок Холмс.

— Это еще ближе к делу! — воскликнул Оскар.

— Согласен с вами, — сказал Конан Дойл.

— Вперед, Бёрд, не тяните. Кто следующий?

Ночной распорядитель уже держал в руке пятый листок. Он взглянул на имя и запнулся.

— Ну? — Оскар был в нетерпении.

— Господин Бредфорд Пирс, — сказал Бёрд.

— О! — Бредфорд Пирс принужденно засмеялся. — Кто-то из присутствующих хочет от меня избавиться...

Среди сидевших за столом прошел шумок, долженствовавший выражать несогласие. Конан Дойл громко произнес:

— Игра перестает быть занимательной, Оскар.

— Незанимательных игр не бывает, — мягко возразил Уайльд. — Увы, Пирсу не удалась роль Фабиана* —

* Возможно, имеется в виду персонаж комедии У. Шекспира «Двенадцатая ночь».

роль чертовски трудная. Кое-кто из критиков писал, что бедняга Пирс заслужил смертную казнь... — Оскар ласково улыбнулся несчастному актеру. — Это ведь всего-навсего игра, Бредфорд.

Пирс кивнул, пожал плечами и потянулся к графи-ну с бренди. Оскар же повернулся к ночному распоря-дителю отеля:

— Продолжим, господин Бёрд. Мы вот-вот пройдем полпути. Кто у нас следующая жертва?

Бёрд развернул листок, который уже держал в руке.

— Господин Джарвис Сапалатте, — провозгласил он.

— О Господи! — сказал Уилли Хорнунг.

— Оскар, это следует прекратить, — резко заявил Конан Дойл. — Хорошенького понемножку. Господа Пирс и Сапалатте — наши гости. Они пришли сюда, чтобы приятно провести время, а не слышать угрозы в свой адрес, пусть и сказанные в шутку.

С дальнего конца стола донесся шепот Сапалатте:

— Я не принимаю эти угрозы на свой счет.

— Неужели? — пробормотал Чарльз Брукфилд. Он сидел прямо напротив боксера и смотрел тому в гла-за. — А как их еще можно принимать?

— Говорит же наш председатель, — с этими словами Сапалатте обратил свой взгляд на Оскара, — что это всего лишь игра.

— Благодарю вас, господин Сапалатте, — сказал Оскар, сделав жест рукой с бокалом бренди в сторону боксера. — Мы, люди с зеленой гвоздикой, всегда по-нимаем друг друга.

Конан Дойл с досадой вздохнул и покачал головой. Оскар обернулся к нему:

— Не будьте столь серьезны, Артур. Человечеству свойственно излишне серьезно относиться к само-му себе. Право, серьезность — древнейший грех этого мира. Умей пещерные люди смеяться, наша история оказалась бы иной — и куда более веселой. Однако, Бёрд, продолжим. Кто следующий?

Ночной распорядитель снова опустил руку в мешочек и извлек бумажную полоску.

— Читайте! — приказал Оскар.

— Господин Джарвис Сапалатте, — сказал Бёрд.

— Как? Опять? — спросил Херон-Аллен, словно выходя из глубокой задумчивости.

— Да, сэр, — подтвердил Бёрд. — Опять.

— Не медлите, Бёрд, — сказал Оскар. — Тащите следующий листок.

— Какой по счету? — спросил Боузи.

— Восьмой, лорд Альфред, — сказал Бёрд, сжимая в пальцах очередную полоску.

— И чье там имя на сей раз? — спросил Оскар.

— Боюсь, то же имя, — ответил Бёрд. — Господин Джарвис Сапалатте.

— Остановите игру, Оскар! — воскликнул Конан Дойл. — Остановите немедленно!

— Нет, нет, — проскрежетал Сапалатте. — Я ничуть не встревожен, уверяю вас. Это не имеет значения, поверьте.

— Вы совершенно правы, господин Сапалатте, — сказал Оскар. — Все происходящее в мире не имеет ни малейшего значения. — Уайльд произнес этот афоризм (один из своих любимых) по обыкновению беспечным тоном, но я внимательно наблюдал за ним и заметил тревогу в его глазах. — Продолжайте, Бёрд, продолжайте. — В голосе Оскара звучала твердость. — Мы близки к завершению. Трое из нас, похоже, склоняются к убийству господина Сапалатте. Посмотрим, объявится ли четвертый. Итак, мы ждем следующее имя.

Бёрд поднес к глазам листок и помедлил.

— Ну же? — не выдержал Боузи.

— Господин Джарвис Сапалатте.

— «Не спрашивай, по ком звонит колокол...»*, — прошептал Оскар, нахмурившись и снова сделав жест

* Оскар Уайльд неточно цитирует слова английского поэта и священника Джона Донна (1572–1631) из его «Молитв по внезапным поводам» («Devotions unto Emergent Occasions»).

рукой с бокалом в сторону боксера. — Тащите следующий листок, Бёрд, — добавил он. — Мы уже так пропитались кровью, что у нас нет пути назад. Я уверен, господин Сапалатте не станет возражать.

Сапалатте наклонил голову и улыбнулся.

— Это очень благородно с вашей стороны, — заметил Конан Дойл.

— Так кто следующий? — спросил Оскар.

Бёрд вытащил очередной листок.

Сапалатте, сидящий на противоположном конце стола, обратил на него взгляд и спокойно произнес:

— Ну и кто же?

— Следующая жертва — Старик Время, — объявил Бёрд.

— Это еще куда ни шло, — сказал Брэм Стокер, хлопнув ладонью по столу в знак одобрения.

— Но не так возбуждает, — заметил Боузи. — Похоже, мне все же стоило написать имя отца. — Он повернулся к брату, сидящему слева от него. Лорд Драмланриг как раз раскуривал сигару. — Френсис, почему ты не назвал нашего папашу в качестве жертвы? Ведь ты терпеть его не можешь, как и я, а твоя доля в наследстве превосходит мою.

— Лорд Драмланриг вполне мог остановить свой выбор на маркизе Куинсберри, дорогой Боузи, — сказал Оскар, легко коснувшись правой руки своего юного друга. — Ведь Бёрду еще предстоит огласить три имени. — И он вновь повернулся к секретарю клуба: — Итак, кто следующий?

Бёрд стоял наготове с листком в руке.

— Следующая жертва — Эрос, — объявил он.

— Эрос? — спросил Уилли Хорнунг, возвращая на стол стакан «мариани», и с пленительной невинностью окинул собравшихся ясным взором. — Разве Эрос считается? Ведь это просто мифологический персонаж, греческий бог, не так ли?

— Если можно убить Время, — заметил Оскар, — то, полагаю, и уничтожить миф не составит труда. Должен признаться, Уилли, что мне известны люди, которым удалось и то и другое. Так что Эрос — вполне позволительная жертва, она не выходит за рамки наших правил. Продолжайте, Бёрд.

— Да, — сказал Брукфилд, явно отяжелевший от алкоголя, — давайте кончать с этим делом. Кто следующий идет под нож?

Альфонс Бёрд нащупал в мешочке листок, вытащил его и поднес к глазам. Лицо секретаря выразило неподдельное удивление. Он перевернул бумажную полоску и присмотрелся к ней повнимательней.

— Здесь ничего нет, господин Уайльд, — сказал он, передавая листок Оскару.

Уайльд зажал бумагу между большим и указательным пальцем.

— Так и есть, Бёрд. Из ничего не выйдет ничего*. Что у нас дальше?

— Полагаю, это предпоследний листок, — сказал Бёрд.

— Так не тяните! — со злостью выкрикнул Брукфилд.

Секретарь клуба откашлялся и прочитал:

— Господин Оскар Уайльд.

За столом рассмеялись. Стокер бил рукой по сигарной коробке, выказывая одобрение. Даже Конан Дойл не сдержал улыбки. Оскар легким поклоном, не поднимаясь с места, выразил свою признательность за эти насмешливые знаки внимания.

— Полагаю, это было неизбежным, — сказал он, — хотя мне жаль, что мое имя появилось тринадцатым. Что ж, господин Бёрд, назовем последнюю жертву и покончим с этим.

Бёрд, который теперь стоял сбоку стола, позади Уилли Хорнунга и Дойла, в последний раз опустил

* Слова короля Лира, обращенные к его дочери Корделии, из трагедии У. Шекспира «Король Лир», перевод Б. Пастернака.

руку в бархатный мешочек. Вытащив листок, он посмотрел на него и почему-то поднес ко рту сложенные в кулак пальцы свободной руки.

— Ну же! — крикнул Брукфилд из своего угла. — Что там написано?

— Здесь написано: «Господин Оскар Уайльд», — негромко сказал Бёрд. Он покачал головой, положил листок и мешочек на стол и посмотрел на Оскара. — Мне очень жаль, господин Уайльд.

— Боже мой! — воскликнул Оскар с усмешкой. — Да я ненавижу почти в той же степени, что Сапалатте. Даже не знаю, какое чувство тут уместно: радость или страх.

— Добро пожаловать в наш клуб, господин Уайльд, — сказал Сапалатте с хрипловатым смехом.

— Это всего лишь игра, — проворчал Бредфорд Пирс.

— Ну разумеется, — сказал Оскар самым любезным тоном.

Артур Конан Дойл наклонился над столом, потянулся мимо сидящего слева Эдварда Херон-Аллена и взял последний листок, извлеченный Бёрдом из мешка. Внимательно поглядев на него, он сказал:

— Это уже не игра.

— Да ведь это всего лишь шутка, Артур, — сказал Боузи, выпустив клуб сигарного дыма. — Оскар не станет обижаться на шутку.

— Шутки кончились, уверяю вас, — ответил Конан Дойл, поднимаясь с места. Он обошел угол стола, протянул руку с листком над плечом Оскара и держал ее так, чтобы тот мог видеть написанное. — Имя последней жертвы... Посмотрите на него внимательно, Оскар. Что вы видите?

Оскар устремил взгляд на бумагу, которую держал Дойл, и прочитал:

— Госпожа Оскар Уайльд.

Глава четвертая

«ВЕК ЖИВИ — ВЕК УЧИТЬСЯ»

Юный Уилли Хорнунг нарушил тишину, воцарившуюся в обеденном зале отеля «Кадоган».

— Кто мог пожелать смерти госпоже Уайльд? — спросил он.

— Ни один человек, находящийся в здравом уме, — сказал Брэм Стокер. — Пусть и в шутку. — Ирландец раздавил сигару о поднос и отодвинул свой стул. Затем поднялся на ноги и оглядел комнату, запустив пальцы в бороду. — Игра решительно потеряла привлекательность.

— Согласен, — сказал Конан Дойл и оглядел присутствующих строгим взглядом. — Не знаю как вы, господа, а я отправляюсь домой, спать.

Все задвигались.

— Нет, нет, господа! — возразил Оскар. — Нам надо разобраться в этом до конца.

— Только не сегодня, Оскар, — твердо сказал Стокер.

— Но я настаиваю, — продолжал Уайльд. — В конце концов, я — председатель клуба.

— А я тут старше всех, и мне предостаточно волнений на один вечер. Завтра с утра Ирвинг начинает работу над «Королем Лиром». Первая репетиция. Лир не может полагаться на своих дочерей, но режиссер хотел бы думать, что может положиться на меня. Уже поздно, Оскар, и что бы вы ни сказали, я предлагаю разойтись.

— Это общее мнение, — отозвался Уолт Сиккерт с дальнего конца стола. Он также уже был на ногах. — «Ах! Полночь языком своим железным двенадцать отсчитала»*, — сказал он негромко. Наклонившись, Сиккерт лизнул ладонь, сложил ее лодочкой и одну за другой загасил оплывшие свечи, которые окружали стоявшую в

* Цитата из «Сна в летнюю ночь» У. Шекспира, перевод Т. Щепкиной-Куперник.

центре стола вазу — некогда столь любимую Лили Лэнгтри. Комната, освещенная лишь парой газовых рожков над камином, погрузилась в жутковатый мрак. — «Настал волшебный час»*, — продолжил Сиккерт и повернулся к Бредфорду Пирсу. — Пойдемте, старина, предлагаю вам оставаться моим гостем и переночевать в моем доме. Я прослежу, чтобы вас не убили во сне.

Пирс рассмеялся. Я заметил, что он вспотел. Большим белым платком он то и дело вытирал лоб, шею, брови.

— Я готов, — ответил Бредфорд.

Сиккерт наклонился вперед, чтобы пожать руку Стокеру.

— Прощайте, Брэм, — сказал он дружески. — И передайте от меня привет Ирвингу.

— Непременно передам.

— И если он когда-либо захочет иметь свой портрет...

— Мы знаем, как вас найти, Уолт, — так же тепло ответил Стокер. В сумраке комнаты он пытался рассмотреть Дойла, который помогал Оскару подняться из-за стола. — До свидания, Артур. Потерпите неделю-другую, пока мы выберемся из тупика с нашим «Лиром» — Ирвингу надо избавиться от толстухи Корделии и негодного Шута, — и я залучу вас к нам на часок, чтобы вы смогли рассказать ему о своей пьесе. Думаю, его можно уломать...

— Неужели Артур стал сочинять пьесы? — проворчал Оскар с притворным недовольством. — Уж не следует ли мне заняться врачебной практикой?

— До свидания, господин председатель, — сказал Стокер. — Вечер был бурным, но зато запоминающимся. Благодарю вас. И вы, Бёрд, примите мою благодарность за этот пир. Еда была королевской, как всегда. Прощайте, господа. Идемте, Брукфилд, мы можем взять один кеб на двоих.

* Продолжение цитаты из «Сна в летнюю ночь».

Чарльз Брукфилд уже стоял в дверях, его удлиненное красивое лицо порозовело от вина. Опыянение давало о себе знать, и он старался держаться неестественно прямо.

— Прощайте, господа, — проговорил он с видимым усилием. — Я назвал свою пьесу «Поэт и марионетки». Премьера состоится девятнадцатого мая. Окажите мне честь своим присутствием.

Стокер взял Брукфилда за локоть и вывел из зала. Оскар покачал головой и пробормотал:

— Честолюбие — последнее прибежище неудачника.

— Доброй ночи, Оскар, — обратился к Уайльдлу лорд Драмланриг. — Благодарю вас за гостеприимство.

— Bonne nuit, mon cher*, — сказал Боузи Оскару, увлекая брата к двери.

— Доброй ночи, господа, — сказал Оскар. — Я увижу вас завтра, Боузи?

— Если позволят убийцы, — ответил Боузи и весело рассмеялся, на прощанье вернув в комнату легкую атмосферу.

Оскар проводил братьев взглядом.

— Ну разве не прелесть этот Боузи? — сказал он, обращаясь сразу ко всем.

Оставшиеся члены клуба и гости прощались друг с другом и направлялись к выходу. Сапалатте помогал Бёрду убрать графины и пустые бутылки со стола и расставить их на большом подносе. Уилли Хорнунг убеждал Дойла, что вечер прошел «лучше некуда» и он в полном восторге. Эдвард Херон-Аллен, насколько я понял, уже исчез, причем никто этого не заметил. Я повернулся к преподобному Джорджу Добни, желая проститься с ним, и заметил, что приглашенный мною гость неподвижно и одиноко сидит на своем месте, опустив плечи и устремив невидящий взгляд прямо перед собой.

* Доброй ночи, дорогой (*фр.*).

— Пойдемте, Джордж, — обратился я к нему, — я провожу вас до кеба.

Добни медленно повернул ко мне усталое, рябое лицо и с усилием отодвинул свой стул. Поднимаясь на ноги, он покачнулся вперед, оступился и упал на колени, уцепившись за мои ноги в поисках опоры.

— Простите, Роберт, — пробормотал он и ухватился за край стола. Я помог ему принять вертикальное положение. — Я слишком много выпил, — добавил он.

— Да, но лишь из источника уныния, — сказал Оскар, который по-прежнему стоял во главе стола, поглаживая пустой бокал.

— Не хотите ли переночевать в отеле? — предложил Бёрд. — Мы найдем вам комнату.

Добни поднял глаза на ночного распорядителя и печально улыбнулся.

— Благодарю вас, — сказал он. — Вы очень добры, но меня ждет важное дело. Я должен идти.

— Вы уверены, Джордж? — спросил я.

— Я пройду до дома, это довольно близко. Свежий воздух пойдет мне на пользу.

Он пожал мне руку, поклонился Оскару и всем остальным и вышел.

— Несчастный человек, — заметил Оскар. — Есть что-то бесконечно трогательное в трагедиях, постигших не тебя, а других. — Он вручил Альфонсу Бёрду свой пустой бокал. — Благодарю вас, господин секретарь, — сказал Оскар с легкой улыбкой. Потом перевел взгляд на Джарвиса Сапалатте, приятеля Бёрда, и кивнул бритоголовому боксеру. — Был рад познакомиться с вами, сэр. Четверо из присутствующих сегодня в этом зале выбрали вас в качестве жертвы. Хотелось бы знать почему?

— Боксер и сын лакея, — ответил Сапалатте своим необычным хриплым голосом, — не имел права находиться среди вас. Я здесь не свой.

— Вы действительно слишком тщательно одеты, чтобы сойти за английского джентльмена, — сказал Оскар и улыбнулся.

— В самом деле? — прошелестел Сапалатте.

— Именно так, — ответил Оскар. — Ваши туфли слишком блестят. Но возможно, дело окончательно решила зеленая гвоздика в вашей бутоньерке. Вы обладаете физической силой, красивой внешностью, изысканным вкусом, у вас за плечами жизнь, вызывающая интерес, — этого вполне достаточно, чтобы люди вас невзлюбили с первого взгляда.

Сапалатте рассмеялся.

— Прощайте, сэр, — сказал Оскар, — надеюсь, мы еще встретимся. Возможно, в один прекрасный день я буду иметь удовольствие видеть вас на ринге. — Он пожал руку боксера и задержал ее в своей. — Где вы обычно выступаете?

— Все это лето в цирке Эстли, — ответил Сапалатте, глядя Оскару прямо в глаза. — В понедельник — не завтра, а через неделю — будет бой, который вам может понравиться, господин Уайльд. Я пришлю вам билеты.

— Благодарю, — сказал Оскар. — Благодарю от всей души, приду с удовольствием. — И добавил, обращаясь к секретарю клуба: — Нам очень понравился ваш друг, Бёрд. Вы сделали правильный выбор. Доброй ночи. — Уайльд повернулся к нам: — Артур, Уилли, Роберт, пора идти. Рискнем пробраться мимо этого грозного попугая и раздобудем кеб.

Впрочем, когда мы пересекали темный вестибюль отеля «Кадоган», грозный попугай молчал. На его клетку была наброшена расшитая шаль устрашающих размеров. Удача не покинула нас и на улице — на углу Слоун-стрит и Найтсбриджа нас ожидали два свободных кеба.

— Приятнейший человек господин Сиккерт, — с энтузиазмом заговорил Уилли Хорнунг. — Он сообщил мне сегодня, что «Найтсбридж» — единственное

слово в английском языке, в котором встречаются шесть согласных подряд*.

Конан Дойл усмехнулся:

— Кто бы мог... Воистину, век живи — век учись.

— А затем умри и забудь все, что выучил, — негромко продолжил Уайльд.

Мы посадили юного Хорнунга в первый кеб и помахали вслед экипажу, увозившему его в Бейсуотер, где располагалось жилище Уилли. Хорнунг высунулся из кеба и радостно прокричал:

— Я никогда не забуду этот вечер! Спасибо большое!

— Очаровательный юноша, — заметил Оскар, когда экипаж Хорнунга скрылся в темноте. — Секрет сохранения молодости заключается в том, чтобы не допускать неподобающих эмоций. Мне представляется, что наш Уилли никогда не утратит юности.

— Он славный малый, — сказал Конан Дойл.

— И у него славный друг, — добавил Оскар, положив ладонь на плечо Артура. — Вы ведь останетесь на ночь у меня на Тайт-стрит? Слишком поздно, чтобы добираться до Норвуда.

Мы втроем усадились во второй кеб. Оскар устроился поудобнее и легонько ударил перчаткой по колену Дойла.

— Мне прискорбно в этом признаваться, доктор, но вы оказались правы — наша игра была ошибкой. За столом присутствовали незнакомые люди...

— И вина было выпито слишком много, — добавил Конан Дойл.

— Согласен с вами и в этом. — Оскар грустно улыбнулся. — Но у пьяного на языке то, что у трезвого на уме. На последнем листке действительно было написано «госпожа Оскар Уайльд»?

— Боюсь, что так, — сказал Дойл. — Конечно, предполагалось, что это шутка, но шутка, надо признаться, скверная.

* По-английски Найтсбридж пишется так: Knightsbridge.

— А не могло это быть просто опiskeй? — пришло мне в голову.

— Не исключено, — ответил Дойл.

— Нам не следует говорить об этом Констанции, — сказал Оскар.

— Я думаю, нам всем стоит забыть об этом навсегда, — решительно заявил Конан Дойл. — В конце концов, это всего лишь игра.

Когда мы добрались до Тайт-стрит, дом Уайльдов был погружен во тьму. Как, впрочем, и вся улица. Был час ночи. Констанция и дети спали, и прислуга — верный дворецкий Оскара Артур, домоправительница госпожа Райан и преданная гувернантка мальчиков Гертруда Симмондс — удалилась до утра. Артур уменьшил свет газовой люстры и оставил в холле свечи, чтобы мы могли устроиться на ночь.

— Вы ляжете на оттоманке в моем кабинете, — сказал мне Оскар, — как приличествует женатому человеку, пребывающему в агонии бракоразводного процесса. Вы, Артур, устраивайтесь в гостевой комнате на том, что пока еще можно называть кроватью. В своем завещании я непременно откажу ее Констанции. Доброй ночи, господа. Приятных сновидений. Пусть события сегодняшнего вечера не занимают ваши мысли. Все позади. Как сказал Артур — в конце концов, это всего лишь игра.

Я спал крепко. Как ни странно, мне помогли уснуть игривые мысли о Констанции Уайльд. Мой брак с Мартой был мертв и безотраден — настолько мертв и безотраден, что я даже потерял всякий интерес к разводу; мои романы с Кейтлин и Аньелой, некогда столь бурные, подошли к концу. Мне исполнился тридцать один год, и я жаждал любви. Думать о Констанции как об объекте любовных желаний казалось в высшей степени нелепым — она была на четыре года старше меня и не смотрела ни на одного мужчину, кроме

Оскара, — но все же мечты (и только, разумеется), в которых она заключала меня в свои объятия, были неизъяснимо сладостны.

Я проспал до десяти утра. Оскар и Артур успели одеться, побриться и позавтракать и расположились в белой гостиной Уайльдов, просматривая утренние газеты. Войдя в залитую солнцем комнату, я услышал вздох Оскара, который донесся до моих ушей из-за «Морнинг пост».

— Сделайте милость, объясните мне, — произнес он словно в изнеможении, — почему я с таким упорством заставляю себя читать этот вздор? Наши газеты с отвратительной алчностью набрасываются на пороки посредственностей и с добросовестностью невежд в унылых подробностях запечатлевают деяния людей, совершенно для нас неинтересных. Я должен покончить с этой привычкой.

— Доброе утро, Роберт, — сердечно приветствовал меня Конан Дойл, свернув «Таймс».

Оскар отшвырнул свою газету.

— Мне нужно чем-то увлечься, — заявил он. — Скажем, последовать примеру Артура и заняться скульптурой. Доброе утро, Роберт. Хорошо выспались?

— Доброе утро, Оскар. Превосходно, благодарю вас.

— Надеюсь, вас посетили приятные сны. Грезить — ваше хобби, я знаю.

Я рассмеялся и посмотрел вокруг в надежде увидеть где-нибудь поблизости кофейник.

— А Констанция дома? — спросил я.

— Они с Гертрудой повели детей в Кенсингтон-гарденз*. Собираются кормить уток. Да, у каждого, похоже, есть увлечение, причем полезное, — только не у меня.

— Если вы не против, я отправляюсь на поиски кофе, — сказал я.

* Кенсингтон-гарденз — большой парк в Лондоне по соседству с Гайд-парком.

— Разумеется, — откликнулся Оскар. — Госпожа Райан сварит вам яйцо. А Констанция скоро вернется. Но имейте в виду, Роберт: вы не должны говорить ей ни слова о том, что произошло вчера. Это была всего лишь игра, но моя дражайшая супруга — натура чувствительная, и я ни в коем случае не хочу ее огорчить.

— Я знаю, — сказал я, — и, разумеется, не пророню ни звука. Хотя до сих пор ломаю голову над тем, кому из нашей разношерстной компании могла прийти в голову мысль написать имя Констанции в этих, пусть и щупливых, обстоятельствах.

— Перестаньте ломать голову, — твердо заявил Дойл. — Забудьте об этом.

— Так и сделаю, — сказал я. — Уже забыл.

— Отлично. — Оскар повернулся к окну. — Какой ясный день, не правда ли?

Мы вслед за Уайльдом взглянули на залитый солнцем подоконник, и в этот момент, совершенно внезапно, прозвучали три громких резких щелчка, весьма похожих на пистолетные выстрелы.

— Боже! — воскликнул Конан Дойл, вскочив на ноги. — Что это было?

Тройной щелчок повторился — на этот раз он прозвучал еще громче.

— Звук идет от входной двери, — сказал Оскар, встав с кресла и осторожно направляясь к окну. Яростные удары продолжались. — Какой-то безумец орудует дверным молотком.

— Но кто это? — спросил Конан Дойл, тоже подойдя к окну и глядя вниз.

— Понятия не имею, — ответил Оскар. Стук между тем прекратился. — Либо он ушел, либо Артур открыл дверь.

Снизу из холла донеслись невнятные звуки — двое о чем-то спорили. Затем послышался шум короткой схватки, громкий топот на лестнице — и дверях гостиной появился достопочтенный преподобный Джордж

Добни. Всклоченный, в грязном смокинге, он протягивал к нам окровавленные руки:

— Мисс Элизабет Скотт-Риверс... — Его голос срывался на крик. — Женщина, которой я вчера желал смерти... Она мертва! Она сгорела заживо!

Глава пятая

СМЕРТЬ НА ЧЕЙНИ-УОК

— Прежде всего успокойтесь, — сказал Конан Дойл.

— Это вы сделали? — спросил Оскар.

Джордж Добни ввалился в гостиную Уайльдов и рухнул в шезлонг. Закрыв лицо окровавленными руками, он разразился неудержимыми рыданиями.

— Успокойтесь, — потребовал Конан Дойл. Этот шотландский врач был старше меня на каких-то полтора года, но всегда казался мне чуть ли не старше моего отца. Он вышел на лестничную площадку, где переминался с ноги на ногу встревоженный и растерянный дворецкий Оскара.

— Таз горячей воды, пару полотенец и мыло, пожалуйста, — распорядился Дойл. — И попросите госпожу Райан приготовить чашку сладкого чая.

— Может быть, принести также бренди, сэр? — спросил дворецкий, уже спускаясь по лестнице, чтобы исполнить четкие приказания Дойла.

— Нет, спасибо, Артур. Полагаю, алкоголь уже принес достаточно вреда для одной ночи. Вот если вы, поднимаясь обратно, прихватите мой саквояж, буду признателен. Я оставил его в холле, у стойки для шляп.

В залитой солнцем гостиной Оскар сидел напротив несчастного Добни. Рыдания преподобного сменились тихим жалостным хныканьем.

— Так это вы сделали? — повторил свой вопрос Оскар. — Вы убили мисс Скотт-Риверс?

Добни убрал руки от лица. В его воспаленных, налитых кровью глазах стояли слезы. Радужная оболочка обрела грязно-желтую окраску — такой цвет имеет старая подгнившая солома. Он смотрел на Уайльда и молчал.

— У него шок, — определил Дойл, вернувшийся в гостиную.

— И не только он, — тихо сказал Оскар.

Конан Дойл опустился на корточки рядом с Джорджем Добни.

— Вам надо умыться, а потом вы нам расскажете, что произошло.

Добни покачал головой.

— Я не знаю, — пробормотал он.

— Что вы не знаете? — спросил Дойл.

— Не знаю, что произошло, — сказал Добни, едва шевеля языком. Он был словно в трансе. Переведя взгляд с Артура на Оскара, он умоляюще прошептал: — Помогите мне.

— Свежий запах дыма, — сказал Конан Дойл, прихвываясь к перепачканной одежде Джорджа. — Он явно был вблизи огня.

— Она погибла. — Голос Добни был едва слышен.

— Это вы сделали? — спросил Оскар в третий раз.

— Лица уже не было, оно полностью сгорело, а волосы все еще полыхали.

Оскар встал и подошел к окну.

— Его нужно увезти отсюда до прихода Констанции. — Он повернулся ко мне. — Где он живет?

— Право, не знаю точно, — ответил я.

— Но он ваш друг, Роберт, — возмутился Оскар. — Вы привели его к нам.

— Кажется, он снимает комнату где-то в Уондсуорте, — пробормотал я. — Мы едва знакомы, Оскар.

— Извините, Роберт, — сказал Оскар. Он редко терял самообладание. Обычно сдержанность не покидала его даже в критические моменты. — Я был непрости-

тельно груб и жесток. Вы говорили, что семья Добни отреклась от него. Я совсем не хочу, чтобы вы последовали примеру его родственников.

— Но я действительно очень мало знаю его, — повторил я.

— Помогите мне, — взывал несчастный со своего шезлонга.

В это время в комнату вошли Артур и госпожа Райан. Через плечо дворецкого было перекинута полотенце, в одной руке он умудрился держать ведро с горячей водой и кусок карболового мыла, а в другой — саквояж Дойла. Домоправительница держала большой поднос, на котором едва уместились чашки, блюда, кувшинчики, чайник, кофейник, вазочка с печеньем и графин с коньяком.

— Здесь сладкий чай, кофе и немного коньяку — для медицинских целей, — сообщила госпожа Райан.

— В этом нет надобности, — сказал Конан Дойл.

— Коньяк для господина Уайльда, — сухо ответила домоправительница, водружая поднос на рояль. — Могу я оставить вас, господа?

— Разумеется. — Оскар улыбнулся почтенной даме. — Благодарю вас, госпожа Райан. — Покидая гостиную, домоправительница улыбнулась в ответ и слегка присела. — Нет нужды сообщать об этой неприятности госпоже Уайльд, когда она вернется, — добавил Оскар. — Не стоит волновать ее и детей.

Когда вслед за госпожой Райан дворецкий выходил из комнаты, я заметил, что Оскар слегка наклонил голову в его сторону и свел ладони перед грудью, как бы посылая восточное приветствие своему слуге. Затем я помог хозяину дома разлить по чашкам чай и кофе. В свой и мой кофе он добавил по изрядной порции коньяка. С чашкой сладкого чая в руке я подошел к Джорджу Добни. Конан Дойл помог ему вымыть руки и лицо и теперь смазывал йодом царапины и порезы на ладонях и запястьях. Добни жалобно стонал. Я под-

нес чашку к его губам, и он стал медленно пить. Впервые рассматривая лицо Джорджа так близко, я понял, что Конан Дойл был прав в своей первоначальной оценке: у Добни был безвольный рот.

— Расскажите нам, Добни, что все-таки произошло, — сказал Конан Дойл. — Не торопитесь, постарайтесь рассказать все в деталях. Возможно, нам придется обратиться в полицию.

— Полиция уже там, — сказал Добни, взяв у меня чашку и осушив ее одним долгим медленным глотком.

— Где — там? — спросил Оскар.

— В доме двадцать семь по Чейни-уок, ее доме.

— Так вы пришли оттуда? — спросил Дойл.

— Да.

Добни замолчал.

— Ну же? — сказал Оскар.

— Что там стряслось? — рявкнул Конан Дойл. — Бога ради, Джордж, не молчите!

Вспышка Дойла дала желаемый результат. Добни вернул мне пустую чашку и оглядел комнату, словно впервые сознавая, где находится.

— Вчера вечером, расставшись с вами, — начал он, — я спустился к набережной и пошел вдоль реки к Уондсуортскому мосту. Ночь была славной, хотя и безлунной. Подойдя к ее дому, я увидел свет в ее окне.

— В чьем окне? — спросил Конан Дойл. — В окне мисс Скотт-Риверс?

— Ну да, — ответил Добни. — В окне ее гостиной.

— Вы шли туда с намерением встретиться с ней? — спросил Оскар.

— Нет, вовсе нет, — возразил Добни. Голос его внезапно обрел силу.

— И все же, — спокойно заметил Оскар, — покидая отель «Кадоган», вы сказали, что вас ждет важное дело.

— Я был пьян, когда говорил это. — Джордж опустил глаза.

— Отнюдь, — сказал Оскар. — Вы вовсе не были пьяны, господин Добни. Я наблюдал за вами. За весь вечер вы выпили два бокала вина, в крайнем случае — три.

— Я не убивал ее, господин Уайльд, поверьте мне. Вот почему я пришел сюда. Вы должны мне верить.

— Но вчера вы дали понять всем нам, что хотите видеть ее мертвой, — сказал Оскар.

— Но я не убивал ее.

— И все же она мертва, вы сами нам сказали.

Добни содрогнулся.

— Сгорела заживо, — сказал он и закрыл глаза.

— Так что же там произошло? — настойчиво повторил свой вопрос Конан Дойл. — Соберитесь с духом и расскажите.

Добни открыл глаза и пристально посмотрел на Дойла.

— Я добрался до ее дома, он стоит на набережной, ярдах в пятидесяти от воды, и увидел свет в окне — в окне ее гостиной, на первом этаже. Должен признаться: в первое мгновение я захотел подойти к двери, позвонить и попросить, чтобы меня впустили... Но я передумал! Я не сделал этого, клянусь вам. Бог свидетель, я этого не сделал.

— А что вы сделали? — спросил Оскар.

— Перед ее домом, на набережной, над самой Темзой, есть деревянная скамья. Я сел на эту скамью и стал молиться. За ее душу и за мою тоже.

— А потом?

— Я заснул.

— Заснули? — вскричал Конан Дойл. — И как долго вы спали?

— Этого я не знаю. Меня разбудила сирена пожарного катера, долетевшая с реки. Я пришел в себя и увидел, как этот катер на всех парах приближается к набережной. Тут я обернулся и посмотрел на дом... Из ее окна вырывались огненные языки. Комната была объята пламенем. Я бросился к дому, взбежал на крыльцо и стал колотить

в дверь. Потом перелез через железную ограду — там и порвал костюм. Я подобрался к окну первого этажа и локтем разбил стекло. Потом протиснулся вперед и перегнулся через нижний край оконной рамы. И вот тогда я увидел ее: она лежала у камина, лица уже не было, оно сгорело, пламя плясало на черепе, полыхали остатки волос — так горит сухая трава при лесном пожаре...

Оскар встал.

— Нам нужно немедленно идти туда.

Конан Дойл все еще сидел на корточках рядом с Добни.

— Что было потом? Вы попали в комнату?

— Огонь заставил меня отступить, — сказал Джордж, закрыв лицо руками, словно ему было стыдно. — Я сполз назад по карнизу и прыгнул на тротуар. По звукам голосов, доносившихся с набережной, мне стало понятно, что пожарные уже высаживались на берег. В панике я бросился бежать. У церкви Всех Святых, она там поблизости, я остановился и укрылся в часовне Святого Томаса Мора. Я лежал у подножия алтаря и молился за наши души — ее и мою. На какое-то время я, видимо, заснул, а наутро, когда в церкви появились люди, осторожно выбрался наружу и пришел сюда. — Он повернулся к Оскару. — Мне было совершенно необходимо встретиться с вами, господин Уайльд. Вы должны знать: что бы я ни говорил вчера во время этой ужасной игры, я не убивал Элизабет. Всем святым, что есть в мире, клянусь вам — я не убивал ее.

Оскар хранил молчание.

— Господин Добни, — заговорил Конан Дойл, поднимаясь на ноги, — все это вы должны еще раз рассказать в полиции.

Добни с мольбой смотрел на Оскара.

— Доктор Конан Дойл прав, — сказал тот. — Вам следует поторопиться. Чем больше времени пройдет до момента вашего появления перед властями, тем подозрительней будет выглядеть в их глазах ваше поведение.

— Но я невиновен! — жалобно воскликнул Добни. Он встал и в отчаянии смотрел то на Оскара, то на Дойла.

— Я знаю это, Джордж, — сказал я, — но последуйте совету моих друзей. Это — лучшее, что вы можете сделать.

— Кеб ждет внизу, — объявил Оскар, выглянув в окно. — Едем в Скотленд-Ярд через Чейни-уок.

Конан Дойл с недоумением взглянул на Оскара:

— Вы сказали, кеб нас ждет?

— Да, — ответил Оскар. — Большой, как я и заказал. — Он улыбнулся и жестом пригласил нас к выходу. — Как любит говорить ваш Шерлок Холмс, Артур: «У меня свои методы».

Хотя на улице было полно экипажей, дорога от Тайт-стрит до набережной Темзы заняла не более четверти часа. Мы ехали молча. Джордж Добни и я сидели напротив Оскара и Дойла, наши колени почти соприкасались, но каждый из нас был погружен в собственные мысли. Артур упорно смотрел в окошко кареты — точно-точно турист, впервые попавший в красивейший незнакомый город. Я чувствовал, что наш славный доктор хочет показать, будто последние события его вовсе не трогают. Оскар же, наоборот, выглядел так, словно был целиком поглощен сидевшим рядом со мной преподобным Джорджем Добни. Он не сводил с него глаз, пристально рассматривая сначала лицо, затем руки, обувь и одежду, и снова впивался взглядом в лицо Добни. Джордж сидел с поникшей головой и закрытыми глазами. Бледная кожа казалась шершавой, как гравий, редкая растительность не заслуживала названия бороды, тонкий нос выдавался вперед, губ почти не было видно, а линию рта обозначали капельки слюны. Жалкое зрелище.

Прибыв на место назначения, наш экипаж остановился у тележки с брандспойтом. Двое молодых пожар-

ных с перепачканными сажей лицами, облокотившись на тележку, покуривали сигареты и пили чай из жестяных кружек.

— Славные парни, — заметил Оскар, когда мы вышли из кареты.

Стоя у кеба, мы осмотрелись. Сам дом — высокое красивое здание из красного кирпича, построенное в первый год правления королевы Виктории, — почти не пострадал. Ущерб был нанесен только гостиной первого этажа, справа от парадной двери. Оконные стекла были разбиты, рамы сгорели. Даже с улицы мы могли видеть, что стены комнаты почернели от пола до потолка и мебель пришла в негодность.

— Мне приходилось здесь бывать, — сказал Оскар. — Некогда в этом доме жил Брэм Стокер.

— И когда же это было? — спросил Конан Дойл.

— Десять лет назад, — ответил Оскар. — Нечаянная смерть — не новость для этого места. Брэм мне рассказывал, как вытащил из реки тонущего мужчину, принес его в дом и положил на стол в одной из комнат. Бедняга так и не пришел в себя, и Брэм отправился на поиски полицейского. Через минуту госпожа Стокер, не ведая о случившемся, с вазой только что срезанных цветов вошла в эту самую комнату. Можете себе представить ее ужас, когда она увидела на своем столе тело незнакомого мертвеца.

Конан Дойл взглянул на Джорджа Добни.

— Давно ли мисс Скотт-Риверс жила здесь? — спросил он.

— Она купила этот дом два года тому назад, — сказал Добни, — после смерти родителей.

— А кто ее наследник? — спросил Оскар, ведя нас к дому.

— Когда мы были помолвлены, — ответил Джордж, — она составила завещание в мою пользу, но, думаю, после известных событий она успела его изменить.

На ступенях крыльца лежали осколки стекла.

— Осторожно, смотрите под ноги, — сказал Конан Дойл.

Оскар заглянул поверх железной ограды вниз.

— Да здесь повсюду стекло, — заметил он.

— Точно, — послышался громкий голос из окна, — повсюду. Но мы мигом все приберем, вот-вот закончим. — Голос принадлежал корпулентному рыжеволосому румяному шотландцу в твидовом пальто с поднятым воротом. Выглядел он куда моложе своих сорока с лишним лет. Видно, судьба была не очень-то жестока к этому человеку: карие глаза смотрели живо и весело, широкая улыбка украшала лицо, за правым ухом торчал карандаш. — Что вас привело сюда, господин Уайльд? — спросил он, удивленно подняв брови и склонив голову набок.

— Подумать только! — воскликнул Оскар. — Инспектор Арчи Гилмор!

Инспектор и Оскар были давно знакомы. Ко времени, о котором я пишу, Гилмор занял должность старшего детектива Департамента уголовного розыска Столичной полиции. Его и Оскара пути не раз пересекались в прошлом. С Гилмором встречался и я, но он, похоже, этого не помнил. Разумеется, он узнал и Дойла, и именно с ним обменялся первым рукопожатием, когда открыл дверь и впустил нас в дом № 27 по Чейни-уок.

— Я только что прочитал «Союз рыжих», доктор Дойл. Шедевр, абсолютный шедевр. Откуда вы берете подобные идеи — непостижимо! — Инспектор поднял глаза к безоблачному небу, прищурился и понюхал воздух. — Чудесное утро, господа, идеальное утро для прогулки вдоль реки, совершенно с вами согласен, но что привело вас именно на крыльцо этого дома? Уж не вам ли пришла в голову эта мысль, господин Уайльд?

Оскар улыбнулся. Принимая за аксиому то обстоятельство, что доверять рыжим, перешагнувшим сорокалетний рубеж, неразумно, в отношении Арчи Гилмора он сделал из этого правила единственное исключение.

— Мы пришли сюда, — ответил Оскар, — с этим господином, почтенным Джорджем Добни.

— Ах, вот как, — сказал Гилмор, пожимая руку Добни, — бывшим женихом мисс Элизабет Скотт-Риверс. Я читал о вашем процессе. — Он помрачнел, помолчал и глубоко вздохнул. — Боюсь, у меня для вас плохие новости...

— Мы знаем, — перебил его Оскар. — Нам известно, что мисс Скотт-Риверс мертва. Именно поэтому мы здесь. Господин Добни находился рядом с домом, когда начался пожар.

— О! — воскликнул Гилмор. — Так вот наш пропавший свидетель! Пожарные видели, как он слезал с оконного карниза, когда высаживались на берег. — Гилмор внимательно посмотрел на Добни. — Я рад, что вы вернулись, сэр. Мне придется выслушать ваши показания.

— Разумеется. — Добни опустил глаза.

— Он напуган, — заметил Оскар. — Ситуация довольно щекотливая.

— Понимаю, — сказал Гилмор. — Насколько я помню, мисс Скотт-Риверс выиграла дело о нарушении обещания жениться и получила значительную сумму в качестве возмещения.

— Все, что у меня было, — тихо подтвердил Добни. — Было время, когда я любил ее. Потом любовь сменилась ненавистью. Но я никогда не пожелал бы ей такой страшной смерти. — Он поднял голову, посмотрел на выгоревшие окна дома и вздрогнул.

— Да, это была ужасная смерть, — сказал Гилмор. — Трагический несчастный случай.

— Полагаете, это был несчастный случай? — мягко спросил Оскар.

— В этом трудно сомневаться, господин Уайльд, — ответил инспектор. — Погибшая оставалась одна в доме: в воскресный вечер прислуга отсутствует. Парадный вход был заперт на засов изнутри, как и задняя

дверь, выходящая в сад. То же можно сказать о двери, ведущей в подвал дома. Мисс Скотт-Риверс сама заперла на ночь все двери. А затем, перед тем как отправиться в спальню, она подошла слишком близко к камину в гостиной... на ней загорелось платье — и пламя охватило несчастную. Такое случается довольно часто. За прошлый год в Лондоне при подобных обстоятельствах погибла дюжина женщин.

— Звучит вполне правдоподобно, — сказал Оскар. — Вы позволите нам взглянуть на место трагедии?

— Вы ничего не увидите, — ответил Гилмор. — Гостиная выгорела дотла, извольте убедиться. — Он кивнул в сторону окна, через которое можно было рассмотреть, в каком состоянии находится комната. Дочерна закопченные стены и кучи тлеющего пепла вместо мебели. — Если бы пожарная команда промедлила, пламя охватило бы весь дом.

— Известно ли, кто поднял тревогу? — спросил Конан Дойл.

— Никто, — сказал Гилмор. — По счастливой случайности один из пожарных катеров возвращался к Саутуоркскому мосту после ночного патрулирования и капитан заметил языки пламени в окне дома.

— А где нашли тело жертвы? — спросил Оскар. Он поднялся на цыпочки и, держась за перила ограды, попытался получше рассмотреть внутреннее пространство сгоревшей комнаты.

— Прямо перед камином, — сказал Гилмор.

— И где оно теперь? — спросил Конан Дойл.

— Его увезли в морг на Миллбанк.

— Она лежала на спине или ничком? — поинтересовался Оскар, продолжая рассматривать помещение.

— На спине, — ответил инспектор. — Голова и шея на каминной решетке.

— А глаза — глаза были открыты или закрыты? — спросил Оскар.

— Закрыты.

Оскар сделал шаг назад, снял руки с перил и повернулся к Джорджу Добни:

— Это соответствует тому, что вы видели?

— Да, точь-в-точь, — сказал Добни. — Если ад — это место, где ревет пламя, то я заглянул в ад. Поэтому и убежал сломя голову. — Он снова опустил глаза. — Мне стыдно за свое поведение, оно недостойно джентльмена.

— Что ж, — сказал Гилмор вполне доброжелательно, — если вы готовы дать показания сейчас, это очень кстати. Если не возражаете, мы сделаем это в Скотленд-Ярде. Вас будет сопровождать туда сержант Росситер. — С этими словами он указал на полисмена в форме, который как раз вылезал из полицейской кареты, остановившейся рядом с нашим кебом. — Это не займет много времени.

— Мы тоже более не станем отнимать у вас время, инспектор, — сказал Оскар, пожимая руку Гилмору. — Был рад снова увидеть вас, пусть и при столь печальных обстоятельствах.

Мы все обменялись рукопожатиями с инспектором Гилмором и спустились с крыльца к ожидавшим нас экипажам. Добни покинул нашу группу, чтобы вслед за сержантом занять свое место в полицейской карете. Его прощальный взгляд был полон мольбы. Большим и указательным пальцами он вытер влажные губы и пробормотал:

— Простите, господа. Мне очень жаль, что я вовлек вас в это дело.

— Мы скоро увидимся, Джордж, — сказал я. — Не надо так волноваться.

Конан Дойл кивнул ему со словами «Всего доброго, сэр», а Оскар молча поднял руку и помахал злополучному священнику.

Добни и сержант Росситер исчезли в полицейской карете, а Гилмор проводил нас до кеба. Поставив ногу на ступеньку экипажа, Оскар замешкался и повернулся к инспектору:

— Вы сказали, ее глаза были закрыты... Вы не могли ошибиться?

— Ни в коем случае, господин Уайльд. — ответил Гилмор. — У нас есть фотография.

Глава шестая

«ИГРЫ С ОГНЕМ»

Когда кеб тронулся в обратный путь к дому Оскара на Тайт-стрит, Конан Дойл потянул себя за густой ус и задумчиво произнес:

— У меня не сложилось определенного мнения о Добни, господа. А у вас?

— Где вы с ним познакомились, Роберт? — спросил Оскар.

— Во французской книжной лавке на Бик-стрит, — сказал я.

— Вот как? — пробормотал Конан Дойл.

Оскар рассмеялся:

— Артур, вы — шотландец с душой англичанина. Все, что имеет хотя бы отдаленное отношение к Франции, представляется вам подозрительным.

Конан Дойл улыбнулся.

— Touché*, — сказал он.

— И что Добни там покупал? — поинтересовался Оскар.

— Он просто рассматривал книги, — ответил я. — У нас завязался разговор. Уж не знаю почему, но я не ожидал увидеть священника во французском книжном магазине.

— Разговор начал Добни? — спросил Оскар.

На мгновение я задумался.

— Пожалуй, да, — сказал я после паузы. — Он показался мне довольно славным, но одиноким.

* Здесь: тронут (фр.).

— Да, вы правы, — заметил Оскар. — Он производит впечатление человека невеселого и впечатлительного. К тому же он рассеян. Вчера на нем были разные запонки.

— В самом деле? — воскликнул Конан Дойл. — Удивительно, что я не заметил этого, когда утром смазывал йодом его руки.

— Утром на нем вообще не было запонок, — сказал Уайльд.

Кеб свернул с Чейни-уок на Ройял-Хоспитал-роуд. Когда справа от нас потянулся старинный Аптекарский парк, Оскар выглянул из окна кареты и спросил:

— Знает ли кто-нибудь из вас, что в этом необыкновенном парке произрастают деревья, кустарники и травы, которые могут излечить любой недуг, известный человеку?

Теперь рассмеялся доктор Дойл:

— Неужели любой, Оскар?

— Так сказал мне один аптекарь. Вернее, он сказал это Эдварду Херон-Аллену, который сказал Констанции, а она сказала мне. В зимнюю пору Херон-Аллен и Констанция время от времени прогуливаются по этому парку.

— Разумно ли это, безопасно ли? — спросил Конан Дойл.

— Они надевают калоши, — усмехнулся Оскар.

— Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду, — сказал Дойл, слегка покраснев и поерзав на сиденье. — Вы сами говорили, что этот господин без памяти влюблен в вашу жену, а сам он за нашим воскресным ужином признался мне, что у него довольно необычный круг интересов...

— Он мировой авторитет в области выращивания спаржи, — с удовольствием сообщил Оскар. — Нас с Эдвардом объединяет общая любовь к моей жене, а Эдварда и Констанцию связывает общее увлечение ботаникой.

Я счел разумным вмешаться в разговор, чтобы поменять тему. Когда Оскар начинал иронизировать по адресу Констанции, мне становилось не по себе.

— Оскар, — спросил я, наклонившись вперед и коснувшись его колена, — скажите, почему вас так заинтересовали глаза погибшей женщины?

— Меня насторожило кое-что в словах Джорджа Добни, — ответил он. — Утром у меня дома ваш *camarade de librairie**, почтенный и преподобный, впервые описывая, как через окно дома двадцать семь по Чейни-уок он увидел тело Элизабет Скотт-Риверс, упомянул, что ее лицо «полностью сгорело»...

— Да, я помню.

— А позже, — продолжал Оскар, — когда мы были на Чейни-уок и инспектор Гилмор описывал нам, как лежало тело погибшей, он со всей определенностью сказал, что глаза ее были закрыты, а Добни подтвердил, что и он это видел.

— Не думаю, что это несоответствие имеет значение, — заметил Конан Дойл. — Добни был растерян, он пережил тяжелую душевную травму.

— В этом вы правы, — согласился Оскар. — Так или иначе, Арчи Гилмор, похоже, уверен, что никакого преступления здесь не было, а на него можно положиться.

— Он, кажется, упомянул, что жертвами огня в подобных обстоятельствах становится ежегодно чуть ли не дюжина женщин.

— Да, это его слова, — сказал Оскар, извлекая из кармана платок своей любимой расцветки — белый с каймой земляничного оттенка, — и оглушительно высморкался. — Правда, я думаю, что дюжиной дело не ограничивается. Вы, возможно, знаете, что так погибли две мои сестры.

Конан Дойл выпрямился на своем сиденье, нахмурился и сочувственно посмотрел на Оскара.

* Товарищ из книжного магазина (*фр.*).

— Я не знал этого, — сказал он.

— А я думал, что у вас была только одна сестра, — сказал я.

— На самом деле их было три. — Мой друг мягко улыбнулся и с минуту смотрел в окно экипажа, словно предавшись воспоминаниям.

Оскар Уайльд был великий выдумщик — и к тому же ирландец. Только дублинцы были горазды на такие небылицы. Находясь в соответствующем расположении духа, он мог сотворить в своем воображении никогда не существовавших друзей и родственников и описать их так убедительно, с такими подробностями, что лишь очень добросовестный биограф был бы способен отделить правду от вымысла. Я часто замечал, что, фантазируя таким образом, Оскар крутит в руках какой-нибудь предмет — видимо, это помогало ему сочинять. На сей раз мои подозрения вызвал его платок с земляничной каймой.

— Неужели три? — спросил я. — Это правда?

— Истинная правда, — ответил он, повернувшись ко мне. — Вы не раз слышали, как я говорил об Изоле, моей младшей сестре. Она прожила лишь десять лет. Я нежно ее любил и до сих пор храню прядь ее волос. Но у меня были и две старшие сестры, Эмили и Мэри Уайльд. У отца в молодости было много увлечений, и еще до брака с моей матерью у него родились мальчик и две девочки. Они выросли под опекой дяди, но я знал, что они приходятся мне родными братом и сестрами, и любил их.

— И эти две девочки сгорели? — спросил Конан Дойл.

— Да, — ответил Оскар. — Мне в то время минуло семнадцать, сестрам — двадцать два и двадцать четыре. Они были очень хороши собой. Однажды вечером, в ноябре, они отправились на бал в графстве Монаган, и во время танца Эмили оказалась слишком близко к огню. Ее платье вспыхнуло. Мэри бросилась спасать

сестру, огонь перекинулся на нее и охватил обеих. Отец так и не оправился от этой утраты. — Оскар с печальной улыбкой посмотрел мне в глаза. — Надеюсь, вы мне верите, Роберт?

— Разумеется, верю.

— Они были прелестны при жизни и не позволили смерти разлучить их друг с другом. Именно из-за этой трагедии я так уверовал в деятельность Общества рациональной одежды и всячески поощряю мою дорогую супругу в ее усилиях, связанных с этим обществом.

Тем временем наш кеб уже достиг Тайт-стрит и остановился у дома № 16.

— Посмотрите-ка, кто здесь! Ну разве не об этом ангеле мы сейчас говорили? — воскликнул Оскар, снова с трубным звуком очищая нос.

У дома на тротуаре стояла Констанция Уайльд. В летнем бледно-желтом платье с голубыми лентами она выглядела восхитительно. Ее головку венчала шляпка-канотье с веточкой мирта за лентой. В том, что касалось одежды, вкус Констанции был не менее оригинальным, чем у Оскара, хотя и не столь вызывающим. Мальчики с гувернанткой, Гертрудой Симмондс, как раз входили в дом. Вылезая из кеба, Оскар тихо проговорил:

— Ни слова об утренних событиях, господа. Ни единого слова.

— Добро пожаловать, — с живостью сказала Констанция и подняла на мужа влюбленный взгляд. — Роберт, Артур, вы правильно рассчитали время. Обед вот-вот подадут.

Артур сообщил, что, увы, остаться не сможет.

— Южный Норвуд, мой письменный стол, жена, дочь — они все меня ждут!

Он заявил, что зайдет забрать свой саквояж и тут же отправится в путь. По его убеждению, он и без того уже злоупотребил гостеприимством хозяев.

Как ни уговаривал Оскар доктора, тот остался непреклонен. Тогда Оскар повернулся ко мне:

— Но вы нас не покинете, Роберт?

Я тоже начал было твердить, что меня ждет работа над романом, но, по-видимому, оказался не слишком убедительным, и настойчивость Оскара победила. Я чувствовал, что мой друг не столько жаждет общения со мной, сколько боится остаться наедине с женой.

Артур отправился в Южный Норвуд, а я остался на обед. Он был великолепен. За супом из побегов и листьев водяного кресса последовали жареный палтус, яблочный пирог и пудинг с горячим кремом. Оскар был в ударе, он не замолкал ни на мгновение, говоря обо всем, кроме событий предыдущего вечера и драмы нынешнего утра. В качестве особого подарка, в том числе и нам, юному Сирилу, которому не хватало месяца до семи лет, позволили сидеть за столом вместе со всеми. Это был чудесный ребенок с ясным пытливым взором и безупречными манерами. Он говорил мало, но слушал очень внимательно, а когда все же открывал рот, его высказывания оставались в памяти. В какой-то момент он повернулся к Оскару и спросил:

— Папа, а ты когда-нибудь мечтаешь?

— Ну конечно, милый, — ответил Оскар. — Мечтать — первая обязанность джентльмена.

— И что ты видишь в мечтах? — спросил Сирил.

— Что вижу? О, вижу драконов с золотой и серебряной чешуей, а из их пасти вырывается алое пламя. Вижу орлов с глазами из алмазов — они могут охватить взглядом сразу весь свет. Вижу львов с желтыми гривами, их голоса похожи на раскаты грома. И слонов вижу с домиками на спинах, и тигров, и зебр в полосатых шкурах... — Поток фантазии истощился, и Оскар, в свой черед, спросил сына: — А ты о чем мечтаешь, Сирил?

— Я — о свинках, — сказал мальчик.

Обед прошел весело. Все смеялись и чувствовали себя счастливыми. Затем Констанция увела ребенка в

его комнату для послеобеденного отдыха, а мы с Оскаром неспешной походкой отправились по Слоун-стрит к отелю «Кадоган».

— Зачем же мы так скоро возвращаемся к месту преступления? — спросил я.

— Положим, пока еще никакого преступления не произошло, — горячо возразил Оскар. — Можно говорить о несчастливом совпадении. Мы идем в «Кадоган», чтобы встретиться с Альфонсом Бёрдом. В следующее воскресенье мы с Констанцией у себя в доме принимаем еще одного мецената, и Бёрд любезно согласился подготовить развлекательную программу. Думаю, ему поможет его друг Сапалатте.

— Вот как, — сказал я. — Теперь понятно, почему я на днях встретил их обоих на Тайт-стрит. Констанция меня представила, но о причинах их визита сказано не было.

— Когда это произошло? — спросил Оскар, внезапно остановившись. — Я не помню, чтобы мы встречались с Сапалатте до вчерашнего вечера.

— Вас не было, — объяснил я. — Вы, как мне представляется, были в «Савойе» — пили чай с Боузи и его братом. По-моему, друг мой, я больше провожу времени в вашем доме, чем вы.

Оскар прервал мои упреки.

— В предстоящее воскресенье, — заговорил он, возобновляя движение, — званый чай на Тайт-стрит превзойдет все, что мог бы наш милейший Чезаре предложить в «Савойе». Мы будем потчевать гостей рейнвейном и сельтерской, ароматическими сортами чая, кофе глясе, бутербродами с огурцом, лимонными тарталетками, бисквитами «мадера» и — помимо прочего — искусством магии. Госпожа Райан позаботится о съестном, а о магии — господин Бёрд. Вы, *mon ami**, приглашены, но, боюсь, при входе вам придется раскошелиться на один фунт.

* Мой друг (*фр.*).

— Я приду, — сказал я, одновременно прикидывая, где возьму требуемую сумму. — Цель пожертвований благородна. Я и подумать не мог, что в женской одежде таится такая опасность.

— На этот раз объектом благотворительности является не Общество рациональной одежды, Роберт. Мы собираем средства для молодежного клуба в Эрлз-Корте*. Им нужен боксерский ринг, и Боузи попросил меня оплатить строительство. Его отец — председатель клуба, и Боузи — в те промежутки времени, когда его покидает мысль об убийстве маркиза, — хочет снискать расположение родителя. Я по мере сил ему помогаю.

У входа в отель «Кадоган» мы увидели небольшую группу молодых женщин, стоявших на ступенях.

— До чего болезненный вид у этих дам, — вполголоса заметил Оскар. — Думаю, это американки, путешествующие по Европе. Покидая родину, они обычно обретают такую нездоровую внешность, полагая, видимо, что у нас это признак утонченности.

— Забавная мысль, — прошептал я в ответ, когда мы собирались пройти сквозь толпу бледных созданий.

— Я не только забавен, но, хочется думать, и ловок, — сказал Оскар, внезапно схватив меня за локоть и увлекая прочь от входа в отель. — Сюда! — скомандовал он. В железной ограде рядом со ступенями, ведущими к парадной двери, обнаружилась узкая калитка. За нею крутые ступеньки вели вниз к гостиничной кухне. — Смелей, Макдуф, не трусь!** — прошептал Оскар. — Так мы минуем и американских дев, и болтливого попугая.

Для человека тучного и не скрывавшего отвращения к любым физическим упражнениям Оскар Уайльд двигался с необычайным проворством. Он последовал

* Эрлз-Корт — район в западной части Лондона, где во времена Оскара Уайльда жили бедняки.

** Слова Макбета из трагедии У. Шекспира «Макбет», акт V, сц. 7, перевод М. Лозинского.

за мной вниз по ступенькам, положив мне руку на плечо — скорее подталкивая меня, чем ища опоры. Бёрд, по всей видимости, ожидал нас и через окошко цокольного этажа видел наши ноги. Он встретил нас у дверей в кухню, грациозным движением, словно придворный перед августейшей особой, склонил голову перед Оскаром и произнес:

— Добро пожаловать, господин Уайльд. У нас все готово.

— Здравствуйте, Бёрд, — сказал Оскар, отвечая на поклон забавным подергиванием ноздрей. — Здесь пахнет дымом или мне почудилось? — пробормотал он.

— Прошу сюда, господа, — сказал Бёрд.

Он провел нас через просторную, темную и безлюдную кухню, затем по широкому коридору с высоким потолком в подсобное помещение, которое наминало пещеру. Окон там не было, тусклый свет исходил от масляных ламп. Там, во главе длинного и узкого дощатого стола, сидел Джарвис Сапалатте, боксер, друг Бёрда и гость на вчерашнем ужине. Перед ним на столе лежала свернутая в кольца веревка, стояли свеча в подсвечнике и несколько банок из-под варенья, наполовину заполненных жидкостями разных цветов. Еще одну свечу, тонкую, конической формы, Сапалатте держал в руке. Она яростно горела сине-зеленым пламенем высотой в несколько дюймов. Когда мы вошли, боксер уронил ее в одну из банок. Пламя зашипело и погасло.

— А вот и источник дыма, — заметил Оскар, взглянув на Бёрда.

Джарвис Сапалатте поднялся нам навстречу. Его внешний вид нас озадачил. Он был обнажен по пояс, его широкая гладкая грудь и длинные мускулистые руки блестели от масла. Он улыбнулся и, как прежде Бёрд, склонил голову.

— Здравствуйте, господа, — сказал он своим хриплым шепотом.

— Добрый день, — ответил Оскар и тоже улыбнулся. — Бёрд назвал вас «джентльменом наполовину». Теперь я вижу, что он имел в виду вашу верхнюю половину.

Сапалатте смущенно засмеялся и потянулся к полотенцу, перекинутому через спинку его стула.

— Простите, я вас не совсем понимаю, — сказал он, вытирая грудь и руки.

— У вас торс джентльмена, — пояснил Оскар.

— Я воспринимаю эти слова как комплимент, но что они означают?

— У вас нет татуировок, — сказал Оскар. — Вы ведь зарабатываете на жизнь боксом, и я бы не удивился, увидев на вашем теле следы, характерные для этой профессии: шрамы, кровоподтеки, татуировки. Но ничего этого нет и в помине.

— Вы очень наблюдательны, — прошептал в ответ Сапалатте, надевая белую тонкую сорочку и заправляя ее в черные вельветовые брюки. — У меня есть шрамы, но здесь довольно темно, и их трудно заметить. А татуировок я не делал — ведь мое тело служит мне рабочим инструментом, оно меня кормит, и я должен следить за тем, чтобы оно выглядело наилучшим образом. Поэтому я сбрываю волосы на голове, груди и руках.

— И натираетесь маслом? — спросил Оскар.

— Нет, — ответил Сапалатте. — Масло служит для другой цели. — Оскар пристально посмотрел на него, но промолчал. — Мы готовим трюки с огнем, господин Уайльд, — продолжал боксер, — в вашу честь.

— В мою честь? — удивился Оскар.

— Мы проверяли, все ли у нас готово к воскресному представлению в вашем доме, господин Уайльд. Масло должно защитить кожу от ожогов, когда я провожу по ней горящим факелом. Кроме того, вполне возможно, что в воскресенье на Тайт-стрит я буду глотать пламя. Программа у нас разнообразная, и я надеюсь, она вам понравится. Получив ваше одобрение, мы сможем зав-

тра продемонстрировать ее госпоже Уайльд. Кое-какие трюки мы с Альфонсом не исполняли уже несколько лет, но нам будет приятно вернуться к ним. Игры с огнем, разрезание человека пополам — зрителям обычно нравятся такие развлечения. Вы любите, когда вас развлекают, господин Уайльд?

— Более всего я люблю, когда меня околдовывают, — ответил Оскар.

— Разумеется, — прохрипел Сапалатте и улыбнулся. — Колдовство тоже входит в программу. — В это мгновение свернутая в кольца веревка на столе шевельнулась, и вдруг совершенно необъяснимым образом ее конец стал медленно подниматься — словно кобра из корзины заклинателя змей — все выше и выше. Оскар и я в изумлении наблюдали за представлением. Наконец Сапалатте хлопнул в ладони, и веревка упала на стол. — Альфонс, будьте добры, распорядитесь подать гостям напитки.

Подкрепляясь бренди и пивом, мы провели два часа в подсобном помещении «Кадогана», будучи — как выразился Оскар — «совершенно околдованы и восхищены волшебной шкатулкой господ Бёрда и Сапалатте». Я понял, что, собственно, иллюзионистом был Бёрд, а Сапалатте выступал в роли ассистента. Однако к концу демонстрации программы, с которой они предполагали выступить на Тайт-стрит в ближайшее воскресенье, стало совершенно очевидно, что, хотя главным фокусником и был Бёрд, движущим началом в этой паре являлся Джарвис Сапалатте.

Время шло, мы слышали, как по коридору работники кухни возвращались к своим рабочим местам. После половины шестого раздался резкий стук и в дверь просунулась розовощекая веснушчатая физиономия молодого человека в поварском колпаке.

— Простите, господин Бёрд, но нам вот-вот понадобится помещение, — проговорил повар.

— А мы почти закончили, Хокинс, — ответил Бёрд.

— Мы полностью закончили! — провозгласил Оскар, поднимаясь с моей помощью. Он одарил хозяев широкой улыбкой. — Благодарю за незабываемое зрелище, господа. Я одобряю программу целиком и полностью. Вы говорили, что завтра встречаетесь с моей женой, не так ли? Убежден, что и она получит не меньшее удовольствие от увиденного. А если ваше описание окажется близким к действительности, то мои мальчишки придут в восторг от «Исчезающего льва», особенно если этот трюк исполнить с участием рыжего кота госпожи Райан. Так что всех нас ждет истинное наслаждение. Для представления все готово.

Мы вышли из отеля в шесть. Было еще светло.

— Эта пара знает свое дело, — заметил Оскар, когда мы озирались в поисках кеба.

— Очень странная пара, — сказал я. — Немыслимый дуэт.

— Хотел бы я знать, — задумчиво произнес Оскар, — что на самом деле их связывает?

— Может быть, прогуляемся до Тайт-стрит? — предложил я. — Свежий воздух пойдет нам на пользу.

— Простите меня ради Бога! — вдруг воскликнул мой друг. Он сделал знак кебу, показавшемуся со стороны Понт-стрит, и двинулся ему навстречу. — Я встречаюсь с Боузи, мы идем в «Лирический театр» на «Шутов» — на этот раз Гилберт без Салливена*. Думаю, сюжет не блеснет новизной, но по крайней мере музыка будет другой. А вы возвращайтесь на Тайт-стрит, Роберт. Развлеките за меня Констанцию, милую Констанцию. Встречаемся завтра в час в Челси,

* Уильям Гилберт (1836–1911), английский драматург и либреттист, и Артур Салливан (1842–1900), английский композитор, создали вместе множество комических опер. Что касается оперы «Шуты», то музыку к ней написал английский композитор и дирижер французского происхождения Альфред Селье (1844–1891).

в «Клубе искусств»*, не забудьте. — Он с трудом залез в кеб. — Возможно, мы еще увидимся сегодня вечером. Я вернусь рано — мы с Боузи зайдем перекусить в «Кеттнер»**, и я отправлюсь восвояси. Скажите об этом Констанции, пожалуйста. Она не рассердится. Желаю приятно провести время. Спешу, извините. Au revoir, mon ami!*** Еще раз извините.

Оскар внезапно обрел бодрость, махнул мне рукой из окна кеба — и уехал.

Глава седьмая

«МИМОЛЕТНЫЙ КАПРИЗ»

Я простил его. Трудно было не простить Оскара Уайльда. Прощала его и Констанция — прощала снова и снова.

В тот вечер мы с ней вместе поужинали на Тайт-стрит. При этом Оскар как бы незримо оставался с нами — разговор шел только о нем. Констанция говорила об Оскаре как мать о любимом чаде. В ее глазах он был совершенством, неспособным на дурные поступки. Она восхищалась его гениальностью и почитала счастьем, что Оскар был отцом ее детей, центром ее мира. Ну конечно же ему надо проводить время и вне дома — чтобы писать, размышлять, встречаться с друзьями. Констанция и не думала выражать недовольство его отсутствием. Она была благодарна судьбе уже за то, что «такой глубокий ум» и «такая щедрая душа» — часть ее жизни. Очень серьезным тоном она сказала:

* «Клуб искусств» — лондонский клуб для интересующихся искусством и наукой, основан в 1863 г., в настоящее время перешел в ведение рекламных агентств.

** «Кеттнер» — ресторан в лондонском районе Сохо, открытый в 1867 г. французом Огюстом Кеттнером, бывшим поваром Наполеона III.

*** До свиданья, мой друг (*фр.*).

— Мы с Оскаром оба верим в идею семилетнего брачного союза, который может возобновляться только по желанию обоих супругов. Оскар и я решили вступить в наше второе семилетие в мае прошлого года. Как писал Браунинг*, «лучшее еще ожидает нас».

В одиннадцать часов я сказал Констанции, что мне пора возвращаться к себе на Гауэр-стрит. С сожалением прощаясь с ней, я выразил уверенность, что Оскар скоро вернется.

— О нет, — ответила она с улыбкой. — Сегодня он не вернется, я в этом уверена. Ведь он с Боузи и останется с ним в городе. Но я рада этому — Оскар устал. Его красоте нужен отдых. А ведь он прекрасен — по своему, вы согласны?

— Это вы прекрасны, Констанция, — сказал я. — Доброй ночи.

И поцеловал ее в губы.

Она рассмеялась.

— Вы так романтичны, господин Шерард. Неудивительно, что Оскар вас любит.

Солнечным ясным утром — это был вторник, третьего мая 1892 года — я встал раньше обычного и два часа работал над своим романом. Пополнив его тремя сотнями слов, я снова отправился в Челси. Решив, что кеб мне не по карману, я выбрал омнибус, поездка на котором в центр Лондона в те времена казалась бесконечной. Чтобы убить час, в течение которого экипаж полз от Оксфорд-стрит до Кингз-роуд, я купил ранний выпуск «Ивнинг ньюс». Две колонки первой полосы занимало красочное описание вчерашнего пожара в доме № 27 по Чейни-уок. Там была фотография несчастной наследницы, Элизабет Скотт-Риверс, сделанная в день ее восемнадцатилетия, и вторая — не столь давняя, — инспектора Скотленд-Ярда Арчи Гилмора. Инспектор

* Роберт Браунинг (1812–1889) — английский поэт.

сокрушался по поводу «этой трагической гибели» и воздавал должное мужеству пожарных, которые прибыли на место события очень быстро, предотвратили распространение огня и тем не допустили новых жертв и уберегли здание. О достопочтенном Джордже Добни газета не упоминала.

До «Клуба искусств» я добрался лишь в половине второго. Основанный сравнительно недавно, этот клуб в то время размещался на первом и цокольном этажах дома № 181 по Кингз-роуд — ничем не примечательного здания в георгианском стиле, которое примыкало к только что возведенной челсийской ратуше. Оскара и его друга, художника Уолтера Сиккерта, я нашел в столовой клуба, расположенной в задней части дома. Они сидели в полном одиночестве в дальнем конце общего обеденного стола, пили алжирское вино, ели «ангелов в седле» (устриц, завернутых в тонкий ломтик бекона, которые подавали на тосте, смазанном сливочным маслом) и говорили о Дега.

— Дейга? — возмущался Уолт Сиккерт. — Его имя вовсе не Дейга, Оскар! Вам хорошо известно, ведь я не раз говорил об этом, что Га — это название французского городка, откуда вышли предки художника. И имя его первоначально писалось «де Га». Так и следует его произносить. Почему же упорно говорите мне Дейга?

— Да чтобы досадить вам, Уолт, — ответил Оскар, поднимая бокал и насмешливо глядя на молодого друга.

— Скорее, чтобы оскорбить его, — возразил Сиккерт. — А Дега — большой мастер. Он заслуживает уважения.

— Я уважаю его искусство, — спокойно ответил Оскар. Он увидел меня и сделал знак рукой, приглашая присоединиться к ним.

— Вы не прощаете ему насмешку, я знаю, — сказал Сиккерт, вытирая тыльной стороной руки свои пышные усы.

— Мне бы хотелось думать, что это была не смешка, а шутка, — заметил Оскар. Я сел рядом с ним и положил газету на стол. — Видите ли, Роберт, — продолжал он, — великий Эдгар Дега, с которым я, благодаря Уолту, имел честь познакомиться несколько лет назад, сказал обо мне: «Oscar Wilde? Il a l'air de jouer Lor' Byron dans un théâtre de banlieu»*. Мне эта фраза показалась занятной. Я ее запомнил.

— Вам она показалась оскорбительной, — с улыбкой сказал Сиккерт. — Вот почему вы ее не можете забыть.

— Как вам комическая опера? — спросил я Оскара. Мне показалось уместным поменять предмет беседы, а на этот вопрос меня натолкнул внешний вид Уолта. Сиккерт был несомненно красивым молодым человеком, с глазами цвета морской волны и пшеничными волосами, но его заботливо ухоженные усы казались мне нелепыми. К тому же он надел ярко-красный гвардейский мундир с расстегнутым воротом и повязал шею ядовито-зеленым платком. Все это придавало ему сходство с опереточным персонажем — бравым воякой, страдающим от безответной любви.

Оскар фыркнул и сделал глоток из бокала.

— Гилберт придумал одну остроту, которую я уже позабыл, и ни одна мелодия Селье не удержалась у меня в памяти. Не тот вечер, что оставляет след. — Он посмотрел на меня и улыбнулся. — В то время как вы с Констанцией, насколько я могу судить, насладились пленительным *soirée***, премилым *dîner à deux**** на Тайт-стрит.

Я покраснел, как провинившаяся школьница, и глупее не мог поступить. Уолт Сиккерт с удовлетворенным ворчанием наполнил мой бокал вином.

* Оскар Уайльд? Он производит впечатление, будто играет роль лорда Байрона в провинциальном театре (*фр.*).

** Вечер (*фр.*).

*** Обед вдвоем (*фр.*).

— Значит, и вы влюблены в восхитительную госпожу Уайльд, — сказал он.

— Да, — подтвердил Оскар, обнажив свои ужасные зубы в проказливой ухмылке, — Роберт состоится с Эдвардом Херон-Алленом за благосклонность моей жены. Боюсь, не дошло бы дело до дуэли.

— Это нелепо, Оскар, — возмутился я. — Не забудьте, я женат.

— Мы все женаты! — воскликнул Сиккерт и поднял бокал. — Так выпьем за священную моногамию, время от времени нарушаемую мимолетным капризом! — Он коснулся своим бокалом моего, поднял взгляд и увидел лорда Альфреда Дугласа, который направлялся прямо к нам.

Боузи зевал, словно сонный херувим.

— Доооброе утро, господа! — протянул он. — Увы, я опоздал.

— Добрый день, Боузи, — сказал Оскар. — Как вы видите, мы уже отообедали.

— Вижу. — Лорд уселся рядом с Сиккертом. Светлые волосы упали ему на лоб. Наклонившись вперед, он коснулся моей газеты. — Вы прочитали?

— Прочитал, — ответил я, развернув газету и сдвинув ее на середину стола.

— Я уже видел, — сказал Оскар. — Пожар описан очень живо и обстоятельно.

— Бог с ним, с пожаром, — заметил Боузи. — Посмотрите «В последний момент». — Он перевернул газету и ткнул пальцем в колонку на последней странице. — Читайте, читайте, — повторил он.

Я начал читать вслух.

СМЕРТЬ ЧЛЕНА ПРАВИТЕЛЬСТВА

Вчера во второй половине дня в библиотеке палаты лордов обнаружено тело лорда Эйбергордона без признаков жизни. В заявлении премьер-министра от имени правительства выражено глубокое сожаление по поводу случившегося.

— Кто такой лорд Эйберггордон? — спросил Уолт Сиккерт, подняв над головой пустую бутылку и размахивая ею в тщетной попытке привлечь внимание официанта.

— Заместитель военного министра, — небрежно заметил Боузи.

— И второй номер в нашем списке жертв, — добавил Оскар.

— Что? — От неожиданности Сиккерт вернул пустую бутылку на стол.

— Нелепый старикан, — сказал Боузи.

— Вы его знали? — спросил я.

— И довольно хорошо. Друг нашей семьи. Они с отцом были причастны к каким-то секретным делам, и это продолжалось много лет. Лорд Эйберггордон был крестным отцом моего брата. Драмланриг его терпеть не мог. Потому-то во время придуманной Оскаром игры он и выбрал Эйберггордона своей жертвой.

— А это был он? — спросил Оскар.

— Я так думаю, хотя не могу поручиться, — сказал Боузи, приняв из рук Оскара бокал и осушив его. — Ну кто бы еще мог пожелать смерти такому старому сморчку?

Оскар взял газету и стал пристально изучать колонку «В последний момент».

— А где сейчас ваш брат? — спросил он.

— Я не сторож брату моему*, Оскар. Понятия не имею, где он. Скорее всего, в палате лордов. Драмланриг любит играть в политику. Он сейчас на волне успеха — в упряжке лорда Розбери.

— Полагаете, ваш брат мог убить Эйберггордона? — спросил Сиккерт, снова вознеся пустую бутылку над головой.

— Что за бред, Уолт. Френсис и мухи не прибьет. Скорее всего, лорд Эйберггордон слишком плотно пообедал. Умял лишнюю порцию гренков с сыром — они его и прикончили. Он обожал острые блюда, старый

* Слегка измененные слова Каина. Быт. 4, 9.

толстяк. И умер этот оплот нашей власти, по всей вероятности, в своем красном кожаном кресле, крепко уснув над раскрытой «Спортинг лайф».

— Мои соболезнования его крестнику, — сказал Оскар, слегка отодвигая свой стул от стола, — и леди Эйбергордон, если таковая существует.

— Таковой не существует, — сказал Боузи, — и никогда не существовало. Старик умер, не оставив потомков. Он был один как перст. Так что соболезнования неуместны. Тем более что братец Френсис получает все.

— Что? — вскричал Оскар. — Ваш брат наследует состояние Эйбергордона?

— До последних десяти тысяч акров! — Боузи посмотрел на Сиккерта, который все еще тщетно размахивал бутылкой. — Я с вами совершенно согласен, Уолт. Бокал вина будет весьма кстати.

Оскар поднялся как раз в тот момент, когда официант — несчастный креол, только накануне получивший уведомление, что в его услугах клуб более не нуждается, — бормоча под нос проклятья, подошел к столу с бутылкой вина.

— Оставляем вас пить далее, господа, — пробормотал Оскар. — Кое-кто из нас должен идти по делам.

Я также встал из-за стола. Уолтер Сиккерт мне нравился (он нравился всем — в этом отношении он был весьма похож на Оскара), да и обаяние столь непредсказуемого Боузи вызывало во мне интерес, однако я уже давно не принадлежал себе. Если Оскару требовалось мое общество, он всегда мог на него рассчитывать, независимо от того, успел ли я пообедать или нет. Даже не заметив, как и когда это случилось, я превратился в существо, подчиненное Оскару Уайльду. Без всякого принуждения я уступал его желаниям.

Вслед за своим другом я направился к выходу. По пути Оскар незаметно вложил флорин* в ладонь бедняги креола, а затем повернулся к оставшимся за сто-

* Флорин — серебряная монета достоинством в 2 шиллинга, или 1/10 фунта.

лом и сделал прощальный жест рукой. Боузи уже успел осушить бокал и наполнял его снова.

— Увидимся в семь в театре, Боузи, — сказал Оскар. — Захвати брата, если он свободен: лорд Драмланриг сможет угостить нас ужином.

Сиккерт в это время раскуривал свою короткую глиняную трубку.

— Спасибо за обед, Уолт, — продолжил Оскар. — Я отлично провел время. Что до месье Дейга, то мне более всего по душе его «Женщины за туалетом». Прощайте! Увидимся в воскресенье.

Когда мы проходили через бильярдную клуба и спустились по ступеням крыльца, Оскар негромко смеялся.

— Куда мы направляемся? — спросил я.

— В «Кадоган», — ответил Оскар. — В три часа Бёрд и Сапалатте покажут Констанции свою воскресную программу, и я не хочу, чтобы ее врожденная утонченность воспрепятствовала демонстрации самых пугающих и мелодраматических номеров.

Кеб домчал нас до отеля за считанные минуты. Зрелище, которое ожидало нас там, было не столько пугающим и мелодраматическим, сколько жалким и нелепым. Вестибюль «Кадогана» — проходная комната двадцать на двадцать футов, отделанная дубовыми панелями, — был заполнен легкими зелеными перышками. Они были повсюду — на кафельном полу, на ступенях к лестничной площадке, в них утопала стойка портье, они заполнили вазу с лилиями на подоконнике и стойку для зонтов, они плавали в вычурном аквариуме, который стоял у подножья лестницы. Когда мы распахнули входную дверь, влетевший вслед за нами в помещение поток воздуха поднял эти перья над полом — так выглядит простыня, которую встряхнули над матрасом. И пока потревоженные перья вновь опускались, мы успели увидеть, что весь пол, от стены до стены, был испачкан кровью.

— Что означает этот кошмар? — Я был удивлен сверх меры.

— Кто бы мог подумать, что одна маленькая птаха снабжена такой массой перьев? — сказал Оскар, оглядывая комнату и печально качая головой.

Пока мы, пораженные, стояли на пороге, из ниши под лестницей, прямо перед нами, показалась юная посудомойка, румяная девочка лет четырнадцати, в глазах которой стояли слезы. Она несла ведро и тряпку, а за ней шел веснушчатый паренек в ливрее, гостиничный посыльный, вооруженный совком и щеткой. Похоже, паренек и Оскар знали друг друга.

— Грустное дело, господин Уайльд, — сказал посыльный.

— Очень грустное, Нат, — кивнул Оскар. — Бедный Капитан Флинт. Управляющий здесь?

— Нет, сэр, — ответил паренек. — Он захворал. В его кабинете сейчас господин Бёрд.

Осторожно ступая — словно дети, переходящие ручей по камушкам, — мы пересекли это место кровавой бойни и свернули в темный коридор.

— Нам сюда, — сказал Оскар. В «Кадогане» он ориентировался как у себя дома. До недавнего времени кабинет управляющего был гостиной Лили Лэнгтри. Дверь была открыта, и мы без колебаний вошли в кабинет. В центре комнаты, вокруг письменного стола, стояли Джарвис Сапалатте, Эдвард Херон-Аллен и Констанция Уайльд. За столом сидел мертвенно-бледный Альфонс Бёрд. Его руки дрожали. Он выглядел совершенно раздавленным. Перед ним, словно образец для препарирования, лежали изувеченные останки гостиничного попугая. Крылышки, хрупкие, как тонкие еловые ветки, были распластаны на промокательной бумаге. Трогательная головка висела на клочке окровавленной кожи. Один глаз невидяще взирал на нас — так смотрит уснувшая рыба.

В комнате воцарилось молчание. Оскар подошел к столу, наклонился и, к моему изумлению, положил правую руку на трупик птицы. В этом жесте было что-то нежное.

— Несчастное создание холодно как лед, — сказал он наконец.

— Это что-то значит? — спросил Херон-Аллен.

— Безусловно, — ответил Оскар. — И многое.

— Ужасно, это просто ужасно, — сказала Констанция, подойдя к мужу и взяв его под руку.

Оскар улыбнулся ей и спросил:

— Когда ты пришла сюда?

— Минуты две назад, — сказала Констанция.

— Не более пяти, — сообщил Херон-Аллен. — Мы вместе обедали, как вам известно, и Констанция оказала мне честь, попросив сопровождать ее сюда, чтобы посмотреть представление господина Бёрда. Мы приехали в три.

— Так и было условлено, — сказал Сапалатте хриплым шепотом. — Мы все приехали одновременно...

— И увидели вот это! — воскликнул Альфонс Бёрд и закрыл лицо все еще дрожащими руками.

— Вы пришли сюда с улицы? — спросил Оскар.

Трое стоявших кивнули.

— Я был наверху, — пробормотал Бёрд. — Когда часы в вестибюле пробили три, я спустился и увидел это ужасное зрелище: точь-в-точь каким его увидели вы. Кровь и перья в вестибюле, тело птицы на этом столе...

— А где были портье и носильщик?

— Оба находились на третьем этаже — они должны были позаботиться о чемоданах американок. Сегодня съезжает группа молодых дам из Новой Англии.

— Кто-нибудь из них это видел?

— Не знаю, — сказал Бёрд. — Вряд ли. Без десяти три я проходил по вестибюлю — он был пуст, все было в полном порядке. А в три я спустился снова и... — Он отвернулся и снова схватился за голову.

— Что ж, — сказал Оскар, пожимая плечами, — мы думали увидеть милое волшебство, а попали в «Гран-Гиньоль»*. Думаю, нам надо оставить господина Бёрда с его печальными обязанностями и перенести наше общее дело на другой день. — Он посмотрел на Констанцию и Херон-Аллена и ободряюще улыбнулся обоим. — Я только проверю, свободен ли путь, — добавил Оскар и вышел из комнаты.

Мы ждали его молча. Сапалатте стоял, сложив руки на груди, и уныло смотрел на изуродованный трупик. Херон-Аллен подошел ближе к Констанции и тронул ее локоть. Через минуту Оскар вернулся.

— Ваши люди убрали почти все следы кровавой драмы, Бёрд, — сказал он с живостью. — Я вижу фляжку на столе — уверен, в ней содержится нечто укрепляющее дух. Думаю, вам стоит отхлебнуть глоток. Вы пережили потрясение, как и все мы. — Оскар кивнул Джарвису Сапалатте. — С вашего позволения, мы вас покинем. — Он предложил руку Констанции и направился к выходу. Мы с Херон-Алленом последовали за ними. У дверей Оскар остановился, обернулся и кинул последний взгляд на мертвого попугая. — Бедный Капитан Флинт, — сказал он.

Оскар уже повернулся к двери, когда к нему обратился Джарвис Сапалатте:

— Господин Уайльд, дайте совет — стоит нам сообщить полиции о случившемся?

При этих словах Бёрд поднял голову и воскликнул:

— О нет! Это повредит репутации отеля.

— Согласен с вами, — сказал Оскар. — К чему тревожить полицию? Разве она сможет что-то сделать?

Когда мы вновь оказались на улице и отошли на несколько шагов от «Кадогана», следуя на юг по Слоун-стрит, Оскар обнял Констанцию за плечи и сказал:

* «Гран-Гиньоль» — парижский театр ужасов, работал с 1897 до 1963 г. Автор допускает анахронизм, поскольку в 1892 г. этого театра еще не было.

— Тебе пришлось пережить весьма неприятный момент, дорогая. Мне очень жаль.

— Это было ужасно. Кто же мог совершить подобное? И с какой целью? — спросила она.

— Понять жестокость почти так же трудно, как понять любовь, — сказал Оскар. Он остановился, наклонился к жене и нежно поцеловал ее в лоб. — Который час, Роберт? — спросил он, обращаясь ко мне.

Я взглянул на часы:

— Половина четвертого.

Оскар повернулся к Херон-Аллену:

— Эдвард, окажите мне любезность. Проводите мою жену на Тайт-стрит и побудьте с нею, а госпожа Райан приготовит вам чай и подаст к нему дарящие утешение и покой превосходные пухлые пышки.

— Для пышек слишком жарко, Оскар, — возразила Констанция.

— Аллитерация не признает времен года, милая, — заметил Оскар.

Констанция рассмеялась, а Херон-Аллен принял вид благовоспитанного молодого джентльмена, щелкнул каблуками и сказал:

— Я буду счастлив сопровождать госпожу Уайльд домой и почту за честь возможность выпить чаю в ее обществе. Обещаю вам, что мы не станем вспоминать о неприятных событиях последнего часа.

— Превосходно, — сказал Оскар. — Благодарю вас, Эдвард. — Он перевел взгляд на жену и снова поцеловал ее в лоб. — До свидания, Констанция, я оставляю тебя в надежных руках. Постараюсь вернуться не слишком поздно.

Мы молча провожали глазами удаляющуюся пару. Я думал, они обернутся и помашут нам на прощанье, но мои ожидания не оправдались. Увидев, как Констанция взяла Херон-Аллена под руку, я почувствовал укол ревности — совершенно нелепый. Когда они уже не могли нас слышать, я сказал Оскару:

— Вам бы следовало провести этот день с женой.

— Вы полагаете, Херон-Аллену нельзя доверять? — спросил Оскар, несколько озадаченный. — Правда, он адвокат, что само по себе настораживает. К тому же он еще и хорош собой.

— Я не это имел в виду, — сказал я, чувствуя себя смущенным и понимая, что выгляжу весьма неприглядно.

— А что же тогда? — спросил он.

— Вы ведь не говорили Констанции о нашей воскресной игре.

— Разумеется, не говорил.

— Следовательно, она не знает, что ее имя было названо среди потенциальных жертв.

— Ну конечно же не знает.

— Оскар, ей может угрожать опасность. Ваша жена — в списке тех, кого хотели бы видеть мертвыми, а вы в это время снова собираетесь в театр с лордом Альфредом Дугласом!

— Нет нужды напоминать мне об этом списке, Роберт. Он у меня с собой. — Оскар совершенно неожиданно для меня вынул из кармана листок бумаги и помахал им в воздухе. — Я знаком с его содержанием и знаю, что имя Констанции в нем значится последним. Оно идет сразу вслед за моим! А мое — за Эросом и Стариком Временем! Не следует принимать этот список так близко к сердцу, Роберт. Наша воскресная игра — это всего лишь игра.

— Вы в этом уверены? — спросил я резко. — Но каждый из трех дней, прошедших после этой так называемой игры, приносил смерть одной из трех первых жертв, названных в списке. Это, по-вашему, «всего лишь игра»?

— Кто стоит в списке следующим? — Оскар развернул листок.

— Насколько я помню, Шерлок Холмс.

— Так и есть, Шерлок Холмс, — сказал он, проглатывая бумагу. Как раз в этот момент к нам подбежал

посыльный из отеля «Кадоган». Оскар улыбнулся юноше. — Ну, Нат? — спросил он. — Каков ответ?

— Ответ «да», господин Уайльд. «Да» по всем пунктам.

— Отлично, — сказал Оскар. — Благодарю. — Он вручил пареньку шестипенсовик. — Потрать его целиком, Нат, непременно целиком и в один присест.

Нат рассмеялся, положил монету в карман и побежал к отелю.

Оскар повернулся ко мне с довольным видом.

— Превосходно, — сказал он. — Утром мы встречаемся с Дойлом. Он принял мое приглашение позавтракать вместе в отеле «Лангем» в девять. Так что мы увидим Артура — если он переживет эту ночь, разумеется.

«Игра Оскара»

Список «жертв убийства»

в порядке появления их имен из мешка
во время ужина членов и гостей клуба «Сократ»
в воскресенье 1 мая 1892 года

1. Мисс Элизабет Скотт-Риверс
2. Лорд Эйбергордон
3. Капитан Флинт, попугай из отеля
«Кадоган»
4. Господин Шерлок Холмс
5. Господин Бредфорд Пирс
6. Джарвис Сапалатте
7. Джарвис Сапалатте
8. Джарвис Сапалатте
9. Джарвис Сапалатте
10. Старик Время
11. Эрос
12. Пустой листок
13. Господин Оскар Уайльд
14. Госпожа Оскар Уайльд

Глава восьмая

ЗАВТРАК В ОТЕЛЕ «ЛАНГЕМ»

Вечером я обедал один у себя на Гауэр-стрит. В те дни я нередко обедал в одиночестве, как правило, у себя в комнате, хлебом с сыром или холодной сосиской с половинкой помидора «бычье сердце», реже — в двух шагах от дома, в закусочной «Русалка» на Чиниз-стрит, где я заказывал «фирменное» блюдо: баранью котлету с луковой подливкой.

Оскар, напротив, редко ел один. Тем вечером, во вторник, они с лордом Альфредом Дугласом отказались от мысли пойти в театр. Распив бутылку шампанского за пять шиллингов в «Кафе ройял», друзья переместились в ресторан «Флоренция» на Руперт-стрит, чтобы поужинать за два шиллинга.

— Увы, Роберт, стаканчика на сон грядущий не было! — первое, что сказал мне Оскар на следующее утро. Я подъехал к отелю «Лангем» ровно в девять и нашел моего друга в неряшливых зарослях крытого гостиничного двора, служившего обеденным залом. Он сидел за круглым столом, накрытым на три персоны, в затемненном углу под пальмами. Оскар жестом предложил мне подсесть к нему и тут же, без обмена обычными приветствиями, продолжил: — Я поступил согласно вашему желанию, Роберт, претерпев страдания от собственной дисциплинированности и став жертвой безграничной любви к супруге. Я презрел все обольщения Боузи — отверг виски с содовой в «Албемарле», сказал «нет» шнапсу с мороженым в «Савойе» и даже остался глух к предложению пропустить по пинте портера в «Эмпайре»* на Лестер-сквер. «Отыди от меня, Дуглас! — вскричал я. — Ибо я иду домой». И в половине одиннадцатого, Роберт, я вернулся на Тайт-стрит.

* «Эмпайр» — во времена Уайльда — мюзик-холл, теперь в этом здании находится большой кинотеатр.

— Очень рад это слышать.

— Вы умерите свою радость, когда я расскажу вам, что там увидел...

— Боже правый! — вскричал я в испуге. — Что? Что вы там увидели?

— Скорее, кого. Эдварда Херон-Аллена.

— С Констанцией? — Я покачал головой. — Да у него просто стыда нет.

Оскар кивнул:

— Вы правы, Роберт. Когда я пришел, он все еще говорил о спарже. — Оскар откинулся на стуле и расхохотался. Потом торжественно развернул салфетку. — Я заказал почки и яйца-пашот для нас обоих. Напитки — приличествующие времени — уже на столе.

— И что вы сделали с Херон-Алленом? — поинтересовался я, пока мой друг заботливо наливал мне чай.

— Отправил восвояси — поблагодарив за то, что он составил компанию моей жене. Эдвард Херон-Аллен обожает Констанцию.

— Мне это известно, — сказал я мрачно. — Именно поэтому я ему не доверяю.

— Напрасно, Роберт. Я — доверяю. Мы ведь с вами оба печемся о Констанции, не правда ли? А когда с ней Эдвард Херон-Аллен, она в полнейшей безопасности. Он души в ней не чает. Он жизни не пожалеет ради ее защиты.

— Об этом я не подумал. И все же, — я заговорил тише, — недоверие к нему остается. — Наклонившись к Оскару, я продолжал *sotto voce**: — Этот тип — беззастенчивый порнограф, вы согласны?

Оскар с улыбкой помешивал чай.

— Если принять во внимание греческие корни слова, — ответил он, понижая голос вслед за мной, — то порнограф, строго говоря, должен писать о шлюхах**.

* Вполголоса, приглушенно, очень тихо (*um.*).

** Порнограф: от греч. *πόρνος* — разврат и *γράφω* — пишу, описываю.

И все же интересы Херон-Аллена гораздо шире. Особенно одержим он разнообразными проявлениями неумеренного аппетита у мужчин и животных. Чем необычнее это проявление, тем острее интерес Эдварда. Впрочем, я уверен, что он не затрагивает подобные темы в беседах с Констанцией. Однако меня он недавно познакомил с новым словом, о значении которого вы можете догадаться, — «некрофилия».

— Боже милостивый!

Оскар улыбнулся.

— Точно такой же была реакция Дойла, — громко сказал он, подняв глаза и удовлетворенно потирая руки: на стол подали тосты.

— А где Конан Дойл? — спросил я. — Вы уверены, что он придет?

— Так сказал Нат.

— Нат?

— Посыльный из «Кадогана», помните его? Вчера он принес нам ответ Артура. Поэтому мы здесь.

— А-а, — протянул я, озадаченный.

Оскар взглянул на меня, снисходительно подняв бровь.

— Вчера, Роберт, когда я понял, что бедный Капитан Флинт стал третьей по счету жертвой из нашего списка, а следующим в этом списке стоял Шерлок Холмс, я подумал, что нам следует принять меры предосторожности, для чего встретиться с Артуром и обсудить создавшееся положение. Перед тем как покинуть «Кадоган», я нашел Ната и попросил его передать мое послание Дойлу. Когда мы уже вышли на улицу, Нат нашел нас и принес ответ Артура.

— Значит, Конан Дойл был в это время в отеле? — спросил я.

— Отнюдь, — ответил Оскар. — Он был в Южном Норвуде.

С минуту я обескураженно молчал.

— Я чего-то не понимаю, Оскар. Если Артур находился в Южном Норвуде, а посыльный — в отеле «Кадоган», как они могли общаться?

— По телефону! — торжественно провозгласил мой друг.

Я был потрясен.

— Неужели у Дойла есть телефон — это в Южном-то Норвуде?

— Там он более всего и необходим, Роберт. — Оскар лукаво улыбнулся и принялся с хрустом водить ножом по тосту, разравнивая масло. — Артур — врач, а потому ему установили телефонный аппарат. Такое предпочтение вполне оправданно. Впрочем, как мне говорили, довольно скоро мы все сможем связываться друг с другом по телефону. Эта связь охватит всю страну, вдоль и поперек, она в корне изменит и нашу манеру общаться, и искусство полицейского расследования... Я и сам думаю установить телефон на Тайт-стрит.

— Вы знаете, как им пользоваться? — спросил я.

— Пока нет, Ричард. Но у меня есть дети, они меня научат.

Я рассмеялся, поднял голову и увидел, что к нам одновременно приближаются официант, несущий на подносе почки и яйца-пашот, и Артур Конан Дойл — промокший и явно чем-то встревоженный.

— Попал под внезапный ливень, — пожаловался он.

— И, что еще хуже, — сказал Оскар, — вы только сейчас заметили, что забыли зонт в экипаже, который вас сюда доставил...

Конан Дойл замер, ошеломленный, и посмотрел на Оскара.

— Как вы могли это узнать? — спросил он.

Оскар улыбнулся.

— Хотя вы вошли изрядно промокший, вид у вас был довольно безмятежный. Но вдруг вы нахмурились и принялись лихорадочно оглядываться. Что вы могли забыть? Шляпу? Но волосы у вас сухие, хотя плечи

намокли. Поэтому, скорее всего, речь может идти о зонте, вашем любимом зонте со столь изящной ручкой черного дерева...

— Сейчас слишком раннее утро для таких загадок, Оскар. Ведь вы никогда прежде не видели меня с этим зонтом. Так что извольте объяснить...

— Действительно, не видел, — согласился Оскар, — но, Артур, если вы обернетесь, то без труда увидите кебмена, который беседует с метрдотелем, а в руках у него — сложенный мужской зонт, несомненно похожий на тот, что я только что описал.

Тревога на лице Дойла сменилась улыбкой.

— Мне только чай и тосты, — сказал он официанту, направляясь к столу метрдотеля, дабы вернуть свой зонт. Мы увидели, как он оделил извозчика чаевыми и благодарно пожал ему руку.

— Должно быть, убеждает кебмена, что тот — соль земли и становой хребет нации, — заметил Оскар. — Во всей Англии не сыскать более достойного человека, чем Артур Конан Дойл.

Артур вернулся к нашему столу совершенно преобращенным. Радость переполняла доктора.

— Соль земли этот парень, — сказал он.

— А где теперь ваш зонт? — спросил я.

— В гардеробной, там же, где шляпа. Метрдотель обещал позаботиться о нем. Мы можем ему доверять?

— Безусловно, — сказал Оскар. — Франко родом из местности близ озера Комо.

— Превосходно. — Дойл оглядел стол и потянулся к джему.

Наклонившись ко мне, Оскар пояснил:

— Артур с супругой два года назад отдыхали на берегу Комо и остались очень довольны.

Дойл вонзил зубы в гренок с такой страстью, что крошки разлетелись во все стороны, и воскликнул:

— Оскар, вы меня поражаете! Похоже, ничто не проходит мимо вас.

— Я бы этого не сказал, — заметил Оскар, постукивая очередной сигаретой по крышке серебряного портсигара, — однако же обратил внимание на то обстоятельство, что тельце несчастного попугая было холодным — совершенно холодным.

— Ах да, — сказал Дойл, вытирая джем с усов, — пора перейти к делу. Я с огорчением узнал о попугае. Когда его нашли?

— В три, — ответил я.

— Но к этому моменту он какое-то время был уже мертв, — сказал Оскар. — Не менее часа. И перья, которые мы видели в вестибюле, отнюдь не выпали из бедной птицы во время полета. Их выщипали из его тела, крыльев и хвоста после смерти и намеренно раскидали там словно конфетти.

— Очень странно, — сказал Конан Дойл.

— И жестоко, — добавил Оскар. — Да еще весь пол был в пятнах птичьей крови.

— В расположении пятен наблюдался какой-то порядок? — спросил Дойл.

— Никакого, — ответил Оскар. — Я бы заметил. Похоже, все делалось в спешке, без определенного плана. Кому это могло понадобиться?

— Тому, кто действует, шаг за шагом сверяясь с нашим списком жертв, — предположил я.

— Возможно... — сказал Оскар, затягиваясь сигаретой и задумчиво разглядывая листья пальмы.

Конан Дойл покачал головой и принялся за второй тост.

— Инспектор Гилмор твердо уверен, что смерть Элизабет Скотт-Риверс была следствием несчастного случая. Разве не так?

— Именно так, — согласился Оскар, выходя из задумчивости. — А лорд Эйбергордон, наша вторая жертва, был стариком, который без особого трепета относился к своему телу. Он умер, по-видимому, во сне, и его смерть никого не удивила.

— Итак, — сказал Конан Дойл, снова вытер усы и с удовлетворенным видом вернул салфетку на стол, как бы показывая, что с едой покончено, — итак, у нас есть два эпизода случайной смерти, которые легко объяснить, и один эпизод необъяснимого жестокого убийства... Кто следующий?

— Следующий в списке, — сказал Оскар, извлекая бумагу из нагрудного кармана, — не кто иной, как господин Шерлок Холмс.

— Скажите на милость, у кого может возникнуть желание убить Шерлока Холмса? — спросил я.

— Например, у меня, — ответил Конан Дойл, откинувшись на стуле и скрестив руки на груди. — И чем скорее, тем лучше.

Оскар вздрогнул:

— Что, Артур? Что вы сказали?

— Я сам собираюсь покончить с Шерлоком Холмсом.

— Так это вы написали его имя в воскресенье?

Дойл рассмеялся:

— Да нет же, конечно, нет. Я вообще не хотел принимать участия в вашей игре, Оскар, и вы это знаете. Но я охотно признаю: что касается моих намерений, дни Холмса сочтены...

— Однако вы сами его сотворили, Артур! — попробовал переубедить Дойла Оскар.

— А он может стать моей гибелью. О, как много я хотел бы еще написать: любовные романы, книги приключений, истории, в которых герои проникают в будущее и прошлое. Я хочу сочинять стихи, Оскар, и пьесы тоже — хочу завершить наконец эту вещь для Генри Ирвинга. Меня совершенно не прельщает мысль, что через сотню лет я останусь известным только как человек, который придумал Шерлока Холмса. Нет уж, Оскар, я собираюсь убить своего Холмса на вершине его славы. И именно в то самое воскресенье я придумал, как это сделать.

Оскар и я слушали Дойла с величайшим вниманием. Никогда не думал, что наш шотландский друг может говорить с такой страстью.

— В воскресенье, перед ужином, — продолжал Конан Дойл, — один из гостей нашего клуба спросил меня — разумеется, в связи с предстоящей игрой, — каким мне представляется «идеальное убийство», где и как его можно совершить. Поскольку этот вопрос мне задавали и прежде, ответ у меня был готов: «На Белых скалах Дувра. Или на мысе Бичи-Хед*. Важно, чтобы это происходило на вершине скалы или утеса, куда убийца и его предполагаемая жертва отправятся незаметно для других. Для достижения своей цели убийце остается лишь выбрать момент и, убедившись, что вокруг никого нет, одним резким толчком столкнуть ничего не подозревающую жертву вниз, навстречу смерти. Просто, быстро, надежно. У этого способа есть и другие достоинства: отсутствие свидетелей, отсутствие орудия убийства и возможность представить дело как несчастный случай».

Дойл не отличался тщеславием, но в тот момент он явно наслаждался собственной речью. Оскар был благодарным слушателем. Сняв табачную крошку с нижней губы, он сказал:

— Славно придумано, доктор Дойл. Продолжайте, прошу вас.

Конан Дойл улыбнулся:

— Насколько я помню, в тот воскресный вечер именно слова «несчастный случай» привлекли внимание лорда Драмланрига, брата вашего друга Боузи. «Падение со скалы в Дувре или на мысе Бичи-Хед мало напоминает несчастный случай, — сказал он. — Скорее это может сойти за самоубийство. Для несчастного случая надо ехать в Швейцарию».

— Вот как, — сказал Оскар. — Значит, Драмланриг рассказал вам о своем дяде.

— Да, о своем дяде и тезке Френсисе, погибшем в швейцарских Альпах. По словам Драмланрига, он на-

* Мыс Бичи-Хед расположен на берегу Ла-Манша к юго-западу от Дувра.

ходил там с группой друзей, опытных альпинистов. Они совершили восхождение на какую-то вершину между Церматтом и Райхенбахским водопадом* и уже начали спуск, когда произошло несчастье. День был ясным и безоблачным, снежный покров — плотным: идеальные условия для альпинизма. Что, в сущности, произошло, так и осталось неизвестным. Только что Френсис Дуглас, живой и невредимый, был рядом — а в следующий момент он исчез. Рухнул в глубокое ущелье, и больше его никто не видел.

— Тело не нашли? — спросил я.

— Нет, — ответил Артур. — Его старший брат маркиз Куинсберри приехал из Англии, чтобы помочь в поисках. Удалось найти лишь перчатки, пояс и один ботинок погибшего.

— И когда это произошло? — снова спросил я.

— Двадцать пять лет тому назад, — сказал Оскар. — Если не больше.

— Итак, — заявил Конан Дойл, протягивая руку к чайнику, — судьба Шерлока Холмса предопределена. В нужное время я отправлю своего героя в Швейцарию и где-нибудь в Альпах сброшу его в подходящее ущелье. Холмс с последним поклоном покидает сцену — и исчезает без следа.

— А как насчет перчаток, пояса и ботинок? — спросил я.

Конан Дойл с хрустом откусил кусочек тоста.

— Я подумаю о них.

Оскар закурил очередную сигарету и сделал знак официанту принести еще чая и кофе.

— Стало быть, Артур, вы по-прежнему утверждаете, что имя Шерлока Холмса в качестве желанной жертвы назвал кто-то другой?

* Церматт — горный курорт на юго-западе Швейцарии на высоте 1600 м над уровнем моря; Райхенбахский водопад — знаменитый водопад в 90 км от Берна, именно это место выбрал Конан Дойл для смертельной схватки Шерлока Холмса и профессора Мориарти.

— Это был не я, уверяю вас, Оскар.

— Тогда кто? — спросил я. По-видимому, в то утро я был особенно расположен задавать вопросы.

— Если вам так важно это знать, — спокойно ответил Конан Дойл, — имя Шерлока Холмса написал мой гость и друг Уилли Хорнунг.

— Что? — вскричал Оскар, словно не веря своим ушам. — Наш добронравный Уилли Хорнунг? Вы в этом уверены, Артур?

— Он сам мне признался — густо покраснев при этом. И долго извинялся. Он объяснил это тем, что завидовал моему созданию.

— Зависть разъедает душу, — заметил Оскар, наблюдая, как дым сигареты поднимается к пальмовым листьям над его головой. — Так учит Сократ.

— Бог с ним, с Сократом, — сказал Артур. — Я сказал Уилли что, коли он сам стремится стать писателем, то его мщением Шерлоку Холмсу может стать только одно: создание своего героя — злодея, которому удастся перехитрить великого сыщика. По-моему, юноша ухватил наживку.

— «Ухватил наживку». — Оскар задумчиво повторил последние слова Артура. — Уж не поэтому ли убили попугая?

Официант принес свежий чай и кофе, убрал остатки завтрака и опорожнил пепельницу. Оскар расстелил перед собой список «жертв» и извлек из своего серебряного портсигара карандашик, которым обычно записывал очки во время карточной игры.

— Итак, — заговорил он, делая отметки в списке по ходу своей речи, — мы знаем, что достопочтенный преподобный Джордж Добни назвал в качестве желанной жертвы Элизабет Скотт-Риверс — он сам в этом тогда же и признался. Нам также известно, что смерть на голову несчастного попугая призывал Боузи — он, как и Добни, признался в этом прямо за столом. Кроме того, мы знаем — тоже от Боузи, — что имя лорда

Эйбергордона написал на своем листке его брат Френсис, хотя из уст самого лорда Драмланрига нам еще только предстоит это услышать. А теперь, Артур, вы сообщаете нам, что имя «Шерлок Холмс» попало в этот список благодаря Уилли Хорнунгу.

Оскар пометил крестиками первые четыре имени списка.

— Нам очень важно выяснить, — сказал Конан Дойл, взяв в руки бумагу и внимательно ее рассматривая, — кто выбрал жертвой Джарвиса Сапалатте. Это имя назвали четверо участников ужина. Целых четверо!

У меня пересохла глотка, но это не помешало мне сказать:

— Один из четверых — я. — При этом признании кровь прихлынула к моим щекам — видимо, то же ощушал и Уилли Хорнунг.

— Вы? — спросил Конан Дойл, ставя чашку на стол.

— Но почему, Роберт? — обратился ко мне Оскар. В его широко раскрытых глазах читалось изумление. — Ведь, по вашим словам, до последнего воскресенья вы лишь однажды встречались с этим человеком. С какой стати вам было выбирать его на роль жертвы?

— Но это была всего лишь игра, Оскар, — защищался я. — Вы сами так сказали.

— Я и не отрицаю, — ответил Оскар. — Но почему все-таки ваш выбор пал на Сапалатте?

— На то были причины, — сказал я

— И какие же? — настаивал Оскар. Он наклонился в мою сторону и раздавил сигарету с нескрываемым раздражением. — Что за причины?

— Я не желаю говорить о них, Оскар.

— Ну же, Роберт, мы ждем, — сказал Конан Дойл.

— Извините, но я предпочитаю промолчать.

— Извинение не принято. — Оскар пристально посмотрел мне в глаза. Внезапно его гнев исчез, и он одарил меня улыбкой. — Роберт, ведь вы среди друзей. У вас нет оснований нам не доверять.

— Ну хорошо... — Я все еще колебался. — Ну хорошо. Я выбрал Сапалатте в качестве своей жертвы, потому что... Потому что он сказал кое-что...

— «Сказал кое-что»? — с укором переспросил Оскар. — «Сказал кое-что»! Когда сказал? Где сказал? Кому сказал?

— Сказал мне при нашей мимолетной встрече на Тайт-стрит. Они с Бёрдом пришли к Констанции, чтобы осмотреть помещение, в котором им предстоит выступать. Я в это время был там.

— И что он вам сказал?

— Нечто оскорбительное. Такое не прощают.

— Он посмел вас оскорбить? — спросил Конан Дойл.

— Нет, его слова относились не ко мне.

— Может быть, они относились ко мне? — спросил Оскар. — Опять клевета в мой адрес?

— Нет, Оскар, к вам это тоже не имеет отношения. — Я снова заколебался, ощущая на себе напряженные взгляды. Наконец я решил: — Это касалось Констанции, а точнее — ее отца.

— Вот оно что, — Оскар, неторопливо и тщательно сложил салфетку, — покойного Хораса Ллойда, королевского адвоката*.

— Вы говорите загадками, Роберт, — сказал Конан Дойл. — Я ничего не понимаю. Сделайте милость, объясните, что все-таки произошло. Каковы были его слова?

— Послушайтесь доктора, Роберт, — присоединился к Дойлу Оскар, не отрывая глаз от салфетки.

— Они уже собирались уходить, — начал я. — Бёрд был внизу с Констанцией, а я еще оставался с Сапалатте в гостиной. Я предложил проводить его к выходу, а он ответил какой-то вежливой фразой. Потом

* Королевский адвокат — высшее адвокатское звание, присваивается королевской грамотой по рекомендации лорда-канцлера.

он заметил, как приятно ему было познакомиться с госпожой Уайльд, а я покивал в ответ. После этого он спросил, насколько близко я знаю семейство Уайльдов. Я ответил, что довольно близко. Он сказал: «Господин Уайльд — удивительный человек». Я на это ответил: «О да», — короче некуда, и попробовал увлечь его к двери. Развязность этого господина стала меня раздражать. Однако он не сделал и шагу к выходу. Глядя на меня с пренебрежительной улыбкой, он твердил свое: «А госпожа Уайльд держится так непринужденно вопреки всем обстоятельствам». Я был взбешен. «О чем это вы, сэр?» — спросил я. «Вопреки всему, что нам известно о ее отце», — сказал он. «Отец госпожи Уайльд был весьма уважаемым адвокатом», — сказал я. «Я слышал об этом, — заявил господин Сапалатте, — а также о том, что он демонстрировал себя молодым дамам в Темпл-гарденз. Неужели вы этого не знали?»

Конан Дойл в изумлении покачал головой.

— Моим первым желанием было отхлестать мерзавца плетью прямо на месте, — продолжил я. — Но вместо этого я велел ему убираться. А когда в воскресенье он снова попался мне на глаза и мы начали эту вашу нелепую игру, Оскар, я без минуты колебания выбрал его в качестве своей жертвы. Этот господин — клеветник.

— Не сомневаюсь, Сапалатте заслуживает множество нелестных эпитетов, — спокойно сказал Оскар, — однако в данном случае он не клеветал. Все им сказанное — сушая правда.

— Быть того не может! — воскликнул я.

— И все же... — сказал Оскар и улыбнулся. Он аккуратно сложил список «жертв» и спрятал его в карман. — Бедный Хорас Ллойд, — добавил он. — У каждого из нас свои тайны.

Глава девятая

ЕЩЕ ОДНА ТАЙНА

Конан Дойл окинул взглядом обеденный зал.

— Констанция знает? — спросил он.

— Думаю, нет, — ответил Оскар сквозь клубы табачного дыма. — Она в то время была еще совсем ребенком. Ей, разумеется, известно, что брак родителей не был безоблачным, но ее по сей день оберегают от подробностей, связанных с эксцентричным поведением отца. — Он грустно улыбнулся и сделал глоток кофе.

— Насколько я понял, никаких сомнений в правдивости этих слухов нет? — спросил я.

— Боюсь, никаких, — сказал Оскар. Он поставил чашку на стол и потянулся к пепельнице. — Об этом скандале в Судебных иннах* не переставали судачить несколько лет. Контора королевского адвоката Хораса Ллойда помещалась в Брик-корте** и служила объектом множества шуток со стороны непочтительных молодых клиентов. Надо сказать, что поведение Ллойда отличалось крайней степенью бесстыдства. Среди бела дня он разгуливал по Темпл-гарденз в расстегнутых бриджах, являя миру свой член, находящийся в состоянии полной готовности.

— Невероятно, — пробормотал Дойл.

— Пожалуй, — согласился Оскар, обнажая в усмешке кривые зубы. — По словам очевидцев, природа оделила его на редкость щедро.

Артуру это не показалось забавным.

— Удивительно, что Ллойда не подвергли аресту, — заметил он сухо.

* Судебные инны — четыре корпорации барристеров (адвокатов, имеющих право выступать в высших судах) в Лондоне; пользуются исключительным правом приема в адвокатуру. Существуют с XIV в.

** Брик-корт («Кирпичный двор»), или Брик-корт-чеймбер, — место в Лондоне, где размещается адвокатская палата.

— Его уже было арестовали, — сказал Оскар, — но в этот момент добросердечный коллега из Высокого суда правосудия взялся за него всерьез и отвалил от этой привычки... Бедняга Хорас Ллойд — вскоре он умер.

— От стыда? — спросил Конан Дойл, впрочем, без особой злости.

Оскар улыбнулся:

— Возможно, Артур, возможно. Кто знает? В свидетельстве о смерти упоминалась лишь легочная недостаточность. Он был слишком молод, чтобы умереть, — всего-то сорок шесть лет.

Конан Дойл со вздохом отодвинул свою чашку.

— Что, скажите на милость, заставляет человека в здравом уме вести себя подобным образом? — спросил он. — Ллойд был женат. Он занимал пост королевского адвоката. И всем этим он рисковал!

— Скорее всего, он объяснил своему коллеге из Высокого суда, что риск как раз удваивает удовольствие от приятного возбуждения, которого он добивался.

Наступившую тишину нарушило появление рядом с Оскаром высокой тощей фигуры в черном сюртуке. В руке у человека был конверт.

— А, — сказал Оскар, — мой счет. У меня при себе нет наличных. Вы можете записать эту сумму за мной?

— К сожалению, сэр, я не могу этого сделать.

— Почему же? — удивился Оскар.

— Позвольте мне заплатить, — сказал Конан Дойл и полез в карман за бумажником.

— Нет, Артур! — воскликнул Оскар. — Вы — мой гость, а с моим кредитом здесь все в порядке. В чем дело, официант, почему вы не можете записать это на меня?

— Потому, сэр, что это не ваш счет и я не официант.

— Что? — Оскар вскинул голову и всмотрелся в человека с конвертом. — Уолт! — Мы все повернулись к человеку в сюртуке и впервые посмотрели на него. Это был Уолтер Сиккерт.

— Официантов никто не замечает, — сказал он с улыбкой. — Я знаю это точно, поскольку побывал в их шкуре. Таков удел прислуги. Люди не берут на себя труд посмотреть в глаза тем, кто их обслуживает. Это самый старый закон в книге*. Вот почему, когда выясняется, что «тут не обошлось без лакея», никто из очевидцев не может вспомнить, как этот лакей выглядел.

— Как вы тут оказались, Уолт? — спросил Оскар, оглядываясь в поисках настоящего официанта. Ресторан был уже почти пуст. — Хочу, чтобы вам дали стул. Который час? Настало время наградить себя чем-нибудь укрепляющим дух.

Сиккерт обернулся к соседнему столику, позаимствовал оттуда стул и лихо уселся на него верхом. (Не-лепые усы придавали ему еще большее сходство с опереточным гусаром.)

— Я присяду на минуту, но задержаться не смогу — тороплюсь в Истборн.

— Истборн? — воскликнул Оскар. — За это просто необходимо выпить!

У нашего стола наконец появился официант. Оскар окинул его взглядом.

— Ваше имя, молодой человек?

— Дино, — ответил официант.

— Послушайте, Дино, — торжественно сказал Оскар, — мой друг только что сообщил мне, что направляется в Истборн, эту жемчужину побережья, самый солнечный город Англии. Это событие следует отметить чем-то особенным — скажем, бутылкой «шарцхофбергера»** восемьдесят четвертого года.

— Сию минуту, сэр, — сказал юноша. — И четыре бокала?

* Цитата из «Алисы в Стране чудес» Льюиса Кэрролла, перевод Б. Заходера.

** «Шарцхофбергер» — марка рейнского вина, разновидность рислинга.

Оскар одобрительно кивнул. Официант улыбнулся и живо отправился выполнять заказ.

Конан Дойл откашлялся и поправил жилет.

— Боюсь, мне пора, — сказал он.

— Задержитесь ненадолго, — попросил Оскар. — Хотя бы до того момента, когда мы выясним, зачем Уолт едет в Истборн.

— А вот зачем, — сказал Сиккерт, перегнувшись через спинку стула и помахав в воздухе конвертом, который минуту назад Оскар принял за ресторанный счет. — Поэтому я и здесь. Это письмо пришло утром — из Истборна. Я счел необходимым показать его вам и отправился на Тайт-стрит. Констанция сказала мне, где вас можно найти, и вот...

— Продолжайте, Уолт, — потребовал Оскар. — Что в письме?

Сиккерт открыл конверт и извлек из него лист бумаги, с обеих сторон исписанный налезавшими друг на друга каракулями.

— Письмо прислал Бредфорд Пирс, актер. Вы должны его помнить — в воскресенье он был моим гостем.

— Мы помним, — ответил Конан Дойл, пристально глядя на Сиккерта.

— Его имя было пятым в списке, — добавил я.

— Спасибо, что напомнили об этом, Роберт. — Оскар ехидно улыбнулся.

— Он мне понравился, — заметил Дойл.

— И не только вам. Он — славный парень, — сказал Сиккерт.

— Ну хорошо, и что он пишет? — спросил Оскар.

— Это благодарственное письмо, — сказал Сиккерт, разворачивая листок. — Но кое-что в нем меня беспокоит.

— Так прочитайте его нам, — предложил Конан Дойл и улыбнулся Уолтеру. — Разумеется, если вы не против.

Сиккерт начал читать — ровным голосом, избегая драматических эффектов.

Вторник, 3 мая, Истборн

Дорогой Уолт!

Воскресный вечер оставил у меня приятные воспоминания — отличная еда, превосходное вино, милейшие люди. Спасибо, что не забыли обо мне и пригласили. Надеюсь, что и впредь Ваше отношение ко мне не изменится. Я же, что бы ни случилось в моей жизни, сохраню в памяти Вашу доброту. Откровенно говоря, я пребываю в неведении относительно своего будущего: меня преследуют, и это пугает.

Сейчас я нахожусь в Истборне, в Девонишпир-парке, где пробуду до конца недели. Приезжайте посмотреть спектакль, лучше всего в среду. И привезите Уайльда. Я думаю, пьеса его развлечет. Для меня было честью встретиться с ним. Это удивительный человек, и большого ума. Общение с ним вдохновляет. И Конан Дойл пришелся мне по душе, да и его застенчивый юный друг, имени которого я не запомнил. Не Хорнбим ли? Брукфилд был, как всегда, несносен — я никогда ему не доверял. Да и кому в наши дни можно доверять? Конечно же Вам, мой старый друг.

Приезжайте, если найдете время. Признаться Вам, мне страшно. Приезжайте, друг мой.

*Всегда Ваш,
Бредфорд Пирс*

Сиккерт передал письмо вместе с конвертом Дойлу.

— На каком поезде вы едете? — спросил Оскар.

— Три ровно, вокзал Виктория.

— Мы едем с вами, — заявил Оскар.

— Боюсь, я не еду, — сказал Конан Дойл, отодвигая свой стул. — Мне нужно быть дома: к жене придет врач, и я должен присутствовать. — Он встал. — Но, думаю, вам с Робертом действительно стоит поехать, а это письмо — с позволения Уолта — вам следует показать инспектору Гилмору. — И Артур протянул листок Оскару.

— По-вашему, Пирсу что-то угрожает? — спросил я.

— Со всей очевидностью, он так считает, — ответил Конан Дойл. Вид у него был довольно мрачный. — На меня господин Пирс произвел очень благоприятное впечатление. — Он посмотрел на часы. — Однако мне пора. Пожалуйста, держите меня в курсе дела, Оскар. Спасибо за завтрак. Прощайте, господа. — Дойл поклонился и пошел к выходу.

— Не забудьте свой зонт, Артур! — крикнул ему вслед Оскар. — И повремените с убийством Холмса!

Конан Дойл обернулся, рассмеялся и дружески помахал нам рукой. Проходя мимо Дино — официанта, который нес нам вино, — он остановил юношу и что-то ему сказал.

— О чем вам говорил господин Дойл? — спросил его Оскар, когда официант откупоривал бутылку.

— Он велел мне позаботиться о вас, сэр.

Оскар улыбнулся:

— Неужели?

— Да, сэр, — сказал молодой человек, обняв пробку с видом опытного сомелье, хотя выглядел ненамного старше этого вина — на вид ему можно было дать лет пятнадцать, от силы — шестнадцать.

— Скажите мне, Дино, — обратился к нему Оскар, сделав глоток «шарцхофбергера» и довольно шумно прокатав во рту божественную влагу, — что именно сказал вам господин Дойл? В какие слова облек он свою мысль?

— Раз уж вы спрашиваете, сэр, — ответил Дино, с милой гримасой наполняя наши бокалы, — вот что он сказал слово в слово: «Только одну бутылку, не больше — этим господам предстоит работать».

Оскар стукнул ладонью по столу.

— Я так и думал! — воскликнул он. — На Артура можно положиться! Он безусловно прав. Нам предстоит работать, и я этому рад. Артур прекрасно знает, что работа — лучшее средство от печали.

— А вы пребываете в печали, Оскар? — спросил Сиккерт. — По вам не скажешь.

— У всех свои тайны, Уолтер. — Оскар единым духом опустошил бокал и сунул в ладонь юного официанта шиллинг. — Из этого правила не бывает исключений... — Повернувшись на стуле, он протянул руку с бокалом в сторону входной двери. — Взгляните хотя бы на этих двоих.

У входа в зал переступали с ноги на ногу Чарльз Брукфилд и Брэм Стокер. Они были в пальто. Их лица выражали озабоченность. Стокер качал головой, а Брукфилд оглядывал пальмовый дворик.

— Действительно, вид у них подозрительный, — усмехнулся Уолтер Сиккерт.

— Бьюсь об заклад, тут замешана дама, — заявил Оскар, махнув салфеткой в сторону двери.

Официант наполнил опустевшие бокалы.

— Дино, — обратился к нему Оскар, — попросите этих двух господ присоединиться к нам.

Юноша проводил Брукфилда и Стокера к нашему столу.

Стокер вежливо поздоровался, а Брукфилд тут же заявил:

— Мы не можем остаться. У нас назначена встреча.

— С дамой? — предположил Оскар и улыбнулся.

— Это актриса, — ответил Стокер. — У Брукфилда неприятность — ушла исполнительница главной роли. Я помогаю ему найти замену. В одиннадцать мы встречаемся с мисс Тилверт.

— Боюсь, она опоздает, — сказал Оскар. — Раздентесь, господа. Определенно у вас есть время, чтобы выпить с нами бокал вина.

— Так вы знакомы с мисс Тилверт? — спросил Брукфилд, снова озираясь по сторонам.

— Вовсе нет, — спокойно ответил Оскар. — Просто я знаю этот тип женщин. Выпейте «шарцхофбергера», Чарльз. Это вас успокоит.

— Мы и сами вот-вот уйдем, — добавил Сиккерт. — Мы едем в Истборн.

— Истборн? — повторил Стокер, придвигая стул и с улыбкой наблюдая, как Дино наполняет его бокал. — Я люблю Истборн. Там есть стиль. — Он поднял бокал, повернувшись к Оскару. — Там все принадлежит герцогу Девонширскому.

— Мы, однако, направляемся не к его светлости, — заметил Оскар, — а к Бредфорду Пирсу. Он играет в Девоншир-парке, и мы хотим посмотреть спектакль.

Брукфилд, который все еще стоял рядом с нашим столом, жестом отказался от вина и поглядел на Оскара.

— Уж если вы едете для этого в Истборн, зрелище должно быть великолепным.

— Напротив, — сказал Оскар, выдыхая длинную струю сигаретного дыма, — Бредфорд Пирс дал нам понять, что пьеса отвратительна — просто чудовищна. Хуже трудно себе представить. Именно поэтому я не могу ее пропустить. Меня привлекает любая чрезмерность.

— Забавно, — заметил Брукфилд.

— Передайте от меня привет Пирсу, — с жаром сказал Стокер, смакуя вино. — Он славный парень и хороший актер — и к тому же наименее вероятный кандидат на то, чтобы стать жертвой убийства. Ума не приложу, почему кому-то взбрело в голову написать его имя во время вашей игры, Оскар. Готов поклясться, что во всем мире не сыскать врага Бредфорда Пирса.

— А как насчет его кредиторов? — спросил Чарльз Брукфилд и с пренебрежительной ухмылкой скрестил руки на груди.

— О них мне ничего не известно, — ответил Брэм Стокер, протянув свой бокал Дино, чтобы тот его наполнил, — но я знаю ростовщиков, которые ссужали ему деньги под залог, и они отзываются о Пирсе очень лестно.

— Полагаю, они достаточно хорошо его знают, — сказал Брукфилд.

— Нет более преданного друга, чем честный ростовщик, — заметил Оскар.

— Как это верно! — воскликнул Стокер. — Я имею дело с Ашманом, у него контора на Стрэнде. Этот господин выше всяких похвал. А вы к кому обращаетесь, Оскар?

— К нему же. Согласен с вашей оценкой. Десять лет тому назад, оказавшись в крайне стесненном положении, я отнес ему милую сердцу награду — золотую медаль Беркли*, и он дал мне тринадцать гиней. Целых тринадцать гиней! Я сказал ему: «Господин Ашман, ведь она и пяти фунтов не стоит», на что он мне ответил: «Господин Уайльд, мне хорошо известно, что значит эта медаль. Некогда и я изучал древнегреческий. Вы ведь получили ее в дублинском колледже Святой Троицы, разве не так? Там это высшая награда за успехи в классических языках. Для вас она бесценна. Сейчас у меня есть в наличии тринадцать гиней, и я счастлив дать их вам под залог этой медали».

— Удивительная история, — заметил Брэм Стокер.

— Ашман — ученый и истинный джентльмен, — сказал Оскар.

— И еврей, — добавил Чарльз Брукфилд.

— Да, и еврей, — сказал Оскар и улыбнулся. — Как и очень многие весьма достойные люди.

— Вы читали утренние газеты? — спросил Уолт Сиккерт, искусно меняя тему. — Там есть упоминание о попугае из «Кадогана». Вчера в вестибюле отеля среди бела дня несчастную птицу убили. Вы можете в это поверить?

— Убили попугая? — сказал Брукфилд. — В первый раз слышу.

— Весьма странно, — заметил Брэм Стокер. — Мы с Брукфилдом там вчера завтракали. И насколько я помню, попугай был в полном здравии.

* Золотую медаль Беркли, высшую награду колледжа Святой Троицы в Дублине, Оскар Уайльд получил в 1874 г., по окончании этого учебного заведения.

— Кто бы мог совершить такое? — спросил Сикерт. — Поступок совершенно дикий — если верить газете, весь вестибюль был в крови и перьях.

Чарльз Брукфилд улыбнулся:

— Уж не один ли из ваших вампиров порешил попугая, а, Брэм? Стокер помешан на вампирах — полагаю, это от общения с Ирвингом, старым кровососом.

— Этим вампиром могла быть летучая мышь, — всколыхнул заметил Оскар.

— Летучая мышь в Найтсбридже? — удивился Брукфилд.

— На Слоун-стрит, — уточнил Оскар.

— Совершенно нелепое предположение, — небрежно отозвался Брукфилд и пожал плечами.

— Вероятность действительно невелика, — мягко сказал Оскар, — но и не равна нулю. В Южной Америке встречается разновидность летучих мышей, *desmodontidae*, которые питаются исключительно кровью — птиц, животных, людей.

— Откуда вы это знаете, Оскар? — полюбопытствовал Стокер.

— Кроме дублинского колледжа Святой Троицы я учился в Оксфорде. Злосчастный Капитан Флинт был южноамериканским попугаем. Почему бы ему не погибнуть от южноамериканской кровососушей летучей мыши?

— Неужели вы думаете, что это возможно? — спросил Брэм Стокер, допив свой бокал.

Оскар покачал головой:

— Откровенно говоря, не думаю.

— Так кто же убил попугая, Оскар? — спросил Брукфилд. — Скажите нам, кто?

— Увы, не могу.

Брукфилд оглядел сидящих за столом.

— Оскар считает себя детективом-любителем, эдаким Шерлоком Холмсом с Тайт-стрит. Я неправ?

Оскар широко улыбнулся:

— Я действительно восхищен наблюдательностью Холмса и его способностью к дедукции. Именно благодаря таким качествам, Чарльз, я могу утверждать, что нынче утром вы покинули дом в спешке.

Брукфилд удивленно поднял брови:

— И как вы пришли к такому выводу?

— Достаточно посмотреть на вас, Чарльз. Застегивая жилет, вы пропустили одну пуговицу, нижняя часть подбородка плохо выбрита, глянец на ботинках неровный. Кроме того, вы нуждаетесь в деньгах: ваши манжеты изрядно потертые и у вас нет слуги, поэтому вы сами чистите обувь и сегодня потратили больше времени на левый ботинок, чем на правый.

Чарльз Брукфилд внимательно посмотрел на Оскара и несколько раз медленно сдвинул ладони, как бы аплодируя.

— Превосходно, Оскар. Великолепно. Так кто же убил попугая?

Оскар в ответ так же пристально посмотрел на Брукфилда, но ничего не сказал.

— Ну же, Оскар, — со злой ухмылкой продолжал Брукфилд, — решите загадку, старина. Кто убил попугая? Если еще до моей премьеры вы назовете убийцу и предъявите доказательства, я дам вам...

— Что вы мне дадите, Чарльз? — спросил Оскар.

— Я дам вам... — Брукфилд колебался, а затем склонился к Оскару и взглянул ему прямо в глаза. — Я дам вам тринадцать гиней.

— Отлично, Чарльз, — сказал Оскар, улыбнувшись. — Я принимаю вызов.

Глава десятая

САМОЕ ГРЯЗНОЕ УБИЙСТВО

К трехчасовому поезду на Истборн нам удалось добраться за секунду до отправления. Думаю, мы являли собой забавное зрелище, когда, оглушенные свистком парово-

за, резво двигались вдоль перрона в клубах дыма. Впереди в малиновой пелерине и белой фетровой шляпе гордо вышагивал Оскар — точь-в-точь папский легат, спешащий на международную конференцию. Уолтер Сиккерт в черном сюртуке и брюках со штрипками старался держаться рядом — озабоченный секретарь и помощник. Нафабранные усы Уолта блестели как и его цилиндр. Замыкал шествие я — смиренный служитель, из последних сил неуклюже семенящий за своими господами. Впрочем, я оказался последним и задыхался по вполне понятной причине: как только мы прибыли на вокзал Виктория, Оскар отрядил меня купить все газеты.

Благодаря леди Уиндермир и ее вееру, мы ехали первым классом, получив в свое распоряжение отдельное купе. Только мы заняли места, как прозвучал последний свисток и поезд тронулся.

— Успели! — выдохнул Сиккерт, сдвигая шляпу на затылок и вытирая пот со лба огромным, донельзя измятым и испачканным краской платком.

— А у вас были сомнения на этот счет? — спросил Оскар. Он аккуратно снял свой головной убор, любовно погладил мягкий фетр и положил шляпу на свободное место рядом с собой.

— Должен признаться, были, — ответил Сиккерт. — Я уже думал, что у вас с Брукфилдом дело кончится дуэлью. Что произошло между вами?

— Он меня не любит.

— Это очевидно. Но почему?

— Зависть, — вклинился я в разговор, поскольку успел перевести дыхание. — Брукфилд завидует Оскару.

Сиккерт рассмеялся:

— Да мы все завидуем Оскару! Я завидую ему с раннего детства. Правда, я не вижу в этом оснований для того, чтобы делать ехидные замечания в его адрес. И я не пишу пьесу-пасквиль с единственной целью принизить Оскара. И не предлагаю ему без всякой видимой причины решать нелепые загадки. Нет, во всем этом таится нечто большее, чем банальная зависть.

— Однажды, — сказал Оскар, расстегивая свою пелерину, — я дал Чарльзу повод для обиды.

— Ах вот как! — проворчал Сиккерт, пытаясь заправить платок в брючный карман. — Я подозревал нечто подобное. И что это за повод?

— Дело было в Нью-Йорке несколько лет тому назад. Я читал там курс лекций, а он играл в какой-то пьесе. Мы встретились на званом чае. Чарльз был в перчатках. Чаепитие происходило в доме, а вовсе не в саду. Как известно, джентльмен не пьет чай в перчатках, о чем я ему и сказал — прилюдно. Он меня не простил.

Оскар сунул руку в карман и достал портсигар. Мы смотрели на него молча, ожидая продолжения. Он взял сигарету — как обычно, турецкую, — поднес ее к губам, но не сказал ни слова.

— Так в этом все дело? — спросил Сиккерт.

— Этого достаточно, — ответил Оскар, зажигая спичку. — Я задел его гордость. Унизил его — причем в Америке, перед незнакомыми людьми. Я говорил, не подумав. Это была ошибка, и я о ней сожалею. — Он отвернулся к окну, за которым мелькали домишки Южного Лондона, тянувшиеся вдоль железнодорожного полотна. — Мысли облакаются в слова, — продолжал он. — Слова порождают поступки. Поступки порождают привычки. Привычки порождают характер. Характер определяет судьбу.

— Думаете, вам удастся найти убийцу попугая? — спросил я.

Оскар отвернулся от окна и рассмеялся:

— Если я этого не сделаю, то потеряю тринадцать гиней! Раздайте-ка газеты, Роберт. Пора приниматься за работу.

Я разделил между нами газеты — не меньше дюжины — и спросил:

— Что мы, однако, ищем, Оскар?

— Все, что может иметь отношение к делу, — сказал Оскар. — Новые детали пожара на Чейни-уок, ка-

кие-либо заявления инспектора Гилмора, сообщения о смерти лорда Эйбергордона или об исчезновении из лондонского зоопарка южноамериканской летучей мыши-вампира...

— Признайтесь, об этих мышах-вампирах вы говорили в шутку? — спросил Сиккерт, разложив на коленях «Ивнинг кроникл».

На этот вопрос Оскар не ответил. Он с головой ушел в изучение «Дейли график».

— Господа, — вдруг заявил он, просяяв, — кое-что у нас уже есть. Вот фотография покойного лорда Эйбергордона, заместителя военного министра: он направляется на Эпсомские скачки в обществе старого друга маркиза Куинсберри...

— Это нам что-то дает? — спросил Сиккерт.

— Не исключено... Репортер отмечает, что эти двое представителей высшей знати «страстно любили» спорт в различных его видах, включая «скачки, охоту, стрельбу, бокс, альпинизм...». А как вам это понравится? — Оскар радостно зашуршал газетой. — Их светлости впервые свели знакомство еще молодыми людьми в тысяча восемьсот шестьдесят пятом году, «когда трагически погиб младший брат маркиза Куинсберри лорд Френсис Дуглас... Лорд Эйбергордон входил в состав той же роковой группы альпинистов, что и Френсис Дуглас, но счастливо избежал смерти...».

— Это нам о чем-то говорит? — повторил свой вопрос Сиккерт и отложил «Ивнинг кроникл» в сторону.

— Трудно сказать, — ответил Оскар, опустив газету и улыбнувшись Уолтеру. — Однако же, согласитесь, это наводит на размышления... В тысяча восемьсот шестьдесят пятом году лорд Френсис Дуглас становится жертвой несчастного случая в горах, когда там же оказывается и лорд Эйбергордон. В тысяча восемьсот девяносто втором году еще один Френсис Дуглас, лорд Драмланриг, крестник Эйбергордона, заявляет, что желает смерти своему крестному отцу, и в течение двух суток последний...

— Разве Эйбергордона своей жертвой назвал Драмланриг? — спросил Сиккерт. — Я этого не знал.

— Да, — сказал Оскар, — если верить Боузи. Нам еще предстоит побеседовать с самим Френсисом.

— Но это ведь не означает, что он совершил убийство.

— Ну разумеется.

— Вы конечно же помните, — сказал Сиккерт, стряхивая тыльной стороной ладони пыль с колен, — что года два тому назад в закоулках неподалеку от вокзала Кингз-Кросс за мной гналась орава проституток с криками «Это Джек Потрошитель!».

— Как же, помню, — ответил Оскар. — Вы мне сами рассказывали.

— Но я — не Джек Потрошитель.

— Это мне известно.

— Я просто хочу сказать, — продолжал Сиккерт, — что нам не следует делать скоропалительных выводов на основании весьма шатких косвенных улик.

— Совершенно с вами согласен, — сказал Оскар. — Я их не делаю, не делал и делать не намерен, можете быть в этом абсолютно уверены. — Он помахал сложенной газетой. — Меня просто заинтересовало совпадение, не более того.

Сиккерт фыркнул, подергал усами и посмотрел в окно. Мы проезжали Паддок-Вуд, платформа была пуста.

— Вы никогда не говорили мне, Уолт, — продолжил Оскар с ехидной улыбкой, — что вас занесло среди ночи на задворки Кингз-Кросса? Или опасность вас возбуждает?

Уолтер отвернулся от окна и встретил взгляд Оскара.

— Дело было вовсе не среди ночи, а в полночь. Я — художник, английский художник, и я искал типично английские объекты для картины. Сделав наброски у музык-холла в Сомерс-Тауне, я уже возвращался домой, но заблудился...

— И как вы были одеты? Как сейчас?

— Возможно, — сказал Сиккерт. — Это мой любимый сюртук. Правда, это случилось зимой, и на мне еще была накидка.

— И шляпа? Да еще эти усы! — Оскар усмехнулся. — Стоит ли удивляться, что пасущиеся у вокзала дочери наслаждения всполошились, завидев вас? Да они могли принять вас за одного из брэмовских вампиров!

Я рассмеялся. Сиккерт тоже изобразил подобие улыбки. Оскар наклонился к нему и дружески тронул его колено.

— Никто не поверит, Уолт, что вы — Джек Потрошитель. И я не верю, что брат Боузи убил лорда Эйбергордона. Но вот что еще важнее: смерть мисс Скотт-Риверс наступила в результате несчастного случая — в этом убежден Скотленд-Ярд; судьба Шерлока Холмса целиком находится в руках Дойла — это совершенно очевидно; по прибытии в Истборн мы найдем Бредфорда Пирса в добром здравии и хорошем расположении духа, и он поделится с нами своей тайной — на этот счет у меня нет сомнений.

— Пирс поделится своей тайной, вы сказали? — спросил Сиккерт, обретая обычное хладнокровие. — Он ничего не писал о тайне.

— У каждого из нас есть свои тайны, Уолтер, — ответил Оскар. — У меня, у вас. То же и с Бредфордом Пирсом. Он сам признается в этом в письме.

— Неужели? — Сиккерт был явно растерян. — Он сообщил, что напуган, это правда. Но ни о какой тайне в письме нет ни слова.

— Вы уверены? — спросил Оскар. Он вытащил из внутреннего кармана письмо. Развернув листок, Оскар передал его Сиккерту. — Прочитайте-ка последний абзац еще раз.

Сиккерт взгляделся в каракули Пирса и медленно прочел вслух последние строки:

— «Приезжайте, если найдете время. Признаться вам, мне страшно». — Уолтер поднял глаза на Оскара. — По-моему, все ясно. Ему страшно, он так и пишет.

Оскар взял письмо из рук Сиккерта и еще раз внимательно всмотрелся в текст.

— М-да... — пробормотал он задумчиво. — Небрежность Пирса в пунктуации порождает двусмыслицу. Возможно, я ошибаюсь, но я понял последнее предложение как признание в том, что ваш друг боится сказать вам всю правду. Уолт, «признаться вам, мне страшно» — разве не это он написал?

В Истборн мы прибыли в половине седьмого. Поезд опоздал — заклинило стрелку близ Полгейта. Недавно построенный театр Девоншир-парка, жемчужина в богатой театральной короне Истборна*, располагался к юго-западу от города, довольно далеко от центра, но в двух шагах от моря. В семь и одну минуту мы подошли к служебному входу с тыльной стороны здания. Стоя на улице в меркнувшем свете дня, мы обратились к привратнику через крохотное зарешеченное окошко, вырезанное в двери. Судя по тому немногому, что нам удалось рассмотреть и услышать, это был мрачный старик родом из Ланкашира, который проработал в театре долгие годы, ни на мгновение не переставая ненавидеть свое занятие.

— Никаких посетителей до начала спектакля, — пробурчал он, не удостоив нас взглядом. И остался немолчим: ни униженные просьбы Уолта, ни звон шиллингов Оскара не смягчили сурового стража. — Никаких посетителей! — повторил он.

— А господин Пирс находится в театре? — спросил его Оскар, прижав лицо к решетке. Ответа не последовало. Мы слышали, как старик, причмокивая, что-то

* На самом деле театр Девоншир-парка был построен в 1884 г. и стал вторым театром в Истборне (в 1883 г. в городе появился первый театр — «Ройал энд опера хаус», в котором преимущественно выступали артисты мюзик-холла и варьете). Еще два театра открылись в этом городе значительно позже, во времена Оскара Уайльда их не было.

пьет. Потом он громко рыгнул. Между тем Оскар повторил свой вопрос: — Здесь ли господин Пирс? Нам очень важно это знать.

— Где ж ему быть? — сказал привратник. — Кого, по-вашему, будут убивать в четвертом акте?

Когда мы отошли от служебного входа и направились к билетной кассе, расположенной со стороны фасада, Оскар покачал головой и вздохнул.

— Должен заметить, господа, что я посвятил свою жизнь тому, что *развлекал* рабочий класс, *приводил в ярость* средний класс и *очаровывал* аристократию. И вот наконец я встретил достойного соперника: он являет собой особый класс, и я для него не существую.

Без особого труда мы обеспечили себе три места на вечернем представлении. Пьеса «Самое грязное убийство», согласно афише — «современная мелодрама в старой традиции», не вызвала сенсации в городе. Оскар собирался наслаждаться представлением из середины партера, но господин Станден Триггс, директор театра, оказался аристократом по натуре, ибо узнал Оскара в тот миг, как мы вошли в фойе, и тут же был полностью и без остатка им *очарован*. Ошеломленный высокой честью, оказанной его театру великим мастером слова господином Уайльдом, господин Триггс настоял на том, чтобы мы, в качестве его личных гостей, проследовали в королевскую ложу и, буде в том нужда, обращались к нему по любому поводу. С того момента, как мы оказались в театре, и до той минуты, когда, тремя часами позже, мы покинули Девоншир-парк, Триггс не сводил с Оскара восхищенного взора. Завороженный, он смотрел на Оскара как на царицу Савскую.

Любезный и говорливый в той же степени, в которой его привратник был суров и молчалив, Триггс и сам излучал обаяние. Был он невысок, лет пятидесяти с лишним, изящен в движениях и безупречно одет. Небольшая голова, круглая, как редиска, венчала длинную, тонкую, похожую на стебель шею. Когда Триггс

говорил, голова его покачивалась из стороны в сторону, будто у детской игрушки. К этому стоит добавить лысый череп, розовые бархатистые щеки, маленький острый нос с красным, словно тронутым гримом, кончиком и круглые, навывкате бесцветные глаза с красными веками — взгляд этих выпуклых глаз вызывал замешательство. Он неустанно повторял, какую «безмерную радость» испытывает от нашего присутствия, и, казалось, весь вечер пребывал на грани эмоционального истощения. У Триггса дрожали руки, пот заливал его лицо, а глаза то и дело наполнялись слезами.

До начала представления и во время трех довольно продолжительных антрактов он приглашал нас в свой кабинет и трещал без умолку. Этот избыток чувств казался и комичным, и трогательным. Триггс потчевал нас теплым и пренеприятным на вкус эльзасским вином. «Ну разве оно не восхитительно?» — вопрошал он, поминутно вскрикивая и раздражаясь смехом. Он возносил хвалу всем и вся. Театр его — восьми лет от роду — «возможно, скорее всего — нет, нет, *наверняка*» самая лучшая труппа итальянского стиля за пределами Италии. Девоншир-парк и «Бат компани» — «конечно же, вне всяких сомнений» — самые приличные, самые справедливые работодатели, о которых только можно мечтать, и, хотя Триггс еще не имел счастья встретиться с новыми герцогом и герцогиней, он слышал о них «столько лестного, столько лестного, ну ничего, кроме самого хорошего». Что касается нашего друга Бредфорда Пирса... «Ах! Он же любимец всего Истборна... На провинциальной сцене не найти равного ему актера того же возраста и амплуа. Кто в театральном мире — вне моей труппы, разумеется, — сравнится с его популярностью? Решительно никто».

— А любят ли Пирса собраты по сцене? — спросил Оскар. Его глаза увлажнились — возможно, под действием вина.

— Да у него во всем свете не найдется врага, — заявил господин Триггс. — Откровенно говоря, — доба-

вил он, доверительно склонившись к Оскару, — наши симпатия и уважение к господину Пирсу столь велики, а доверие столь безгранично, что он пользуется привилегией, недоступной более никому в нашем театре... — При этих словах Оскар поднял на Триггса вопросительный взгляд. — Ему разрешено оставаться в помещении театра на ночь, хотя правила этого не допускают.

— Он здесь спит? — спросил Сиккерт.

— Именно, — подтвердил Триггс, по-прежнему не отрывая глаз от Оскара. — Бредфорд Пирс постоянно нуждается в средствах, но у него нет и не будет недостатка в друзьях. Когда он занят в наших спектаклях, мы разрешаем ему жить в гримерной.

— И ваш привратник не возражает? — удивленно пробормотал Оскар.

Господин Триггс с важностью кивнул и вытер набежавшую слезу умиления.

— Да, столь высока репутация Бредфорда Пирса в избранной им профессии, — сказал директор театра.

Надо признать, что участие в спектакле «Самое грязное убийство» вряд ли привело к дальнейшему упрочению профессиональной репутации господина Бредфорда Пирса.

— Пьеса недостаточно плоха, чтобы быть интересной, — прошептал мне на ухо Оскар, когда свет в зале померк перед началом заключительного акта. — Пустая нудная болтовня. То-то господин Триггс не может сдерживать зевок. Остается уповать, что нашего друга Пирса укокошат достаточно быстро.

Упования Оскара были напрасны. Последний акт превзошел все остальные своей продолжительностью — по крайней мере, так нам показалось. Пирс играл роль грозного мужа и отца, капитана корабля, который забывает о жене и семье, когда выходит в море, а по возвращении избивает и мучает своих домашних без всякой меры и сожаления. В финале пьесы

жена решает, что более не в силах терпеть жестокое обращение. Она крадет пистолет у мимопроезжего незнакомца — персонажа побочной и весьма изощренной сюжетной линии, конокрада из Перу, если мне не изменяет память! — и разряжает его в спину мужа, который как раз в это время в пьяной ярости поднял хлыст, намереваясь ударить свою сжавшуюся в дрожащий комок слепую чахоточную дочь...

Оскару принадлежит замечательная фраза: «Надо иметь каменное сердце, чтобы читать о смерти Крошки Нелл* без смеха». Во время заключительных сцен «Самого грязного убийства» я заметил, что мой друг пригнулся к барьеру ложи и прикусил костяшки сжатых в кулак пальцев.

Сикерт, сидевший позади Оскара, прошептал:

— А что, если пистолет заряжен?

Оскар с усилием сдержал смешок:

— В этом случае мы сможем пристрелить автора.

Однако Сикерт не успокоился:

— Но ведь кто-то угрожал Бредфорду. Если его хотят убить, то эта сцена...

Оскар повернулся к нему:

— Помолчите, Уолт. Дадим ему умереть с миром.

В это время на сцене раздался выстрел. Звук был оглушительным. В полупустом зале послышались крики: «Нет! Нет!»

Позади нас взбодрившийся Станден Триггс пробормотал:

— Как натурально, не правда ли?

На сцене актриса, игравшая жену Пирса, уронила дымящийся пистолет и в душевной муке закрыла лицо руками. Юная девушка, исполнявшая роль дочери Пирса, широко раскрытыми глазами взглянула на мать и издала пронзительный крик. Сам Бредфорд

* Крошка Нелл — персонаж романа Ч. Диккенса «Лавка древностей».

Пирс, стоявший в центре, повернулся лицом к зрителям. Его грудь и руки были красны от крови, глаза закрыты, лицо искажено. Он качнулся — сначала влево, затем вправо, потом сделал неверный шаг к рампе — на мгновение мне показалось, что он упадет в оркестровую яму, — и наконец, раскинув руки, шагнул назад и рухнул как подкошенный на пол.

Занавес.

— Ну разве это не стоило посмотреть? — воскликнул господин Станден Триггс, вскочив на ноги и первым аплодируя, чтобы подать пример остальным.

Встали и мы с криками «Браво!» и, обратив взгляд вниз, на редких зрителей, убедились, что все они стоя аплодируют актерам.

Минутой позже, когда аплодисменты стали стихать, занавес вновь поднялся. У рампы, взявшись за руки, выстроились на поклон все участники спектакля «Самое грязное убийство» — за исключение одного. Бредфорда Пирса на сцене не оказалось.

Глава одиннадцатая

«Я ОПАСАЮСЬ ХУДШЕГО»

— Он выжидает, — усмехнулся господин Станден Триггс. — Выйдет на второй поклон.

— Надеюсь, — тихо сказал Оскар.

Занавес упал и снова взвился вверх. Никаких признаков Бредфорда Пирса. Кланаясь, исполнительница главной роли повернула голову к левой кулисе.

— Сейчас он выйдет, — заявил взволнованный Триггс.

— Вряд ли, — сказал Оскар, не скрывая озабоченности. — Идем за кулисы.

Аплодисменты снова затихли, и занавес опустился во второй раз. Прежде чем он коснулся пола с характерным лязгом (по-видимому, в его нижний край был вшит ме-

таллический стержень), мы увидели, как ноги актеров, сломав строй, быстро засемили к краю сцены.

— Быстрее! — скомандовал Оскар.

— Подождите! — воскликнул Триггс, сделав шаг к барьеру и протянув дрожащую руку к оркестровой яме. — Мы в королевской ложе, и этот момент нельзя упустить. — Он вытянулся по стойке смирно, и пять престарелых оркестрантов театра грянули гимн Британии. Судя по звукам, их руки дрожали так же, как руки Триггса. Оскар застыл на месте и стоял, обратившись лицом к залу и выпятив грудь. При этом мой друг весьма напоминал принца Уэльского, хотя и был тринадцатью годами моложе и пятью дюймами выше и блистал полным отсутствием бороды.

Как только с гимном было покончено, Оскар вернулся к жизни.

— Мы должны отыскать Пирса, — сказал он Сиккерту.

— Ну разумеется, — сказал господин Триггс, подхватив Оскара под локоть, — я вас понимаю, но сначала... — Расплываясь в улыбке, тараща свои удивительные глаза и заливаясь потом, директор театра снова протянул руку к оркестру. Дирижер воздел палочку, поднял взгляд на королевскую ложу и почтительно склонил голову. Оскар ответил на поклон (правда, не столь почтительно), и квинтет перезревших виртуозов разразился попури из комических опер Гилберта и Салливена.

— О! «Пейшенс»!* — воскликнул Оскар, прикрыв глаза.

— В вашу честь, господин Уайльд, — пролепетал Триггс. — А кроме того, мы включили верхнее освещение, чтобы вы могли по достоинству оценить купол. Херувимы и кариатиды Шмидта — уверен, вы оцените их по достоинству.

* «Пейшенс» — популярная комическая опера У. Гилберта и А. Салливена, впервые поставлена в 1881 г.

— Еще бы! — сказал Оскар, в отчаянии озирая гипсовые фигуры. — Однако же я беспокоюсь о нашем друге Бредфорде Пирсе.

— О, я вас так понимаю, — закивал Триггс, по-прежнему улыбаясь, но теперь уже со слезами на глазах.

— Прошу меня извинить, — сказал Оскар.

— Я покажу вам дорогу. — Триггс махнул рукой оркестру, и тут же наступила тишина. — Следуйте за мной, господа, мы найдем вашего друга. Он пропустил выход на поклон — это так на него непохоже.

Легко ступая, хотя и задыхаясь, словно страдающий астмой эльф, господин Триггс повел нас из королевской ложи через короткий кривой коридорчик к боковой двери.

— Так мы сразу попадаем к гримерным, — объяснил он. — У нас тут, разумеется, нет таких удобств, как в Уэст-Энде, но по провинциальным меркам мы живем совсем неплохо.

Пройдя через дверь, мы словно переступили границу другого мира. Оставив позади золото и бархат земли изобилия, мы очутились в мрачной и бесплодной стране: голые кирпичные стены, некрашеный дощатый пол, освещение настолько скудное, что глаза едва различали, куда можно поставить ногу.

— Комната Пирса — первая справа, — сообщил нам Триггс. — Если вы не против, я пойду впереди.

— Неужели вы что-нибудь видите? — спросил Оскар.

Было похоже, что господин Триггс и сам шел на ощупь. Он издал нервный смешок.

— Глаза быстро привыкают к темноте, — сказал он. — Ну вот, уже лучше. — В тусклом свете я увидел, что Триггс разглядывает имя на табличке, прикрепленной к двери гримерки. — Мы пришли, — провозгласил он и постучал. Ответа не последовало. Триггс постучал еще раз.

— Войдем, — скомандовал Оскар.

— Я опасюсь худшего, — прошептал Сиккерт.

Станден Триггс нащупал дверную ручку и медленно ее повернул.

— Господин Пирс, к вам пришли, — сказал он и открыл дверь.

Мы столпились на пороге, не зная, чего ожидать.

— Он там? — спросил Оскар.

— Бредфорд! — закричал Уолтер Сиккерт, входя в комнату. Мы последовали за ним. — Его здесь нет, — сказал Сиккерт, обернувшись к Оскару. — Он исчез.

Гримерная представляла собой тесную сырую комнату с низким потолком и без окон — точь-в-точь тюремная камера. Вчетвером мы в ней едва разместились. Единственным источником света был газовый рожок на противоположной от двери стене. Под рожком стоял туалетный столик, покрытый куском ткани, явно оторванной от полотенца. На нем были разбросаны обычные для гримерной предметы. От стены до стены — узкий соломенный матрас. В изголовье лежало свернутое валиком синее матросское одеяло. Справа от стола располагался узкий шкаф для одежды с открытой дверцей. Он был пуст. На стуле валялся костюм Пирса: бриджи, сюртук и окровавленная рубашка, в которой мы видели его в финальной сцене спектакля. Я заметил, как Оскар тронул кровавое пятно и поднес пальцы к губам.

— Смотрите! — воскликнул Сиккерт, вздрогнув. Слева от столика стояло высокое зеркало в подвижной раме. Желтоватое стекло было испещрено пятнами, а на нем, едва различимые в полутьме, намалеванные гримом кривые крупные буквы складывались в единственное слово: ПРОЩАЙТ.

Оскар взглянул в зеркало и фыркнул.

— Почерк Бредфорда Пирса ничуть не лучше его орфографии. — Он повернулся к директору театра: — Нам пора идти. Господин Триггс, окажите любезность, проводите нас к служебному выходу.

Обливаясь потом и дрожа, Станден Триггс не мог оторвать взгляда от зеркала.

— Но что это означает? — спросил он в полной растерянности.

— Боюсь, это означает, что вам придется предупредить дублера господина Пирса о том, что его услуги могут понадобиться на завтрашнем представлении.

— Как вы думаете, Оскар, что случилось? — спросил Уолт Сиккерт. В его голосе звучала тревога. — Неужели произошло то, чего мы опасались?

— Чего вы опасались? — почти в точности повторил последние слова Триггс. Он дышал еще натужней, чем прежде. — У вас были опасения? Какие именно? — Огромные, полные слез глаза смотрели на Оскара. В них странным образом сочетались глубокое уныние и торжество.

— Никаких опасений, господин Триггс, — утешил его Оскар. — Мы просто надеялись повидать господина Пирса и боялись разминуться... Вот, в сущности, и все. Его несколько беспокоят кредиторы. Однако нам пора. Мы конечно же найдем нашего друга в каком-нибудь ресторанчике неподалеку.

Господин Триггс проводил нас вниз по крутой металлической лестнице к служебному выходу. С окончания спектакля прошло не более четверти часа, но театр уже опустел. У дверей мы нашли исполнительницу главной роли мисс Долли Джастерини, «еще одну любимицу Истборна» — она как раз вручала ключ от своей примерной уже знакомому нам мрачному привратнику. Когда Триггс представил нас даме, та торопливо присела и дала понять, что спешит. Поклонник обещал угостить ее добрым бокалом портвейна в «Гербе Девоншира», а поскольку цена портвейна и нрав мужчин оценивались ею трезво, она не хотела рисковать, заставляя ожидать себя.

Рассыпавшись в поздравлениях и восторженных похвалах ее игре, которые она приняла как должное, Оскар спросил:

— Как вы полагаете, мы найдем господина Бредфорда Пирса в «Гербе Девоншира»?

— Вряд ли, — пропела мисс Джастерини уже из-за двери. — Бредфорд в последние дни прячется. Он даже на поклон не вышел, убежал. Скорее всего, заперся в своей примерной, шалун такой. Прощайте, о благородные рыцари. Доброй ночи, Гарольд.

Не успели мы произнести ответные слова, как она исчезла из вида. Привратник тихонько рыгнул, но промолчал.

— Как вы думаете, Пирс может прятаться где-нибудь в театре? — спросил Сиккерт.

Привратник впервые поднял глаза от газеты.

— Да он уж минут двадцать как смылся, — проворчал он. — Никак знал, что вы здесь.

Оскар в это время что-то писал карандашом на обороте визитной карточке. Он взглянул на Триггса и улыбнулся.

— А у господина Пирса есть ключ от служебного входа? — спросил он.

— Да, — ответил директор. Казалось, он немного успокоился. — Но войти в театр он может только до полуночи — именно в это время Гарольд, — тут он кивнул в сторону привратника, не встречаясь, однако, с ним глазами, — закрывает двери на ночь. У господина Пирса действительно есть ключ от главного замка, но в полночь Гарольд уходит домой и перед тем, как покинуть театр, приводит в действие еще два запора. Так что с полуночи до восьми утра в театр никто попасть не может.

— Понятно, — сказал Оскар.

— Именно так обстоит дело. — С этими словами господин Триггс открыл дверь служебного входа, чтобы выпустить нас на улицу. Тихий безоблачный вечер, высоко в небе — бледная луна. Крики чаек над головой, отдаленный бой церковных часов.

— Господин Триггс, если вам случится увидеть Бредфорда Пирса раньше нас, — обратился к директору театра Сиккерт, пожимая ему руку на прощание, —

не сочтите за труд сообщить ему о нашем визите. И попросите Пирса связаться с нами как можно скорее.

— Ну разумеется, — закивал Триггс, — я непременно скажу ему, что вы были в театре. Впрочем, я уверен, что вы и сами его без труда найдете. Господин Уайльд на какое-то мгновение смутил меня своими словами о дублере, но если Пирса и не окажется в «Гербе Девоншира», то вы отыщете его в «Приюте рыцаря», или в «Принце Альберте», или в «Агнце». Тут не может быть сомнений. — Он с чувством пожал мою руку, его ладонь была холодна как лед. Затем он повернулся к Оскару и поднял на него взгляд, в котором читалось благоговение. — Господин Уайльд, — его глаза вновь увлажнились, — это такая честь для нас...

— Это для нас было честью — и, само собой, удовольствием, — сказал Оскар, кланяясь директору и вручая ему визитную карточку. — Прошу вас, воспользуйтесь этим адресом, господин Триггс, — добавил он, переступая порог.

Триггс взял карточку Оскара и поднес ее к губам, словно это была священная облатка.

— Доброй ночи, господа! — прокричал он нам вслед. Обернувшись, мы увидели, что он извлек из кармана большой белый платок и машет им над головой. Так продолжалось, пока мы не свернули за угол и он не потерял нас из виду.

— Ну разве не славный человек этот Станден Триггс? — спросил Оскар.

— Станный, я бы сказал, — заметил Сиккерт.

— Вы что-то написали на своей карточке, Оскар, — сказал я. — Что это было?

— Имя и адрес врача, коллеги моего отца. Подозреваю, что господин Триггс страдает от недуга, известного как болезнь Грейвза*. Возможно, сам он остается в

* Болезнь Грейвза, или базедова болезнь, — заболевание щитовидной железы.

неведении, но все симптомы указывают именно на это заболевание, и в первую очередь — его глаза навывкате. Думаю, он долго не протянет.

— Мне очень жаль, — заметил я.

Уолт Сиккерт внезапно остановился:

— Вы просто чудо, Оскар Уайльд! Похоже, вы вообще все знаете.

— Увы, это не так, — сказал Оскар, также остановившись и положив руку на плечо Сиккерта. — Я понятия не имею, где находится ваш друг Бредфорд Пирс.

Сиккерс улыбнулся:

— Но мы, по крайней мере, знаем, что его не убили в последнем акте. Нам известно, что театр он покинул невредимым.

— Да, — согласился Оскар. — Так нам сообщил привратник.

— А у вас есть сомнения на этот счет? Разве вы не думаете, что мы найдем Пирса в одном из местных питейных заведений?

— Думаю, не найдем, — ответил Оскар, нащупывая свой портсигар. — Я вообще сомневаюсь, что мы увидим его сегодня.

— Но попытаться все же следует, согласитесь, — настаивал Сиккерт.

Оскар зажег спичку, внезапно осветив бледное лицо и пронзительные глаза Уолта. Мы стояли тесным кружком на пустынной улице. Слева на холме виднелись городские огни, направо вниз уходила дорога на Бичи-Хед.

— Который час? — спросил Оскар.

— Только что били часы, — ответил я. — По-моему, одиннадцать.

Оскар улыбнулся и, прищурившись, стал пристально смотреть мне прямо в глаза. Обычно такой взгляд предварял просьбу.

— Роберт, — сказал он, — если Уолт и я предпримем обход здешних пивных, сможете вы остаться здесь, на посту? Вот сигареты, чтобы вам было чем занять

себя. Если Бредфорд Пирс предполагает заночевать в театре, он должен вернуться туда до полуночи. В этом случае — правда, я сомневаюсь в таком развитии событий — вы приведете его в гостиницу «Агнец» на Хай-стрит. Мы там снимем номера.

— Но ведь сначала мы наведемся в «Герб Девоншира»? — спросил Сиккерт.

— Да, — ответил Оскар, — если хозяин нас впустит в столь поздний час. И в «Приют рыцаря», и в «Принца Альберта», и во все прочие заведения, которые нам встретятся на пути. Мы все это проделаем, Уолт, но для того лишь, чтобы вы не испытывали угрызений совести, а чувствовали, будто что-то предпринимаете. Однако Бредфорда Пирса мы сегодня не найдем — ни живого, ни мертвого.

— Так вы допускаете, что его нет в живых? — с тревогой в голосе спросил Сиккерт.

— Я знаю не больше вас, Уолт. Если Пирс жив — а я уповаю на это, — то он прячется, хотя причины этого нам пока неизвестны. Если же бедняга мертв, если его убили за эти полчаса, прошедшие после спектакля, и бросили где-нибудь в канаве или в темном закоулке Истборна, то сейчас уже слишком поздно — да, мы не успели — и слишком темно, чтобы мы могли его найти. Ради вас, Уолт, мы не прервем поиски до полуночи. А завтра, при свете, возобновим их уже всерьез.

Инстинкт Оскара его не обманул. До полуночи я промаялся на углу Комптон-стрит и Хардуик-роуд, дымя его сигаретами и не сводя глаз со служебного входа в театр. Мимо меня протрусил одинокий хромым пес — кокер-спаниель и проковыляла два пьянчуги. Никаких следов Бредфорда Пирса. Наконец часы на церкви пробили двенадцать раз, дверь открылась, и на пороге возник привратник. Он оказался выше ростом, чем я предполагал, и к тому же крепче. К моему удивлению, он выкатил из недр театра велосипед, а затем, упра-

вившись с запорами и оглядев дорогу в обе стороны, взобрался на него и довольно резво закрутил педалями.

Я подождал еще с четверть часа, но никто не появился. С чувством исполненного долга я направился к Хай-стрит и вскоре увидел Оскара и Уолта. Они покуривали на ступенях гостиницы «Агнец».

— Мы тоже его не нашли, — сказал Оскар. — Пирс тут хорошо знают и, похоже, любят, но этим вечером он не встретился ни одной живой душе и никто понятия не имеет, где он может обретаться.

— Я просто места себе не нахожу, — сказал Сиккерт. — Пирс — мой друг.

— Мы его отыщем. — С этими словами Оскар швырнул сигарету в сточную канаву и посмотрел в черное ночное небо. — Пусть не сегодня. — И приобнял Сиккерта за плечи. — Уж звезды утомились, так же и с нами. Пора в постель, *mes amis**. — Свободной рукой Оскар взял меня за локоть. — Мы сняли здесь комнаты, Роберт, и, если верить Уолту, «они чисты, дешевы и приветливы, как лучшие из дочерей наслаждения». А супруга хозяина, госпожа Флетчер, да пребудет с нею благословение Господне, ну просто святая. Вы можете оставить у дверей свое исподнее, и с первыми лучами солнца найдете его выстиранным и выглаженным. Мы с вами в Истборне, господа, где чудеса еще не канули в прошлое.

Спал я недолго, но крепко. В половине седьмого я проснулся на редкость бодрым и увидел у своей постели доброго ангела — нашу хозяйку — с улыбкой на устах, чистым бельем и тазиком горячей воды для бритья. Госпожа Флетчер и впрямь оказалась образцом совершенства: когда она отдернула занавески и открыла окно, я убедился, что она молода — не старше меня и, хотя чуть-чуть полновата, миловидна как молочница Ватто. Приподняв голову с подушки, я пожелал ей доброго утра. Она присела в реверансе и со словами:

* Мои друзья (*фр.*).

«Завтрак будет готов с минуты на минуту, господин Уайльд просил гусиные яйца», — покинула комнату. (И зачем я только отправился в Париж и выбрал себе в жены этот нудный польский синий чулок, Марту Липскую, когда мог бы приехать в Истборн и найти английскую девушку, похожую на госпожу Флетчер?)

Я подошел к окну. Начиналось утро четверга пятого мая тысяча восемьсот девяносто второго года — ясное и свежее, какое только можно пожелать в Англии на исходе весны. На голубом небе ни облачка, ласковый ветер приносит аромат желтофиоли. Я побрился, оделся и повязал галстук с особой тщательностью, думая о госпоже Флетчер и с улыбкой вспоминая одно из любимых изречений Оскара: «Хорошо завязанный галстук — это первый важный шаг в жизни мужчины»*.

Оскар и Уолтер уже сидели за завтраком. Они тоже выглядели заметно посвежевшими. Оскар был особенно оживлен и энергичен. При моем появлении он встал и принялся снимать крышки с поданных к завтраку блюд с видом фокусника, извлекающего из шляпы бу-мажный букет или белого кролика.

— Позвольте мне прислуживать вам, Роберт. Вы не будете разочарованы. Госпожа Флетчер приготовила для нас свежую сельдь, местную ветчину, рубленые почки и бараньи отбивные. Есть также яйца, Роберт. Должен сказать, что выбор яйца — это неизбежный риск, ибо никто не может быть уверен в результате. Однако гусиное яйцо...

— Тогда, пожалуйста, гусиное яйцо, приготовленное госпожой Флетчер, — сказал я, протягивая Оскару тарелку.

Мой друг был явно расположен подразнить меня. Обернувшись к Сиккерт, он громко прошептал:

— Вы слышали, как Роберт произнес это имя? «Госпожа Флетчер»... — Он словно пробовал эти слова на

* Цитата из пьесы О. Уайльда «Женщина, не стоящая внимания».

вкус. Возвращая мне тарелку с глазуньей из гусяного яйца, Оскар подмигнул. — Роберт снова влюблен! — заявил он. — Стоило ему провести один день вдали от Констанции, и моя дражайшая супруга забыта. Ах, до чего же он ветрен, этот Роберт Шерард...

Я тем временем дополнил содержимое тарелки ломтем суссекской ветчины, взял кусок хлеба и сел за стол.

— Не мелите вздор, Оскар. Мои чувства к Констанции не только глубоки, но и чисты, и вам это хорошо известно.

— В то время как чувства Эдварда Херон-Аллена... — Оскар ехидно усмехнулся.

— Не упоминайте имени этого типа, — прервал я его. — Я придерживаюсь мнения, что интерес, который он проявляет к Констанции, может быть опасен.

Оскар засмеялся:

— Никакой опасности, Роберт, уверяю вас. Констанции льстит его внимание, и я ему признателен. Женщины отдают мужчинам все лучшее, что у них есть, но неизменно хотят получить это обратно — в мелкой монете. Тут-то мне и помогает Херон-Аллен.

Сиккерт постучал ножом по краю тарелки.

— Господа, господа! — воскликнул он. — Не слишком ли ранний час для этих пререканий? Только очень скучные люди стараются блеснуть умом за завтраком.

Оскар улыбнулся.

— У каждого правила есть исключения. — Прихлебывая кофе, он задумчиво разглядывал стол. — Но вы правы, Уолт. Давайте-ка сосредоточимся на дарах, столь щедро приготовленных для нас госпожой Флетчер.

— Я думаю о Пирсе, — сказал Сиккерт.

Оскар поставил чашку и помолчал.

— Я тоже о нем думаю, — сказал он после паузы, вытирая губы салфеткой. — Я помню о вас, Уолтер, вы мне дороги, и я помню о Пирсе. Ведь он — ваш друг. Кроме того, он был моим гостем. Угроза его жизни возникла в прошлое воскресенье — в моем клубе, за моим

столом, во время нелепой игры, мною же предложенной. Так что я сознаю свою ответственность. — Оскар положил салфетку и взглянул на меня. — Роберт, у вас не должно быть сомнений в том, что ради Констанции я готов отдать жизнь. Я никогда не допущу, чтобы кто-либо причинил ей вред. А ведь и в ее адрес была угроза. И она попала в список «жертв». Можете быть уверены: я не остановлюсь, пока не разгадаю эту тайну. — Он провел пальцем по раскрытой ладони левой руки. — Я читаю здесь внезапную смерть, — сказал Оскар и улыбнулся. — Заканчивайте завтрак, господа. Я уже заказал карету — она прибудет к восьми.

Мы доели этот великолепный завтрак. Сиккерту особенно пришелся по душе кейлеровский джем из Данди*.

— Любимый джем художников, — сообщил он, намазывая джем на тост. — Приезжая в Англию, Дега другого не ест.

— Воистину Дега — великий человек, — сказал Оскар. — У меня больше нет сомнений на этот счет.

Карета оказалась двуколкой, запряженной пони. Оскар расплатился с хозяином «Агнца», после чего мы тепло попрощались с госпожой Флетчер и забрались в повозку. Оскар и Уолт разместились внутри, а мне пришлось довольствоваться местом рядом с юным возницей — просторным этот экипаж назвать было трудно.

— Куда мы направляемся? — спросил Сиккерт, когда повозка тронулась.

— Спустимся с холма к западной окраине, в сторону мыса.

— Мыса Бичи-Хед?

— Именно. Приготовьтесь, Уолт, я предвижу худшее.

* Кейлеровский джем (мармелад) из Данди — апельсиновый джем, изготавливаемый традиционно в шотландском городе Данди с 1797 г. Согласно легенде, некий Джеймс Кейлер купил на испанском корабле, спасавшемся от бури в бухте Данди, дешевые горькие апельсины, и его жена сварила из них мармелад, который вскоре стал популярен во всей Великобритании.

Глава двенадцатая

БИЧИ-ХЕД

До мыса мы добрались за час.

Однажды мне уже случилось там побывать — еще в детстве меня возила туда матушка. Она была внучкой поэта Уильяма Вордсворта (о чем всегда помнила!) и привезла меня, совсем еще ребенка, на мыс Бичи-Хед, потому что мой прадед брал ее туда, когда она сама была маленькой девочкой. Ей в то время минуло одиннадцать лет, а ему — семьдесят. Он сказал ей (а она — мне), что «во всей Англии не сыскать другого места, откуда открывался бы столь же величественный вид на изумрудные лужайки, крутые белые скалы и синее небо над головой».

Определенно надо обладать поэтическим даром моего прадеда, чтобы отдать должное строгой красоте мыса, на который в это утро Оскара, Уолтера и меня занесли поиски Бредфорда Пирса. Наш маленький открытый экипаж с трудом взбирался по крутой пустынной узкой дороге, то и дело останавливаясь, чтобы пони мог немного отдохнуть, а мы — полюбоваться окружающим пейзажем. Оскар, закутанный в малиновую пелерину, сидел прямо и обозревал окрестности.

— Название «Бичи» происходит от старофранцузского слова, означавшего «прекрасный», — вещал он тоном гида, сопровождающего нас в прогулке по закоулкам Флоренции. — Этот красивейший мыс носит имя «Бичи» около тысячи лет. Красота не зависит от времени, она вечна. Жизнь, искусство, природа учат нас, что все прекрасные творения — эти меловые утесы, это лазурное небо, фрески Джотто, музыка Моцарта, профиль юноши, который везет нас сюда и так мастерски управляет лошадью, — все они одного возраста...

Наш кучер (как оказалось — племянник госпожи Флетчер) повернулся к Оскару и рассмеялся. Он остановил повозку и сказал:

— Розы дальше идти не сможет. Если вам нужно на вершину, то придется добираться пешком.

— Пешком? — Оскар сделал вид, что задыхается. — Если лошади не под силу идти туда четырьмя ногами, неужели вы думаете, что я справлюсь с этим, располагая вдвое меньшим их количеством?

— Тут совсем близко, — сказал юноша и снова засмеялся. — Вы уже почти на месте. — Смеялся он от души: было видно, что Оскар его забавляет. — А я подожду вас здесь и отвезу обратно в город.

Сиккерт стоял в повозке и, приложив руку к глазам козырьком, вглядывался в горизонт.

— Никого и ничего не видно, — сказал он. — Нет смысла идти дальше.

Тяжело дыша, Оскар с помощью кучера выбрался из экипажа.

— Напротив, смысл есть, — заявил он. — Говорят, что в ясную погоду с вершины виден даже остров Уайт. Ее величество сейчас, по всей вероятности, стоит на террасе Осборн-Хауса* и машет нам рукой. С нашей стороны будет неучтиво — чтобы не сказать непатриотично, — если мы не ответим на ее приветствие.

Племянник госпожи Флетчер закрыл лицо и едва не подавился от смеха. Оскар опустил ему в руку шиллинг.

— Прекратите, Оскар, — возмутился Сиккерт. — Будьте хоть раз серьезным. Мы ищем исчезнувшего Пирса, а вы продолжаете свои дурацкие игры.

— Уолт, вам известны мои правила, — добродушно ответил Оскар. Он обошел повозку и протянул руку

* Осборн-Хаус — бывшая королевская резиденция на острове Уайт. В 1901 г. там скончалась королева Виктория. В настоящее время — музей.

художнику, чтобы помочь ему спуститься на землю. — При любых обстоятельствах человеку стоит быть чуть-чуть нелепым.

— Но сейчас не время для смеха, — настаивал Сиккерт.

— Я смеюсь, чтобы не заплакать, — ответил Оскар, поворачиваясь к вершине утеса. — Будет вам, Уолт, — продолжал он, положив руку на плечо Сиккерта, — надо дойти до конца — разве не для этого мы сюда приехали? Если Бредфорд Пирс здесь побывал, нам следует об этом знать.

В полной тишине мы втроем преодолели последние пятьсот ярдов до высшей точки мыса Бичи-Хед. Холодный ветер дул в лицо. Трава под ногами была мягкой и влажной. Над головами с криками носились чайки.

— Смотрите, там! — внезапно закричал Оскар, указывая рукой на край обрыва.

— Где? — взволнованно спросил Уолт.

— Да вон там, — повторил Оскар. — На вершине, у самого края. Неужели не видите?

И я увидел. В первый момент мне показалось, что это мертвая собака, полускрытая травой. Наконец увидел и Сиккерт. Мы разом, все трое, бросились бежать вперед и так же одновременно замерли в нескольких шагах от цели. Далеко внизу у подножие скалы разбивались морские волны, и мельчайшие брызги поднимались к нам. Если издали могучая меловая стена являла собой скорее величественное зрелище, то с близкого расстояния этот отвесный обрыв вселял не благоговение, а просто страх.

— Осторожно! — закричал Сиккерт и рухнул на колени. — Падайте!

Хотя мы были по меньшей мере в пяти футах от края и нам ничего не угрожало, свежий ветер, который охлаждал наши лица при подъеме, здесь, на вершине, внезапно сменился плотным ураганом, грозившим сбросить нас вниз навстречу гибели. Я упал на землю, и мне показалось, что она закружилась подо мной. При-

жавшись щекой к мокрой траве, я перевел дух. Закрыв глаза и постарался взять себя в руки. Когда я вновь их открыл, то увидел, что Сиккерт на четвереньках подползает к предмету, лежавшему у самого обрыва.

— Вы до него доберетесь? — крикнул я.

— Доберусь, — ответил Уолт сдавленным голосом. На мгновение мне почудилось, что он то ли плачет, то ли стонет от боли — но это был смех. — Хорошенькое зрелище для чаек! — крикнул он. — Оскар прав: человек должен всегда оставаться чуть-чуть нелепым. — Уолт уже был в опасной близости от края. Два фута влево, и падение в бездну неизбежно. Он вытянул перед собой правую руку. — Я почти у цели.

— Что это? — спросил я.

За моей спиной Оскар произнес:

— Это дорожная сумка Пирса. Она-то нам и нужна. — Все еще лежа, я повернул голову и посмотрел назад. Оскар стоял футах в пятнадцати и наблюдал за нами. Он помахал мне рукой. — Вы молодцы!

— Есть! — закричал Сиккерт. Правой рукой он дотянулся до краешка черного кожаного саквояжа — старого и изрядно потертого — и, осторожно перебирая пальцами, дюйм за дюймом, подтащил его поближе, чтобы ухватиться за ручку. Я наблюдал за его движениями, пока ему это не удалось. Наконец раздалось торжествующее «Всё!», и Сиккерт перекатился на спину, подняв саквояж над собой.

— Bravo! — воскликнул Оскар.

— О Господи! — выдохнул Сиккерт в ужасе, когда вдруг осознал, что его правые плечо и нога оказались на самом краю пропасти. Понуждаемый неведомой силой, я вскочил на ноги, ринулся к Уолту и, схватив его за ноги, потянул к себе. Я продолжал его тащить, пока мы не очутились в нескольких ярдах от обрыва. Крепко держа сумку в одной руке и вцепившись в меня другой, Сиккерт встал на ноги, и мы вместе, смеясь и дрожа, заковыляли вниз.

— Герои! — воскликнул Оскар, раскрывая нам объятия. Мы стояли перед ним словно школьники, пережившие необыкновенное приключение.

Оскар взял у Сиккерта помятый саквояж.

— Изучим улику, — сказал он. — Из-за нее вы рисковали жизнью.

Сиккерт покачал головой и вытер глаза и усы.

— Это саквояж Пирса? — спросил он, все еще тяжело дыша.

— Похоже на то. Вот его инициалы: Б. П. — Оскар погладил ладонью кожу. — Он мокрый от росы. Пролежал тут несколько часов.

— Но Уолт тащил его по траве, — заметил я.

— Да, но птичий помет на нем успел высохнуть. Саквояж оставили здесь прошлой ночью — а если утром, то еще до восхода солнца. Теперь выясним, что в нем. Думаю, он почти пуст — уж очень легкий. И не заперт... — Большим и указательным пальцами Оскар открыл замок, после чего заглянул внутрь саквояжа. — Как я и подозревал, содержимое не богато. Ни жестянок с гримом, ни щеток для парика, ни принадлежностей для бритья — только бумаги. Ничего, кроме бумаг. Разберемся с ними в поезде. Поспешим, господа, — наш колесничий ждет.

— Куда мы направляемся? — спросил Уолт.

— Мы возвращаемся в Лондон. Здесь нам делать больше нечего.

Сиккерт выглядел озадаченным.

— Но как же Бредфорд, — возразил он, — мы должны хотя бы найти его тело.

— Мы не найдем его, — ответил Оскар, закрыв саквояж и передав его мне. — Если ваш злополучный друг спрыгнул с обрыва — или его столкнули, — отлив давно, еще на рассвете, унес тело в море. По дороге к станции мы остановимся у полицейского участка и расскажем все, что нам известно. Они обследуют побережье. Едем, господа!

— Вы думаете, он мертв? — спросил Уолт очень серьезно.

— Если Бредфорд упал с обрыва, то в этом нет сомнения. Это самый высокий меловой утес в Англии. Число его жертв превысило тысячу человек. Об уцелевших мне неизвестно.

— Следовательно, его убили?

— Не исключаю, — сказал Оскар, оглянувшись на край обрыва. — Правда, признаков борьбы мы не увидели, но это ничего не значит. Следов обуви на траве не осталось, но это свидетельствует лишь о том, что тот человек, который был здесь последним, покинул это место до того, как выпала роса. Да, беднягу вполне могли убить.

— Но у него не было врагов!

Оскар улыбнулся:

— Большинство убийств совершают не враги, а друзья.

— А не мог он покончить с собой? — предположил я.

— Вполне возможно — этот утес притягивает больше самоубийц, чем какое-либо другое место на всей планете. Надо сказать, — продолжил Оскар, вновь повернувшись в сторону ожидавшей нас повозки, — что совершить самоубийство на мысе Бичи-Хед — дело довольно обычное. В нем нет оригинальности — французы называют это *cliché**. Но, судя по вчерашней мелодраме, Бредфорд Пирс не питает отвращения к штампам. Они его не пугают.

Сиккерт вздрогнул и в отчаянии покачал головой:

— Жизнь, в сущности, всего лишь шутка, курьез, а смерть — несомненный, достоверный факт. Не сейчас, так позже, но она неизбежно наступает. Главное — быть к ней готовым.

Уолтер промолчал. Мы тащились вниз в сторону дороги.

* Общее место, штамп (*фр.*).

— Но что могло бы подвигнуть его на самоубийство? — спросил я.

— Возможно, его тайна, — предположил Оскар.

— Какая тайна? — вскинулся Сиккерт. — Да нет у него никакой тайны. Я знаю Бредфорда не первый год.

— У всех есть тайны, Уолт, и мы — не исключение. Все прячут что-нибудь за парадным фасадом. Вот и за грубоватой внешностью, за бородой морского волка мог скрываться другой Бредфорд Пирс, человек, которого вы никогда не знали. Помните, что он писал вам? «Приезжайте, если найдете время. Признаться вам, мне страшно».

Мы наконец добрались до нашего экипажа.

— Давайте сменим тему, — сказал Уолт, помогая — вместе с юным возницей — Оскару сесть в двуколку. Я сел на прежнее место, положив саквояж Бредфорда на колени. Племянник госпожи Флетчер занял свое место рядом со мной и с любопытством на него посмотрел.

— Господин Уайльд хотел бы, чтобы вы отвезли нас на железнодорожную станцию, — сказал я ему.

— Ну конечно. — Юноша разобрал вожжи и тронул пони с места.

Повозка загромыкала вниз по склону. Сиккерт снова поднес ладонь к глазам козырьком и огляделся, поворачивая голову с востока на запад.

— Хочу запечатлеть этот вид в памяти, — заметил он. — Придет время, и я его перенесу на холст.

Оскар усмехнулся и полез в карман за портсигаром.

— В этом пейзаже нет людей, Уолт. Только трава, море и небо. Неужели это ваша тема? Как я вижу, природа прокладывает себе дорогу в ваше волшебное искусство. Не могу сказать, что мне это нравится.

— Зато на холм ложится множество теней. Они-то вам должны понравиться.

— Но ничего сотворенного человеком?

Уолт рассмеялся и взял сигарету, которую предложил ему Оскар.

— Ради вас, друг мой, я включу в свою картину этот маяк.

— Маяк? — оживился Оскар. — Где он?

— Вон там, — сказал Сиккерт, показывая рукой на запад, — на соседнем мысе.

Оскар наклонился вперед и обратился к кучеру:

— Сколько отсюда до того маяка?

— Полмили птичьего полета, а по дороге — две.

— Так отвезите нас туда, друг мой, — распорядился Оскар, — да побыстрее. Получите шиллингом больше. Возможно, смотритель маяка нам поможет. Вы его знаете? А может быть, на наше счастье, вы с ним одной крови?

Юноша рассмеялся, повернулся к Оскару и подмигнул ему.

— Понимаю вас, сэр. Так оно и есть, мы с ним в родстве. По правде говоря, он мне приходится дядей. Вам он понравится.

Теперь была очередь Оскара смеяться. Он хлопнул Сиккерта по колену:

— Подумать только! В Лондоне уважающий себя ребенок может не знать, кто его отец, а в деревне все состоят в родстве друг с другом.

Маяк «Белль ту» на меловом утесе Семи сестер, как выяснилось, был сооружен прадедом нашего возницы в 1832 году. Уродливая приземистая постройка, напроочь лишенная изящества, сложенная из грубо отесанных камней. Мы приблизились к маяку. В единственном окне, расположенном на уровне третьего этажа непосредственно под источником света, виднелась фигура крупного мужчины с трубкой.

— Это и есть ваш дядя? — спросил Оскар.

Юноша взгляделся повнимательнее.

— Нет, это не он. Должно быть, кто-то из его команды. Моего дядю ни с кем не спутаешь.

Наш возница был прав. Спутать его дядюшку с кем-либо оказалось довольно трудно. Скорее его мож-

но было принять за персонажа сказки братьев Гримм или даже какого-нибудь мрачного стихотворения Эдгара Аллана По — одного из любимых поэтов Оскара. Маленький, скрюченный, изуродованный где только можно — горбатый, хромой, косолапый, сухорукий, с грубой кожей, усеянной бородавками, и дочерна загорелой лысиной со впадинами и шишками, — он, в завершение этой картины, еще носил черную повязку, закрывавшую левый глаз.

— Чудовищно, — пробормотал Оскар, завидев смотрителя маяка, ковыляющего нам навстречу. — Поговорите с ним, Роберт. Я не в силах этого сделать.

Одержимость «красотой» Оскара Уайльда граничила с патологией. Макс Бирбом* сказал о нем: «Возможно, Оскар и не изобрел Красоту, но он первым показал ее Лондону». Однако контрапунктом страсти, которую Уайльд испытывал к тому, что почитал прекрасным, было его отвращение к тому, что казалось ему уродливым. Уродство представлялось ему грехом, злом, творением дьявола — и он отвращал от него свой взор. Оскару были присущи и безмерная нежность, и великая щедрость, но в то же время при виде безобразного нищего он мог перейти на другую сторону улицы. Он испытывал сострадание к «фосфорным девушкам» — этим несчастным созданиям, которые трудились на спичечной фабрике «Виктория» и отравляли себя, часами напролет окуная палочки в ядовитый фосфор, — но однажды, когда одна из таких девушек, с язвами на пальцах и лице, постучалась в его дверь на Тайт-стрит в ответ на объявление, что Уайльды ищут посудомойку, Оскар сунул ей десятифунтовую банкноту, чтобы она больше никогда не появлялась в его доме. Потом он признался мне, что от вида этой девушки его сердце сжалось в комок и при этом его едва не вывернуло наизнанку.

* Макс Бирбом (1872–1956) — английский писатель, карикатурист, книжный иллюстратор.

На маяке мы оставались недолго. Задерживаться там не было смысла. К счастью, манеры смотрителя маяка оказались в той же мере располагающими, в какой его внешность была отталкивающей. Общительный, дружелюбный, он отвечал на наши с Уолтом вопросы с обезоруживающей старомодной почтительностью. К сожалению, говорил смотритель, он не был знаком с Бредфордом Пирсом, никогда не видел его и даже не слышал его имени. Да, он дежурил на маяке прошлой ночью, и он всегда зорко следит за тем, что происходит на мысе Бичи-Хед, но ничего особенного за минувшие сутки ни он, ни его помощники не заметили. В светлое время там не появлялась ни одна живая душа, а ночью не было никаких огней. Увы, сказал дядюшка нашего возницы, самоубийства здесь не редкость, и тела несчастных далеко не всегда удается отыскать. Иногда они появляются, но отнюдь не обязательно с первым же приливом — порой проходят дни, а то и недели, и часто течение относит их на милую-другую в сторону. Он высказал сожаление, что причиной нашего визита явилось столь печальное событие и что у нас нет времени, чтобы разделить с ним трапезу, а также выразил надежду, что наши дороги еще пересекутся при более благоприятных обстоятельствах.

Когда наш экипаж отъезжал от маяка и любезный смотритель, скрюченный, но довольный жизнью, махал нам вслед высохшей рукой, Сиккерт заметил:

— Удивительный тип, я хотел бы написать его портрет.

Я повернулся к нашему юному кучеру:

— У вас очень славный дядюшка.

Оскар хранил молчание.

По пути к железнодорожной станции мы на пару минут остановились у театра и оставили записку для господина Стандена Тригтса, в которой с сожалением извещали его, что со всей очевидностью ему понадобятся услуги дублера Бредфорда Пирса. Следующую остановку, также

короткую, мы сделали у полицейского участка на Гроув-роуд, где дежурный сержант бегло записал сведения, которые мы смогли ему сообщить, но совершил это весьма неохотно и только благодаря настойчивости Оскара. Сержант этот, богобоязненный, обремененный семьей мужчина с румяным лицом и черными моржовыми усами, ни во что не ставил изысканные манеры Оскара, недолюбливал театральную публику и не испытывал ни малейшего сострадания к потенциальным самоубийцам.

— Самоубийство — это преступление, — напомнил он нам. — Если мы найдем этого человека, ему предъявят обвинение. Прощайте, господа.

Около часу пополудни Оскар, Уолт и я в дребезжащей повозке подъехали наконец к станции Истборна. Наш возница помог Оскару спуститься на землю, и тот дал юноше полкроны.

— Благодарю вас, молодой человек, вы отлично о нас заботились. Могу я узнать ваше имя?

— Брайан, — ответил юноша, тронув кепи в знак благодарности за проявленную Оскаром щедрость. — Брайан Флетчер.

— Увы, — сказал Оскар, — увы! Мне жаль это слышать. Вам придется сменить имя, когда вы станете профессиональным актером, мой друг. В Лондоне нельзя появляться на сцене с именем Брайан.

Юноша растерялся. Но тут в разговор вмешался Уолт.

— Не обращайтесь внимания на слова господина Уайльда, Брайан, — подбодрил он нашего возницу, — у вас отличное имя.

— Вздор! — воскликнул Оскар. — Назовите мне хоть одного актера по имени Брайан. Или композитора Брайана. Хотя бы захудалого третьего стражника из труппы Ирвинга, кто гордо именовал бы себя Брайаном. Не назовете! Ни один Брайан еще не воспарил на крыльях славы! И если этому юноше суждено стать актером, ему придется расстаться с повозкой, с пони и со своим именем!

— Но с какой стати ему становиться актером? — раздраженно спросил Сиккерт. — Он и так вполне доволен тем, что имеет.

— Только мертвец может быть доволен тем, что имеет, дорогой Уолт, — сказал Оскар. — Этот юноша уже и сейчас далеко не последний актер на любительской сцене. Я не ошибаюсь, Брайан?

Молодой человек залился румянцем и кивнул.

— Перед нами многообещающий исполнитель шекспировских ролей. Если не ошибаюсь, совсем недавно он произвел фурор в «Двенадцатой ночи», поставленной «Истборнскими бродягами» и имевшей шумный успех.

— Неужели вы видели этот спектакль, сэр? — спросил Брайан, в изумлении глядя на Оскара.

— Нет, не видел, — ответил Оскар с сожалением. — О чем скорблю. Господин Ирвинг и мисс Терри в этой вещи на сцене «Лицеума» меня огорчили.

Уолт Сиккерт, уперев руки в бока, стоял перед Оскаром и не сводил с него недоуменного взгляда.

— Как такое возможно, Оскар? Если вы не встречались с этим юношей до сегодняшнего дня, откуда вы можете знать, что он играл в «Двенадцатой ночи»?

Оскар не смотрел Уолту в глаза. Поверх плеча Сиккерта он разглядывал вереницу кебов, ожидающих седоков.

— Ну же, Оскар. Объясните!

Оскар улыбнулся:

— Брайан знает выражение «одной крови», чем по праву гордится. Такое словосочетание встречается в третьей сцене второго акта «Двенадцатой ночи», но вряд ли его можно часто слышать в речи обычного конюха из Восточного Суссекса... Отсюда я и сделал свое заключение, в чем, признаюсь, мне помог и беглый взгляд на афишу труппы «Истборнских бродяг» в фойе театра Девоншир-парка — там говорилось как раз об этой пьесе.

Я рассмеялся:

— А с чего вы взяли, что их спектакль имел шумный успех?

— Ах, Роберт, — ответил Оскар, — разве вам не известно, что все любительские постановки имеют шумный успех? — Он повернулся к юноше, который стоял рядом, широко распахнув глаза и приоткрыв рот от изумления. — Брайан, — провозгласил Оскар, — я нашел выход из положения. В будущем вам надлежит иметь два имени — одно для Лондона, другое для провинции. В Истборне, играя в любительских спектаклях, вы сможете сохранить за собой имя Брайан. Но, приехав в столицу и став профессиональным актером, вы возьмете другое — с более романтическим звучанием... — Он извлек из кармана серебряный портсигар и принялся задумчиво постукивать им по подбородку. — Как вам имя Себастьян? По душе?

Юноша издал нервный смешок.

— Но ведь Себастьян — это брат Виолы, персонаж из пьесы, которого я играл.

— Верно, — сказал Оскар. — Я тоже об этом догадывался. Будем считать, что мы договорились. — Он протянул правую руку, и Брайан ее пожал, почтительно склонив голову. — Я был очень рад нашей встрече, — продолжал Оскар и левой рукой протянул юноше серебряный портсигар. — Примите это от меня в знак признательности и дружбы, а также в качестве подарка по случаю крещения.

Паренек взял портсигар обеими руками и с удивлением на него посмотрел. Потом покачал головой:

— Но, сэр... Я не могу... Я не должен...

— Можете и должны, — сказал Оскар с улыбкой. — К тому же у вас просто нет выбора. Загляните внутрь, и вы увидите, что там уже есть посвященная вам надпись. — Оскар наклонился и открыл портсигар. — Вот, — он указал на внутреннюю сторону крышки, — читайте.

Брайан прищурился и прочел:

*«Себастьяну от Оскара
с любовью».*

Оскар повернулся ко мне.

— Саквояж Пирса при вас, Роберт? — спросил он. — Нам следует поторопиться, не то мы опоздаем на поезд. — И, обернувшись к Сиккерт: — Идемте, Уолт, здесь нам больше нечего делать.

Оставив юношу около повозки разглядывать его серебряный трофей, мы заторопились к перрону.

— Я не устаю удивляться, Оскар! — воскликнул Сиккерт. — Подобной сцены я еще не видел.

— Может быть, я и старый тщеславный дурень, — сказал Оскар, — но наблюдательность мне все же присуща. Вы видели что-нибудь интересное перед зданием вокзала?

— Ничего, — ответил Уолт. Мы как раз отыскивали свободное купе первого класса и поднимались в вагон.

— А я краем глаза заметил знакомую фигуру — она садилась в кеб. Не будь я занят в это время сценкой, которую разыграл ради нашего возницы, я бы подошел к этому человеку.

— Но кто это был? — спросил я, откидываясь на сиденье и положив рядом саквояж Пирса.

— Так вы тоже его не заметили, Роберт?

— Не заметил, — подтвердил я. — И кто это?

— Френсис Дуглас, лорд Драмлангир — брат Боузи. Любопытно, что он делает в Истборне?

Глава тринадцатая

«ЧТО ЗНАЧИТ ИМЯ?»*

Поезд набирал ход. Оскар стоял у окна, глядя на красные и серые крыши Истборна, проплывающие мимо нас.

— Драмланриг, Драмланриг... — размышлял он. — Любопытное совпадение, а?

— Весьма, — отозвался Сиккерт, занявший место в углу. — В той же степени любопытное, что и надпись

* «Что значит имя?» — слова Джульетты из «Ромео и Джульетта» У. Шекспира, акт II, сц. 2, перевод Б. Пастернака.

«Себастьяну от Оскара» на крышке портсигара, оказавшегося в вашем кармане так вовремя! Как вам удаются такие фокусы, Оскар? Это что, совпадение? Или вы заранее рассовали по карманам дюжину портсигаров и каждый снабдили посвящением какому-нибудь шекспировскому герою?

Оскар отвернулся от окна, снял пелерину, свернул ее и — вместе с белой шляпой — положил на багажную полку. Потом, улыбнувшись Сиккерту, покачал головой:

— Что бы вы делали, если бы этот паренек играл в этой пьесе роль, скажем, Фабиана? — спросил я.

— Его не могли назначить на роль Фабиана, Роберт. Мальчик красив. Он должен был играть Себастьяна. Кого еще он мог бы сыграть? — Оскар сел у окна напротив меня. — Возможно, Курио. Или Валентина. Но это — второстепенные персонажи, а я чувствую, что юный Себастьян Флетчер создан для главных ролей. — Он наклонился вперед к Сиккерту. — Вы не дадите мне сигарету, Уолт? Все мои остались в портсигаре.

Уолт незамедлительно выполнил просьбу Оскара, и тот закурил. От курения Оскар получал истинное наслаждение. Он погрузил купе в голубоватую дымку, и на его лице отобразилось глубочайшее удовлетворение. В этом тумане он жестикулировал рукой с зажатой в ней сигаретой и вещал:

— Ни один автор в мировой литературе не дает нам столь богатый набор совершенно замечательных имен, как Шекспир. В этом отношении ему нет равных. А имена, как вы знаете, — это всё.

— Неужели? — усомнился я.

— Вне всякого сомнения, Роберт, — продолжал Оскар с полной серьезностью. — Я есть то, что я есть, потому лишь, что меня называли так, как называли. То же касается и вас. Ведь у вас пять имен, Роберт? Как и у меня. А сколько имен у вас, Уолт?

— Всего три: Уолтер Ричард Сиккерт.

Оскар на мгновение задумался.

— Они вам подойдут, — сказал он наконец, — но еще одно-два при рождении вам бы не повредили. Я вступил в жизнь как Оскар Фингал О'Флаэрти Уиллс Уайльд — то есть с именем, начинающимся с двух «О», двух «Ф» и двух «У»... Разве оно не благозвучно? Однако имя, которому уготовано судьбой быть у всех на устах, не должно быть слишком длинным. К чему лишние затраты на афиши! Для человека неизвестного цепочка имен может оказаться полезной, а то и необходимой — но, став знаменитым, он отбрасывает часть имен точно так же, как воздухоплаватель, устремляясь ввысь, сбрасывает балласт... Я оставил два из пяти своих имен — остальные полетели за борт. Со временем я удовольствуюсь одним. Придет день, когда мне будет достаточно пяти букв алфавита — двух гласных и трех согласных, как Иисусу или Иуде, Плинию или Платону*. Через сто лет мои друзья станут называть меня Оскар, а враги — Уайльд.

Уолт Сиккерт улыбнулся и предложил Оскару очередную сигарету.

— Но вы так и не объяснили свой трюк с надписью на портсигаре: «Себастьяну от Оскара с любовью».

— Это был подарок самому себе. Оскар — это не имя святого, не имя шекспировского персонажа, в то время как Себастьян — это и то и другое. Себастьян — мое *alter ego*** . В городе я Оскар, в иных местах и в иное время — Себастьян... Я отдал юноше собственный портсигар, повинувшись порыву. По-моему, момент был самый подходящий. Это очень важно — воспользоваться подходящим моментом.

Поезд, дернувшись, остановился.

* Эта фраза становится понятной, если принять во внимание написание соответствующих имен по-английски: Уайльд — Wilde, Иисус — Jesus, Иуда — Judas, Плиний — Pliny и Платон — Plato.

** Второе «я» (лат.).

— Где мы? — спросил Сиккерт.

Оскар глянул в затуманенное окно.

— Лип-Кросс, — сказал он. — Так что имена — это всё. Предлагаю воспользоваться моментом и изучить содержимое саквояжа Пирса.

— Может быть, это следует сделать вам? — сказал я Сиккерту, передавая ему саквояж. — Пирс был вашим другом.

— Он и есть мой друг, — ответил Сиккерт, с тяжелым вздохом открыв сумку. Ее содержимое он осторожно положил на сиденье рядом с собой. — Я не могу поверить в смерть Бредфорда. Не хочу в нее верить. С какой стати он решился бы покончить с собой? Кто мог захотеть его убить?

Оскар промолчал.

Ничего необычного в саквояже не оказалось.

— Как вы и говорили, Оскар, здесь только бумаги. — Сиккерт разложил их по стопкам. — Переписка с директорами театров... открытки от домохозяев, подтверждающие наличие комнаты... счета, много счетов...

— Нет ли там чековой книжки? — спросил Оскар. — Или квитанций от заимодавцев — вроде Ашмана?

— Ничего похожего не вижу. Вот текст «Самого грязного убийства», «Таймс» за вторник, истбортская «Гэзетт», расписание поездов, опять счета... Но ни чековой книжки, ни квитанций ростовщиков... — Уолт сложил бумаги обратно в саквояж и защелкнул замок. — Что нам теперь с этим делать? — спросил он.

— Сохранить и в свое время передать ближайшим родственникам.

— У него никого нет, Оскар. Семей Бредфорда были его друзья.

— А родители...

— Давно умерли.

— Братья, сестры?

— Насколько я знаю, их нет. — Уолт встал и забросил саквояж на багажную полку. Поезд снова тронулся. Сик-

керт покачнулся, но удержался, схватившись за кожаную петлю над входом в купе. Когда он вновь повернулся ко мне лицом, у него в глазах стояли слезы. — Черт бы побрал вас с этой игрой, Оскар! — прохрипел он.

— Возможно, он жив, — спокойно ответил Оскар.

— А если нет! — Сиккерт опустил на свое место и закрыл лицо руками. Потом вытащил из кармана измятый, в пятнах краски, платок и вытер глаза. — Простите меня, Оскар, — пробормотал он. — Винить мне следует не вас, а себя — ведь это я привел его в «Кадоган». Он был моим гостем, а не вашим.

— Но игру придумал я, — сказал Оскар, — и в течение четырех последующих дней четыре так называемых жертвы этой забавы встретили свою судьбу — причем в последовательности, определенной ходом игры. — Он достал из кармана список «жертв», развернул его и положил на колени. Слегка прижав к вискам концы пальцев, он пристально смотрел на этот листок, как будто его сосредоточенный взгляд мог исторгнуть из бумаги ее тайну. — Первой умирает Элизабет Скотт-Риверс, но пожар, в результате которого она погибла, мог возникнуть случайно... Следующим был лорд Эйберггордон, но ему минуло шестьдесят, и, похоже, он умер во сне... Беднягу попугая из «Кадогана» убили — в этом сомневаться не приходится... А теперь пропал Бредфорд Пирс...

— Кто следующий в списке? — спросил Уолт, высморкавшись.

— Джарвис Сапалатте, боксер, знакомый Бёрда, лысый, но по-своему привлекательный...

— Да, я помню, — сказал Сиккерт. — «Джентльмен наполовину».

— Интересно, кто мог вписать его имя? — вслух подумал Оскар.

Наступило молчание. Уолт и Оскар закурили очередные сигареты.

— Вписал его имя я, как это известно Оскару, — сказал я, ощутив неловкость.

Сиккерт откинулся на сиденье и медленно затянулся.

— И я, — сказал он спокойно.

— Что? — вскричал Оскар. — Но почему? Вы его знали?

— Нет. — Сиккерт рассмеялся. — Вовсе нет, я его не знал. Однажды видел, как он боксирует. Истинный художник своего дела.

— Но вы с ним не встречались до того дня?

— Нет.

— Тогда, ради всего святого, почему?

— Разумеется, из-за его имени.

— Из-за его имени? — Оскар возмутился. — Как это понимать?

— Ведь это была всего лишь игра, вы сами так говорили, Оскар. Я выбрал в жертву Джарвиса Сапалатте из-за его имени.

— Я вас не понимаю, Уолт, — сказал Оскар и нахмурился.

— Если помните, я сидел по правую руку от него. Разговор то затухал, то оживлялся, а я от скуки на обратной стороне меню рисовал профили Сапалатте и играл с буквами его имени...

— Играли с буквами?

— Ну да, переставлял их так и сяк, писал анаграммы. И к своему изумлению, обнаружил, что из «Джарвис Сапалатте» можно составить фразу «расплата ждет и вас»... Вот почему я его выбрал, Оскар. Другой причины у меня не было.

Оскар откинулся назад и расхохотался. Это не был его обычный смешок, нет — он смеялся громко, хрипло и отрывисто.

— Боже мой! — воскликнул он. — Ну возможно ли такое? Приговорить человека к смерти из-за его имени?

— Это была всего лишь игра, Оскар, — повторил Сиккерт.

— Но игра смертельная, друзья мои, теперь это стало ясно. — Он немного успокоился, наклонился впе-

ред и снова протянул просящую руку к жестяной коробочке с сигаретами Уолта. — Я силюсь понять, что связывает — может связывать — между собой Элизабет Скотт-Риверс, лорда Эйбергордона, беднягу-попугая и Бредфорда Пирса. И прихожу к заключению, что их не связывает абсолютно ничего, кроме одного факта: все они были случайно выбраны на роль «жертв» во время придуманной мною и навязанной вам нелепой игры. Эти четверо несчастных — женщина, лорд, попугай и актер — не были убиты по какой-то определенной причине, а стали жертвами немотивированного убийства...

— Вы хотите сказать... — начал Сиккерт.

— Да, Уолт, я хочу сказать, что точно так же, как вам представилось забавным назвать Сапалатте своей жертвой из-за любви к игре словами, другой человек, оказавшийся среди нас, холодный и расчетливый убийца, счел забавным взять этот список «жертв», — Оскар поднял листок с колен и помахал им в воздухе, — и просто ради развлечения убивать их в указанной здесь последовательности. Игра ради самой игры.

Я взял листок из рук Оскара и всмотрелся в него. Затем, подняв голову, я увидел, что мой друг закрыл глаза, словно произнося молитву.

— Я знаю, что вы думаете, Роберт, — сказал он, понизив голос до шепота. — Я думаю о том же. Последнее имя в списке — Констанция. Верная Констанция, чистая Констанция, лучшая в мире жена и мать. Вы любите ее, как и я, Роберт. Констанцию любят все, кто ее знает. И никто из них не может желать ей беды. Но наш убийца вовсе не обязан знать тех, кого замыслил убить. Он просто играет: убил — отметил имя в списке.

Оскар вздрогнул и открыл глаза.

— Скоро Лондон? — спросил он, поднимаясь на ноги и доставая с багажной полки пелерину. — Я замерз и проголодался. С завтрака госпожи Флетчер прошло немало времени.

Бледный Сиккерт посмотрел на Оскара:

— Боюсь, вы правы, друг мой. Бредфорд Пирс не покончил с собой. Его убили — и вовсе не за то, что он кому-то перешел дорогу или не понравился. Его убили потому, что его имя случайно оказалось в этом списке.

— Однако кто же внес его имя в список, — спросил Оскар, — если, как мы все твердим, у него не было врагов?

Поезд замедлял ход, проезжая через Кройдон.

— И как мы поступим? — спросил я. — Заявим в полицию?

— Да, — решительно сказал Оскар. — Последуем совету Дойла. Отправимся в Скотленд-Ярд к инспектору Гилмору, покажем ему письмо Бредфорда и расскажем всю эту невеселую историю. За воскресным ужином нас было четырнадцать, и по крайней мере один из присутствовавших — убийца.

— Или организатор убийств, — предположил Сиккерт. — Один из этих четырнадцати мог взять список и нанять убийцу для исполнения своего замысла. Это, пожалуй, еще более вероятно.

— Разве убийца должен обязательно быть одним из нас? — спросил я. — Если это случайный человек, как вы предположили, Оскар, он мог просто где-нибудь в баре или клубе подслушать рассказ одного из участников ужина об этой игре.

Оскар рассмеялся:

— Ну да, какой-то незнакомец, склонный к убийству. К тому же обладающий тонким слухом и слоняющийся по Лондону в поисках приличного списка потенциальных жертв. Это вы хотите сказать, Роберт? Что ж, нет ничего невозможного.

Поезд прибыл на вокзал Виктория.

— Который час? — спросил Оскар, роясь в мелочи для предстоящего общения с носильщиками и кебменами.

Сиккерт высунулся в окно вагона и кинул взгляд на станционные часы.

— Шестой час, — ответил он.

— Я возьму саквояж Пирса, если вы не против, — сказал Оскар. — Кто знает, не откроют ли нам что-нибудь эти счета и квитанции.

Мы выбрались из вагона и оказались на шумном перроне.

— Я еду домой, — заявил Сиккерс. — Надеюсь сегодня пристроить одну картину. Напишите мне.

— Разумеется, Уолт. После разговора с инспектором я пошлю вам телеграмму, — сказал Оскар и вручил мне саквояж Бредфорда Пирса.

— Стоит ли сразу ехать в Скотленд-Ярд? — засомневался я. — Час поздний. Да и вам пора домой, разве не так?

— Если наш убийца придерживается означенной в списке последовательности, дорогой Роберт, то, пока жив Джарвис Сапалатте, Констанции ничего не грозит. — С Оскаром во главе мы направились к стоянке кебов на Виктория-стрит. — Скотленд-Ярд подождет до утра, а вот Сапалатте мы должны найти и предупредить его об опасности.

— Вам тоже следует быть осторожным, Оскар, — заметил Уолт. — Ведь и ваше имя есть в списке.

Оскар посмотрел на Сиккерта.

— Я знаю, — сказал он.

Вдруг Уолт остановился:

— По-моему, у вашего друга Боузи есть оружие. Кажется, пистолет — я не ошибаюсь? Он говорил об этом.

Оскар засмеялся:

— Не ошибаетесь. Он как-то говорил мне о своих планах застрелить отца из этого пистолета. — Он тоже остановился, оглядел привокзальную площадь, развел руками и снова рассмеялся. — Меня окружают убийцы и безумцы...

Сиккерт ответил ему улыбкой. Взяв обе руки Оскара в свои, он сказал:

— Я не шучу. Вам следует взять у Боузи пистолет и держать его в доме, пока опасность не минует.

— За себя я не боюсь, Уолт. Смерть — величайшее благо для человека. Я лишь испытываю страх за детей — им нужна мать, и Констанция еще слишком молода, чтобы умереть.

Поэт и художник обнялись. Странное зрелище являли они собой: Оскар, ростом выше шести футов, в малиновой пелерине и белой фетровой шляпе, — и Уолтер Сиккерт, subtilный, в сюртуке, более подходящем для сцены, и с нелепыми усами.

— Ступайте, Уолт, вам надо продать картину, — сказал Оскар. — А мы с Робертом идем в цирк.

Глава четырнадцатая

РИНГ СМЕРТИ

— Скажите на милость, Оскар, зачем нам идти в цирк? — спросил я, когда мы заняли место в очереди на свободный кеб.

— Дело в том, что Джарвис Сапалатте выступает в цирке Эстли, у него контракт на все лето. Я это знаю, потому что он любезно прислал мне два билета на свой ближайший бой с вдохновляющим названием «исторический гала-бокс». Представление состоится в понедельник вечером. Боузи отказался идти со мной — бокс приводит его в ужас. А вы свободны?

— Благодарю вас. — Я привык сопровождать Оскара в те вечера, когда с ним не было Боузи. — Цирк Эстли мне по душе. Еще мальчишкой в дни рождения меня отпускали в цирк лорда Джорджа Сангера*, и это было лучшим подарком.

— Да-да, — пробормотал Оскар. Наша очередь тем временем приближалась. — Да-да, я помню: детство у вас было нелегким.

* Джордж Сангер (1825–1911) — цирковой импресарио и совладелец цирка Эстли в описываемое время, «лорд Джордж» — его псевдоним.

Я улыбнулся. Люди позади нас, похоже, прислушивались к нашему разговору. Оскар не был равнодушен к вниманию публики.

— А чем вас радовали на дни рождения? — спросил я его.

— Днем я читал Еврипида и Феокрита среди колокольчиков Феникс-парка*, а вечером — Платона и Джона Рёскина в монастырской библиотеке Драмкондры. Я не был трудным ребенком.

Я рассмеялся, и мы наконец сели в экипаж.

Дорога от вокзала Виктории до цирка Этли, расположенного на южной стороне Вестминстерского моста, заняла не более двадцати минут. Это был 1892 год — годом позже здание цирка, которое было одной из самых знаменитых достопримечательностей викторианского Лондона, сровняют с землей.

Пока мне еще не исполнилось восемнадцати и я не начал путешествовать, пока я не увидел парижскую «Гранд-Опера», венецианскую «Ла Фениче»** и арену для корриды в андалусской Ронде***, все удовольствия для меня были сосредоточены под куполом цирка Этли. До той поры мне не случалось видеть другое сооружение столь же дивное, необыкновенное, поражающее размерами и убранством. Оно освещалось люстрой, в которой горело пять тысяч свечей. Места для зрителей располагались в четырех ярусах, круто возносившихся на высоту в пятьдесят футов. Перед привычной сценой для музыкантов, клоунов и акробатов, вместо традиционного партера, была огромная — сорока двух футов в диаметре — круглая арена, на которой шли представления с дрессированными лошадьми и собаками.

* Феникс-парк — самый крупный в Европе парк, расположенный в пределах городской черты (708 гектаров); находится в Дублине.

** «Ла Фениче» — оперный театр в Венеции.

*** Ронда — небольшой город в Андалусии, где находится самая старая арена для боя быков.

Филипп Этли (которого звал мой дед) не работал с дикими животными. Он был наездником, а еще — акробатом. Этли и придумал круглую цирковую арену, на которой ему было удобно демонстрировать свое искусство верховой езды. При движении по кругу сравнительно малого диаметра возникала центробежная сила — она-то и помогала ему и другим наездникам, стоя на спине лошади, сохранять равновесие.

В этот вечерний час Виктория-стрит была забита экипажами, и наш кеб продвигался вперед довольно медленно. Оскара, похоже, не очень занимали восторженные воспоминания, которыми я с ним делился.

— Если мне не изменяет память, — сказал он вяло, — Сиккерт говорил мне, что месье Дега тоже обожает цирк.

— О да, — с готовностью подтвердил я, как бы не замечая его слабую улыбку и легкое движение бровей. — Все французы любят цирк. Во Франции Этли считают героем. Они называют его «Le roi des cirques»*. Ведь он умер в Париже.

— Разве Этли умер? — спросил Оскар с притворным удивлением.

— Давным-давно. Его похоронили на кладбище Пер-Лашез.

— Это ни о чем не говорит, — отмахнулся Оскар. — Они там любого похоронят.

Когда мы подъехали к цирку, Оскар велел кучеру высадить нас у служебного входа.

— Неудивительно, что Конан Дойл хочет разделаться с Холмсом, — ворчал он, вылезая из экипажа. — Участи частного детектива не позавидуешь. — Он тяжело вздохнул. — Предвижу муки общения с очередным грубияном-привратником. Может быть, в этом качестве здесь выступает бородатая дама? Или двухго-

* Король цирков (фр.).

ловый карлик? Или неудачливый акробат, страдающий артритом? — Оскар вручил кебмену два шиллинга. — Я не переносу уродства, в чем бы оно ни проявлялось, — добавил он. Кебмен тронул козырек и кивнул в знак согласия.

Однако на сей раз Оскар ошибся. Привратник отнюдь не был уродлив. Перед нами оказался красивый молодой африканец с огромными глазами и сверкающими белизной зубами.

— Поразительно! — воскликнул Оскар. — Я ожидал встречи с Цербером, охраняющим вход в царство Аида, а нашел старого приятеля. Роберт, это — Антифол!

Юноша — ему было от силы лет пятнадцать-шестнадцать — вскочил на ноги и, переступив порог привратничьей, почтительно поклонился нам обоим. Оскар дружески пожал ему руку и, снова запустив пальцы в жилетный карман, выудил оттуда ковер, который тут же вручил молодому человеку. Тот просиял.

— Благодарю вас, господин Уайльд. Вы совершенно не изменились.

— А вы подросли, друг мой, — сказал Оскар, поворачивая перед собой юношу, чтобы лучше рассмотреть его. — Антифол чистил ботинки в «Савойе», когда мы с ним впервые встретились, — объяснил он мне. — Похоже, он сбежал оттуда в цирк. — Оскар посмотрел на паренька с тревогой. — Что вы здесь делаете, Антифол?

— Собираюсь стать клоуном, господин Уайльд, — ответил он с энтузиазмом.

— Пресвятая Дева! — воскликнул Оскар. — Клоуном! Подумать только! — Он поднял руки. — Что творится с нашей молодежью, Роберт? Я начинаю чувствовать опасения за судьбу империи.

Юноша, не сводя глаз с Оскара, захихикал.

— Вы все такой же, господин Уайльд. А ведь это вы как-то сказали, что, если я хочу добиться успеха в жизни, мне следует научиться ходить по проволоке. Вот я и следую вашему наказу.

Глаза Оскара подернулись слезой, но он улыбался.

— Да простит меня милостивый Господь, — сказал он. — Похоже, я сам во всем виноват!

Внезапно юноша прекратил смеяться и нахмурился.

— Ой, господин Уайльд, — обратился он к Оскару, — я надеюсь, вы пришли не для того, чтобы посмотреть представление. Ведь цирк на все лето уехал в Блэкпул.

— Нет, нет, Антифол. — Тут Оскар поднял сжатые в кулаки руки и изобразил несколько ударов в воздух. — Мы пришли на бокс. Нам нужен господин Джарвис Сапалатте.

— А-а-а! «Могучий Сапалатте — Давид и Голиаф»?

— Так он здесь называется?

— Да, сэр. Он здесь, с его светлостью.

— С «лордом» Джорджем Сангером? — вставил я слово, радуясь случаю продемонстрировать свои знания цирка.

— Думаю, нет, — сказал Оскар, поглядев на меня с сожалением.

— Нет, сэр, конечно же нет, — подтвердил Антифол. — «Лорд» Джордж сейчас в Блэкпуле. Здесь настоящий лорд. Позвольте мне проводить вас.

Вслед за юношей мы прошли через тяжелую железную дверь и спустились по нескольким ступенькам.

— Осторожно, берегите головы! — крикнул он, нагнувшись, и провел нас под каменным сводом в длинный, темный, узкий коридор с низким потолком. Коридор изгибался, мы шли вдоль голых кирпичных стен, под ногами чавкала вода.

— Пахнет крысами, — заметил Оскар.

— Они возвращаются, как только отсюда уходят собаки, — объяснил Антифол и рассмеялся. — Здесь их больше, чем на кухне в «Савойе». Вы не должны останавливаться, пока я не скажу — даже если наступите на что-нибудь, продолжайте идти.

— Разве здесь нет газового освещения? — спросил я. Антифол и Оскар шли несколько впереди, и я с трудом различал их фигуры.

— «Лорд» Джордж держит всех в ежовых рукавицах. — Юноша хохотнул. — Но вы не беспокойтесь, мы уже почти пришли.

— Зловоние жуткое, — сказал Оскар.

У меня из-под ног выскочила какая-то тварь.

— Б-р-р, мерзость, — не выдержал я.

— Это цирк, Роберт.

— Стоп! — воскликнул Антифол. — Мы на месте! — В темноте я мог рассмотреть лишь контур его головы. — Входите, — провозгласил он, распахнув дверь в конце коридора. За дверью висели тяжелые черные занавеси. Они были грубыми на ощупь и пахли опилками и гнилыми яблоками. Антифол раздвинул их и выпустил нас на широкую арену цирка Эстли.

Я ожидал, что нас сейчас зальет море света — таковы были впечатления детства о сияющем дворце. Однако мы оказались в помещении, которое скорее напоминало покинутый людьми собор, темный и гулкий словно пещера Фингала*. Потребовалось какое-то время, чтобы наши глаза привыкли к полумраку. Оказалось, что мы вышли из-под сцены и теперь стояли на краю круглой арены лицом к зрительному залу, а в центре этого круга находилось сооружение, которое на миг показалось мне алтарем.

Разумеется, я ошибся, приняв за алтарь большой прямоугольный помост высотой около четырех футов.

* Пещера Фингала — морская пещера на одном из Внутренних Гебридских островов, острове Стаффа. Размер и форма пещеры придает ей сходство с собором. Ее изобразил на своей картине Джозеф Уильям Тернер, о ней писали Джон Китс, Альфред Теннисон и Вальтер Скотт, шведский драматург Август Стриндберг сочинил пьесу «Грот Фингала», а композитор Феликс Мендельсон под впечатлением эха от прибоя, звучащего под ее сводами, написал «Увертюру Фингаловой пещеры».

А на этом помосте, который, как я понял, служил боксерским рингом, прислонившись к канатам, возвышалась внушительная фигура Джарвиса Сапалатте. Боксер был обнажен. Его мускулистые руки, мощные плечи и широкая грудь — смуглая и гладкая — блестели от пота.

— Господин Уайльд, — прохрипел он, — добро пожаловать на Ринг смерти!

Я оглянулся на занавеси, из-за которых мы вышли на арену. Антифол исчез.

— Мы помешали вам репетировать, — сказал Оскар извиняющимся тоном, снял шляпу и неловко поклонился.

— Я боксер, а не актер, господин Уайльд, — ответил Сапалатте. Он поднял фиолетовый халат, лежавший в углу ринга, и, не выказывая суеты, надел его. — Это не репетиция, а тренировка. Я упражняюсь. Мой партнер — лорд Куинсберри. Вы, разумеется, знакомы.

Из темного дальнего угла ринга показалась приземистая обезьяноподобная фигура Джона Шолто, восьмого маркиза Куинсберри. Белыми ладошками он заправлял рубашку в серые фланелевые брюки. Маркиз был бос, манжеты рубашки расстегнуты. Он нахмурился и недовольно фыркнул. Не замечая моего присутствия, Джон Шолто посмотрел на Оскара и пробурчал:

— Это вы, Уайльд.

Оскар сделал шаг вперед и снова поклонился, на сей раз более непринужденно.

— Ваша светлость, — пробормотал он, — приятная неожиданность. Я только что видел лорда Драмланрига — в Истборне.

Куинсберри снова фыркнул и вытер нос тыльной стороной руки.

— Думаю, вы чаще меня видите моих сыновей, господин Уайльд. Вне всякого сомнения, у вас есть на это время.

— Время... — начал Оскар, но очередному афоризму не суждено было родиться.

— Время не ждет никого, — проворчал маркиз, подбирая с пола носки, башмаки и пиджак. Затем он ловко пролез между канатами и спрыгнул на арену. Перекинув пиджак через плечо и даже не обернувшись, он зашагал по одному из проходов к выходу из зрительного зала. По пути он бросил в сторону Сапалатте:

— Удачный день, друг мой. Успехи налицо. В понедельник мы прославимся.

Сапалатте стоял, с улыбкой глядя вслед маркизу.

— Великий человек, — заметил он своим надтреснутым голосом. — Правда, обаяния ему не хватает. — Затем боксер повернулся к Оскару: — Зато в ваших речах, господин Уайльд, всегда присутствует обаяние.

— Потеряв обаяние в речах, — ответил Оскар, — вы лишаете этого качества и свои мысли. Я надеюсь, со мной этого никогда не случится.

Я же не переставал размышлять о лишенном обаяния, покинувшем нас маркизе.

— Он что, действительно столь велик, этот человек? — спросил я.

— Он таков для любого боксера, господин Шерард. Правила бокса маркиза Куинсберри совершили переворот, превратив это занятие из почти преступной драки в нечто близкое к спорту. — Сапалатте обвел руками помост. — Мы называем это место Рингом смерти, ибо в прошлом так оно и было. Мужчины сходились здесь в схватке подобно псам и бились до смертельного исхода, никаких ограничений не существовало. Толпа подбадривала бойцов криками, судьи бездействовали. Побеждали грубая сила и выносливость. Теперь же, благодаря Куинсберри, появились шансы у мастерства и ловкости боксера. Возымела значение стратегия боя. И даже психология. До правил его светлости бокс, по сути, оставался узаконенным варварством. Маркизу потребовалось более двадцать лет, чтобы эти правила вошли в практику, но в понедельник здесь состоится показательный бой, и, если все пройдет гладко, осенью чемпионат

мира среди тяжеловесов будут судить по правилам Куинсберри. У меня нет сомнений: пока существует бокс, имя маркиза Куинсберри не сотрется из памяти.

— Это означает, что он обеспечил себе место среди бессмертных, — заметил Оскар.

Сапалатте поднял перед собой две пары боксерских перчаток и встал на краю ринга.

— Не пожелает ли кто-нибудь из вас принять участие в дружеской схватке, господа? Никаких укусов, никаких захватов — все строго по правилам Куинсберри.

— О нет, благодарю. — Оскар встревожился и замал руками. — Боевые искусства не для меня.

— Однако телосложение у вас боксерское, господин Уайльд, — сказал Сапалатте, наклонившись и пролезая между канатами. Затем он спрыгнул на арену. — Да и репутация у вас соответствующая.

— Вот как? Мне это неизвестно, — отозвался Оскар со смехом.

Я чувствовал, что физическая близость Сапалатте обескураживает моего друга. Кроме того, его угнетало отсутствие сигарет.

— Я слышал кое-какие рассказы, — продолжал Сапалатте, пристально глядя на Оскара.

— Рассказы? — переспросил Оскар.

— О том, как в Дублине, в колледже Святой Троицы, какой-то задира насмеялся над вашим стихотворением и вы дали ему пощечину, а потом, поскольку защита чести требовала продолжения схватки на улице, вы уложили его на лопатки. И о том, как в Оксфорде, в колледже Магдалины, толпа студентов других колледжей и всякого сброда пыталась вломиться в вашу комнату, а вы спустили их с лестницы.

Оскар отступил на шаг и с изумлением посмотрел на Сапалатте. Боксер, который по-прежнему держал по паре перчаток в каждой руке, обратился ко мне:

— Ваш друг, господин Шерард, представляется изнеженным эстетом, человеком робким, но он совсем

не таков. Он умеет пустить в ход кулаки, я это знаю. Мне также известно, что он — меткий стрелок.

— Мы встречались с вами прежде, господин Сапалатте? — спокойным голосом спросил Оскар.

— Да, господин Уайльд. На охоте в Коннемаре* в ноябре семьдесят девятого, с семейством Хикс-Бич. Мы славно поохотились.

Уайльд казался встревоженным.

— Увы, я этого не помню, — сказал он. — Извините меня.

— Вам нет нужды просить прощения. Народу там было много, а я знаю по собственному опыту, что джентльмен наполовину может рассчитывать лишь на половину внимания со стороны джентльмена.

Оскар выглядел потрясенным.

— Так вы родом из Коннемары? — спросил я, чувствуя необходимость прийти другу на выручку. Оскар редко оказывался в положении, когда главенство в разговоре принадлежало не ему.

— Нет, — ответил Сапалатте, — из Дублина, как и господин Уайльд. Я вырос на Клэр-стрит, в двух шагах от Меррион-сквер. Я тремя годами старше господина Уайльда и знаю его семью всю свою жизнь. Когда-то мы с ним любили одну девушку.

Оскар наконец пришел в себя.

— Вот как? — Он улыбнулся. — И кто она?

— Флори Балкомб, конечно. — Сапалатте повернулся ко мне: — Самая прелестная девушка во всем Дублине.

— Без сомнения, — подтвердил Оскар. — Я понятия не имел, что вы были знакомы.

— Наше знакомство не было столь близким, как мне бы того хотелось. Я всего лишь поцеловал ее однажды. Вы знали ее гораздо лучше, господин Уайльд. То же можно сказать и о господине Стокере.

* Коннемара — полуостров в Ирландии.

Оскар рассмеялся:

— Брэму удалось больше, чем нам обоим. Он женился на ней.

Наступила пауза. Затем Оскар спросил:

— А нет ли у вас по счастливой случайности сигареты?

Джарвис, стоя перед нами в одном халате, бросил на пол обе пары боксерских перчаток и приблизил крепко сжатый кулак правой руки к правому уху Оскара. Тот отпрянул. Сапалатте засмеялся, убрал кулак и медленно раскрыл его перед Оскаром. На ладони боксера лежала единственная сигарета.

— «Плейерс нейви кат», господин Уайльд, табак моряков, грубоват для джентльмена, но это все, что я могу сделать.

Оскар захлопал в ладоши от радости, взял сигарету, тут же закурил и с удовольствием затянулся.

— Я ваш должник, господин Сапалатте, — сказал он. — Вы — человек необыкновенный. Я пришел сюда, чтобы дать вам совет, но со всей очевидностью вы не нуждаетесь в моей помощи. Мне совершенно ясно: вы наперед знаете все, что я могу вам сказать.

Сапалатте наклонился, чтобы поднять перчатки.

— Речь идет о вашей игре? — спросил он.

— Да, — ответил Оскар. — О моей глупой игре в «убийство».

— Не относитесь к этому серьезно, господин Уайльд. Я поступаю именно так.

— Не уверен, что вы правы, — вмешался в разговор я.

— «Серьезность — это единственное убежище ограниченности» — разве не так, господин Уайльд.

Оскар оценивающе взглянул на Сапалатте:

— Вы читали мои «Заветы молодому поколению»?*

— Читал, — ответил боксер. — Меня интересует современная философия.

* В «Заветах молодому поколению» приведенный выше афоризм отсутствует. В некоторых сборниках афоризмов он обозначен как «приписываемый» Оскару Уайльду.

— И, надо полагать, современная психология, — сказал Оскар, крутя в пальцах сигарету. — Вас явно интересует, что движет людьми, какие импульсы толкают их на те или иные поступки.

— Моя профессия — бокс, господин Уайльд, а потому я должен распознавать в людях их слабые и сильные стороны. Мне не довелось, как вам, учиться в университете, но я могу читать. И я читаю современных психологов. На столике у моей постели лежит том Уильяма Джеймса*, его «Основы психологии».

Оскар засмеялся:

— Вот и у меня на ночном столике лежит том его брата**. Воистину, пока братья Джеймсы продолжают писать в поте лица, мы здесь, в Англии, можем не пользоваться другим снотворным.

Сапалатте принужденно улыбнулся. Затем извлек из кармана халата сигарету и предложил ее Оскару.

— Вы необыкновенный человек, господин Сапалатте, — продолжал Оскар, кивнув в знак признательности и тут же прикурив вторую сигарету от первой. — Боксер, психолог, философ — но даже это не делает вас неуязвимым.

— Вы полагаете, я в опасности? — прохрипел Сапалатте.

— Я беспокоюсь за вас, — сказал Уайльд серьезным тоном.

— Вам не следует беспокоиться.

— Я чувствую свою ответственность. Ведь в то воскресенье вы пришли в наш клуб, были нашим гостем, доверяли нам...

— И покинул вас, испытывая искреннее расположение. И, как видите, я цел и невредим.

* Уильям Джеймс (1842–1910) — американский философ и психолог, один из основоположников прагматизма.

** Генри Джеймс (1843–1916), брат Уильяма Джеймса, выдающийся американский писатель, с тридцати лет живший в Англии и принявший за год до смерти британское гражданство.

— Но, господин Сапалатте, — настойчиво продолжал Оскар, — с того злосчастного воскресенья что ни день происходили несчастья с «жертвами» нашего списка, причем именно в той последовательности, в которой они там обозначены.

— Вы хотите сказать, что этот бородатый актер погиб? — спросил боксер.

— Бредфорд Пирс исчез, — сказал Оскар.

— И мы боимся, что произошло худшее, — добавил я.

— Жаль это слышать, — сказал Сапалатте. — Он мне нравился.

— Вы были с ним знакомы? — спросил Оскар.

— Нам приходилось встречаться, — ответил боксер. — Признаться, я знаю очень многих людей.

— Дело вот в чем, — сказал Оскар, в последний раз с наслаждением затянувшись первой сигаретой и тут же переключившись на вторую. — Если это убийство и если в этой цепочке смертей соблюдается хронология, то следующий — вы, господин Сапалатте. Ваша очередь наступает завтра...

— Завтра. — Сапалатте улыбнулся. — Или в субботу, или в воскресенье, или в понедельник — разве не так? Ведь я упомянут в списке четыре раза.

— Именно так, — сказал Оскар. — Как вы думаете, почему?

— Не имею ни малейшего понятия.

— Кто мог назвать вас жертвой?

— Не знаю, господин Уайльд. Теряюсь в догадках. — Он повернулся и, сделав нам знак следовать за ним, направился к выходу из зрительного зала. — Возможно, это сделал Чарльз Брукфилд, — предположил он без уверенности в голосе. — Господин Брукфилд в тот вечер был явно возбужден. Думаю, он не испытывал восторга по поводу того, что справа от него оказалось место секретаря клуба — не вполне джентльмена. Да и видеть меня, сидящего напротив, не доставляло ему удовольствия. Моя зеленая гвоздика его явно раздражала.

— А кого вы избрали своей жертвой во время нашей игры? — спросил Оскар.

— Ну я-то играл по правилам Куинсберри, никому не угрожая, не нанося ударов ниже пояса. Я выбрал Эроса, бога любви.

— Эроса? — переспросил Оскар. — Станный выбор для боксера.

— Полно, господин Уайльд. О том, что любовь — это игра дьявола, знают не только эстеты.

Мы дошли до конца прохода, и Сапалатте открыл дубовую полированную дверь, ведущую в фойе.

— Простите меня, господа, но я должен переодеться. — Сапалатте дал понять, что наша встреча подошла к концу. — Благодарю вас, что зашли и предупредили об опасности.

— А я благодарю вас за сигареты, — сказал Оскар и улыбнулся в ответ. — И за билеты на ваше представление в понедельник.

— Вы придете?

— Сидеть в первом ряду, у самого ринга, на исторической схватке? Неужели я могу отказаться от такого зрелища? В свою очередь, не пожелаете ли вы, господин Сапалатте, в субботу посмотреть мою пьесу в Сент-Джеймском театре? Я буду там с друзьями и почту за честь, если вы к нам присоединитесь.

Сапалатте поклонился.

— С радостью, господин Уайльд, благодарю вас. — Он одной рукой придержал для нас дверь, а другой показал путь к выходу из цирка.

— Превосходно, — сказал Оскар, поправив шляпу, но все еще не двигаясь с места. — Я оставлю билет на ваше имя в кассе.

— Превосходно, — эхом отозвался Сапалатте. — А сейчас, извините, я должен вас покинуть.

— О, разумеется. — Оскар коснулся руки боксера. — Только один последний вопрос. О попугае. Попугае из «Кадогана». Как вы думаете, кто его убил?

— Но господин Уайльд! Откуда мне знать?

— Мне очень важно знать ваше мнение.

— Что ж, извольте, — сказал Сапалатте, вздохнув. — Если я не ошибаюсь, бытует мнение, что в первую очередь всегда подозревают тех, кого первым обнаруживают на месте преступления. Следовательно, это могут быть вы и господин Шерард, или я и Альфонс Бёрд, или даже госпожа Уайльд и ее друг господин Херон-Аллен... Но разве не более вероятно, что виновником здесь является кто-либо из недовольных попугаем работников отеля или один из постояльцев, впавший в ярость от непрерывных воплей и трескотни этой птицы?

— А мог ли господин Бёрд убить попугая? — спросил Оскар.

— Нет, это не Бёрд. Альфонс любил беднягу.

— Тогда кто же?

— Не могу понять, кому понадобилось его убивать, да еще таким жестоким способом.

— Вы проявляете интерес к психологии, господин Сапалатте. Что по этому поводу сказал бы современный психолог?

— Любой вздор по вашему выбору. Он мог бы сказать, что птицу убил господин Херон-Аллен, потому что влюблен в вашу жену. Он не осмеливается убить вас и вместо этого убивает беззащитное существо, чье экзотическое оперение соперничает с вашим собственным обликом...

— Очень любопытное наблюдение, — сказал Оскар. — Я и не предполагал, что чувства Херон-Аллена настолько очевидны для постороннего глаза.

— Психолог мог бы предположить, что в этом преступлении повинна госпожа Уайльд, поскольку у ее прадеда была коллекция из восьмидесяти птичьих чуточел и обилие этих птиц в доме угнетающе действовало на нее в детстве, вызывая ночные кошмары...

Оскар пристально посмотрел на боксера:

— Откуда вам это известно?

— Он мог даже высказать мысль, что виновником убийства являетесь вы, господин Уайльд.

— Я? — Оскар рассмеялся.

— Разве в колледже Магдалины не было органиста по имени Пэррот? Разве этот органист не был вашим другом? Разве в тысяча восемьсот семьдесят четвертом году он не жил в вашем доме? И разве потом между вами не было шумной ссоры?

— Боже правый! Да вам все обо мне известно.

Сапалатте рассмеялся и снова показал нам, где находится выход на улицу.

— Не все, господин Уайльд, далеко не все. Знай я... Но у меня есть глаза и уши, и я наблюдателен. Это наследственная черта. Как вам известно, мой отец был лакеем.

Глава пятнадцатая

ГИЛМОР, ИНСПЕКТОР СКОТЛЕНД-ЯРДА

— Поразительный тип, этот Сапалатте, — заметил Оскар, усмехнувшись. Мы вышли из пустого фойе цирка Этли на Вестминстер-бридж-роуд. Стоял восхитительный майский вечер. Низкое оранжевое солнце окрасило золотом гранит набережной, теплый ветерок нес с собой особый аромат Лондона моей юности — успокаивающий запах сена и лошадей.

— Он мне не нравится, Оскар, — сказал я. — Сапалатте высокомерен и дерзок. Он...

— Он просто вас сбивает с толку, Роберт. В его присутствии вы теряетесь, вот и все. Если бы Боузи или Драмланриг говорили так же, как он, вас бы это не смущало. Они — джентльмены, они вам равня. А потому могут делать что угодно. А Сапалатте...

* Попугай (англ.).

Сапалатте — джентльмен наполовину, и это создает сложности — и у вас, и у него. Он в рискованном положении.

— И все же он мне не нравится. Я ему не верю.

— А в отношении моего маленького приятеля Антифола, насколько я понимаю, вы таких чувств не испытываете?

— Не испытываю.

— Потому что он черный и знает свое место?

На ответ у меня не осталось времени — мы перешли улицу и оказались рядом с африканским юношей, блеску глаз и широкой улыбке которого я и вправду доверял почти инстинктивно.

Антифол был не один. Он стоял, прислонившись к каменному парапету набережной, а рядом с ним стояли очаровательная черная девушка лет девяти-десяти и достопочтенный преподобный Джордж Добни. Все трое внимательно рассматривали внушительных размеров картонный квадрат и смеялись.

Заметив нас, Антифол мгновенно вытянулся в струнку.

— Господин Уайльд, господин друг господина Уайльда, позвольте представить вам мою сестру Берту.

Девчушка, одетая в простенькое белое платье, низко присела, крепко зажмурилась и прикусила губу, когда Оскар наклонился и пожал ей руку.

— Ты такая милашка, — сказал он ей ласково.

— Она очень красива, Оскар, — громко провозгласил Добни. — Она принцесса, Роберт, настоящая принцесса из сказки. — Он обменялся с каждым из нас рукопожатием.

— Вы в хорошей форме, Джордж, — заметил Оскар, склонив голову набок и внимательно глядя на священника. — Вы и сами одеты *en prince**. — И действительно, с того времени, когда мы видели Добни в по-

* Как принц (*фр.*).

следний раз, он заметно изменился. Мы по-прежнему видели опухшие глаза, бледную нездоровую кожу и слюну, запекающуюся в уголках рта, но виноватое, пристыженное выражение исчезло с его лица. Потертый воротник, изобличающий его сан, остался, но вместо дешевого черного костюма священника на нем был щеголеватый сюртук с блестящими шелковыми лацканами.

— Я — счастливый человек, — сказал он, нежно потянув девочку за косичку. — Свободный человек! Тучи рассеялись.

— Ах да, — сказал Оскар. — Вы говорите о расследовании.

— Коронерский суд* собрался нынче утром, в одиннадцать, в отеле «У причала» на Чейни-уок, и дело было закончено до того, как часы пробили половину двенадцатого. Присяжные выслушали доводы коронера и поддержали вердикт Столичной полиции и пожарных: «Смерть мисс Элизабет Скотт-Риверс наступила в результате несчастного случая».

— Примите мои поздравления, — сказал Оскар.

— Вы были бы довольны, друг мой. В своем заключении коронер — приятнейший человек, чем-то напоминает господина Пиквика, но на ирландский лад — особо отметил важность той деятельности, которой занимается Общество рациональной одежды.

— Вот как. — Оскар поджал губы и взъерошил брови указательным пальцем. — Когда все закончится, я сообщу эту добрую новость Констанции.

— Отлично, Джордж, — добавил я. — Браво, полагаю, нам следует выпить по этому поводу.

— Я это уже сделал, причем не один раз, — громко и весело сообщил Добни, — и предлагаю продолжить. Умеренность сейчас неуместна.

* Коронерский суд разбирает дела о насильственной или внезапной смерти при сомнительных обстоятельствах.

— А что-нибудь известно о завещании мисс Скотт-Риверс? — поинтересовался Оскар. — Изменила она его, как вы опасались? Или сундуки с золотом скоро перейдут в ваше владение?

— Вам бы все шутить, Оскар. — Теперь Добни играл с обеими косичками Берты и тянул ее головку то вправо, то влево. — Моя бывшая невеста сообщила своему адвокату о намерении изменить завещание, но сделать этого не успела... Она договорилась с адвокатом о встрече, которая не состоялась. Сейчас все зыбко: есть вероятность, что ее родственники оспорят завещание, однако, если верить вашему другу Херон-Аллену — отличный парень, кстати говоря, как раз мой тип законника, — мои шансы неплохи. Похоже, кубышка достанется мне.

— Он принес нам подарки, господин Уайльд! — радостно воскликнул Антифол.

Добни оставил в покое косички Берты и, напустив на себя торжественный вид, простер к нам ладони.

— Конечно же я сожалею о кончине моей невесты. Мы больше не были друзьями, но я никогда не желал ей зла. Все, что она мне завещала, я использую на богоугодные дела — образование и поддержку юных. — С этими словами он наклонился и поцеловал Берту в макушку.

— Он принес мне курево, — сказал Антифол, показав нам горсть табака, — а Берте ленты и обруч. — Юноша взял косичку сестры и продемонстрировал голубую ленточку, завязанную пышным бантом. Девочка в это время пыталась спрятать за спиной брата деревянный обруч.

— Здесь мой приход, — заметил Добни с блаженной улыбкой, — и это моя паства.

— Вы пьяны, и в этом нет ничего удивительного.

Берта взяла руку священника и поцеловала тыльную сторону ладони.

— Обруч в обмен на фотографию, — объяснил Добни.

— Вы только взгляните! — с гордостью воскликнул Антифол. Он держал в руке картонный квадрат, который они с удовольствием рассматривали, когда мы с Оскаром к ним подошли. Это была превосходная студийная фотография маленькой девочки в маскарадном костюме. Она сидела на трехном табурете в рваной заплатанной юбке и куталась в клетчатую шаль. Распущенные курчавые волосы облаком окутывали голову, которую девочка склонила набок, так что та касалась черенка метлы. Блестящие глаза смотрели прямо в объектив камеры. По щекам ребенка текли крупные слезы.

— Она изображает Золушку, — пояснил Антифол.

— Слезы ненастоящие, — добавил Джордж Добни.

— Надеюсь, — сказал Оскар, внимательно рассматривая фотографию. — По-видимому, это капли глицерина. Что и говорить, Арчер весьма умелый молодой человек.

— Кто? — спросил я.

— Фотограф, — ответил Оскар, показывая на надпись в правом нижнем углу снимка: «Джон Арчер, Баттерси-парк-роуд, Лондон». — Я его знаю. Джон приехал с Барбадоса и жил сначала в Ливерпуле, потом перебрался в Пондерс-Энд. Он умен, изобретателен, в нем есть искра таланта. Обычно на снимках любой человек напоминает биржевого маклера, который пялится на пожарных в блестящих касках, но Арчер дважды фотографировал меня и Боузи, и, к нашему великому удивлению, мы оба раза остались почти удовлетворены собственным изображением: мы выглядели живыми. А ведь добиться позы, при которой ты выглядишь естественно, — трудней некуда. Мастер Арчер умеет это сделать. Этот парень далеко пойдет*.

* Так и случилось. В 1913 г. в возрасте пятидесяти лет Джон Арчер был избран мэром Баттерси, в то время предместья Лондона. Он стал первым чернокожим мэром в Великобритании. (Примеч. автора.)

Оскар вернул фотографию Берте, та передала ее Джорджу Добни, а священник спрятал ее во внутренний карман своего элегантного длинного сюртука.

— Роберт, не вы ли сказали, что нам не грех отпраздновать это событие, а? — спросил Добни, глядя на меня, но успев подмигнуть Оскару. — Думаю, мы можем последовать за ним в какое-нибудь приличное место, Оскар, как вы полагаете? Человеку нечасто выпадает случай стать богатым вдовцом, не испытав перед этим тягот семейной жизни. Бокал-другой вина — как раз то, что сейчас нужно.

— Увы, у меня назначена встреча, — сказал Оскар, поклонившись Добни. — Роберт приглядит за вами, а Антифол позаботится обо мне. Свернет для меня сигарету, пока мы предадимся воспоминаниям о прежних днях, а потом найдет мне кеб. Я прав, дружок?

Чернокожий юноша снова принял стойку «смирно» и отсалютовал Оскару.

— В таком случае мы отправимся к «Гатти в Арках», — заявил Добни. — Вам дозволяется заплатить за шампанское, Роберт. Увеселительная программа — бесплатно. Вперед! — Развеселившийся преподобный отец пожал руку Оскару, игриво потрепал Антифолу за ухо, церемонно поцеловал Берту в лоб и взял меня под руку. — Свободен! — воскликнул он, когда мы вступили на Вестминстерский мост.

— Прощайте! — крикнул нам вслед Оскар. — Я пришлю вам телеграмму, Роберт. Поднят зверь!* Вы будете нужны мне утром, причем трезвый!

Помятуя слова Оскара, я был умерен в тот вечер и вернулся к себе на Гауэр-стрит, когда еще не пробило десяти, ограничившись единственным бокалом пива. Добни оказался не слишком приятной компанией.

* Поднят зверь! — вошедшее в речевую практику выражение из «Генриха V» У. Шекспира, акт III, сц. 1, перевод Е. Бируковой; означает приблизительно «дело началось».

Пока мы шли по набережной от Вестминстерского моста к Чаринг-Кроссу, он развлекал прохожих, горланя свои любимые церковные гимны. Я чувствовал себя неловко, но мои попытки отвлечь его от пения и занять серьезным разговором успеха не имели.

— Пойте, Роберт! Пойте со мной! — восклицал он. — Восславим Господа! Аллилуйя! — Из кармана — но не того, где нашел пристанище снимок Бертты, — он извлек обтянутую кожей плоскую фляжку и в перерыве между гимнами уговаривал меня хлебнуть из нее вместе с ним. — Это алтарное вино, Роберт. Я всегда ношу его с собой на тот случай, если меня срочно призовут, дабы я совершил акт причащения. Но вы можете сделать глоток, Роберт. Более того, вы просто должны выпить! Таково желание Господа, Роберт. Так восславим Его!

Когда мы добрались до причала у вокзала Чаринг-Кросс, Добни внезапно успокоился. Он сунул фляжку обратно в карман сюртука, длинными тонкими пальцами тщательно стер слюну с уголков губ, а затем пригладил волосы.

— Вы знаете мюзик-холл под железнодорожным мостом? — спросил он.

— Знаю. Я там бывал с Оскаром и Уолтом. Любимое место Сиккерта, он часто его изображает на своих картинах.

— А за кулисами вам приходилось бывать? — спросил Добни, увлекая меня по Хангерфорд-лейн к Вильерс-стрит.

— Там вас ждет истинное удовольствие. За скромную плату — если вы джентльмен — директор мюзик-холла господин Корацца разрешает провести вечер в комнате хористок. Вас усадят в кресло, и вы сможете наблюдать, как девушки одеваются. И раздеваются. Можно даже поиграть с их грудками. У молоденьких они маленькие, словно персики, целиком помещаются во рту.

Под самой широкой аркой моста у главного входа в мюзик-холл уже собирались зрители вечернего представления. Хангерфордский мюзик-холл, более известный под именем «У Гатти в Арках», привлекал довольно пеструю публику — пекарей и мясников, клерков и уличных торговцев, продавщиц и почтенных матрон, шумных развязных щеголей и застенчивых молодых парочек, нечасто попадавших в Уэст-Энд. Однако из служителей церкви там был лишь Джордж Добни. Я следовал за ним, пока он прокладывал путь сквозь толпу. Наконец мы подошли к ничем не примечательной двери под козырьком.

— Вот мы и на месте, — сказал Добни и тихонько постучал.

— Пожалуй, я оставлю вас здесь, — сказал я. — Надеюсь, вы меня извините — день выдался нелегким.

— Как вам угодно, Роберт, — ответил Добни. В этот момент дверь медленно приоткрылась и на пороге показалась прехорошенькая молодая женщина, ярко накрашенная и с коротко остриженными рыжими волосами.

Она сразу же узнала Добни, улыбнулась и открыла дверь пошире, впуская его.

— Ваш друг зайдет с вами, Джорджи? — спросила она, морща носик и с любопытством рассматривая меня. Под тонкой материей были видны очертания ее груди

— Нет, я должен уйти, — быстро ответил я. — Всего доброго, Джордж, до свидания.

— Мы позаботимся о святом отце, сэр, — сказала девушка, рассмеялась и втянула Добни внутрь. — Не беспокойтесь о Джорджи.

На следующее утро (в пятницу шестого мая тысяча восемьсот девяносто второго года), в девять часов, я в полном одиночестве завтракал в своей комнате. Трапезу мою составляли холодная свиная сосиска и кусок

хлеба, сдобренный застывшим жиром, а мысли мои возвращались на сутки в прошлое, к восхитительным яствам госпожи Флетчер — гусиному яйцу, ветчине и бараньим отбивным. В это время рассыльный принес обещанную телеграмму Оскара: «Встречаемся в десять в кабинете Гилмора. Оскар».

С деньгами у меня было туго. Роман, над которым я работал, еще не приобрел ни один издатель. За месяц мне удалось пристроить две статьи, однако ни за одну из них со мной пока не рассчитались. Я задолжал за квартиру, и домохозяин не скрывал недовольства. Адвокат живущей вдаль от меня жены напоминал о необходимых платежах. Как любил говорить Оскар (и неоднократно повторял с небольшими изменениями): «Молодые люди полагают, что деньги — это все; с возрастом они в этом убеждаются».

Оказавшись без средств, я не мог воспользоваться ни омнибусом, ни кебом и шел пешком в изрядно поношенных башмаках все три мили от Гауэр-стрит до Скотленд-Ярда. В результате я оказался в Департаменте уголовного розыска Столичной полиции лишь в половине одиннадцатого.

Оскар уже расположился в кабинете Арчи Гилмора, и беседа шла полным ходом. В маленьком, скудно обставленном помещении было темновато и душно. Оскар неловко сидел на краю канцелярского стула с жесткой прямой спинкой. На нем был один из самых эффектных его летних нарядов: светло-серые пиджак и брюки, канареечный жилет, серые — в тон костюму — башмаки и желтые гетры. В бутоньерке золотистый гибискус соседствовал с веточкой лаванды. На коленях Оскара лежали шляпа-канотье и желтые лайковые перчатки. Когда сержант ввел меня в кабинет, инспектор, одетый, как и я, в будничную коричневую пару, стоял напротив Оскара, прислонившись к тяжелому дубовому столу. Сложив руки на груди, он внимательно слушал.

— Здравствуйте, господин Шерард, — приветствовал он меня, обрадовав уже тем, что не забыл мое имя. — Садитесь, прошу вас. — Не меняя позы, он кивнул на стул, стоявший рядом с Оскаром. — Господин Уайльд умеет слагать истории как мало кто другой. Я поглощен его рассказом. Ему бы следовало публиковаться в нашем еженедельнике «Полицейские новости».

— Роберт, я признался во всем. Нарушил торжественную клятву клуба «Сократ» хранить в тайне наши дела. Я рассказал инспектору во всех подробностях о воскресном ужине в «Кадогане» и нашей дурацкой игре — моей дурацкой игре «Убийство»! Он выслушал меня с исключительной учтивостью, хотя и был к этому времени знаком со всеми сколько-нибудь важными деталями.

— Мы опросили Джорджа Добни, если помните, — сказал инспектор. — Он отвечал нам с полной откровенностью, может быть даже чрезмерной. Добни сразу же рассказал о вашем ужине и игре и признался, что указал свою бывшую невесту в списке «жертв».

— Полагаете, он мог ее убить? — спросил я.

Гилмор покачал рыжей головой:

— Убить? Объявив об этом своем желании во всеулышание? Думаю, это невозможно.

— Он много пьет, — сказал я. — Под влиянием алкоголя люди совершают дикие и совершенно неожиданные поступки.

Инспектор рассмеялся:

— Они могут уткнуться в стену, но не пройти сквозь нее. В доме двадцать семь по Чейни-уок все двери — парадная, задняя и нижняя — были заперты изнутри. Преподобный Добни находился снаружи, когда заглядывал в окно. Он действительно был очевидцем пожара, но не виновником. Мисс Скотт-Риверс была одна, когда случилось это несчастье.

— А что вы думаете о Добни? — спросил Оскар, неторопливо крутя свою шляпу. — О нем как человеке. Он вам нравится?

— Нет, — решительно ответил инспектор. — Этот человек мне неприятен. Он склонен к пьянству — я согласен с господином Шерардом. Этот порок читается на лице Добни. Характер у него слабый: когда мы закончили допрос, он разрыдался. Сидел в этом самом кресле, где сейчас сидите вы, господин Уайльд, и плакал словно женщина. Пренеприятное зрелище, должен сказать.

— Плач всегда безобразен, — сказал Оскар.

Инспектор вздохнул.

— Что ж, господа, — сказал он, выпрямляясь и потирая руки. — Благодарю вас за визит, мы конечно же будем поддерживать связь. Однако, говоря откровенно, мне не кажется, что события этой недели дают повод полагать, будто мы имеем дело с неким неведомым убийцей. — Он направился к двери, давая понять, что наша беседа подошла к концу.

— Но взгляните на этот список! — призвал его Оскар, махнув желтой лайковой перчаткой в сторону сложенного листа бумаги, который лежал на столе Гилмора.

Инспектор вернулся и взял в руки список «жертв».

— Я уже видел его, — заметил он, вновь пробегая взглядом бумагу. — Элизабет Скотт-Риверс погибла при пожаре в результате несчастного случая — таково заключение coronera. Лорд Эйберггордон был в преклонном возрасте и скончался во сне. Таково мнение его врача — да и мое тоже. Актер Бредфорд Пирс, по всей видимости, покончил с собой: Пирс запутался в долгах и находился в подавленном состоянии, поскольку кредиторы не оставляли его в покое. Об этом свидетельствуют письма, которые вы мне показали. Пирс бросился вниз с обрыва на мысе Бичи-Хед — увы, такое случалось не раз.

— А попугай? — спросил Оскар. — Что вы скажете о бедном Капитане Флинте?

— Убийство птицы пока еще не считается в Англии преступлением, — ответил Арчи Гилмор.

— Вы правы. — Оскар поднялся со стула. — А среди людей определенного класса это занятие стало национальным видом досуга.

Гилмор усмехнулся.

— Мне жаль Капитана Флинта, — сказал он мягко, — но тут уж я ничего не могу поделать.

— Вы человек чувствительный, инспектор, — сказал Оскар, пожимая руку Гилмору. — И разумеется, вегетарианец.

Полицейский удивился:

— Откуда вам это известно?

— Я обратил внимание на ваши зубы. На левом резце остался кусочек салатного листа, а по обе стороны зуба — хлебные крошки со следами масла. Только убежденный вегетарианец станет есть на завтрак бутерброд с салатом.

Гилмор расхохотался и открыл дверь кабинета.

— Да вы просто волшебник, господин Уайльд, — вам нет равных. Вы сами себе детектив, и моя помощь вам не нужна.

— Ошибаетесь, инспектор, очень нужна. — Оскар не двигался с места, и Гилмор остановился в дверях. — Взгляните на следующее имя в этом списке, прошу вас...

Гилмор снова бросил взгляд на листок.

— «Господин Джарвис Сапалатте», — прочел он.

— Очень любопытная персона, — заметил Оскар. — Профессиональный боксер со связями в высшем свете. Весьма представительный мужчина. Работает в цирке Этли. Своей жертвой его назвали четыре участника игры. Я полагаю, что его жизнь в опасности, инспектор, и пришел сюда просить для него защиты.

— Он уже под нашей защитой, — сказал Арчи Гилмор. — Видите ли, господин Уайльд, Джарвис Сапалатте — один из нас.

Глава шестнадцатая

ВСТРЕЧА НА БЕЙКЕР-СТРИТ

— Поразительно! — сказал Оскар. — Неужели Джарвис Сапалатте служит в Столичной полиции?

— Уже нет, — ответил Гилмор, все еще придерживая дверь, давая этим понять, что ожидает, пока мы наконец покинем его кабинет. — Но служил.

Оскар положил шляпу и перчатки на дубовый стол инспектора.

— И когда это было?

— В семидесятых, — ответил Гилмор, проведя языком по деснам, чтобы удалить остатки завтрака. — Он поступил в полицию вскоре после приезда из Ирландии. Здесь нет никакого секрета. Шесть лет подряд Сапалатте был чемпионом Столичной полиции по боксу. Спустившись вниз, в холл, вы сможете увидеть его имя, написанное золотыми буквами на доске почета. Я удивлен, господин Уайльд, что, обладая орлиным зрением, вы не заметили эту надпись, когда шли сюда.

— Но сейчас он уже не полицейский? — не унимался Оскар, все еще не отходя от стола инспектора.

— Уже нет. После десяти лет службы он — на мой взгляд, опрометчиво — принял решение связать свою жизнь с рингом, попытать счастья в роли профессионального боксера. И, полагаю, в этой роли он кое-чего добился, не опустился на дно. Однако ожидаемый успех к нему не пришел. Профессиональный бокс — грязное занятие, хотя, надо признать, благодаря таким людям, как лорд Лонсдейл* и лорд Куинсберри, дела там мало-помалу меняются к лучшему.

* Лорд Лонсдейл (1857–1944) — основатель Британского спортивного клуба (1891) и его президент до 1929 г. Вместе с маркизом Куинсберри внес большой вклад в развитие бокса и превращение его в национальный вид спорта Великобритании.

— Насколько я понимаю, господин Сапалатте покинул ряды Столичной полиции, — задумчиво сказал Оскар, — но не порвал с ней связи.

— Именно так.

— Оставшись информатором, — заключил свою мысль Оскар.

— Он общается с людьми всякого разбора, — пояснил Гилмор. — Он умен, и это делает его услуги весьма ценными.

— Получает ли он вознаграждение за свои услуги?

— Сапалатте стоит этих денег.

Оскар снова взял в руки шляпу и перчатки и повернулся к инспектору.

— Скажите мне, — спросил он, глядя Гилмору прямо в глаза, — Сапалатте пришел на ужин в отеле «Кадоган» в качестве соглядатая?

— Вовсе нет. Он был там в качестве гостя секретаря клуба — господина Бёрда, если не ошибаюсь, — с которым они уже несколько лет находятся в дружеских отношениях. Вместе выступали на ярмарках. Так что в тот воскресный вечер он посетил отель «Кадоган» не по нашей просьбе. Насколько мне известно, Столичная полиция не вызывает интереса ни к одному из членов вашего клуба или к их гостям. — С этими словами Гилмор сложил листок со списком «жертв» и вернул его Оскару. — Сапалатте отнюдь не постоянно находится при исполнении своих обязанностей, хотя мне приятно думать, что он всегда *qui vive**. Ему нечего опасаться людей вашего круга, господин Уайльд, хотя в преступном мире, разумеется, у него есть враги — он приобрел их, сотрудничая с нами. Мы создаем свою ответственность за его судьбу и внимательно наблюдаем за Джарвисом Сапалатте. Так что вы можете быть спокойны на этот счет, господин Уайльд.

* Стой! Кто идет? (окрик часового). Здесь: на чеку (*фр.*).

Мы распрощались с рыжеволосым инспектором и покинули кабинет. Проходя через холл, мы остановились, чтобы бросить взгляд на доски почета, которые висели на боковой стене, примыкающей к лестнице. Среди других полицейских, отличившихся в спорте, мы без труда нашли имя Сапалатте. На улице Оскар на мгновение задержался, чтобы придать своей шляпе щегольской наклон, и усмехнулся.

— Роберт, мы можем быть спокойны — так изрек Гилмор, инспектор Скотленд-Ярда. — Он взял меня под руку и обратил глаза к солнцу. — Не следует ли отпраздновать это бокалом «Перье Жуе»? Как нам обоим хорошо известно, страсть к наслаждению есть секрет сохранения молодости.

Мы сели в кеб Оскара. Уж если моему расточительному другу приглянулся кебмен — или его лошадь, — он был готов держать при себе этот экипаж весь день, а то и ночь.

— Албемарль-стрит! — скомандовал Оскар.

— И что теперь? — спросил я.

— Полагаю, сырная соломка к шампанскому, — ответил он с озорной улыбкой. — А кроме того, в отеле «У Брауна» новый кондитер. Его пряные цукаты вызывают противоречивое отношение завсегдатаев — парня надо поддержать и ободрить.

— А что с нашим делом? — не унимался я.

— Вы слышали слова инспектора, Роберт. Не тревожьтесь.

Выбор Оскара меня удивил. Отель, основанный Джеймсом Брауном, бывшим слугой лорда Байрона, не принадлежал к числу излюбленных мест Оскара. По его мнению, дубовые панели обеденного зала были чересчур мрачными. Но удивление мое удвоилось, когда я услышал приветственный возглас портье, обращенный к моему другу:

— Вот вы и снова у нас, господин Уайльд! Не хотите с нами расставаться.

Я с недоумением поглядел на Оскара, когда тот вручал портье шиллинг.

— Я заглянул сюда позавтракать, Роберт, — объяснил он, — и воспользоваться телефоном. Потрясающее приспособление, должен вам признаться. Оно изменит всю нашу жизнь — в особенности драматургов. Ведь существуй телефонная связь во времена Шекспира, ему пришлось бы избавиться от всех этих назойливых и пустословных вестников и глашатаев.

Он провел меня через вестибюль к стеклянной будке — в таких укрываются от непогоды караульные гвардейцы.

— Загляните внутрь, — сказал Оскар. — Вот тот самый аппарат, с которого господин Грэм Белл осуществил самую первую в Англии телефонную связь. И вполне естественно, когда я оказываюсь в Уэст-Энде, то непременно захожу сюда и делаю все необходимые звонки. Это как совершить паломничество к истокам Нила.

— А кому вы звонили нынче утром? — спросил я, когда мы миновали вестибюль и оказались в довольно темной и сырой гостиной. Пожилой официант проводил нас к двум кожаным креслам, полускрытым среди росших в кадках пальм. Похоже, мы были единственными посетителями.

— Бутылку «Перье Жуэт», — сказал Оскар официанту, — предпочтительно восьмидесятого года. И солонку «массимо». — Подождав, пока официант уйдет, он ответил на мой вопрос: — Я сделал два звонка, Роберт, причем оба — междугородние, что и объясняет легкую хрипотцу в моем голосе. Телефоны еще не годятся для того, чтобы шептать в них нежные пустяки. Во-первых, я позвонил в полицию Истборна. Не могу сказать, что тамошние полицейские уж очень расторопны, но, по крайней мере, они связались с береговой охраной. Сведений о Бредфорде Пирсе — живом или мертвом — у них нет. А затем я позвонил Дойлу.

— И как дела у Артура?

— Этого я сказать не могу. Он к телефону не подошел. Госпожа Дойл сообщила, что Артур в мастерской. Он занят ваянием и не велел себя тревожить. Впрочем, она заверила меня, что он встретится с нами завтра в театре, а кроме того, он обещает в воскресенье украсить своим присутствием благотворительный вечер на Тайт-стрит.

— Вы не хотите отменить этот вечер в связи с возникшими обстоятельствами? — спросил я.

— Разумеется, нет! — с живостью ответил он. — С какой стати?

Официант подал охлажденное шампанское и чеширский сыр. По счастью, и вино, и сыр оправдали ожидания такого ценителя, как мой друг: прикрыв веки, Оскар делал глоток из бокала, потом бросал в рот сырную соломку, и на лице его читалось истинное наслаждение. Наконец он открыл глаза.

— Цивилизованный человек никогда не станет сожалеть о пережитом наслаждении, в то время как дикарь просто не знает, что это такое. — Оскар наполнил мой бокал. — Каков был Джордж Добни? — спросил он.

— Вчера? Я недолго оставался в его обществе, — ответил я. — Он был пьян — да вы и сами это видели. Мы расстались у Гатти, где он сразу же оказался в руках какой-то хористки.

Оскар медленно осушил свой бокал и улыбнулся:

— Да, это правда — священнослужители англиканской церкви питают слабость к хористкам.

Я не сдержал смеха. Оскар разломил пополам последнюю сырную соломку и отодвинул блюдо.

— Полагаете, мы действительно можем не тревожиться? — спросил я.

— Мы получили заверения, что Сапалатте под надежной защитой.

— А Констанция? Она под надежной защитой?

— Думаю, в настоящее время это так.

— Хотите сказать, что Эдвард Херон-Аллен сегодня снова с ней? — Я старался, чтобы в моих словах не прозвучало раздражение.

— Именно, — ответил Оскар, стряхнув на пол крошки с жилета.

— Боже милостивый! — не выдержал я. — Неужели у него нет собственного дома?

— Есть, разумеется, — сказал Оскар, — и там живет его жена. А Эдвард предпочитает мой дом, поскольку в нем живет моя. Недоступный плод в саду соседа всегда слаще своего, что лежит под ногами.

— Вы доверяете ему, Оскар?

— Я доверяю Констанции, Роберт. Безоговорочно. Я тоже слышал, что Сапалатте говорил о ней и Херон-Аллене, однако, слушая, я угадываю то, что кроется за словами. Никто не знает мою жену, как знаем ее мы с вами, Роберт. Я горжусь тем, что на мне лежит долг заботиться о ее репутации и ее безопасности. Вам будет приятно услышать, что, помятуя об этом долге, я отказался от обеда с Брэмом Стокером и от ужина с Боузи Дугласом. Сегодняшний вечер я проведу дома — почитаю сказку своим детям перед сном и поужинаю à deux* с госпожой Уайльд. А после трапезы, чтобы доставить ей удовольствие, мы сыграем партию в пикет. Если и есть что-либо печальнее, чем потеря любимой женщины, то это как раз возможность завоевать ее благосклонность и тут же обнаружить, что всем видам досуга она предпочитает игру в пикет.

— Но вы же любите Констанцию, — возразил я. — Этого вы от меня не скроете.

— Я люблю ее, Роберт, но уже не нахожу ее столь же интересной для себя, как это было прежде. — В широко раскрытых глазах Оскара застыла грусть. — Такое случается, Роберт. — Он разлил по бокалам остатки шампанского. — А каковы ваши планы на сегодняшний вечер, господин Шерард?

* Вдвоем (*фр.*).

— Мы с Сиккертом идем в мюзик-холл.

— К Гатти? — Оскар улыбнулся.

— Пока не знаю. Куда Уолт захочет.

— Не дайте ему увести вас с верного пути, Роберт. Возвращайтесь домой пораньше — завтра мне понадобится ваша помощь. По обыкновению, как свидетеля.

— Стало быть, мы не оставляем это дело?

— Ни в коем случае. Сегодня мы можем, как сказал инспектор, быть спокойны. А завтра нам предстоит беседа с вероятным убийцей — на Бейкер-стрит.

— На Бейкер-стрит? — Я улыбнулся. — В доме двести двадцать один «б»?

— Нет, — ответил Оскар. — На другом конце улицы, в доме номер двадцать. Вы его без труда найдете. Встреча ровно в полдень.

— Я приду вовремя.

Однако я опоздал. Мы с Сиккертом, что называется, развлекались без удержу. Как безумные, колесили по городу от заката до рассвета. Уолт нанял кеб и погрузил туда запас шампанского и хрустальные бокалы. Он сорил деньгами, как Оскар, хотя его возможности были куда скромнее. Мы побывали на раннем представлении у Гатти (разглядеть приятельницу Добни среди хористок мне так и не удалось), а потом успели на последнее представление мюзик-холла Коллинза на Айлингтон-Грин — Уолт признался, что был «безнадежно влюблен в девушку, которая играла Годиву». (Лошадь под Годивой была настоящая, а вот волосы девушки — нет.) На Стрэнде у «Сидни» мы съели по бараньей отбивной с отварным картофелем, а потом пили пиво, вино и прочие напитки разной степени крепости (в порядке, который улетучился из моей памяти) в ресторанах, барах и иных заведениях от «Кафе ройял» на Пикадилли-серкус до «Старого чеширского сыра» на Флит-стрит. И где бы мы ни оказались, у Уолта находилась приятельница — официантка, цветочница, актриса или натурщица.

Он — в отличие от меня — легко заводил знакомство с женщинами и чувствовал себя в их обществе весьма раскованно. В тот вечер, по моим наблюдениям, он курил сигары странным способом — зажигая тот конец, который обычно берут в рот. По его словам, в манильской сигаре самые нежные и ароматные табачные листья размещаются как раз на тонком конце. «Грешно было бы не насладиться этим вкусом, — заявил он, добавив, что с более толстого конца сигара и тянется легче: — Именно так их курят на Филиппинах».

Когда запас сигар иссяк и «Чеширский сыр» закрылся, Уолтер потащил меня в бордель на Мейден-лейн.

— Зачем мы туда едем? — спросил я.

— Меня забавляет адрес, — был ответ*.

— Но Уолт, ведь вы женаты, разве не так?

— Ох уж мне этот христианский обычай всех зачислять в грешники! Роберт, я решительно отказываюсь это понимать. Почему бы не позволить себе минуту счастья? Не раздвинуть привычные границы унылого быта?

Расхохотавшись, он приобнял меня за плечи и увлек ко входу в заведение.

— Роберт, я привел вас сюда и ради вашего блага. Вам это пойдет на пользу. Что толку сохнуть по Констанции, друг мой? Госпожа Уайльд — увы! — недостижимая цель, и осознание этого повергает вас в печаль. Однако рану, нанесенную крушением надежд на Тайт-стрит, можно в какой-то степени исцелить на Мейден-лейн. Утешение и нежность гарантированы по сходной цене — пять шиллингов. Там нет девственниц по пять фунтов за штуку. Девушки знают свое дело, они вас не разочаруют. Останетесь довольны, поверьте мне.

Так и случилось — я остался доволен, до известной степени. Желание обуревало меня, Уолт не ошибся на

* Мейден-лейн буквально означает «улица невинной девы».

этот счет. Однако наутро, когда он безмятежно спал, я проснулся с головной болью и знакомым чувством ennui*.

В субботу 7 мая 1892 года (ясный, согласно моему дневнику, день) я в час пополудни прибыл на Бейкер-стрит, 20. Найти дом не составило труда, но меня поразило то обстоятельство, что там помещались турецкие бани. Внешний вид дома оказался обманчивым: снаружи здание выглядело как нонконформистская** церковь, нуждающаяся в легком ремонте, а внутри более походило на дворец калифа, каким он предстает на сцене театра «Друри-Лейн». В вестибюле (золото с зеленью — или зелень с золотом) меня приветствовали два весьма уродливых желтокожих карлика. Сходство лиц позволяло думать, что они — близнецы, но их одежда поражала различием. Один из них, повыше ростом, был облачен в коричневый саржевый костюм и грязноватую рубашку без воротника и пуговиц. Одевание второго наводило на мысль о сбежавшем из театра если не Али-Бабе, то кого-то из его сорока разбойников. Карлик в коричневом взглянул на меня и тут же исчез за желтой занавеской в дальнем конце помещения. Его коллега окинул меня равнодушным взглядом и коротко спросил:

— Первый или второй класс? Три шиллинга шесть пенсов или полкроны?

Поскольку последний грош был потрачен мною накануне в заведении на Мейден-лейн, я не нашел ничего лучшего, чем пробормотать:

— Полагаю, меня ждут. Я пришел к господину Уайльду.

Карлик пробурчал в ответ:

— Дык вы гость тот самый будете? — Судя по речи, он был родом скорее с Олд-Кент-роуд***, чем из Багдада. Из камышовой корзины, стоявшей в углу, он извлек

* Досада (*фр.*).

** Нонконформисты — секты, отделившиеся от англиканской церкви и не признающие ее власти.

*** Олд-Кент-роуд — улица в бедном районе в Южном Лондоне.

льняную простыню и вручил ее мне. — Они небось в парилке. По лестнице вниз, четвертая комната слева. Не шибко торопитесь, а то в обморок грохнетесь. — И он мерзко захихикал.

— А так и так можете грохнуть, — раздался голос из-за занавески. — Там же сто шестьдесят градусов*.

Я последовал совету карлика и шел не торопясь. За пределами вестибюля было темно, сыро и тихо — как в катакомбах. В раздевальне первого класса, где я оказался, лежало с полдюжины стопок белья других посетителей. В первом парильном отделении (оно нагревалось кирпичным воздуховодом шириной три фута и толщиной девять дюймов, который шел вдоль трех стен помещения) я расположился напротив тучного седобородого джентльмена (сэр Джон Фальстаф** голышом), которого можно было принять за мертвеца, если бы не его храп. В следующей парильне я уже был один — обливаясь потом и едва дыша, любовался изысканным кафелем «Крейвен-Данхилл» и размышлял о том, как и почему эти необыкновенные — и притом весьма дорогие — бани так быстро распространились и завоевали популярность в Лондоне.

В конце концов я добрался до последней парильни. Жар в ней был так велик, а пар столь плотен, что я не сразу разглядел Оскара и двух его спутников. Обнаженные, они сидели рядом на фаянсовой скамье, словно Седрах, Мисах и Авденаго в раскаленной печи***.

— Это вы, Роберт? — прошептал Оскар едва слышно. — Enfin!****

* По-видимому, температура указана по шкале Фаренгейта; по Цельсию — 71°.

** Персонаж ряда произведений Шекспира («Виндзорские насмешницы», «Генрих IV»), толстый добродушный пьяница и гуляка.

*** Седрах, Мисах и Авденаго — три иудея, отказавшиеся поклониться истукану, брошенные по приказу Навуходоносора в «раскаленную огнем печь» и вышедшие из огня невредимыми (Книга пророка Даниила, 3:13–30).

**** Наконец (*фр.*).

— Простите... — начал было я, но он прервал меня:

— Не извиняйтесь, Роберт. У нас мало времени. Я хочу услышать признания его светлости, прежде чем все мы сваримся заживо.

Слева и справа от Оскара Уайльда сидели лорд Альфред Дуглас и Френсис, виконт Драмланриг. Расположившийся между ними Оскар напоминал выброшенного на сушу дюгоня: сероватая кожа в бледно-розовых пятнах, грудь и живот в неприглядных жировых складках, тяжелые покатые плечи. На его коленях лежала простыня. Тридцатисемилетний Оскар выглядел как старая потаскушка *en deshabillé**, сошедшая с картины Тулуз-Лотрека. Сидевшие же рядом молодые люди двадцати одного года и двадцати четырех лет казались статуями, изваянными Микеланджело. Их кожа была белой и гладкой, как алебастр. Назвать их просто красивыми не поворачивался язык — они были прекрасны.

Озадаченный, я спросил:

— Почему мы здесь?

— Лорд Драмланриг — директор компании, владеющей турецкими банями в Лондоне и провинции. Мы же — его гости. Эта баня — волшебное средство, исцеляет от подагры за один визит.

— Я-то думал, мы пришли для перекрестного допроса вероятного убийцы. — В моем голосе звучало плохо скрытое раздражение.

— Так и есть, Роберт, для этого мы и пришли. Драмланриг признает, что избрал покойного лорда Эйбергордина своей жертвой, однако не пожелал сказать мне, почему сделал такой выбор и не он ли убил старого лорда.

— Конечно же я его не убивал, Оскар, — заговорил Драмланриг, прикрыв глаза и прислонившись затылком к кафельной стене. — И имейте в виду: турец-

* В домашнем платье, полураздетая (*фр.*).

кая баня помогает не только при подагре. Мы лечим от расстройства пищеварения, водянки, скарлатины, импетиго...*

— Но почему? — настаивал Оскар. — Почему вы выбрали именно Эйбергордона?

— Да потому что он был старым болваном.

— Боюсь, этого недостаточно, Френсис.

Драмланриг повернулся к Оскару и открыл голубые глаза.

— Если вы настаиваете, Оскар...

— Настаиваю...

— Если вы настаиваете...

— От этого может зависеть жизнь моей жены. —

Оскар говорил очень серьезно.

Драмланриг нахмурился:

— Я не вижу здесь связи. Совершенно никакой...

— Поверьте мне на слово.

— Поверь Оскару, — сказал Боузи.

— Что ж, будь по вашему. — Драмланриг выпрямился и закутался в простыню. — Я не убивал Эндрю Эйбергордона, но желал ему смерти, и — да простит меня Господь — я рад, что он умер. Он превратил мою жизнь в кромешный ад.

— Я думал, он ваш крестный отец, — заметил Оскар.

— Да, он был моим крестным и полагал своим долгом следить за моей нравственностью. Он убедил себя в том, что я сбился с праведного пути, «скатился в бездну порока и деградации», как он выразился.

— Что он имел в виду? — спросил Оскар, широко раскрыв глаза от удивления.

— Он обвинил меня в том, что я совершаю противозаконные акты совокупления с мужчинами, а моим соавтором назвал лорда Розбери, моего друга и покровителя. Лорд Эйбергордон сказал моему отцу — и Бог знает кому еще, — будто я совершил акт содомии с графом Розбери.

* Заболевание кожи, чаще встречается у детей.

— С Примроузом? — спросил Оскар.

Я рассмеялся. Не смог сдержаться.

— А что, лорда Розбери так нежно называют?*

— Примроуз — его родовое имя. — Оскар улыбнулся. — Имя, как вам известно, Роберт, значит очень много — если не всё. — Он снова повернулся к Френсису Драмланригу: — И эти обвинения имели под собой основания? Именно поэтому вы желали ему смерти?

Драмланриг резко вскочил на ноги и повернулся к Оскару:

— Они были абсолютно лишены оснований — каких бы то ни было оснований, слышите? Это была подлая, низкая клевета, которая имела губительные последствия для моей репутации.

Он закрыл лицо ладонями.

— И для репутации лорда Розбери, — тихо добавил Оскар.

— Это правда, — пробормотал Драмланриг. Он обмотал простыню вокруг талии и продолжил: — Да, пострадали мы оба, наши добрые имена. Грязной ложью, подлой клеветой Эйбергордон разрушал наши жизни.

— Умерь жар своего возмущения, Френсис, — тихо проговорил Боузи, склонив набок красивую голову.

— Я не могу не возмущаться! — вскричал Драмланриг. — Тебе легко толковать о любви между мужчинами, Боузи. Ты волен воспевать прелести античной любви сколько пожелаешь — ведь ты мечтаешь стать поэтом! А я хочу быть политиком. А лорд Розбери хочет стать премьер-министром. Здесь действуют иные правила. — Виконт снова обратился к Оскару: — Да, я хотел, чтобы Эйбергордон наконец замолчал. Я молил-ся, чтобы он умер. Я желал его смерти — всей душой. Но я его не убивал.

* Примроуз (primrose) — примула (англ.).

— Зачем вы в четверг ездили в Истборн? — спросил Оскар, промокая лицо простыней.

— В Истборн? В четверг?

— В Истборн в четверг.

— Если уж вам так нужно это знать...

— Мне нужно это знать.

— В четверг я поехал в Истборн, — сказал Драмланриг, — чтобы встретиться с герцогом Девонширским и обсудить с ним кое-какие политические вопросы. У герцога там дом, и он пригласил меня на обед. Я — секретарь лорда Розбери. Осенью у нас снова будет лейбористское правительство, и его, без сомнения, опять возглавит господин Гладстон. Но даже Гладстон не может оставаться на посту премьера вечно. А когда он уйдет и если герцог Девонширский не станет его преемником, то это место сможет занять граф Розбери.

Увидев, что Оскар пытается подняться на ноги, мы с Боузи пришли ему на помощь. Он обернул одну простыню вокруг талии, другую накинуд на плечи и одарил нас милостивой улыбкой.

— Ведь я похож на Цезаря? — спросил он. Мы рассмеялись. Оскар протянул руку и коснулся плеча Френсиса: — Примроуз Розбери, кажется, много старше вас?

— Как раз сегодня, седьмого мая, ему исполняется сорок пять.

— И вы его любите? А он любит вас?

— Я восхищаюсь лордом Розбери как никем другим. Он — великий человек. И он... Да, он меня ценит, так мне кажется. Недавно он овдовел. Он одинок. Мы много времени проводим вместе. Да, мы любим друг друга, как могут любить мужчины.

— Приведите его вечером в Сент-Джеймский театр, хорошо? На мою пьесу. Это будет подарком ко дню его рождения.

Глава семнадцатая

АНШЛАГ

В тот субботний вечер Сент-Джеймсский театр был полон — как это случалось ежедневно с двадцатого февраля девяносто второго года. Пьеса «Веер леди Уиндермир» пользовалась огромным успехом с самого первого представления.

За свою жизнь я побывал в театре чуть ли не тысячу раз, но, признаюсь откровенно, ни один спектакль не оставил в моей памяти более яркого следа, чем премьера этой пьесы моего друга. Думаю, каждый ее зритель навсегда запомнит пережитое: восхитительный юмор и истинную человечность, неожиданные повороты действия (никто из нас не знал, чего следует ожидать), блеск зрительного зала, где собрался *le tout monde**, и, наконец, скандал, вызванный заключительной речью Оскара, произнесенной у занавеса. Когда спектакль закончился и амфитеатр и партер разразились криками «Автора!», Оскар легкими шагами вышел из-за кулис, остановился на авансцене и медленно обвел взглядом зрителей. Зеленая гвоздика в петлице, дымящаяся сигарета в руке, затянутой в бледно-лиловую перчатку. Зал затаил дыхание. Оскар выдерживал паузу. Медленно-медленно он затянулся сигаретой и выпустил струйку дыма. Затем заговорил: «Дамы и господа! Возможно, я поступаю вопреки правилам приличия, позволяя себе курить перед вами, однако... возможно и другое — что именно вы нарушили правила приличия, причиняя мне беспокойство, когда я курю! Я восхищен сегодняшним представлением. Актеры великолепно сыграли превосходную во всех отношениях пьесу, а вы проявили высокую степень сообразительности, по достоинству оценив спектакль. Примите мои поздравления с вашим весьма успешным представлением, ко-

* Весь свет, светское общество (*фр.*).

торое убеждает меня в том, что вы придерживаетесь почти такого же высокого мнения о моей пьесе, как и я сам».

В тот вечер Оскар оделил некоторых из нас зеленой гвоздикой для бутоньерки и такую же дал одному из актеров труппы.

— Что это означает, Оскар? — спросил его я. — Что символизирует зеленая гвоздика?

— Ничего, Роберт, ровным счетом ничего. И именно это останется для всех загадкой...

На представление седьмого мая Оскар оставил для своих гостей все четырнадцать кресел в ложах. Это делалось в знак благодарности тем друзьям, которые поддерживали сбор средств в пользу Общества рациональной одежды, организованный Констанцией Уайльд, и обещали также поддержать усилия Оскара по финансированию молодежного клуба в Эрлз-Корте. Наш радушный хозяин позаботился о том, чтобы во всех ложах были зеленые гвоздики и приглашенные джентльмены могли ими распорядиться. (Не все, впрочем, проявили такое желание. «Это не мой стиль, дружище», — заявил Конан Дойл.) В последнюю минуту Оскар отрядил меня в Ковент-Гарден* за букетиками примул, чтобы преподнести их всем дамам в честь дня рождения лорда Розбери. Дамы выразили свое восхищение этой предусмотрительностью, а сам Примроуз Розбери признался, что он «искренне тронут этим знаком внимания и просто не может найти слов от нахлынувших на него чувств».

Лорд Розбери и лорд Драмланриг вместе с Оскаром и Боузи расположились в королевской ложе. В ложе по соседству оказались Чарльз и Маргарет Брук, раджа и рани** Саравака, а также Констанция и не оставляю-

* Ковент-Гарден — это название носит не только знаменитый Королевский оперный театр в Лондоне, но и большой рынок фруктов, овощей и цветов, существовавший с 1661 по 1974 г.

** Супруга раджи (*хинди*).

щий ее своим вниманием Эдвард Херон-Аллен. («Уверяю вас, госпожа Херон-Аллен получила приглашение, — сообщил мне Оскар, — как и госпожа Стокер. И госпожа Сиккерт. Но никто из них не пришел — недомогание, Роберт. Какой бы способ разбогатеть вы ни избрали, заклинаю вас, не пытайтесь изобрести средство от головной боли: вы не найдете покупателей».)

Что до меня, то я сидел в ложе — с Уолтом Сиккертом и Брэмом Стокером — по другую сторону зрительного зала, как раз напротив Констанции с ее друзьями. Констанция выглядела божественно в платье, которое неизменно надевала, когда приходила на представление этой пьесы, — оно служило ей талисманом. Как и ее муж, Констанция была суеверна, а на премьере, имевшей шумный успех, на ней было именно это платье — из голубой парчи, с разрезными рукавами и лифом, расшитым жемчугом. Фасон этого роскошного наряда явно испытал влияние придворной моды времен Карла I, но Констанция носила его с восхитительной непринужденностью. Сиккерт перехватил мой исполненный тоски и желания взгляд и набросился на меня.

— Не будьте идиотом, Шерард, — сказал он. — Не растравляйте себе душу. Вы только усугубляете свои страдания. Она не видит никого вокруг, кроме Оскара. Этот болван Херон-Аллен виляет хвостом перед ней сутки напролет, а взамен не удостоивается даже легкого прикосновения. Лучше обратите свой взор на какой-нибудь другой объект, дружище, пока совсем не свихнулись. — С этими словами он вручил мне бинокль и предложил окинуть взглядом зрительный зал. — Сообщите, кто вам приглянулся, и я скажу, какие у вас шансы.

Уязвленный его упреками, я взял бинокль и принялся разглядывать зрителей. Разумеется, среди них попадались весьма привлекательные женщины. Были и довольно забавные персонажи — в маленькой ложе верхнего яруса я заметил двух приятельниц Оскара,

мисс Брэдли и мисс Купер, лесбиянок-поэтесс, которые писали вместе под псевдонимом Майкл Филд.

— В кого, черт побери, они обрядились? — спросил я Сиккерта, возвращая ему бинокль.

Художник направил окуляры на эксцентричных дам.

— На сей раз, увы, в тирольских пастухов... Похоже, на соседей их присутствие действует пагубно. Обратите внимание — театр полон, билетов не достать, а лежа рядом с ними пуста.

Пустовала лежа, которую Оскар велел оставить для Сапалатте.

Когда свет начал меркнуть и оркестр заиграл увертюру (ею оказалась увертюра к *Il Seraglio** Моцарта), Сиккерт наклонился ко мне и прошептал:

— Нет ли известий о Бредфорде Пирсе?

— Я ничего не слышал.

— Так это правда? — зашептал Стокер за моей спиной. — Прошел слух, что он покончил с собой — бросился с Бичи-Хеда. Кредиторы затравили. Каким он вам показался, когда вы видели его в Истборне?

— Мы видели спектакль, а не Пирса. Он исчез, прежде чем мы смогли до него добраться.

— Не могу поверить в его самоубийство, — продолжал шептать Стокер. — Пирс не из тех, кто сводит счеты с жизнью. Вам не кажется, что беднягу могли убить?

Занавес Сент-Джеймского театра поднялся, и зрителям предстала залитая солнцем малая гостиная в доме лорда Уиндермира на Карлтон-Хаус-Террас. Декорации, выполненные с отменным вкусом (г-н Х. П. Холл в расцвете дарования), были встречены заслуженными аплодисментами.

Во время антракта гостей Оскара пригласили подкрепиться в комнату приемов, расположенную за амфитеатром. Народу собралось немало, и я с трудом протис-

* Имеется в виду опера «Похищение из серая».

нулся к своему другу. Мне хотелось поделиться с ним тревогой по поводу отсутствия Сапалатте, но, когда я оказался рядом, он сделал мне знак молчать.

— Я знаю, о чем вы хотите сказать, Роберт. — Он протянул мне бокал шампанского. — Не волнуйтесь. Позвольте представить вам графа Розбери. Сегодня у его светлости день рождения.

Я поклонился вельможе, который в ответ улыбнулся мне глубоко посаженными глазами. Это был искусный политик: с первой минуты он сумел расположить меня к себе, и мне стало казаться, что мы давно и близко знакомы.

— Пьеса — само очарование, — заговорил он. — Такое впечатление, что она всем по душе. И все же юный Драмланриг сказал мне, что критики разделились на два лагеря.

— Да, — почтительно согласился Оскар. — Когда критики разделяются, публика объединяется.

— Именно, господин Уайльд, — продолжал лорд Розбери, с улыбкой оглядев толпу зрителей. — И я не перестаю этому удивляться. Любопытно, что галерка так же полна, как партер и ложи. Кто эти люди?

— Все очень просто, — пояснил Оскар. — Это прислуга.

— Что вы имеете в виду? — спросил Розбери.

— Буквально то, что сказал. Слуги прислушиваются к разговорам в гостиных, они слышат, как их господа обсуждают мою пьесу, и сами проникаются интересом — вот вам и полный театр. Слуг легко узнать по безупречным манерам.

— Вы совершенно необыкновенный человек, господин Уайльд, — сказал лорд Розбери. — Надеюсь, пьеса будет опубликована?

— Полагаю, да. Идеальный тираж в моем представлении — это пятьсот экземпляров для подарков друзьям ко дню рождения, шесть экземпляров для книжных магазинов и еще один — для Америки.

Звон колокольчика уведомил об окончании антракта. Я еще раз поклонился его светлости и получил в ответ еще одну улыбку политика. Отправляясь к своему месту, я успел шепнуть на ухо Оскару:

— Вам известно, что Сапалатте не пришел?

Оскар ответил с улыбкой и не понижая голоса:

— Тем не менее я не выпускаю его из вида. Наслаждайтесь зрелищем, Роберт. После спектакля жду вас у служебного выхода.

Вернувшись в свою ложу, я увидел, что Стокер и Сиккерт продолжают сетовать о печальной участи Бредфорда Пирса, вновь и вновь повторяя друг другу, что уж кто-кто, а Пирс вообще не нажил себе врагов в целом мире.

— Где вы были? — обратился ко мне Сиккерт. — Надеюсь, не гонялись за госпожой Уайльд? — Он снова вручил мне бинокль. — Посмотрите-ка вон туда, на левую сторону галерки. Видите мулатку с блестками в волосах? По-моему, она вполне в вашем вкусе.

Чтобы доставить ему удовольствие, я поднес бинокль к глазам и посмотрел на девушку. Ничего не скажешь, она была хороша — у Сиккерта опытный глаз.

— И кстати, — добавил художник, — тирольские пастухи уже не томятся в одиночестве. В соседней ложе кто-то появился.

Я нацелил бинокль на прежде пустовавшую ложу и увидел там высокого человека в смокинге, который стоял с краю и смотрел вниз на публику в зрительном зале. Это был не Сапалатте.

— Я его знаю, — сказал я.

Сиккерт и Стокер подняли глаза к галерке.

— Да мы все его знаем, — заметил Брэм Стокер, делая знак рукой в сторону стоявшей там фигуры. — Это Чарльз Брукфилд.

— Но его Оскар не приглашал.

— Возможно, вы правы, — сказал Стокер, — но он тем не менее здесь. Брукфилд помешан на Оскаре.

Помешан на этой пьесе. Вы ведь знаете, что он ставит собственную пародию на нее. Премьера ожидается через две недели, и, уверяю вас, нам не избежать приглашения.

— В таком случае, — заявил Уолт Сиккерт, когда свет начал меркнуть, — я не удивлюсь, если кто-нибудь убьет Чарльза Брукфилда.

Когда упал занавес, восторженным овациям не было конца. Оскар сумел угодить публике, в этом не было сомнений. На этот раз автор устоял против соблазна выйти на сцену, но поднялся со своего кресла в королевской ложе, гордо откинул голову и ответил на приветственные крики зрителей величавым взмахом руки. Когда же зал опустел, он занял позицию на верхней ступени главной лестницы, оперся на перила и так принимал заслуженные знаки восхищения от незнакомцев и выслушивал слова благодарности от друзей.

— Благодарю вас, от всей души благодарю вас, господин Уайльд! Мне следует чаще отмечать свой день рождения, — провозгласил лорд Розбери, покидая театр с молодыми Дугласами.

— Bravo, Оскар! Бегу, чтобы не опоздать к поезду, — крикнул Конан Дойл на ходу. — Жаль, что Туи не увидела этого. Остальное — завтра, старина!

Мало кто смог задержаться — был поздний час, и к тому же большинство пришедших в театр друзей Оскара были приглашены к нему на следующий день.

— Четыре акта наслаждения не могут доставаться даром, — со смешком заметил Чарльз Брук, стиснув плечо Оскара, и направился к выходу.

— Этот уик-энд проходит под знаком Уайльда! — хором пропели мисс Брэдли и мисс Купер, посылая хозяину вечера воздушные поцелуи поверх толпы.

— Вы правы, на них действительно костюмы тирольских пастухов, — прошептал я Сиккерту.

— Зато они нас пощадили и не явились в Lederhosen*, — прошептал он в ответ.

Толпа зрителей окончательно рассеялась, я распрошлся с Сиккертом и Стокером и направился к Оскару. По пути я заметил на противоположной стороне широкой лестницы Чарльза Брукфилда — тот был поглощен беседой с хрупким человечком, одетым не в приличествующий случаю смокинг, а в коричневый костюм из грубой шерсти. Оскар тоже его увидел.

— Чарльз! Чарльз! — позвал он. Брукфилд начал медленно спускаться по мраморным ступеням, глядя прямо перед собой. — Чарльз! — повторил Оскар. — Не пытайтесь улизнуть!

Актер остановился и посмотрел вокруг себя, делая вид, что не может понять, с какой стороны его окликают.

— Здравствуйте, Чарльз!

— Ах, это вы, Оскар! — Брукфилд развернулся и направился в ту сторону, где стояли мы с Оскаром. — Я вас не заметил. Шел в гардеробную.

— Я вам не верю, — сказал Оскар. — На улице слишком тепло, чтобы вы пришли сюда в пальто.

— Как всегда разыгрываете из себя детектива? — спросил Брукфилд. — Тогда скажите лучше, кто в минувший вторник убил попугая в «Кадогане»? Вот что меня интересует.

— А как вам в эту субботу показалась пьеса в Сент-Джеймском театре? Вот что интересует меня.

— Приходите на «Поэта и марионеток», Оскар, и получите ответ на свой вопрос. Премьера девятнадцатого, я пришлю вам билеты. Уверен, вам зрелище придется по душе. К тому же ручаюсь, что никаких речей автора не предвидится.

— Вы остались недовольны моей речью на премьере «Веера леди Уиндермир»?

— Не только я, — холодно ответил Брукфилд.

* Кожаные брюки (нем.).

— Поведайте мне, что послужило причиной вашего неудовольствия — тон моей речи или ее содержание? — спросил Оскар. — А может быть, моя сигарета?

— И то, и другое, и третье.

— Вы старомодны, Брукфилд. Вам-то кажется, что вы сверхсовременны, но на самом деле вы по уши увязли в прошлом. Согласно представлениям вчерашнего дня, драматургу надлежит появляться на сцене в конце спектакля для того лишь, чтобы поблагодарить своих добрых друзей за поддержку и присутствие в зрительном зале. Я рад, что нарушил этот ритуал. Художник не может быть низведен до положения прислужника публики. Хотя мне всегда представлялось важным, как актеры и зрители оценивают мой труд, я в той же степени убежден, что подобострастие — это удел лицемеров, а смирение и скромность — людей неумелых и бездарных. Самоутверждение — вот долг и исключительное право художника.

— Благодарю вас, Оскар, — сказал Брукфилд и поклонился. — Весьма поучительная речь.

— Не стоит благодарности, Чарльз.

— Всего доброго, Оскар. — Брукфилд повернулся и стал спускаться по теперь уже пустой лестнице, помахав рукой на прощание. — Но не забудьте о нашей нерешенной задаче... Кто убил попугая? Вот в чем вопрос. Если мне не изменяет память, он стоит тринадцать гиней.

— Прощайте, Чарльз, — отозвался Оскар. — Надеюсь, гардеробная еще не на замке.

Не оборачиваясь, Брукфилд вышел через вращающиеся двери театра. Мы проводили его глазами.

— Зачем вы сделали его своим врагом, Оскар? — спросил я.

— Затем, что не могу сделать его своим другом, Роберт.

Фойе театра опустело. Бледный молодой человек в строгом костюме — помощник управляющего — поднимался по лестнице, выключая газовые светильники.

Внезапно из-за наших спин появились две женщины в потрепанных пальто. На мгновение я принял их за мисс Брэдли и мисс Купер, которые неожиданно вернулись в театр в новых маскарадных костюмах. На самом деле это были уборщицы. Одна из них, вооружившись шваброй и ведром, тут же принялась мыть пол из сиенского мрамора. Вторая, с большой щеткой, занялась чисткой ковровой дорожки, покрывавшей ступени.

— Взгляните на них, — наклонился к моему уху Оскар. — До чего они уродливы! И при этом так молоды. Воистину, усердие — вот корень всего безобразного.

— Идемте, Оскар, — сказал я, беря его под руку. — Нам пора уходить.

— Зачем, куда? — воскликнул он. — Пить шампанское, пока они здесь будут трудиться в поте лица? — Он сунул руку в карман брюк и вынул две новехонькие банкноты по пять фунтов.

— Это нелепо, — прошептал я. — Здесь их трехмесячное жалованье.

— Нелепо то, что мы можем позволить себе все, Роберт, а они могут позволить себе лишь самоотречение. — Он подошел к женщинам и дал каждой по пятифунтовой купюре. Совершенно сбитые с толку, они молча смотрели на него. — С наилучшими пожеланиями от леди Уиндермир, — сказал Оскар. — Благодарю вас.

Тротуар у Сент-Джеймского театра был пуст. На противоположной стороне улицы спиной к нам в одиночестве стоял Чарльз Брукфилд, рассматривая витрину винного магазина «Димери и Холланд».

— Вы успели заметить его друга? — спросил меня Оскар.

— С которым он стоял на лестнице? Человек в коричневом костюме?

— Именно. Уродливый коротышка с бледно-желтым лицом и глазками хорька.

— По-моему, он служит в турецких банях на Бейкер-стрит.

— В самом деле? Это неожиданная новость... — Тем временем Брукфилд, по-прежнему в одиночестве, направился по Сент-Джеймс-стрит в сторону Пикадилли. — Кем бы он ни оказался, это довольно странная компания для столь утонченного джентльмена, как Брукфилд.

Мимо нас проехали два кеба.

— Констанция уже отправилась домой? — спросил я.

— Да, вместе с Бруками и Херон-Алленом. — Оскар посмотрел на меня и улыбнулся. — Я и сам возвращаюсь домой, — добавил он.

Я улыбнулся ему в ответ.

— Рад это слышать, Оскар.

— Думаю, это необходимо.

— Тревожитесь о ее безопасности?

— Нет, до этого еще не дошло — по крайней мере, пока жив Сапалатте. Вас позабавит причина, по которой я собираюсь домой, Роберт. Она кроется в словах, которые я услышал от одного из своих мальчиков.

Я поднес к его сигарете спичку.

— Устами младенцев...

— Воистину так. Вчера перед сном я рассказывал им истории о шалунах, которые огорчали до слез свою мамочку, и о том, что может приключиться с непослушными детьми, если они не исправятся. И знаете, что на это сказал один из них? Сирил спросил меня, а какому наказанию следует подвергнуть непослушных пап, которые возвращаются домой под утро и до слез огорчают мам своих детей!

Я рассмеялся:

— Умный мальчик. Остановить для вас кеб?

— Еще не время, Роберт, — сказал он, взял меня под руку и заставил свернуть с Сент-Джеймс-стрит на Кинг-стрит. — Мы встречаемся кое с кем у служебного входа в театр.

— Сейчас? — спросил я. — Разве актеры не разойдутся по домам?

— Актеры разойдутся, но мы встречаемся не с ними. Из темноты донесся громкий шепот:

— Я здесь!

Хотя поблизости находился уличный фонарь, а на стене у служебного входа горел газовый рожок, я никого не увидел.

— Это я! — вновь прозвучал сиплый голос. — Я здесь, внизу.

Теперь я увидел сверкавшие во мраке глаза. Это был Антифол, черный паренек из цирка Эстли. Он присел на корточки в дверном проеме. Когда мы подошли ближе, он вскочил на ноги и отсалютовал Оскару.

— Как поживает мой юный канатоходец? Где побывал господин Сапалатте со времени вашего последнего отчета?

Юноша стоял по стойке «смирно».

— После обеда — на «Ринге смерти», сэр. Он тренировался, да еще как, весь мокрый был! Заходил лорд Куинсберри и провел с ним полчаса. Потом господин Сапалатте принял ванну, оделся, взял кеб и поехал в отель «Кадоган».

— Вы последовали за ним?

— Да, сэр.

— Вряд ли в кебе, — заметил я.

Антифол ухмыльнулся:

— О нет, сэр! На велосипеде. Я прицепился к экипажу господина Сапалатте и так проделал весь путь, до самых дверей гостиницы.

— Незамеченным?

— Уж господин Сапалатте точно меня не видел. Я свое дело знаю.

— И что было в гостинице? — спросил Оскар.

— Он вошел туда, а в руках у него были разноцветные коробки.

— Что-нибудь для завтрашнего представления? — предположил Оскар.

— Затем он вышел и в том же кебе вернулся в цирк. Путь в оба конца встал ему в два шиллинга.

— А что произошло дальше?

— А дальше — нет чтобы переодеться и заявиться в театр, как вы мне и говорили, так он вместо этого встретился с преподобным отцом Джорджем.

— Вы так его называете? — спросил я. — И что, нравится вам преподобный отец Джордж?

— Он славный, наш падре. С Бертой уж больно ласков, да священники все такие, сами знаете. Но щедрый, настоящий джентльмен.

— И что господин Сапалатте и этот преподобный джентльмен делали?

— Они вместе отправились в «Бадейку крови».

— В «Бадейку крови», — удивился я.

Оскар рассмеялся:

— Погребок «Ягненок и флаг», что на Роуз-стрит. Поистине, Роберт, вы ведете очень замкнутую жизнь.

— И почему это заведение называют «Бадейка крови»? — поинтересовался я.

Мой друг посмотрел на меня с состраданием:

— Там боксируют без перчаток. Профессионалы бьются за деньги, без правил Куинсберри. — Оскар снова обратился к юноше. — Как долго они там оставались?

— Весь вечер, сэр. Только что разошлись. Преподобный пошел своей дорогой, а я проводил господина Сапалатте до его жилища за цирком. Слышал, как он повернул ключ в замке. Потом следил за окнами, пока он свечи не погасил. До утра, господин Уайльд, он в безопасности — если, конечно, его во сне не убьют.

— Спасибо, Антифол, — сказал Оскар, вручая парню монету. — Вот твой шиллинг.

Глава восемнадцатая

«ГОСПОЖА ГИЛЬОТИНА»

Во сне Джарвиса Сапалатте не убили. Во всяком случае в воскресенье, когда мы увидели его на Тайт-стрит, он был полон жизни до самых краев. Энергия так и бушевала в этом человеке. Формально он присутствовал там лишь как исполнитель своей роли — помощника иллюзиониста — в представлении Альфонса Бёрда, однако его манеры, его осанка явно не соответствовали скромному положению наемного актера. Пока Бёрд, облаченный в черное, стоял в дальнем конце заполненной приглашенными большой гостиной на втором этаже дома Уайльдов и охранял свой столик фокусника так же торжественно и молча, как гробовщик следит за сохранностью гроба, Сапалатте, тоже в черном одеянии, свободно и непринужденно перемещался в толпе, улыбаясь и раскланиваясь, словно отпрыск хозяев дома, приветствующий дальних родственников. Высокий рост и впечатляющая внешность Сапалатте привлекали к нему внимание. Бритый череп, теплый взгляд темно-синих глаз и необыкновенный хриплый голос оставались в памяти.

— Очень эффектно, — заметил Уилли Хорнунг. Он наблюдал за гостями, стоя у камина и поглощая фруктовое мороженое.

— В нем сочетается несочетаемое, — сказал я. — И это трудно понять: с одной стороны, сложение профессионального боксера...

— А с другой, — подхватил Конан Дойл, раздвигая усы мундштуком своей трубки, — манеры светского бонвивана. Я буду за ним наблюдать.

— Мы все не оставим его без внимания, — сказал Уолтер Сиккерт, криво улыбаясь. — Похоже, он становится главной примечательностью, звездой вечера.

— Только не сегодня, — вмешался я. — Скорее завтра, в цирке Эстли, где Сапалатте дает гала-представ-

ление, чтобы продемонстрировать достоинства правил Куинсберри. Здесь же, полагаю, он не первый в списке достопримечательностей — всего лишь ассистент иллюзиониста.

— И все же мы не спустим с него глаз, — повторил Сиккерт, беря со столика вторую вазочку с мороженым. — Я принадлежу к любителям подобных представлений и вижу, что Сапалатте имеет все данные, чтобы отличаться.

Конан Дойл фыркнул, поднялся на носки и опустился. Потом повторил это упражнение.

— Вы в самом деле в этом уверены?

— Не вполне, — ответил Сиккерт. — Но мы неслучайно говорим об этом человеке: что-то в нем привлекает внимание.

— Согласен, — отозвался Дойл. — Его чванство.

Уилли Хорнунг не удержался от смеха и поправил пенсне, чтобы лучше рассмотреть объект всеобщего интереса.

Сиккерт помахал ложечкой, с которой только что слизнул мороженое.

— Однажды я видел его на ринге и — тоже однажды — встретился с ним, сидел рядом за ужином в прошлое воскресенье. Я его едва знаю, но он успел оставить след в моей памяти. Возникает вопрос — почему? Да потому, что он, пусть на свой манер, — настоящий художник, как на ринге, так и вне его.

— Правда, не слишком утонченный художник, согласитесь, — сказал я.

Между тем Сапалатте подошел к хозяйке дома. Констанция благосклонно кивнула ему, а он поднес к губам ее руку, словно они были старыми друзьями.

— Не забывайте золотого правила Уистлера*, Роберт: «Для того, кто смел, в искусстве нет запретов».

* Джеймс Уистлер (1834–1903) — американский живописец, мастер офорта и литографии.

Хотя Джарвис Сапалатте и был главной достопримечательностью в этот вечер, у него нашлись и соперники. Во-первых, ему пришлось побороться за первенство с детьми Уайльдов. Оскар и Констанция обрядили мальчиков в маскарадные костюмы — оранжевые и зеленые бархатные курточки и штанишки, рубашки с оборками и башмачки с пряжками. Сирил изображал Маленького лорда Фаунтлероя*, а его младший брат Вивиан, чьи волосы вились от природы, был одет как мальчик со знаменитого полотна сэра Джона Милле «Мыльные пузыри»**. Сами дети — как они спешили сообщить всем, кто подходил к ним, чтобы полюбоваться очаровательными малышами и приласкать их, — предпочли бы надеть свои матросские костюмчики (пошитые из настоящей ткани для военно-морской формы и с настоящими кортиками на боку), «но папа захотел одеть нас так, а ведь сегодня папин праздник».

Одевание самого «папы» свидетельствовало о знакомстве последнего с золотым правилом Уистлера: ультра-мариновые сюртук и брюки, жилет из золотой парчи, малиновый галстук и бутоньерка из аквилегии на фоне расправленных листьев цимбалярии. Толчком к созданию *tout ensemble****, как объяснил Оскар, послужили запонки — «очаровательный подарок Уолта Сиккерта... Ну разве они не образец вкуса? Он не желает говорить, где ему удалось найти такую прелесть, — что ж, у всех свои тайны».

Это была финифть, удивительно тонкая и оригинальная. Каждая запонка представляла собой очень

* Маленький лорд Фаунтлерой — персонаж популярной книжки американской писательницы Фрэнсис Ходжсон Бернетт (1849–1924).

** Джон Эверетт Милле (1829–1896) — знаменитый английский живописец, один из основателей «Братства прерафаэлитов». На картине «Мыльные пузыри» изображен внук художника, курчавый мальчик, одетый в стиле «Маленький лорд Фаунтлерой», который пускает мыльные пузыри и задумчиво смотрит на них.

*** Все (одевание) в целом, весь ансамбль (*фр.*).

точное миниатюрное воспроизведение картины Леонардо да Винчи «Мадонна в скалах». Оскар объяснил — при этом глаза его наполнились слезами, — что цвет его сюртука сочетается с цветом одеяния Марии, жилет обязан своим золотом свивальнику младенца Иисуса, галстук позаимствовал оттенок у плаща ангела Уриэля, а бутоньерка включает в себя растения, изображенные на полотне да Винчи, — «аквилегия символизирует Святой Дух, а цимбалярия — верность».

Конан Дойл сосредоточенно сосал свою трубку, пока Оскар, приблизив манжет к его глазам, давал эти пояснения.

— И все же я не могу одобрить ваш костюм, — пробурчал он.

— Но почему же? — спросил Оскар.

— Даже не знаю. Затрудняюсь назвать причину, но что-то с ним не в порядке.

Маленький лорд Фаунтлерой потянул отца за рукав:

— Папа, ну когда начнется волшебство?

— Сейчас! — воскликнул Оскар. — Сию же минуту.

Он подхватил мальчиков и повел их в дальний конец комнаты, где Альфонс Бёрд и Джарвис Сапалатте ожидали сигнала к началу представления. Зрители — нас набралось человек тридцать — устроились на стульях и табуретах либо стояли, облокотившись на рояль или прислонившись к облицовке камина. Констанция заняла место на диванчике вблизи артистов. Рядом с ней расположились ее подруга Маргарет Брук и ясно-видица госпожа Робинсон, а на подлокотниках пристроились Чарльз Брук и Эдвард Херон-Аллен. Мисс Брэдли и мисс Купер, в безупречных смокингах, сидели, скрестив ноги, на полу впереди всех прочих гостей, а по обе стороны от них встали Боузи, лорд Драмланриг, Вивиан и Сирил. В последний момент, когда часы пробили пять, в дверь неслышно вошли дворецкий Оскара Артур, домоправительница госпожа Райан и гувернантка мальчиков Гертруда Симмондс.

Когда все устроились, Оскар обратился к присутствующим. Говорил он тихо — приходилось напрягаться, чтобы расслышать слова, — а в глазах моего друга все еще блестели слезы.

— Давным-давно, неведомо где, жил-был магнит, — начал он, — а по соседству с ним жили железные стружки...

— Папа расскажет нам сказку! — закричал Сирил.

— Тихо, тихо! — сказала Констанция и прижала палец к губам.

Голос Оскара зазвучал громче:

— И вот однажды две или три стружки вдруг почувствовали желание пойти в гости к магниту. «Как славно было бы навестить его», — толковали они между собой. Другие стружки, которые находились поблизости, подслушали их разговор и тоже заразились этим желанием. К ним присоединились и остальные, их становилось все больше, пока наконец все стружки не затараторили наперебой, что хорошо бы заглянуть к магниту на чашку чая. Скоро их желание, вначале смутное, стало таким сильным, что они уже не могли ему противиться. «Почему бы не отправиться к нему сегодня?» — говорили одни, но другие полагали, что этот визит лучше бы отложить до завтра... А тем временем, даже не замечая того, что происходит, они невольно перемещались все ближе к магниту, который лежал совершенно неподвижно и, по всей видимости, не обращал на них никакого внимания.

Оскар вынул из кармана серебряный портсигар и продолжил свой рассказ, время от времени обводя взглядом присутствующих.

— Так они болтали между собой, незаметно оказываясь все ближе и ближе к своему соседу. И чем больше стружки говорили, тем сильнее становилось их желание, и наконец самые нетерпеливые из них сказали, что отправляются к магниту немедленно, что бы там остальные ни решили. А кое-кто даже заявил, что

нанести визит магниту — их святой долг и что всем им следовало сделать это давным давно. И пока шел весь этот разговор, они продолжали приближаться к магниту, хотя вовсе не чувствовали, что двигаются. Наконец мнение самых нетерпеливых возобладало, и все стружки хором закричали: «Зачем откладывать, что пользы ждать — отправимся туда сегодня. Даже сейчас. Даже сию минуту!» В едином порыве они бросились к магниту и облепили его со всех сторон. И тогда магнит улыбнулся — ведь эти стружки даже не сомневались, что пришли к нему по своей собственной воле!

Оскар помолчал, оглядел присутствующих, улыбнулся и наконец закурил сигарету.

— Bravo, папа! — воскликнул Маленький лорд Фаунтерой и первым захлопал в ладоши.

Конан Дойл пососал трубку, наклонился к Уолту Сиккерту и прошептал:

— Так кого вы назвали «звездой вечера»?

Оскар коротко поклонился и снова откинул голову, затем затянулся сигаретой и продолжал говорить, укрытый клубом табачного дыма, который он не потрудился развеять.

— Вот и вас, дамы и господа, сегодня привело сюда желание — желание проявить щедрость. Сегодня мы смогли собрать более тридцати фунтов в пользу молодежного клуба в Эрлз-Корте. И благодаря вам простые парни из рабочих семей, дети бедняков, а среди них и дети улицы, смогут приучиться к дисциплине, укрепить свое здоровье, овладеть мастерством, занимаясь боксом на достойном ринге с опытными тренерами и по правилам Куинсберри.

Теперь первыми прозвучали аплодисменты Драмланрига и Дойла.

— Да, дисциплина, здоровье и мастерство... — повторил Оскар, озорно улыбнувшись. — Это то, что нужно в Эрлз-Корте. А здесь, в Челси, мы отдаем предпочтение излишествам, капризам и праздности.

— Да вы просто негодник, Оскар! — воскликнула мисс Купер.

— За это мы его и любим, — пробормотал лорд Альфред Дуглас, стоявший рядом с ней.

Оскар направился к камину.

— Охлажденное шампанское и русскую икру скоро подадут, — объявил он, — но сначала... — Оскар протянул руку к той части комнаты, откуда только что ушел. — Сначала — представление!

— Да! Да! Представление! — хором закричали дети.

— Дамы и господа, представляю вашему благосклонному вниманию мастера магии и принца иллюзии, покорившего мюзик-холл «Виктория» в Солихулле, снижавшего славу в Западном Мидлендсе* и заслужившего любовь всех служащих отеля «Кадоган», господина Альфонса Бёрда и его компетентного помощника, «Давида и Голиафа» цирка Этли, господина Джарвиса Сапалатте!

Оскар поднял руки над головой и громко хлопнул в ладоши. Бёрд выступил из угла и поклонился. Торжественный облик худого бледного артиста вызвал замешательство зрителей. Его поклон был глубок, пальцы свободно повисших рук почти касались пола. Редкая паутина седых волос почти не скрывала голого черепа, усеянного старческими пятнами. Оставаясь согбенным достаточно долго, чтобы все почувствовали смущение, он дождался конца аплодисментов, резко выпрямился и распростер руки — и тут же в каждой из них появилось по огромному яркому многоцветному букету. Пока ошеломленная публика пришла в себя и разразилась восхищенными возгласами, Бёрд приблизился к Констанции и бережно опустил оба букета на ее колени, словно скорбящий по утрате близкого возлагал цветы на могилу.

* Западный Мидлендс — название западной части центральных графств Великобритании. Там же находится город Солихулл.

Представление длилось около получаса. Мастерство Бёрда не вызвало сомнения. Без видимых усилий, почти без слов и открытого выражения чувств, с едва заметной помощью Сапалатте он заставлял исчезать игральные карты и шляпы. Из пустой картонной коробки, которую он предварительно пронзил шпагой во многих местах, Бёрд извлек скрипку. Он превращал апельсины в лимоны, лимоны — в бильярдные шары и сложенный зонтик — в британский флаг. Оскару особенно пришлось по вкусу превращение кувшина с водой в графин с вином.

— Этот фокус неизменно имеет успех, — заметил он вполголоса.

Кульминацией программы стало не заклинание змей и не глотание огня, как я мог ожидать. Констанция наложила запрет на эти трюки. Вместо них мы увидели чествование того, что Оскар с веселой улыбкой назвал «самым страшным порождением Великой французской революции».

— И наконец, — сказал Альфонс Бёрд, — или мне следовало сказать *finalement*?* — так прозвучал единственный намек на шутку, который позволил себе артист за время выступления, — позвольте представить вам «*Madame La Guillotine*». Сегодня день ее рождения. Пожелаем ей всяческих благ.

В это время Сапалатте вынес довольно громоздкий и тяжелый предмет, закутанный в черную шелковую ткань. Пяти футов в высоту и двух в ширину, он был чуть меньше псише**. Эффектным движением Сапалатте сдернул ткань, и нашим взорам открылась точная копия гильотины. Дети радостно закричали. Мисс Брэдли и мисс Купер издали смешок. Остальные дамы в удивлении взирали на происходящее.

— Это орудие казни, — произнес Бёрд твердым голосом, — было впервые пушено в ход в Париже, точ-

* Наконец (*фр.*).

** Псише — старинное зеркало в поворотной раме.

нее говоря, на Гревской площади, ровно сто лет тому назад. Наш образец несколько меньше по размерам, чем французский оригинал, но это вполне прочное сооружение: его рама изготовлена из уэльской сосны, нож — из шеффилдской стали, плаха — из английского дуба, и работает наша гильотина безупречно... Убедитесь!

Из корзины, стоявшей за столом иллюзиониста, Сапалатте вынул большой кочан капусты и поднял его над головой для всеобщего обозрения. Затем он передал капусту Бёрду, тот подержал ее на ладони, как бы прикидывая вес, положил на плаху и опустил тонкий деревянный брус с вырезом, который зафиксировал кочан в неподвижном положении. Изящными движениями, рассчитанными на зрителей, фокусник освободил узел тонкой веревки, которая удерживала нож гильотины на верху рамы, и туго натянул ее, чтобы нож оставался неподвижным.

— Итак, смотрите. — Бёрд говорил негромко, закрыв глаза и отвернувшись от гильотины. Затем помедлил. Глубоко вздохнул и задержал дыхание. — Вот! — вскричал он с внезапной пугающей страстью и отпустил веревку. Нож устремился вниз — быстро и совершенно бесшумно. Раздался тупой удар: лезвие встретилось с дубовой плахой. Капустный кочан, аккуратно рассеченный надвое, лежал на полу.

В комнате стояла тишина. Альфонс Бёрд открыл глаза и с удовлетворением оглядел зрителей. Сапалатте подобрал с пола половинки кочана, поднял их над головой и раскланялся.

Альфонс Бёрд улыбнулся — впервые за все представление.

— Благодарю вас, — сказал он. — Ваше напряженное внимание в эту минуту еще более ценно, чем прежние аплодисменты. — Он посмотрел на стоящее рядом сооружение. — Как видите, наша гильотина находится в рабочем состоянии, — продолжал он. —

А потому настало время провести настоящее испытание этого устройства. Сто лет тому назад, поздней весной тысяча семьсот девяносто второго года, некий господин по имени Никола-Жак Пелетье стал первым человеком, потерявшим голову под ножом мадам Гильотины. И вот через сто лет, в Лондоне, поздней весной тысяча восемьсот девяносто второго года, мы задаем вопрос: найдется ли здесь доброволец, обладающий достаточной смелостью, чтобы последовать примеру Пелетье?

— Да! — Маленький лорд Фаунтлерой вскочил с места и замахал рукой.

— О нет! — воскликнула Констанция, протянув руки к сыну. Мисс Брэдли и мисс Купер усадили Сирила на место.

— Но почему? — возмутился ребенок. — Почему нет?

— Госпожа Уайльд права, — сказал Бёрд. — Это неподходящая игра для маленьких мальчиков.

— Но пятого июня мне будет уже семь! — закричал Сирил.

— Все равно, — строго сказал Бёрд. — Думаю, мы сможем воспользоваться услугами какого-нибудь взрослого господина. — И он оглядел комнату. — Кто пожелает положить голову на плаху?

У камина зашевелился Уилли Хорнунг. Он поднял руку и сказал с милой улыбкой:

— Я не против.

Но в этот момент Конан Дойл быстрым движением опустил руку на плечо своего молодого друга. Больше никто не пошевелился.

Бёрд медленно повернулся к Сапалатте.

— Что ж, — сказал он, — в таком случае я вынужден обратиться за помощью к своему ассистенту.

Сапалатте стал с улыбкой снимать смокинг. Бёрд тем временем повернулся к гильотине, поднял нож и заново закрепил его в исходном положении. Из кар-

мана он достал шелковый платок и смахнул остатки капусты с лезвия. Потом поднял деревянный брус с вырезом, который прижимал кочан к плахе, и пригласил Сапалатте. Тот уже успел освободиться от галстука и воротничка.

Боксер, не переставая улыбаться, встал на колени позади гильотины. Обхватив бока плахи широкими смуглыми ладонями, он подался вперед и положил голову в нужное место. Повернув лицо к зрителям, он устремил на них внимательный взгляд. Бёрд опустил брус так, что вырез зафиксировал шею Сапалатте.

— Уместно ли подобное представление, когда здесь присутствуют дети? — жестким тоном спросил Конан Дойл, стоявший у камина.

— Да! — закричал Сирил Уайльд, радостно захлопав в ладоши. Вивиан переполз через мисс Купер и расположился на коленях матери.

— Мы почти закончили, — сказал Бёрд. — Через мгновение это веселое представление завершится. Процедура обезглавливания занимает всего лишь тридцатую долю секунды.

— Интересно, откуда это ему известно? — со смешком спросил Боузи.

Альфонс Бёрд опустил глаза на Сапалатте.

— Сэр, — спросил он, — вы готовы встретить то, что вас ждет?

— Готов, — прохрипел Сапалатте.

— Желаете ли вы, чтобы вам завязали глаза?

— Нет.

— Отлично, — спокойно сказал Бёрд. — Момент казни наступил. — Он повернулся к гильотине и медленно развязал узел. Одной рукой он удерживал веревку в натянутом состоянии, другую поднес к ножу и легко провел указательным пальцем по лезвию. Потом вздрогнул, резко втянул в себя воздух и поднял палец, чтобы показать его зрителям. На нем набухла багровая капля крови. Бёрд сунул палец в рот и какое-то мгновение

держал его там. Затем, как и в первый раз, закрыл глаза и отвернулся. — Теперь смотрите, — прошептал он. — Не спускайте глаз.

Сапалатте повернул голову лицом вниз. Его глаз не было видно, однако на самой верхушке черепа, в маленьком углублении, ровно бился пульс, и это видели все. Бёрд не шевелился. Мы ждали в полной тишине — было слышно, как Оскар затягивается сигаретой.

— Вот! — воскликнул Бёрд с еще большей яростью, чем раньше, когда на плахе лежал кочан капусты. Он отпустил веревку, и нож упал, впившись в дубовую плаху.

Крики тревоги и недоверия неслись со всех сторон.

— Что произошло, Оскар? — прошептал Сиккерт.

— Он умер? — спросил Сирил с надеждой в голосе.

— Это просто игра! — ответил Оскар.

— Ну конечно же игра! — воскликнул Бёрд, улыбувшись второй раз за вечер.

Казалось, нож прошел сквозь плоть Сапалатте — сталь блестела по обе стороны его шеи, — но он был живехонек. Он медленно поднял голову и широко открыл глаза. Потом улыбнулся и сказал скрипучим голосом:

— Похоже, я уцелел.

Тем временем Бёрд занялся своим делом: быстро вернул нож в верхнее положение, поднял фиксирующий брус и высвободил своего помощника из объятий мадам Гильотины. Боксер тут же встал на ноги и, обойдя смертоносное сооружение, занял место рядом с Бёрдом, после чего они оба поклонились публике. Гостиная дома № 16 по Тайт-стрит наполнилась смехом и аплодисментами.

— Как вы это сделали? — допытывался Сирил, подбежав к артистам с открытым от восхищения ртом.

— Наши поздравления, господа! — сказали мисс Брэдли и мисс Купер, поднимаясь с пола.

Констанция обратилась к дворецкому:

— Артур, пришло время для шампанского.
— Что верно, то верно, — сказал Эдвард Херон-Аллен.
— Мы его заслужили! — провозгласила Маргарет Брук. — Мои нервы натянуты до предела.

Ее супруг отер платком широкое красное лицо и произнес с улыбкой:

— Право не знаю, как поступить после этого: увеличить сумму пожертвования или, напротив, уменьшить.

Госпожа Райан и Гертруда Симмондс уже разносили блюда, в несколько рядов уставленные тарталетками-лодочками, полными черной икры.

Оскар подошел к артистам и тепло пожал им руки.

— Господин Бёрд, господин Сапалатте, примите мою благодарность. Сам Ирвинг не смог бы овладеть вниманием зрителей лучше, чем вы.

— Папа, папа, как они это сделали? — не унимался Сирил, теребя отца за полу ультрамаринового сюртука.

— Секрет волшебства нельзя раскрывать, — ответил Оскар.

— Ну почему, папа?

— Разгаданный секрет потеряет всю красоту и превратится в самую обыкновенную вещь.

Слова Оскара не убедили мальчика, и он стал внимательно осматривать гильотину, которую Бёрд и Сапалатте уже начали разбирать.

— Папа, смотри, — закричал Сирил взволнованно, — из пальца фокусника все еще кровь идет!

— Пустяки, крови совсем мало, — сказал Бёрд, перевязывая палец носовым платком.

— Господин Бёрд рискует, когда показывает нам свое искусство, — объяснил мальчику Оскар. — Так бывает со всеми настоящими художниками. — Он улыбнулся Сапалатте, который оборачивал нож гильотины байкой. — Я испытал облегчение, когда вы вышли невредимым из этого испытания.

Боксер рассмеялся и посмотрел Оскару в глаза:

— А если я останусь невредим до полуночи, то, думаю, господин Уайльд, мы сможем считать наше дело закрытым.

— А можно мне взять эту капусту? — спросил Сирил, прижав к груди половину кочана.

— Если твой папа позволит, — ответил мальчику Сапалатте.

Оскар вздохнул:

— Я-то пытаюсь служить образцом — вдохновленный полотном Леонардо, ношу бутоньерку с аквилегией, а мой сын умоляет дать ему капусту, рассеченную ножом гильотины... Ну что тут поделать?

— Так ты позволяешь, папа? — спросил мальчик и, расценив слова Оскара как разрешение и не дожидаясь прямого ответа, побежал искать маму, чтобы показать ей свой трофей.

К Оскару приблизился дворецкий, держа поднос, на котором стояли бокалы с шампанским.

— Выпьете, господа? Вы это заслужили.

Сапалатте протянул руку к бокалу, но Бёрд его остановил:

— Нет, господин Уайльд. Полагаю, это было бы не совсем уместно. С вашего позволения, мы соберем наши вещи и покинем вас.

— Как пожелаете, — сказал Оскар. Он улыбнулся дворецкому, соединил пальцы в восточном приветствии и кивком отпустил его. Потом снова повернулся к Бёрду и Сапалатте: — Я ваш должник, господа. Завтра я загляну в «Кадоган», и мы уладим наши отношения.

Артисты продолжили укладывать свои вещи, а Оскар вернулся к гостям. Меня он нашел у рояля. В одной руке я держал тарталетку с икрой, а другую предоставил в распоряжение госпожи Робинсон.

— На ладони Роберта вы тоже видите убийство? — не без ехидства обратился он к гадалке.

Почтенная дама сидела на вращающемся табурете у рояля. Склонив голову набок, она подняла взгляд на Оскара.

— Нет, господин Уайльд, — сказала ясновидица твердо. — Каждый человек уникален, и двух одинаковых ладоней не существует. На руке господина Шерарда я не вижу внезапной смерти, не вижу убийства, зато здесь читается многое о супружеской жизни.

— Я намереваюсь развестись, госпожа Робинсон, — заметил я вполголоса.

— Вполне возможно, вы в этом преуспеете, — успокоила меня дама. — Однако вы снова женитесь, причем дважды.

— В это невозможно поверить! — воскликнул я.

— Вероятно, вы не хотите в это верить, — заметила она, — но такое развитие событий ясно начертано на вашей руке. Взгляните сами, — она указала на мою раскрытую ладонь, — линия жизни, длинная и отчетливая, пересекается группами этих коротких параллельных линий, как бы мостиками. Каждый мостик — это брак. На протяжении линии жизни таких мостиков у вас три... — Госпожа Робинсон посмотрела на меня и улыбнулась. Потом повернулась к Оскару, взяла его правую руку и расположила ее ладонь рядом с моей. — Теперь посмотрите сюда: что мы видим, глядя на линию жизни господина Уайльда? Она глубже и шире вашей — река жизни течет быстрее, ее поток стремительней и мощнее...

— А сколько мостиков пересекают мою жизнь? — спросил Оскар, наклонившись, чтобы лучше разглядеть свою ладонь.

— Всего один, — прозвучал ответ. — Вот он.

И я увидел короткие линии, о которых она говорила.

— А где эта внезапная смерть, которую вы разглядели на моей несчастливой руке?

— Вот, — сказала госпожа Робинсон, указав острым ноготком на отчетливо видные спутанные штрихи,

сосредоточенные в одном месте на ладони Оскара. У меня таких определенно не было. — Ваша рука, господин Уайльд, — это карта вашей жизни. — Предсказательница пробежала пальцами по ладони моего друга. — Я смотрю на нее, и передо мной разворачивается пейзаж: холмы и долины, леса и поля, и текущая по ним главная река — линия вашей жизни, — в которую впадают притоки, множество притоков — речушек, ручьев и ручейков, и каждый из них отражает нечто в течении вашей жизни, поворот судьбы. Вот здесь, господин Уайльд, где этот ручей упирается в поле, я вижу водоворот... Он беспокоит меня...

— «Где этот ручей упирается в поле»... — повторил Оскар. — Вы точны в выборе слов, мадам?

— Надеюсь, — ответила гадалка, — но я работаю скорее с картинками, чем со словами. Линии на вашей ладони складываются в фигуры. Я вижу пейзаж, картину вашей жизни, но также и скрытые здесь изображения множества Божьих созданий. И каждая картина рассказывает мне свою историю. Взгляните, например, на основание безымянного пальца господина Шерарда. Что вы видите?

Я уставился на собственную ладонь.

— Треугольник?

— Правильно.

— И еще один, наложенный на первый? — предположил я.

— Я вижу здесь морскую звезду, господин Шерард, — сказала гадалка.

— И что она означает?

— Обычно — остров.

— Что ж, — сказал я, — мне довелось вырасти на острове Гернси*.

— Ну да, — усмехнулся Оскар, — а я вырос на острове Ирландия, однако не вижу никакой морской

* Остров в проливе Ла-Манш, один из Нормандских островов.

звезды, сколько ни смотрю на основание своего безымянного пальца.

— Звезды нет, — согласилась госпожа Робинсон, поднеся ладонь Оскара ближе к глазам, — но здесь изображена другая Божья тварь — птица. — Она повернула руку Оскара ко мне. — Разве вы не видите?

— Птица? — оживился Оскар. — Вы сказали — птица? Уж не попугай ли?

Госпожа Робинсон рассмеялась и отпустила руку Оскара.

— Не смейтесь, господин Уайльд. Ничего похожего на попугая в ней нет. Ноги длинные, и этот клюв... Может быть, цапля?

Мимо нас прошли Альфонс Бёрд и Джарвис Сапалатте со своим реквизитом. За ними следовал Эдвард Херон-Аллен с Сирилом на плечах. Маленький лорд Фаунтлерой все еще крепко прижимал к груди свою капусту.

— Мы уходим, господин Уайльд, — сказал Бёрд. — Спасибо за кеб, который вы для нас наняли.

— Извините меня, мадам. — Оскар высвободил свою руку. — Я должен проводить этих господ к экипажу.

Альфонс Бёрд ограничился кивком головы, скорее напоминающей голый череп, и словами «Всего доброго, госпожа Уайльд», в то время как Сапалатте опустил на пол свою поклажу и приготовился взять руку хозяйки дома. Наклонившись к Констанции, он внезапно с отчаянной силой стиснул грудь, отвернулся от госпожи Уайльд и рухнул вниз головой на ступени.

Мы остолбенели. Сирил, сидя на плечах Херон-Аллена, вскрикнул и уронил капусту, которая запрыгала по лестнице вслед за Сапалатте. Когда она достигла пола и подкатилась к телу боксера, Оскар, глядя поверх перил, засмеялся и начал хлопать в ладоши, а потом повернулся к сыну и сказал:

— Не волнуйся, дружок. Это просто игра.

Глава девятнадцатая

МАДОННА ГВАДЕЛУПСКАЯ*

— Но господин Уайльд, как вы узнали, что это было просто игрой?

— Разве мы с вами не обречены стать друзьями, господин Хорнунг? Конечно, мы знакомы всего лишь неделю и один день, но уже завтракаем вместе в понедельник. И поверьте мне, господин Хорнунг: как дама никогда не наденет брильянтовое кольцо в загородном доме, а джентльмен не станет носить коричневые туфли в городе, точно так же два джентльмена не смогут вместе завтракать в понедельник, если они не рассчитывают, что в будущем их свяжут дружеские узы. — С этими словами Оскар поднял бокал «мон-траше» 1865 года. — И поскольку нам суждено стать друзьями, Уилли, а я верю в такой исход, то для вас мое имя — Оскар...

Он был в превосходном расположении духа. Разговор происходил на следующий день после описанных выше событий, 9 мая 1892 года, и мы с моим другом, а также Уилли Хорнунг и Конан Дойл сидели в отделанном дубовыми панелями обеденном зале отеля «Кадоган». Хорнунг — поникшая фиалка Дойла, заботливо политая Оскаром, — на глазах превращалась в куда более крепкий цветок. Молодой человек поднял бокал за нашего хозяина, поправил пенсне и повторил свой вопрос:

— Как вы узнали, Оскар, что это было игрой?

Оскар улыбнулся и задумчиво обозрел содержимое своей тарелки. Он заказал то, что сам называл «легкий завтрак, или завтрак понедельника»: холодный омар со свежим майонезом, огуречный салат, желе из помидоров и молодой картофель.

Хорнунг тем временем не унимался:

* «Мадонна Гваделупская» — мексиканская икона XVI в.

— Мы все решили, что он умер, но тут вы засмеялись, а он встал и раскланялся — мы просто не знали, что и подумать... Признайтесь, он рассказал вам о своем плане?

— Вовсе нет, — ответил Оскар, подцепив вилкой кусочек омара и окунув его в майонез. — Но я сразу почувствовал, что наблюдаемая нами сцена — не что иное, как спектакль, причем комедия, а не трагедия.

— А мне все это показалось настоящим, — сказал Конан Дойл, набрасываясь на картофель.

— Действительно, — согласился Оскар, — он схватился за левую сторону груди, словно у него сердечный приступ, но вот что вы могли бы заметить, Артур, как врач... При сильной боли пациент обычно напряжен, не так ли? А по моим наблюдениям, Сапалатте, отвернувшись от Констанции и стоя у края лесницы, вовсе не напрягал мышцы, а, похоже, намеренно расслабил все тело. Он готовился к падению. И упал он с лестницы головой вперед и с расслабленными руками и ногами — не как человек в мучительной агонии, а как опытный актер, отлучившийся на выходной день из цирка Эстли.

— Но зачем это ему понадобилось, господин Уайльд... то есть Оскар?

— Думаю, Уилли, он сделал это неожиданно для самого себя, под влиянием минуты — просто подвернулся удобный момент. — Оскар пристроил на ломтик огурца горку помидорного желе. — Тому могло быть несколько причин: желание порисоваться, развлечься... наконец, превзойти Альфонса Бёрда — ведь Бёрд прекрасно выступил на этом вечере. Не исключая также, что он проделал этот трюк ради тех из нас, которые присутствовали не только на вчерашнем представлении, но и на ужине в «Кадогане» в прошлое воскресенье. Возможно, он хотел продемонстрировать свое презрение к тем, кто внес его в этот злосчастный список «жертв», как бы говоря им: меня не трогают ваши пустые угрозы. Просто-напросто показал им нос.

— Он несомненно рисковал, — заметил я. — Сегодня у него важный бой, а он мог сломать руку или ногу во время падения.

Оскар засмеялся:

— Наша жалкая лестница не испугает «Давида и Голиафа» цирка Этли, Роберт. А кроме того, риск для таких людей, как Сапалатте, все равно что вторая бутылка этого чудного белого бургундского для нашей компании — неотъемлемая часть хорошо прожитого дня. — И он сделал знак сомелье приблизиться к нашему столу.

— Я больше пить не буду, Оскар, — твердо сказал Конан Дойл. — Сегодня в «Стрэнде»* у меня нелегкие переговоры.

— Вы все еще хотите прикончить Шерлока Холмса? — спросил я Артура.

— В мыслях и в сердце я его уже похоронил, — ответил Дойл, вытирая салфеткой усы. — А вот в моей чековой книжке он еще проявляет признаки жизни. — Он вздохнул и передернулся, будто от сквозняка.

Хорнунг подался вперед и заговорщицки прошептал:

— «Стрэнд» предлагает Артуру тысячу фунтов за серию из двенадцати рассказов.

— Деньги — не главное, — пробормотал Конан Дойл, смущенный откровенностью своего молодого друга.

— Боюсь, что главное, — едва слышно произнес Оскар.

Я промолчал. За повесть «Приключения Агаты» я только что получил от «Тришлер и К°» умопомрачительную сумму в пятнадцать фунтов и столько же шиллингов.

— Деньги, разумеется, важны, — с готовностью согласился Хорнунг, — но разве не гения мы должны положить себе образцом, чтобы до него возвыситься?

* «Стрэнд» — лондонский журнал, в котором с 1891 г. периодически печатались рассказы о Шерлоке Холмсе со знаменитыми иллюстрациями Сиднея Пэже.

— Нет, нет и еще раз нет! — возопил Оскар, одновременно посылая сигнал нерасторопному сомелье, который явно опаздывал со второй бутылкой «монтраше». — Не вздумайте возвышаться до гения, Уилли. Британская публика весьма терпима, это правда, но и ее снисходительность имеет предел. Она способна простить все — но не гениальность.

Все рассмеялись. Конан Дойл отложил салфетку и сказал:

— Вы сами тем не менее неплохо ладите с британской публикой, Оскар. Ей по душе ваша пьеса. Она терпит вашу эксцентричность.

— Но она терпеть не может мои бутоньерки. — Оскар тяжело вздохнул. — Когда я иду по улице и вижу эти взгляды, которые прохожие бросают на мой левый лацкан, я читаю их мысли...

— Это всего лишь мысли людей, чьи вкусы не совпадают с вашими, — сказал Конан Дойл, откинувшись на стуле и глядя на Оскара с улыбкой. — Посмотрите на себя сами, старина. На дворе прекрасное майское утро, а в вашем лацкане — распутившийся черный тюльпан. Правда, он похож на дохлую ворону.

— Я ношу эту бутоньерку в память Гюстава Флобера, — сказал Оскар, устремив на свой тюльпан скорбный взгляд. — Вчера минуло двенадцать лет со дня его смерти. Это был истинный мастер, перед которым я преклоняюсь. И каждый год восьмого мая в память о нем я покупаю черный тюльпан. Именно о такой памяти он сам мечтал. Вот его слова: *Il est doux de songer que je servirai un jour à faire croître des tulipes**.

— Это правда, — усмехнулся Конан Дойл, — он всегда был мастером *le mot juste***. — В эту минуту сомелье наконец принес воужделенную бутылку. Дойл взглянул на часы. — Впрочем, господин Флобер не стоял перед

* Приятно думать, что в один прекрасный день я послужу делу выращивания тюльпанов (*фр.*).

** Точное слово (*фр.*).

необходимостью угодить редактору «Стрэнда». Однако мне пора, Оскар. Если не возражаете, пока вы допьете вино и закажете десерт, я попрошу чашку кофе. Прежде чем уйти, мне необходимо услышать, что вам удалось узнать нынешним утром. Ведь вы опросили служащих «Кадогана»?

Оскар попробовал вино и одобрительно кивнул. Затем поставил бокал и пристально посмотрел на Артура.

— Да, это так.

— Есть ли что-нибудь, к чему вы хотели бы привлечь мое внимание?

— Разве только к странному происшествию с попугаем, которое имело место перед его печальной кончиной. Мы с Робертом пришли сюда в десять часов утра, — продолжал Оскар, — и побеседовали со всеми служащими отеля, которые находились здесь в прошлый вторник. В последний раз попугая — целого и невредимого — видели в его клетке сразу после завтрака. Посыльный Нат и горничная Нелли засвидетельствовали это в разговоре с нами. После этого никто не обращал ни малейшего внимания на бедного Капитана Флинта, пока его растерзанное тело не было обнаружено в три часа пополудни.

— И что в этом удивительного? — спросил Дойл, бросая в кофе два куска сахара.

— Капитан Флинт был весьма разговорчивым существом, — сказал Оскар. — Наглым и болтливым, по словам Боузи, — именно поэтому мой юный друг и хотел его убить. Обычно этот обитатель «Кадогана» не позволял окружающим забыть о своем существовании. А в то утро, похоже, — позволил? Не странно ли это?

— Вы меня не убедили, — заметил Конан Дойл. — Случайный посетитель, например лорд Альфред Дуглас, скорее всего, обратил бы внимание на попугая, а персонал отеля, люди, которые постоянно снуют туда-сюда по вестибюлю, могут и не заметить его отсутствия. Было ли в отеле оживленно в то утро?

— Весьма оживленно — и остро ощущалась нехватка персонала. Управляющий и его помощник сказались нездоровыми, и Бёрд остался исполнять их обязанности. В соответствии с записями в книге регистрации постояльцев в то утро прибыло семь новых гостей, а вскоре после полудня четырнадцать американок покинули отель. Весь день по вестибюлю не прекращалось хождение. Посыльный и портье узнали многих завсегдатаев — Брэм Стокер и Чарльз Брукфилд приходили позавтракать, позже появилась и села за свой обычный столик госпожа Лэнгтри, а незадолго до трех, как вы знаете, прибыли Констанция и Эдвард Херон-Аллен.

— А был ли хотя бы небольшой промежуток времени, когда вестибюль оставался пустым?

— Представьте, был, — сказал Оскар. Насадив на вилку крупную клубничину, он беззаботно купал ее в вине. — Портье признался, что ему неоднократно случалось покидать свой пост, чтобы помочь американским дамам спустить к выходу чемоданы. Время от времени тем же занимался и Нат, посыльный отеля. Поэтому вестибюль довольно часто пустел. В то же время парадная дверь отеля постоянно оставалась открытой. Так что надо признать: в то утро любой человек, вошедший в вестибюль «Кадогана», мог подойти к клетке с попугаем. Капитана Флинта мог убить кто угодно.

— Кто угодно, — задумчиво повторил Конан Дойл, крутя в пальцах кофейную ложечку. — Да, кто угодно имел такую возможность. Но у кого был мотив? — Артур бросил в чашку еще кусок сахара. — Кому принадлежал попугай? Или он был собственностью отеля?

— Нет, попугай принадлежал Альфонсу Бёрду. Он оказался в «Кадогане» вместе с Бёрдом, когда отель только открылся. По словам портье, Бёрд и птица были неразлучны.

— Это вполне возможно, — с жаром подтвердил Уилли Хорнунг. — В Австралии у меня был попугай,

я назвал его Капитан Кук. Попугаи, должен вам сказать, существа необыкновенные и во многом похожие на людей. Умеют говорить, как вы знаете, а также считать. Капитан Кук, к примеру, считал до десяти. Они очень привязчивы и могут испытывать сильнейшую ревность. — Хорнунг замолчал: судя по всему, почувствовал, что позволил себе заговорить, не дождавшись своей очереди. Сделав глоток из бокала, он пробормотал: — По крайней мере, так было в Австралии.

Оскар улыбнулся смутившемуся молодому человеку и накрыл ладонью его руку.

— Когда я смотрю на карту, — сказал он, — и вижу, до чего уродлива Австралия, я ощущаю острое желание отправиться туда и выяснить, нельзя ли придать ей более привлекательную форму. Когда-нибудь вы должны отвезти меня туда, Уилли. Как по-вашему, я приживусь в Сиднее?

— Господа, — проворчал Конан Дойл, откашлявшись, — не будем отвлекаться. Значит, Бёрд любил своего попугая...

— Обожал, — сказал Оскар, сняв ладонь с руки Уилли Хорнунга и посмотрев на Дойла.

— А у Бёрда есть враги?

— Друзей у него немного, если не считать Сапалатте, но врагов, похоже, нет совсем. Люди, которые работают вместе с ним в отеле, считают его тем, кто он и есть — человеком холодным и безразличным. Они не пылают к Бёрду дружескими чувствами, но и не испытывают к нему враждебности. И уж конечно, не презируют. Нет никаких оснований предполагать, что злосчастного Капитана Флинта прикончил тот, кто точил зуб на господина Альфонса Бёрда.

— И смерть попугая остается загадкой, — подвел итог Конан Дойл и вздохнул. Вынув из жилетного кармана часы, он взглянул на циферблат. — Теперь пора, — объявил Артур, отодвинул свой стул и решительно встал.

— Я иду с вами, — сказал Уилли Хорнунг, сделав последний глоток из бокала и стянув с себя салфетку. — Возьмем один кеб до центра.

Мы с Оскаром встали, чтобы обменяться рукопожатиями с нашим добрым доктором и его молодым подопечным. Широкий круг знакомых моего друга включал в себя людей различных во многих отношениях. Хотя все они были по-своему интересны, кое с кем из их числа я чувствовал себя не в своей тарелке. А вот с Артуром Дойлом и Уилли Хонунгом мне было всегда уютно.

— Увидимся завтра вечером? — спросил Оскар, когда Артур и Уилли уже направлялись к выходу. — Сапалатте выходит на ринг в восемь.

Конан Дойл помахал рукой в ответ:

— Билеты у нас есть, будем там непременно.

Мы снова сели и вернулись к недопитой бутылке «монтраше».

— Если Сапалатте переживет эту ночь и утро застанет его живым и здоровым, как вы полагаете, можем мы считать, что все закончилось? Вы почувствуете, что заклятье снято? — спросил я.

— Я почувствую, что могу спать спокойно в собственной постели, — ответил Оскар, помедлив. — А еще я почувствую, что моя любимая жена может спать спокойно в ее собственной постели. Но тем не менее я не перестану размышлять о судьбе Бредфорда Пирса. Упал он с утеса или его столкнули? И мне не уйти от желания разгадать тайну Капитана Флинта — в противном случае придется отдать Брукфилду, будь он проклят, тринадцать гиней. — Оскар задумчиво смотрел, как янтарное вино в его бокале меняло цвет от погруженной в него клубники. — Кто убил попугая, Роберт? Вот в чем вопрос. *Qui a tué le perroquet?** — Он протянул руку к бутылке. Она была пуста. — У Флобе-

* Кто убил попугая? (*фр.*)

ра на столе всегда было чучело попугая — Гюстав черпал в нем вдохновение. Разве он не ввел попугая в «Un Coeur simple»?* Я не читал этой вещи, а вы, Роберт? Непременно прочту. — Он неожиданно возбудился. — Непременно! Сегодня же! У вас есть эта книга? Зайдем во французскую книжную лавку. Сейчас попрошу счет и тут же отправляемся на Бик-стрит. Не исключено, что мы встретим там нашего друга — достопочтенного преподобного Джорджа Добни. Ведь впервые вы встретились с ним именно там, я не ошибся? Он же вечно там пропадает, вы мне сами говорили. — Оскар махнул салфеткой метрдотелю. — Так и не терпится сказать кебмену, что мы едем на Бик-стрит за простым сердцем. Это должно его позабавить. Ну же, Роберт, допивайте свой бокал и — вперед. Поднят зверь!

Путь от Слоун-стрит до Бик-стрит занял полчаса. Мы могли бы доехать и быстрее, если бы Оскар не требовал остановиться у каждой табачной лавки, пока не нашел такую, где ему продали коробку сигарет «Плейерс ней-ви кат».

— Сапалатте оказал мне огромную услугу, познакомив с этим сортом. Табак, как он заметил, не для джентльменов, но именно грубость придает этим сигаретам особую прелесть. Их и следует курить после омаров, клубники и белого бургундского.

Наш кучер — «старый приятель», по словам Оскара, — ничем не показал, что знает, кем был Оскар, или понимает хоть что-то из острот, рассуждений и замечаний о Флобере, которыми мой друг щедро сыпал по пути. Стоило Оскару заговорить, как он шмыгал носом и сосредоточивался на своей сигарете. Когда мы достигли цели и Оскар в витиеватых выражениях попросил его подождать, вручив ему серебряный соверен в

* «Простое сердце», повесть Г. Флобера, впервые опубликована в 1877 г.

качестве «промежуточного вознаграждения», кебмен кивнул с видом полнейшего безразличия и небрежно сунул монету в карман, словно это был шестипенсовик.

Французский книжный магазин на Бик-стрит в девяностые годы притягивал к себе образованных лондонцев. Снаружи он скорее напоминал лавку модистики, сошедшую со страниц романа Джейн Остен, однако за премиальным окном с частым переплетом, украшавшим его фасад в стиле Регентства*, находился тускло освещенный и полный табачного дыма внушительный торговый зал, приводивший на память скорее Париж или Марсель (а то и Афины или Алжир), чем купальни Бата или Челтнема. Месье Хирш, открывший этот магазин в 1889 году, держал в нем не только книги и журналы на все вкусы (включая те, что могли вызвать отвращение какого-нибудь уж чересчур респектабельного посетителя), но и немало предметов роскоши, достать которые в иных местах Лондона было практически невозможно: французские принадлежности туалета, французские сигареты, французский сыр, презервативы, абсент.

— Ощутите запах порока, — сказал Оскар, когда мы толкнули дверь и звон колокольчика известил хозяина о нашем прибытии.

Одуряющий аромат стоял в плотном, тяжелом воздухе. Мы закрыли за собой дверь, и колокольчик вновь послушно звякнул. По-видимому, других покупателей здесь не было, однако в одиночестве мы не оказались.

— Боже милостивый! — воскликнул Оскар в тревоге, когда на нас устремился комок желто-зеленых перьев. — Неужели это попугай?

Небольшая птица металась по тесно заставленной комнате, натываясь на стены, светильники и картины. Мы растерянно стояли у двери. Наконец птица уселась на высокую книжную полку и, казалось, успокоилась.

* Стиль эпохи Регентства, или английский ампи́р, — стиль в архитектуре и мебели конца XVIII — начала XIX в., пришедший на смену барокко и предшествовавший викторианскому стилю.

— Это канарейка, — сказал я. — Одна из пары.

Оскар смотрел на нее с подозрением.

— И зовут их, естественно, Эдмон и Жюль.

— Верно, но как вы узнали?

— Я не узнал, я догадался. Ведь мы во французской книжной лавке. Вполне вероятно, что владелец назвал своих канареек в честь братьев Гонкуров*.

Я улыбнулся:

— Месье Хирш держит еще и обезьянку.

Оскар вздохнул:

— Неужели он наряжает ее в лягушку? Это было бы ужасно.

Сквозь туман до нас донесся знакомый голос.

— *Bonjour, messieurs!***

Из-за узенькой расшитой бисером занавески показался улыбающийся Джордж Добни. Достопочтенный — на щеках щетина, глаза воспалены, в углах губ слюна — выглядел тем не менее совершенно счастливым. В руках он держал папку, перевязанную голубой лентой. Положив ее на заваленный книгами прилавок, он обменялся с нами рукопожатиями.

— Какая приятная неожиданность, — сказал Добни, вытирая уголки губ большим и указательным пальцами. — Я очень, очень рад.

— Какие новости с вашим наследством, Джордж? — спросил Оскар, предложив святому отцу сигарету из только что купленной коробки.

— Дело еще не улажено окончательно, но перспективы благоприятные.

— А мы надеялись встретить вас здесь, — сказал я, давая прикурить ему и Оскару.

* Братья Эдмон (1822–1896) и Жюль (1830–1870) Гонкуры — французские писатели, составившие один из самых замечательных творческих союзов в истории литературы. Их имя было присвоено Академии и премии, основателем которой стал старший из братьев.

** Здравствуйте, господа! (*фр.*)

— Чем я могу быть полезен? Я присматриваю за лавкой по просьбе Шарля, месье Хирша. Он вышел прогулять обезьянку. В понедельник по утрам покупателей почти не бывает. Вы — первые.

Оскар пристально смотрел на папку. Джордж усмехнулся.

— Я тут копаюсь в тайных сокровищах Шарля. — Он осторожно развязал ленту и раскрыл папку. — Питер Пауэл Рубенс. Я знаю, Оскар, вы по достоинству оцените пышную грудь.

Нашим глазам предстала великолепная репродукция знаменитой картины Рубенса «Симон и Ифигения».

— Не правда ли, они восхитительны? — Добни пожирал глазами картину и водил дрожащими пальцами по воодушевившей его плоти.

— Неужели, — спросил я с удивлением, — неужели вы, Оскар, принадлежите к ценителям пышных форм?

Я с любопытством устремил взгляд на своего друга. По его лицу нельзя было прочесть ничего: он молча смотрел на репродукцию и попыхивал сигаретой.

— Ну конечно же, — продолжал Добни, захлебываясь от восторга. — Я же помню эту афишу: «Мадам Фонтэн сделает ваш бюст еще прекрасней», рекомендовано самим «доктором эстетики». И ниже: «Скорее солнце не взойдет над миром, чем вы разочаруетесь в этом средстве».

— Текст писал не я, — сухо заметил Оскар.

— Однако на афише был ваш портрет, Оскар, вместе с лилиями, головками подсолнухов и восхитительной девушкой с полуобнаженной грудью — и какой грудью!

— Это правда, Оскар? — Я был поражен. — Вы дали свое благословение средству мадам Фонтэн?

— Это случилось несколько лет тому назад, — признался мой друг. — Вы тогда жили в Париже.

— Да, да, Роберт, — продолжал Добни, похотливо причмокивая. — Наш Оскар — известный ценитель женских форм.

— С годами вкус у меня стал строже и тоньше, — непринужденно заметил мой друг, сунув руку в карман за очередной сигаретой.

Тем временем Добни отложил репродукцию и вытащил следующую.

— Так теперь вы предпочитаете что-либо не столь броское? Не столь пышное и бьющее в глаза? Что-то в стиле *gamine*?* Например, вот это? — Обнаженная девушка стояла на возвышении, покрытом красным шелком, и куталась в мех. Ее глаза устремлены на художника, груди лежат на предплечье согнутой в локте правой руки. — Ее имя — Хелен Фурмент. Вот все, что мы о ней знаем.

— Она была чьей-то дочерью, — тихо проговорил Оскар, — или сестрой...

Добни засмеялся:

— Но она еще не стала женой**. Вы посмотрите на ее невинное личико. Взгляните на ее рот. Она девственна, это несомненно. — И он обратился к следующему листу. — А вот — моя любимая. Я заметил ваши запонки, Оскар. Эта картина вам тоже придется по душе.

На Оскаре были те же запонки, что накануне, — с миниатюрами «Мадонны в скалах» кисти Леонардо да Винчи. Работа Рубенса, которую извлек из папки Джордж Добни, называлась «Происхождение Млечного Пути». На картине Дева Мария приблизила левую грудь к младенцу Христу, чтобы покормить его. Затянутыми в перчатки руками Добни поднял репродукцию, чтобы Оскар смог ее лучше рассмотреть.

— Усладите взор свой этим соском, друг мой, и в вас оживет вера.

Оскар сосредоточенно затянулся сигаретой.

* Девочка, проказница (*фр.*).

** На самом деле Хелен Фурмент была женой Рубенса. Она вышла за него замуж в 1630 г., когда ей было шестнадцать лет. Картина, о которой идет речь, называется «Шубка» и была написана уже после замужества Хелен (ок. 1638 г.).

— Вы полагаете, Джордж, ваш энтузиазм приличествует священнослужителю?

— Господь даровал нам семя, дабы мы могли излить его, Оскар, — ответил преподобный Добни тихо, почти шепотом. Затем он закрыл папку и принялся завязывать голубую ленту. — Если вы получаете удовлетворение от созерцания «Мадонны в скалах», то у меня есть другие запонки, весьма похожие на ваши. Только-только из Южной Америки. На них — «Мадонна Гваделупская»...

— Сколько они стоят? — Оскар склонил голову набок и приподнял брови. — Как обычно, пять фунтов?

— Именно, — ответил Добни. — И, как обычно, качество гарантируется.

Оскар помолчал, задумчиво глядя на Джорджа.

— Теперь я понимаю, почему вы сняли запонки, когда укрылись в церкви в то утро после пожара на Чейни-уок. Тут дело не в том, что они были разными. Вы сняли их, зная, что вскоре вам предстоит встреча с полицией...

Добни улыбнулся Оскару и слизнул кончиком языка влагу с уголков рта.

— Вы заметили? — сказал он. — Да, я снял запонки — боялся, что они могут произвести ложное впечатление. У меня мало опыта общения со Столичной полицией, но я думаю, что эти люди относятся к предметам искусства не так, как мы.

Оскар резко захлопнул портсигар, отвернулся от прилавка и окинул взглядом помещение.

— Должен вам сказать, Джордж, что сюда нас привело совершенно другое дело. Мы ищем книгу. «Простое сердце» Гюстава Флобера.

Добни снова вытер рот, на этот раз тыльной стороной ладони, быстро пересек комнату и остановился у нужной полки. Потом пробежал пальцами по корешкам.

— Увы, похоже, у Шарля нет этой вещи. — Он повернулся к Оскару: — Могу предложить «Госпожу Бовари». У нее тоже была неплохая грудь.

— Это важно для романа? — спросил Оскар со смехом.

— Было важно, когда я его читал.

— Однако нам надо идти, — заявил Оскар, увлекая меня к выходу. — Мы конечно же увидим вас вечером у Сапалатте.

— Конечно. Я ведь должен благословить представление.

— В таком случае, à tout à l'heure, mon ami*. Кланяйтесь месье Хиршу.

Наш угрюмый кучер ожидал нас там, где мы с ним расстались, — в конце Бик-стрит у таверны «Корона». Когда мы заняли места в экипаже, Оскар заметил:

— Наконец-то, Роберт, нам удалось кое-что узнать.

— И что же это?

— Что мисс Элизабет Скотт-Риверс весьма повезло, когда почтенный Джордж Добни разорвал их помолвку. — И, обратившись к кучеру: — Увы, мы не нашли простого сердца на Бик-стрит. Теперь наша цель — «Ринг смерти», но через Гауэр-стрит и Тайт-стрит.

Глава двадцатая

ПРАВИЛА КУИНСБЕРРИ

К нашему удивлению, подъехав к цирку Этли за несколько минут до восьми, мы обнаружили, что железные стружки Лондона вовсе не испытывают непреодолимой тяги к магниту «Ринга смерти». Верхние ярусы амфитеатра были закрыты, а места вокруг ринга, заполнены едва на четверть.

Тщетно искали мы знакомые лица. Чтобы как-то справиться с огорчением, мы отправились в бар, расположенный за последними рядами партера, и там

* До скорого, мой друг (*фр.*).

нашли нескольких друзей, сгрудившихся у стойки. Оскар, облаченный в темно-синий вечерний костюм, с простой красной розой в петлице, остановился в центре почти пустого помещения с распростертыми руками.

— Но где же все? — спросил он.

— На вашем спектакле, Оскар, — ответил Чарльз Брукфилд, любезно улыбаясь, — если только они не выстроились в очередь на Шафтсбери-авеню в надежде достать билет на мой. Мы с вами, по крайней мере, предлагаем зрителям *драму*, скроенную по нашим собственным рецептам. Здесь же нам предлагают всего лишь шараду, показательный бой, который ничего не стоит.

— Тогда почему мы здесь? — спросил Оскар, с поклоном принимая от Брэма Стокера бокал дешевого шампанского.

— Мы здесь ради Куинсберри, — ответил Брукфилд. — Все очень просто: мы пришли поддержать этого достойного человека. — Он взял предложенную Оскаром сигарету. — Через несколько недель Джентльмен Джим Корбетт встретится с Бостонским силачом Джоном Салливаном в схватке за титул чемпиона мира в тяжелом весе, и они впервые будут боксировать в специальных перчатках и по правилам Куинсберри. Это станет историческим событием! А нынешнее представление позволит тем, кто ничего не знает об этих правилах или испытывает к ним недоверие, увидеть их в действии. — Он посмотрел на часы. — Сегодня — правда, судя по времени, с некоторым опозданием — ваш друг Сапалатте и еще один старый боксер проведут показательный честный бой по правилам Куинсберри. Сапалатте заявил, что все удары будут полновесными, но, ручаюсь, кровь не прольется. — Брукфилд окинул взглядом пустой бар и подмигнул Оскару. — А раз не будет крови, то нет и зрителей.

— Кто-нибудь видел Сапалатте? — спросил я.

— Мы все его видели, — сказал Эдвард Херон-Аллен. — Он в раздевальне, в кругу своих почитателей. Ваш приятель, преподобный Добни, окропляет его святой водой.

— Сиккерт тоже там, — добавил Брэм Стокер. — Делает наброски: великий боксер готовится к выходу на ринг. — С этими словами он вновь наполнил наши бокалы.

— А лорд Куинсберри? — поинтересовался Оскар.

— Там же, — заверил его Брукфилд, улыбаясь самому себе и любуясь струйкой дыма, которая поднималась от его сигареты. — Разумеется, там же.

Стокер усмехнулся:

— Мысли его светлости целиком поглощены предстоящим боем. Он все время твердит в ухо Сапалатте свою мантру: «Не хватать, не обнимать, не бить ниже пояса...»

Все присутствующие не удержались от смеха.

— Вы же знаете, Оскар, — сказал Брукфилд, — что правила Куинсберри не оставляют сомнений по поводу объятий и всего, что ниже пояса.

Оскар сделал глоток шампанского.

— Вы занимались боксом в университете, Чарльз? — спросил он.

— Не пришлось. Предпочитал крикет. Я нравился себе в белых брюках.

— Мне всегда казалось, что в позах игроков в крикет есть что-то непристойное. — Оскар уронил окурок в бокал с остатками шампанского и коснулся моей руки: — Пойдемте, Роберт, пожелаем успеха Сапалатте. — Он поднял взгляд на Херон-Аллена: — Так где наш герой принимает поклонников?

— Да вот тут, позади нас, — сказал Эдвард Херон-Аллен, показав рукой на коричневую дверь с надписью «Служебное помещение». — Раздевальни слева по коридору. Сапалатте в ближайшей.

Мы нашли ее без труда. Посредине комнаты стоял сияющий Сапалатте в окружении многочисленной и крайне пестрой свиты. Здесь были инспектор Скотленд-Ярда Гилмор, а также Артур Конан Дойл со своим юным другом Уилли Хорнунгом. Достопочтенный Джордж Добни, успевший побриться и переодеться с момента нашей последней встречи, вовсе не кропил святой водой, а помогал Антифолу, который стоял за спиной Сапалатте на трехногом деревянном табурете и втирал нечто вроде масла или мази в обнаженные плечи и спину боксера. На руках Сапалатте были большие неуклюжие боксерские перчатки, которые надлежало туго завязать вокруг кистей кожаными шнурками. Над шнуровкой трудились отнюдь не камеристки: левой рукой занимался молодой помощник Гилмора в мундире Столичной полиции, а правой — Уолтер Сиккерт, облаченный в мундир трансильванской национальной гвардии собственного покроя.

— Ту же, господа, прошу вас, ту же! — смеясь, требовал Сапалатте.

У ног боксера пристроилась обезьяноподобная фигура Джона Шолто Дугласа, восьмого маркиза Куинсберри. Несмотря на смокинг, вид у него был довольно растрепанный. Лицо багровое, в капельках пота, руки черные. Он неловко сидел на корточках, разместив у себя на колене правую ногу Сапалатте, и изучал обувь боксера словно кузнец, примеривающий подкову к лошадиному копыту.

— Никаких упругих подошв, — бормотал он себе под нос. — Не пинать, не хватать, не бить головой. Не кусаться, не бить ниже пояса.

Когда мы вошли в раздевальню и оглядели открывшуюся нашим глазам сцену, Сапалатте громко произнес:

— Добро пожаловать, господа! Как видите, я еще жив.

Конан Дойл, Хорнунг, Гилмор, Сиккерт — все приветствовали нас. Лорд Куинсберри поднял голову и обратился к Оскару:

— Мой сын с вами?

— Нет, милорд, — любезно ответил Оскар. — Предполагаю, что он обедает в обществе своей матушки. Однако лорд Драмланриг, насколько мне известно, собирался прийти. Он страстный любитель бокса и твердый сторонник правил Куинсберри. — И Оскар почтительно поклонился полулежащей фигуре маркиза. — Драмланриг собрал весьма значительную сумму для молодежного клуба в Эрлз-Корт.

— А Примроуз с ним?

— Надеюсь, сэр, что и лорд Розбери скоро будет здесь.

— Хорошо, — пробурчал маркиз, переключив внимание на вторую ногу Сапалатте. — Они смогут увидеть бой настоящих мужчин.

Позади нас у дверей раздевальни появился низенький человек в цилиндре. Подняв руку с колокольчиком, он позвонил три раза.

— Десять минут до начала, господа. Соблаговолите покинуть помещение. Остаются только помощники и секунданты. Десять минут до начала. Соблаговолите покинуть помещение...

Мы безропотно повиновались и направились к выходу, пожелав Сапалатте удачи.

— Разве Бёрд не пришел вас поддержать? — спросил Оскар.

— Нет, — ответил боксер, изображая бег на месте и протыкая воздух перед собой поочередно правым и левым кулаками. — Бёрд дежурит в отеле. Но он не раз видел меня на ринге. Сегодня со мной лорд Куинсберри и инспектор Гилмор, так что я в надежных руках.

Почитатели боксера удалились. Мы с Оскаром задержались у двери. Сапалатте прекратил свой бег и стоял между инспектором и маркизом, возвышаясь над ними. Голова гордо поднята, руки раскинуты, кожа блестит — ни дать ни взять римский гладиатор.

— Удачи вам, друг мой. У меня нет сомнения, что победит сильнейший.

— Благодарю вас, — прохрипел боксер в ответ. — А к завтраку, Оскар, ваши тревоги рассеются, как дым. Я останусь жив, и вы будете точно знать, что все это было лишь игрой.

Мы догнали остальных и через бар прошли в зрительный зал. Френсис Драмланриг и лорд Розбери уже прибыли и сидели рядом в центре одного из тех рядов, где Сапалатте оставил места для своих гостей. Оскар сразу же направился к ним, увлекая за собой Дойла и Хорнунга. Я сел за ними вместе с Джорджем Добни, Уолтером Сиккертом и Эдвардом Херон-Алленом.

Херон-Аллена я не любил. Он был слишком уж обаятелен, умен, образован и начитан. О чем бы ни шла речь, Херон-Аллен всегда мог высказать свое мнение по обсуждаемой теме и даже поделиться опытом. Стоило сидевшему перед нами лорду Розбери сказать что-то вскользь Дойлу о Страдивари, столь чтиком Шерлоком Холмсом, как Херон-Аллен незамедлительно наклонился вперед и изложил свои взгляды на историю изготовления скрипок в Италии, напомнив нам, что сам он некогда учился у Джорджа Шарно, «величайшего скрипичного мастера нашего времени», и что его (Херон-Аллена) труд «Изготовление скрипок в прошлом и настоящем» выходит пятым тиражом. Когда Уолт Сиккерт посетовал на долгое ожидание начала боя и отметил с сожалением, что не захватил с собой книгу, недавно взятую в библиотеке, Херон-Аллен тут же поведал о том, сколько долгих часов провел он в Бодлеанской библиотеке* Оксфорда, когда переводил рубаи Омара Хайяма. Средневековый персидский, биология моря, метеорология, проституция, профессиональный бокс — Эдвард Херон-Аллен знал толк во

* Бодлеанская библиотека — вторая по значению библиотека Великобритании (после Британской библиотеки), основана в 1598 г. Томасом Бодли.

всем этом и многом другом. Больше всего меня приводила в ярость его способность повернуть любую беседу таким образом, чтобы оказаться в центре внимания. Другие находили его весьма привлекательным, даже обворожительным — я не могу этого отрицать. Как не могу отрицать и того, что в его речах было немало занимательного.

Между тем, в ожидании предстоящего боя, зашла речь о петушиных боях. Херон-Аллен, естественно, оказался хорошо осведомленным в этом вопросе. Как выяснилось, в Северной Африке он жил среди племен, которые разводили бойцовых пернатых — петухов, хищных птиц и попугаев. Он научился подрезать петухам гребни и бородки, надевать перед боем колпачки на головы птиц, чтобы те вели себя спокойно, заострять шпоры на лапах. В Индии и некоторых странах Африки, вешал Херон-Аллен, птиц выпускают в бой «с голыми ногами», они вооружены только шпорами, данными им природой. В других культурах, в Европе и Америке, птиц снабжают дополнительным оружием — изогнутыми острыми шипами длиной до двух с половиной дюймов, которые крепятся к лапам с помощью кожаных браслетов. У него дома в Челси, сообщил Херон-Аллен, имеется весьма ценная коллекция серебряных петушиных шпор из разных стран.

— Надеюсь, в ней нет экспонатов из Англии, — заметил Конан Дойл.

— Зато есть пара из Шотландии, — с гордостью сказал Херон-Аллен. — Там петушиные бои не запрещены до сих пор.

— Что весьма прискорбно, — отозвался Артур. — Надеюсь, лорд Розбери и его партия, вернувшись в правительство, положат конец этому варварству.

Розбери улыбнулся:

— К вашим услугам, дорогой доктор.

Наконец, минут через тридцать после того, как мы заняли свои места, демонстрация «гуманного бокса»

началась. Задержка, как мы узнали позже, была вызвана всего лишь опозданием противника Сапалатте. Альфред Диего (зачат в Лиссабоне, рожден в Мерсисайде*) добирался в Лондон из Ливерпуля. На родине Диего имел репутацию сильного боксера, но в Лондоне его почти не знали. Лорд Куинсберри, лучше которого британский бокс не знал никто, выбрал Диего в качестве противника для Сапалатте, исходя из принципа справедливости. Оба боксера были почти одного возраста, веса и роста. Оба пользовались репутацией честных бойцов, имели опыт ведения боя в перчатках и, как утверждала молва и заявляли они сами, не испытали ни одного поражения в состязаниях за плату. Схватка на «Ринге смерти», строго говоря, не считалась боем за денежный приз, но тем не менее определенное вознаграждение соперники должны были получить. Куинсберри обещал каждому боксеру по десять фунтов за участие и премию в десять фунтов победителю, при условии что во время боя ни одно «правило Куинсберри» не будет нарушено.

При появлении соперников на ринге по цирку Эстли прошел гул, а когда удар гонга возвестил о начале первого раунда, все зрители машинально поднялись со своих мест.

— Кровь быстрее бежит по жилам, а? — сказал лорд Розбери.

— Партнеры плохо сочетаются, — заметил Оскар. — В этой паре Красота бьется с Уродством.

Слова Оскара не были лишены основания. Хотя боксеры ростом и сложением подходили друг другу, лица их отличались разительно. Черты Сапалатте были гармоничны и соразмерны, ясные глаза широко открыты, чистая гладкая кожа напоминала девичью. Кожа Диего, напротив, скорее походила на щетину бо-

* Мерсисайд — название местности, включающей в себя Ливерпуль и близлежащие населенные пункты, расположенные по обоим сторонам устья реки Мерси.

родавочника, а безобразное лицо, испещренное шрамами, выглядело так, будто по нему долго колотили черенком лопаты. Вместе с тем в начале боя Диего перемещался по рингу увереннее и быстрее, чем его соперник.

Первые пять раундов Сапалатте едва-едва двигался, в то время как Диего словно танцевал вокруг него с завидной ловкостью. Сапалатте держался в обороне, закрывая перчатками лицо, изредка выбрасывая вперед руку — всегда правую, но не попадая в цель.

Между трехминутными раундами соперники удалялись в свои углы на шестьдесят секунд. Пока Гилмор вытирал губкой лицо Сапалатте, а Куинсберри шептал на ухо боксеру свои указания, Эдвард Херон-Аллен делился с нами своими мудрыми соображениями:

— Дело затянется. Я уверен, что наш герой неслучайно выбрал такой темп. Так что двадцать раундов нам обеспечены.

— В реальной жизни, — заметил Уолт Сиккерт, — бывает только один раунд. Внезапно вспыхнувшие схватки длятся не более десяти секунд. Удар кулаком или ножом, а то и выстрел — и все кончено.

— Но здесь спорт, — возразил Конан Дойл.

— Вовсе нет, — сказал Сиккерт. — Это пантомима. Панч и Джуди* для взрослых.

Следующие пять раундов также прошли без особенного блеска. Диего продолжал настойчиво атаковать, не показывая никаких признаков усталости. Он прыгал вокруг Сапалатте, пытаясь наносить удары то выше, то ниже, то снова выше, меняя руки и заставляя Сапалатте отступать, но его перчатка так и не коснулась противника.

* Персонажи традиционного кукольного представления типа русского Петрушки. Панч — горбун с крючковатым носом, воплощение оптимизма; Джуди — его жена, неряшливая и нескладная.

— По моим наблюдениям, Красота сохраняет свою свежесть, — сказал Оскар. — Она держится подальше от солнечных лучей, в тени — бережет себя.

— Толпе это не понравится, — пробормотал Херон-Аллен.

— Терпение! — сказал Джордж Добни. — Терпение всегда вознаграждается.

В пятнадцатом раунде сбылось предсказание Херон-Аллена. Ропот недовольства возник где-то в задних рядах. Все началось с крика: «Бога ради, Сапалатте, начинай! Бей!», и вскоре к одинокому возгласу присоединились другие, их становилось все больше, по залу прокатилась волна возмущенного рева. Через минуту две сотни мужских глоток вопили в унисон: «Бей! Бей! Бей!»

Как ни странно, но эти вопли подействовали на Диего, который и без того уже почти час, не жалея сил, скакал по рингу. Он вплотную приблизился к Сапалатте и вместо прямых ударов обрушил на противника сначала хук справа, затем — слева. Сапалатте был вынужден уходить от ударов, ныряя и отклоняясь в сторону. Он по-прежнему оставался в защитной стойке, но теперь двигался энергичней, резко перемещаясь по рингу вправо, влево, вперед и назад, приводя Диего в ярость и заставляя его гоняться за собой.

Ход поединка в корне изменился в девятнадцатом раунде. Не успел прозвучать гонг к началу боя, как Джарвис Сапалатте устремился к противнику и внезапно нанес ему мощный удар правой. Захваченный врасплох, Диего сделал неверный шаг назад и неловко упал на канаты, поранив ухо. Ко всеобщему удивлению, Сапалатте, вместо того чтобы развить успех, отступил назад и, нанося удары в воздух (ведя так называемый бой с тенью), казалось, ожидал, пока его соперник соберется с силами и сможет продолжить схватку. Диего проглотил наживку и ринулся навстречу Джарвису с чересчур высоко поднятыми кулаками. Когда он при-

близился на расстояние вытянутой руки, фигуры на ринге на мгновение замерли и в зале наступила полная тишина. Сапалатте отвел правый локоть назад и нанес один-единственный, но сильнейший удар в самую середину изуродованного лица Диего. Голова боксера дернулась, на ринг брызнула кровь. Колени Диего подогнулись, и он, словно осевшая башня, медленно опустился на брезентовый пол.

— Десять, девять, восемь... — считал рефери.

— Семь, шесть, пять... — ревела толпа.

— Смотрите! — воскликнул вдруг Джордж Добни.

— Боже милостивый, — произнес пораженный лорд Розбери, — он поднимается!

— Вечер воскресения Лазаря, — пробормотал Оскар.

Альфред Диего был в нокдауне, однако боя еще не проиграл. Пока рефери считал «три, два, один...», боксер — окровавленный, но несломленный — встал на колени, а затем, откинув голову, медленно поднялся на ноги и обратил к противнику улыбающееся лицо, как бы отказываясь признать его победу. В этом раунде Сапалатте не удалось достигнуть большего. В оставшиеся до гонга шестьдесят секунд боксеры осторожно кружили по рингу, обозначая и парируя вялые удары, — просто тянули время.

— Двадцать раундов, — сказал Херон-Аллен, когда прозвучал гонг. — Как я и говорил.

— Вы думаете, этот станет последним? — спросил я.

— А вы сомневаетесь?

Я посмотрел на лорда Куинсберри и инспектора Гилмора, которые занимались своим делом в углу Сапалатте. Инспектор обтирал полотенцем грудь боксера и прижимал к его губам влажную губку. Маркиз присел на корточки и что-то говорил Джарвису на ухо.

— Сегодня отец будет несносен, — пробормотал лорд Драмланриг. — Как всегда после триумфа.

— Секунданты за ринг. Двадцатый раунд! — прокричал рефери.

Этот раунд оказался коротким. На этот раз Диего ожидал рывка Сапалатте и ловко увернулся, сделав ложное движение влево, прежде чем уйти вправо. Однако это преимущество длилось недолго. Было видно, что его силы на исходе, он едва стоял на ногах. Толпа почувала близкую развязку. «Убей! Убей! Убей!» — ревели зрители, топая ногами и потрясая кулаками, когда Сапалатте стал теснить соперника, методично нанося ему удары в голову поочередно правой и левой рукой.

— Он забьет его до бесчувствия! — вскричал Оскар. — Бой надо остановить!

— Сейчас его остановят, — сказал Херон-Аллен. — Видите, сколько крови.

Ринг оказался буквально залитым кровью. Оба боксера были в крови, и она текла на брезент под их ногами, а публика продолжала неистовствовать: «Убей! Убей! Убей!» В тот момент, когда рефери бросился вперед с криком «Брейк!», Сапалатте нанес последнюю серию ударов: слева по корпусу, прямой по корпусу правой и сокрушительный хук слева. Альфред Диего рухнул на ринг.

— Все кончено! — с облегчением сказал Оскар.

— Слава Богу, — пробормотал Конан Дойл.

Джордж Добни покинул нас и побежал по проходу к рингу.

Я увидел, как у канатов, торжествуя победу, приплясывает маркиз Куинсберри, воздев руки над головой.

Джарвис Сапалатте, шатаясь, отошел от распростертого на полу тела Диего и обратил сияющее лицо к зрителям. Он был бледен, но глаза его сверкали. Победитель поднял руки, приветствуя публику, и мы ужаснулись: кровь струилась из кистей по предплечьям, потоки крови заливали его обнаженные плечи. Когда Джордж Добни и рефери подбежали к Сапалатте, его глаза закрылись и он мертвым упал к ним на руки.

Глава двадцать первая

МАГИЧЕСКИЙ БРАСЛЕТ

«Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем. Аминь»*.

Достопочтенный преподобный Джордж Добни, стоя на коленях перед телом Джарвиса Сапалатте, перекрестил его дрожащими окровавленными пальцами и поднял взгляд на нас. В его глазах стояли слезы. Только что они с рефери перенесли тело Сапалатте в раздевальню и положили на пол на расстеленное пальто боксера.

— Он умер? — спросил Оскар.

— У него не было времени на соборование, — сказал Добни.

— Я спрашиваю, он умер? — повторил Оскар.

Артур Конан Дойл присел на корточки возле головы Сапалатте, пытаясь нащупать пульс на шее.

— Он мертв, Оскар. Никаких сомнений.

— Я так и думал, — спокойно сказал Оскар. — Ошибиться невозможно: когда человек умирает, исчезает его дух. Причем сразу, в момент смерти.

— Ради Бога, что произошло? — Маркиз Куинсберри ворвался в раздевальню словно разъяренный буйвол. Он яростно охаживал хлыстом трехногий табурет, с которого — и двух часов не прошло — Антифол умащивал маслом плечи боксера, и рычал: — Ради всего святого, скажите мне, что произошло?

— Нечто за пределами правил Куинсберри, — тихо сказал Оскар. — Ваш победитель мертв, милорд.

— Это невозможно! — кричал Куинсберри. Он кружил по комнате, как впавший в транс дервиш, сжимая свой хлыст, словно пытался защититься от нас.

* Послание к Римлянам, 8, 38–39.

— И все же это так, лорд Куинсберри, — сказал инспектор Гилмор, стоя навывтяжку. — Мне очень жаль.

— Жаль? — ревел Куинсберри. — Вам жаль? Какая чудовищная некомпетентность!

— Перед нами лежит покойник, милорд, — сказал Оскар ровным голосом, — а вы говорите о некомпетентности.

— А что же это, по-вашему? — неистовствовал маркиз. — Гилмор заверил меня, что цирк полон переодетыми полицейскими. Как же такое могло случиться?

— Я этого не знаю, — мрачно сказал Гилмор. — Не знаю, но намерен выяснить. Сапалатте был одним из нас.

— Да, — проворчал Куинсберри, — он мне говорил. — Маркиз указал концом хлыста на распростертое тело боксера. — Теперь мы видим, как вы заботитесь о своих людях. — И он обвел взглядом комнату. — Куда подевался рефери?

— Он пошел к Диего и его друзьям, — ответил Добни, поднимаясь с колен и делая шаг назад. — Счел это своим долгом.

— Двое моих людей сейчас рядом с Диего, — заметил инспектор. — Я допрошу его, когда он придет в себя.

Оскар покачал головой:

— Альфред Диего не имеет отношения к этой трагедии.

Между тем Конан Дойл приблизился к телу Сапалатте и, опустившись на колени на край его пальто, принялся внимательно осматривать кисти и предплечья боксера.

— Сам дьявол приложил к этому руку, — пробормотал он.

— Без сомнения, — согласился Оскар, заставив себя подойти поближе.

— Чудовищная нелепость, — продолжал Дойл, медленно развязывая пропитанные кровью шнурки боксерских перчаток.

— Какая дьявольская изобретательность, — сказал Оскар. Он склонился над телом и посмотрел на безжизненные руки Сапалатте. — Словно раны мученика... Да смилуется Господь над сотворившим это ужасное злодеяние.

Конан Дойл покачал головой:

— Да, это ужасно. Я не видел ничего подобного за всю свою медицинскую практику.

Маркиз немного успокоился. Уперев руки в бока и сжимая хлыст, он стоял и смотрел на безжизненное тело, лежащее на полу.

— Я любил его, — сказал он глухо. — Он был мне почти сыном. Да что там — он был лучше моих собственных сыновей. Господь одарил его природным благородством. Истинный боец — сильный и ловкий, умный и расчетливый. Он умел себя сдерживать — редкое качество. И он был честен, что встречается еще реже.

Арчи Гилмор присел на корточки рядом с Артуром. Инспектор был несколькими годами старше Дойла, но эта разница в возрасте не бросалась в глаза. Рыжеволосый, с усыпанным веснушками встревоженным лицом, он казался молодым актером, которому впервые досталась роль детектива. И хотя Гилмор пытался говорить как человек, облеченный властью, ему не удалось скрыть свою растерянность.

— Что скажете, доктор? — спросил он.

Дойл осторожно завернул кожаную манжету боксерской перчатки, которая охватывала запястье Сапалатте, и нашим взорам предстало зазубренное лезвие длиной два дюйма. Артур продолжал тянуть кожу, набухшую от крови, и мы увидели второе лезвие, поменьше первого, а потом и третье, и четвертое.

— Что тут скажешь! Сами видите, — ответил Дойл.

— Я не понимаю, — прорычал Куинсберри. — Что это значит?

— Все просто, — сказал Оскар. — Кто-то вшил несколько таких лезвий — острых, зазубренных, смерто-

носных — в манжеты боксерских перчаток Сапалатте, под кожаную подкладку. Во время боя боксер потел, шнуровка намокла и ослабла, от движения кистей лезвия прорезали подкладку... Во время ударов, особенно сильных, эти лезвия прорезали и вены на запястьях.

— Будь это только вены, он бы не умер, — добавил Конан Дойл. — Но у него и артерии перезаны. — Доктор показал на окровавленную кисть покойного. — И радиальная, и локтевая, причем на обеих руках.

— Теперь понятно, откуда это, — сказал инспектор, глядя на запекшуюся кровь на груди, руках и даже ногах боксера. — Откуда так много крови.

— Да, — подтвердил Дойл. — Именно количество потерянной крови и скорость, с которой он ее терял, привели к смерти.

— Несчастный изошел кровью, — сказал Оскар. — Посмотрите на Добни, он тоже весь в крови.

Мы все повернулись к Джорджу. Ему пришлось нести Сапалатте с ринга в раздевальню, и теперь он выглядел, словно убийца Банко*: его руки и рубашка блестели от крови погибшего боксера.

За спиной Добни в углу комнаты под газовым рожком стоял Эдвард Херон-Аллен.

— Извините, что прервал вас, господа, — начал он излишне громко, — но мой дядя был хирургом, и, насколько я помню его объяснения, одно только рассечение здоровой артерии не может стать смертельным, поскольку у артерии, в отличие от вены, есть мышечная ткань, которая сокращается и останавливает кровотечение.

— Это правда, — подтвердил Конан Дойл, с интересом глядя на Херон-Аллена. — Так и есть. Сам по себе надрез на запястье может и не привести к фатальному исходу, и в этом убедились множество самоубийц, у которых не хватило духу довести до конца задуманное.

* Персонаж трагедии У. Шекспира «Макбет», убитый по наущению Макбета наемными убийцами.

— Сотворивший вот это тоже был в курсе дела, — сказал Оскар, с трудом опускаясь на колени и бегло осматривая манжеты боксерских перчаток погибшего. — Этим и объясняется, что лезвий здесь много и располагаются они под различными углами.

— Да, — согласился Конан Дойл, сосредоточенно pokrutyv ус. — Мы имеем дело со множественным рассечением кровеносных сосудов, причем, что еще важнее, порезы нанесены не только вертикально, но и под углом.

— Но разве он не почувствовал боли? — спросил я.

— В пылу схватки мог и не почувствовать, — ответил доктор.

— В пылу сражения воин может потерять ногу и не заметить этого, — заявил маркиз.

— С вашего позволения, инспектор... — Оскар, оставаясь на коленях, перегнулся через тело Сапалатте, ухватил большим и указательным пальцами крохотное — три четверти дюйма в длину и одну восьмую в ширину — лезвие и поднес его к глазам. Когда лезвие отделилось от перчатки, мы увидели, что оно тонкой нитью связано со вторым таким же, второе — с третьим, третье — с четвертым и так далее. Оскар держал эту цепочку перед собой — лезвий было семь.

— Похоже на магический браслет, — сказал Херон-Аллен.

Оскар поднял взгляд на друга своей жены, но без обычной снисходительно-дружелюбной улыбки.

— В каком-то смысле, Эдвард, — сказал он холодно.

— Так его убили?.. — Маркиз Куинсберри говорил неуверенно, как будто истина только-только стала открываться ему.

— Или он покончил с собой, — предположил Оскар.

Инспектор Гилмор с удивлением посмотрел на него и показал на залитое кровью тело боксера.

— Вот таким образом? — спросил он.

— Вы присутствовали здесь, инспектор, когда он надевал перчатки. Насколько я помню, один из ваших

людей шнуровал их — вместе с Уолтом Сиккертом. Я отчетливо помню, как Сапалатте просил вас затянуть шнурки потуже. Он дал ясно понять, чего хочет. Возможно, господин Херон-Аллен прав в своем предположении, что эти цепочки лезвий были для Сапалатте своего рода магическими браслетами. Возможно, он искал смерти на глазах зрителей...

— Как очищения, освобождения от греха? — спросил преподобный Джордж.

— Именно, — подтвердил Оскар. — Публичное самоубийство — на сцене, на цирковой арене, на этом «Ринге смерти»...

— Это полная нелепость, Оскар, — заявил Конан Дойл.

— Сапалатте был не из тех людей, кто кончает с собой, — сказал лорд Куинсберри.

— Но разве в определенных обстоятельствах самоубийство не позволительно? Более того — не достойно похвалы? Не становится проявлением героизма? — Оскар оглядел комнату. — Разве в этой кровавой сцене вы не видите нечто героическое?

— Ровным счетом ничего героического, Оскар, — резко ответил Дойл. — Вас иногда слишком далеко заносит.

Оскар стал подниматься с колен. Я помог ему, и он сжал мой локоть — мне показалось, что он прячет усмешку.

— Я согласен с доктором Дойлом, — сказал инспектор Гилмор. — Самоубийство исключено. Мы все были здесь перед боем и видели, что Сапалатте был в превосходном расположении духа. Он ни в малейшей степени не походил на человека, который собирается свести счеты с жизнью.

— То же самое можно сказать о Бредфорде Пирсе, — заметил Оскар.

— По какой причине Сапалатте мог бы решиться на самоубийство, господин Уайльд?

— По какой причине Бредфорд Пирс мог решиться на это, господин инспектор?

— Кто такой этот Бредфорд Пирс? — потребовал объяснений маркиз. — При чем здесь он?

— Совершенно ни при чем, милорд, — быстро ответил Гилмор. — Это один из друзей господина Уайльда. Он не имеет к нашему делу ни малейшего отношения.

— Вы так уверены? — спросил Оскар, подняв бровь.

— Абсолютно уверен, господин Уайльд. Джарвис Сапалатте был убит, и эта трагическая и безвременная смерть никак не связана с вами или кем-либо из ваших друзей. Она не связана ни с вашим ужином, ни с вашей глупой игрой.

— О чем это вы? — раздраженно спросил лорд Куинсберри, ударяя себя хлыстом по бедру.

— Пустяки, ваша светлость, — успокоил его инспектор. — Я просто пытаюсь убедить господина Уайльда в том, что причиной убийства Джарвиса Сапалатте стала его служба закону и порядку. Джарвис был полицейским осведомителем. Такие люди нужны обществу. Это мужественные люди. Они подвергают свою жизнь риску — и иногда этой жизнью расплачиваются. У Сапалатте были враги — закоренелые преступники, злодеи, которые желали его смерти.

— Эти закоренелые преступники, о которых вы толкуете, инспектор, безусловно наделены потрясающим воображением и режиссерскими способностями, — сказал Оскар, не скрывая сарказма. — Полицейскому осведомителю могут проломить голову дубинкой, его могут заколоть ножом в темном переулке, даже застрелить при выходе из экипажа — и это не вызовет удивления. Но убить его так, как был убит Сапалатте, — парой смертоносных браслетов, вшитых в боксерские перчатки, — для этого потребуется совершенно особенная компания злодеев.

— Я вынужден извиниться перед вами, господин Уайльд, — невозможно сказал Гилмор, — но нас ждет

работа. — Он оглядел комнату и откашлялся. Затем жестом пригласил нас покинуть помещение. — Я буду признателен доктору Дойлу, если он сможет остаться до прибытия полицейского врача, а вас, господа, я более не задерживаю. Благодарю за помощь.

— Я вам еще понадобится? — прохрипел лорд Куинсберри. Он потер затылок концом хлыста и бросил прощальный взгляд на тело Сапалатте, лежавшее на полу.

— Нет, ваша светлость, благодарю вас. Вы можете удалиться.

— Но, инспектор, — удивился Оскар, — разве вы не хотите задать лорду Куинсберри вопрос о перчатках?

— Что вы имеете в виду? — раздраженно спросил Гилмор. — Какой вопрос о перчатках?

— Кто дал Сапалатте боксерские перчатки, в которых он вышел на ринг?

— Я, — сказал лорд Куинсберри. — Неделью тому назад, причем совершенно новые перчатки, как того требуют правила Куинсберри.

— Вы осмотрели их перед тем, как отдать Сапалатте?

— Осмотрел и нашел их в безупречном состоянии. Изготовлены фирмой «Симс и Питтам» — это лучшие перчатки, которые только можно достать.

— Вы принесли их с собой в прошлый понедельник?

Инспектор нетерпеливо ждал, когда Оскар закончит свой допрос.

— Именно так, — ответил лорд Куинсберри. — Я привез их вот в этой коробке. — Маркиз указал кончиком хлыста на открытую картонную коробку, которая лежала на полу в углу раздевалки.

— А Сапалатте осмотрел перчатки?

— Осмотрел. И примерил. И сказал, что весьма ими доволен.

— А он надевал их во время последующих тренировок?

— Нет. Правила это запрещают. Насколько мне известно, он оставил их здесь, в этой коробке, вплоть до сегодняшнего дня.

Гилмор собрался было вмешаться в разговор, но Конан Дойл положил ладонь на плечо полицейского и удержал его.

— А кто, по вашему мнению, лорд Куинсберри, мог иметь доступ в эту комнату и к этой коробке между прошлым понедельником и сегодняшним вечером? — продолжал Оскар.

— Да кто угодно. Любой человек, который мог войти в здание цирка. Ведь двери раздевален не запираются.

— Вы тоже это заметили? — сказал Оскар, улыбаясь.

— Я многое замечая, господин Уайльд. Присмотревшись, вы найдете во мне больше интересного, чем многим удастся разглядеть.

— Милорд, я в этом не сомневаюсь, — учтиво сказал Оскар. Он шагнул к двери и остановился на пороге. Затем выглянул в коридор и посмотрел направо и налево.

— Да, на дверях в раздевальни нет запоров, и в здание цирка можно войти через множество различных входов.

— Все они под нашим наблюдением, — тут же заметил Гилмор.

— Ну разумеется, инспектор. Ведь Сапалатте был одним из ваших людей. А могу я спросить, сколько полицейских наблюдали за цирком?

Гилмор колебался.

— Ну же?

— Двое.

— В здании шесть входов для публики, инспектор. Пять из них обычно открываются только в дни представлений. Один из входов открыт ежедневно в те часы, когда работает билетная касса. Кроме того, имеются три служебных входа, не считая еще одной двери, выходящей в очень любопытный проход, по которому с набережной можно попасть сразу на арену. Давайте представим себе, что юноша Антифол, охранявший эту дверь, не злоумышленник и что двое полицейских не были

подкуплены, но и в этом случае остается немало входов, а стало быть, и возможностей для любого желающего проскользнуть в здание и сделать с перчатками все, что угодно, — если только все это не сделал сам Сапалатте. Вы правы, инспектор, вас действительно ждет работа, и мы не должны вас задерживать. Всего доброго.

Мы откланялись и покинули цирк. На противоположной стороне темной улицы под фонарем мы увидели знакомую неказистую фигуру в потертом костюме. Карлик стоял, облокотившись на парапет набережной. Яркий свет вырвал из мрака желтое лицо. Мимо протарахтела полицейская карета, и, когда мы уже собирались пересечь мостовую, карлик канул в темноту.

— Уж не за нами ли он наблюдал? — спросил я.

— Наблюдал? Или ждал... Ждал жертву, — мрачно сказал Оскар.

Глава двадцать вторая

СЕТЬ ОСКАРА

На следующее утро (во вторник, 10 мая 1892 года, когда, если верить моему дневнику, «улицы Лондона были мрачны, воздух пропитан сыростью, а хмурое небо обложено тяжелыми тучами») я встретился со своим другом Оскаром Уайльдом все в том же отделанном дубовыми панелями обеденном зале «Кадогана» чуть позже половины одиннадцатого. Я прибыл туда, вняв его призыву, заключенному в тексте телеграммы, которую доставили ко мне на Гауэр-стрит в девять: «Немедленно приходите в “Кадоган”. Прихватите галоши и вдохновение. Оскар».

Мой друг сидел в одиночестве за угловым столиком с остатками съеденного завтрака. В правой руке он умудрялся держать одновременно карандаш и горящую сигарету, в левой — бокал «аринто»*. Перед ним лежал

* Марка португальского портвейна.

лист писчей бумаги, густо покрытый линиями, датами и именами, многократно исправленными.

Когда я подошел поближе, он поднял на меня взгляд. Оскар был тщательно причесан и чисто выбрит, однако под его утомленными глазами залегли желтые круги.

— Дождь кончился? — спросил он меня со слабой улыбкой и затянулся сигаретой.

— На какое-то время, — ответил я, садясь рядом и оглядывая стол в поисках кофейной чашки. — Как вы себя чувствуете?

Он прикрыл веки и выпустил дым через ноздри.

— Роберт, я совершенно без сил. — Он взял кофейник и наполнил мою чашку. — Я думал, что завтрак придаст мне сил, и заказал копченую сельдь. Это было ошибкой, Роберт. Копченая сельдь на завтрак, друг мой, это все равно что булыжники на соборной площади: издали они прекрасно смотрятся, но стоит до них добраться, и вас ждет разочарование. Я битый час вынимал из нее мелкие кости.

— Что это? — спросил я, показывая на лежащий перед ним лист.

— Здесь заключена причина, по которой я вас просил приехать. Моя сеть, Роберт.

— Ваша «сеть»?

— Новое понятие, Роберт. Ведет происхождение от совершенно другой сети — рыболовной. Впрочем, я рассчитываю с ее помощью поймать не рыбу, а убийцу. — Оскар сделал знак официанту принести мне бокал вина. — Если помните, Роберт, в семьдесят первом году я поступил в дублинский колледж Святой Троицы, где удостоился золотой медали Беркли и стипендии ее величества за успехи в древнегреческом. А если еще покопаетесь в своей памяти, то в ней всплывет то обстоятельство, что в семьдесят четвертом году, уже в Оксфорде, я получил стипендию в колледже Магдалины. В семьдесят шестом я в том же Оксфорде с отличием сдал первый экзамен по классическим языкам

на степень бакалавра, двумя годами позже, тоже с отличием, завершил курс *Literae Humaniores**. В семьдесят восьмом году я достиг пика своей университетской карьеры, когда прочитал удостоенную Ньюдигейтской премии поэму в священном зале театра Шелдона**. — Оскар помолчал, пока официант принес мне «аринто», а также наполнил его бокал. Сделав глоток, он продолжил: — Да, мой друг, все эти успехи в науках производили впечатление — по крайней мере, на мою матушку, — но их недостаточно, совершенно недостаточно... Я могу облекать свои мечты в Вергилиевы гекзаметры, могу переводить Гомера, не заглядывая в словарь, разобраться в текстах Фукидида не составит для меня труда, однако, чтобы разгадать дело, с которым мы столкнулись, или хотя бы приступить к его разгадке, Роберт, — мне понадобится эта сеть!

— Так что же она собой представляет, эта ваша сеть? — спросил я.

— Простое сочетание вертикальных и горизонтальных линий, которое могли бы еще сотни лет назад ввести в обиход Микеланджело или Галилей, но по каким-то причинам этого не сделали. В сущности, она служит инструментом для приведения мыслей в логический порядок. Мои же мысли в отношении данного дела до последнего момента пребывали в хаотическом состоянии.

— А теперь?

— Теперь я, по крайней мере, начинаю понимать природу этого хаоса, — сказал Оскар, передавая мне листок. — Я расположил в ячейках сети все известные нам сведения.

* «Гуманитарные науки» (*лат.*), четырехгодичный курс классических языков и философии в Оксфордском университете, по завершении которого присваивается степень бакалавра искусств.

** Ньюдигейтская премия — ежегодная премия, присуждаемая в Оксфордском университете за лучшую поэму на английском языке; учреждена антикваром Роджером Ньюдигейтом в 1806 г. Театр Шелдона — одно из зданий Оксфордского университета, где проходят торжественные собрания, концерты и т. п.

«Сеть Оскара»

Таблица, нарисованная Оскаром Уайльдом
за завтраком в отеле «Кадоган»
во вторник 10 мая 1892 года

<i>Имя жертвы</i>	<i>Кем выбрана жертва</i>	<i>Дата и событие</i>
Мисс Элизабет Скотт-Риверс	Достопочтенный Джордж Добни	Воскресенье, 1 мая – смерть в результате пожара
Лорд Эйбергордон	Лорд Драмланриг	Понедельник, 2 мая – смерть по естественной причине
Капитан Флинт	Лорд Альфред Дуглас	Вторник, 3 мая – пситтакосид
Шерлок Холмс	Уилли Хорнунг	Среда, 4 мая
Бредфорд Пирс	?	Четверг, 5 мая – убийство или самоубийство?
Джарвис Сапалатте	Роберт Шерард	Пятница, 6 мая
Джарвис Сапалатте	Уолтер Сиккерт	Суббота, 7 мая
Джарвис Сапалатте	?	Воскресенье, 8 мая
Джарвис Сапалатте	?	Понедельник, 9 мая – убийство или самоубийство?
Старик Время	?	Вторник, 10 мая
Эрос	Джарвис Сапалатте	Среда, 11 мая
Пустой листок	ОУ и Артур Конан Дойл?	Четверг, 12 мая
Г-н Оскар Уайльд	?	Пятница, 13 мая
Г-жа Оскар Уайльд	?	Суббота, 14 мая

Я вгляделся в листок. Разобраться в таблице оказалось несложно. Хотя манеры Оскара были напыщенными, а речь цветистой, его почерк отличался удивительной четкостью.

— И что это нам говорит? — спросил я.

— Клеточки с вопросительными знаками указывают на то, чего мы пока не знаем, и это само по себе немало. А еще мы видим, что кое-что из нам известного, по сути, нелепо.

Я смотрел на него сбитый с толку. Оскар продолжал:

— Мы знаем, кто присутствовал на этом роковом ужине в клубе «Сократ», но нам до сих пор не до конца известно, кто из участников выбрал какую жертву. И это необходимо выяснить. Сегодня перед завтраком я связался по телефону с Артуром Дойлом.

— Как он?

— Превосходно. Полон сил. Убежден, что инспектор Гилмор совершенно прав и странная смерть Сапалатте не имеет к нам никакого отношения. «Просто несчастливое совпадение» — вот его слова. Я звонил ему, когда еще не было девяти, но наш славный доктор уже завершил ежеутренние занятия ритмической гимнастикой и позавтракал — разумно отдав предпочтение овсянке и отвергнув копченую сельдь. Он сообщил, что собирается провести утро в своей хижине за ваянием и размышлениями о том, каким именно образом следует прикончить Шерлока Холмса. Его просто распирало от благодушия и восторга словно мальчонку из церковного хора на Рождество, пока я не задал ему вопрос относительно того ужина в «Кадогане»...

— Вот как, — пробормотал я, придвинувшись к Оскару.

Он улыбнулся:

— Вы благодарный слушатель, Роберт. У вас никогда не будет недостатка в друзьях.

— И что это был за вопрос?

— Я спросил Дойла, не меня ли он выбрал своей жертвой в тот вечер, когда мы развлекались этой дурацкой игрой. Похоже, мой вопрос застал его врасплох. Он был просто ошарашен. «С какой стати, Оскар, я стал бы выбирать вас?» — спросил он. «Почему бы нет? — сказал я. — Ведь Уилли Хорнунг называл своей жертвой Шерлока Холмса, — напомнил я Артуру, — и при этом Уилли — ваш друг». — «Да он просто глупый юнец», — сказал Артур. «Так это вы называли меня?» — повторил я свой вопрос. «Разумеется, нет», — сказал он, и в его голосе звучало искреннее возмущение. «А кого вы называли?» — спросил я. — Тут Оскар замолчал, отпил из бокала, медленно проглотил вино и прикрыл веки.

— Ну же! — в нетерпении воскликнул я.

Оскар открыл глаза и пристально посмотрел на меня:

— «Никого, — ответил мне Артур. — Я никого не назвал».

— Что он имел в виду?

— «Что вы имеете в виду, Артур? — спросил я его. — Вы действительно никого не называли?» — «Никого, — повторил он. — Я не желал участвовать в этой игре. Тот пустой листок, который Бёрд вытащил из мешка, был моим».

— А... — сказал я.

— Поставьте после вашего «а» восклицательный знак, Роберт. — Оскар улыбнулся. — Вот что я сказал Артуру: «Этот пустой листок не может быть вашим, дорогой друг». — «Но почему же?» — спросил Дойл. «Да потому, Артур, — ответил я, — что пустой листок, который Бёрд вытащил из мешка, был моим».

— Но, Оскар, — осторожно возразил я, — я там присутствовал и наблюдал за вами. И я видел, что вы написали на своем листке какое-то имя... У меня нет в этом никаких сомнений.

— Глаз может обмануть, Роберт. Вы могли видеть, что мое перо касается бумаги, — но оно было сухим. Оно двигалось по бумаге, не оставляя следов.

— Боже праведный, — пробормотал я, опустив бокал на стол. — Это значит...

— Да. — Оскар задумчиво закурил очередную сигарету. — Из мешка достали только один пустой листок, но о своих притязаниях на него заявляют два человека. Причем два человека, доверие к которым не может подвергаться сомнению. Туман становится все гуще, Роберт. Завеса тайны все плотнее. И, несмотря на эту мою сеть, я пребываю в растерянности. Возможно, мне, как приговоренному Холмсу, следует прибегнуть к наркотикам или скрипке, чтобы подхлестнуть воображение и дать мыслям верный ход. Нет ли у вас кокаина, друг мой? Не храните ли вы в своей каморке «страдивари»?

— Увы, — сказал я с улыбкой. — Мне принадлежит лишь один музыкальный инструмент — треугольник. С радостью одолжу его вам.

— Треугольник? Как это предусмотрительно с вашей стороны, Роберт, — с ним гораздо меньше хлопот, чем со скрипкой.

Я снова обратился к листку, лежавшему передо мной.

— Что означает «пситтакосцид»? — спросил я.

— «Убийство попугаев», — последовал ответ. — Меня огорчает уровень вашего классического образования, Роберт. А ведь вы — правнук Уильяма Вордсворта!

Я пропустил эту реплику мимо ушей.

— И все же все эти смерти необычны, — заметил я.

— В самом деле? — сказал Оскар. — Элизабет Скотт-Риверс гибнет в огне, Бредфорд Пирс поглощен морской пучиной, Джарвис Спалатте умирает от тысячи ран... Человекоубийство в апокалиптических масштабах.

— Но лорд Эйбергордон умирает во сне, — сказал я, возвращая Оскару листок.

— Так нам, по крайней мере, сообщили. — Он осушил бокал и загасил сигарету, после чего сделал знак официанту принести счет. — Интересно, как убийца предполагает разобраться со мной?

— Вы и правда думаете, что вашей жизни угрожает опасность, Оскар?

— Вы ведь заметили безобразного карлика с желтым лицом и глазами хорька. Он следит за мной, Роберт, следит с какой-то зловещей целью. Так что отвечу вам утвердительно: да, моей жизни угрожает опасность, в этом не приходится сомневаться... И жизни Констанции тоже. Я люблю ее, я в неоплатном долгу перед ней. Она моя жена, и я обязан ее защитить.

— Может быть, стоит попросить Гилмора выставить охрану на Тайт-стрит, — предложил я.

— Еще рано для таких действий. Ведь Констанция пока ничего не знает, и я не хочу ее тревожить прежде времени. Если следовать логике, которую подсказывает моя таблица, до пятницы нам с Констанцией ничего не грозит. Смерти случаются в строго заданной очередности и в предопределенный день. — Он посмотрел на листок. — Неудивительно, что мой роковой день приходится на пятницу и тринадцатое число. — Оскар с улыбкой сложил бумагу и спрятал во внутренний карман пиджака. — Для разгадки этой тайны у нас есть три дня. За эти три дня убийцу надо найти. — Он убрал в карман карандаш и портсигар, вытер губы салфеткой и небрежно бросил ее на стол.

— Возможно ли это? — спросил я, удивляясь оптимизму, который он излучал, несмотря на сложившиеся обстоятельства.

Оскар поднялся из-за стола с деловым видом.

— Когда вспоминаешь, что успел Господь за три последних дня Страстной недели, тебя поневоле посещает надежда. С вашей помощью, Роберт, и с помощью нашей сети мы преодолеем все трудности. Вперед!

Я встал.

— Куда мы направляемся?

— На встречу с подозреваемыми — в определенном порядке. Мы по очереди поговорим с каждым участником воскресного ужина и узнаем его тайну. Начнем прямо здесь. Надеюсь, вы захватили с собой записную книжку?

В вестибюле мы нашли веснушчатого посыльного отеля, юного знакомого Оскара.

— Мы ищем господина Бёрда, Нат, — сказал Оскар, вручая пареньку шестипенсовик. — Он в отеле?

Нат бросил взгляд на старинные часы у подножья лестницы.

— Он еще в своей спальне, сэр, но наверняка уже не спит. Вас проводить?

Через несколько обитых сукном дверей по лабиринту темных коридоров он провел нас к узкой каменной лестнице в самом дальнем углу здания.

— Здесь семьдесят ступенек, господин Уайльд, — предупредил посыльный. — Сможете подняться?

— Понятия не имею! — воскликнул Оскар. — Мне еще не доводилось совершать такой подвиг.

Тем не менее он поднимался довольно живо. На каждой площадке Оскар останавливался и задавал Нату какой-нибудь вопрос. Что тот думает о господине Бёрде? Мальчику Бёрд нравился — ведь он был фокусником, а Нат фокусников любил. Много ли друзей у господина Бёрда? Нат знал только одного — господина Сапалатте. Господин Бёрд был человеком необщительным. Как ночной распорядитель относился к Капитану Флинт? Если верить Нату, господин Бёрд был без ума от птицы. «Он души не чаял в этом попугае, господин Уайльд, одно слово». А видел ли Нат господина Бёрда накануне вечером? Да, господин Бёрд весь вечер был в отеле, как обычно. «То в кабинете своем, а то в вестибюле. Я тут дежурил до десяти, господин Уайльд, как всегда. Ну и господин Бёрд, знамо дело, никуда не отлучался». Мы добрались до мансардного этажа,

и Нат повел нас по узкому коридору с дощатым полом и таким низким потолком, что Оскару пришлось пригнуться. С обеих сторон в коридор выходили двери из грубых некрашенных досок, а единственным источником света служило круглое оконце в дальнем конце.

— Здесь спят все мужчины, что служат в отеле, — объяснил паренек. — Я живу в комнате с Билли, он тоже посыльный, и еще с Дэном и Джонти, они при кухне. Наша дверь как раз напротив комнаты господина Бёрда. Да вот она, его комната.

Мы подошли к последней двери.

— Спасибо, Нат, — сказал Оскар, оделив его еще одной монетой. — Вы возвели нас на вершину. Мы приложим все силы, чтобы самим найти дорогу вниз.

Зажав монету в левой руке, Нат отсалютовал нам правой, улыбнулся и раскрыл левую ладонь, показывая, что монета исчезла. Потом он провел правой рукой над головой и вытянул ее перед собой: на ладони лежала монета Оскара.

— Bravo! — воскликнул я.

— Сколько вам лет? — спросил Оскар.

— Пятнадцать, сэр, — ответил паренек, — скоро будет шестнадцать.

— Возраст Ромео — лучшее время жизни. Оставайтесь таким, Нат. Секрет сохранения юности состоит в том, чтобы никогда не выказывать и не переживать неподобающих чувств. Вы меня понимаете?

— Я не понимаю ни слова из того, что вы сказали, господин Уайльд, но знаю, что это хорошо сказано.

Юноша резво побежал по коридору, а Оскар, проводив его улыбкой, постучался в спальню Бёрда.

— Войдите! — послышался голос.

Мы перешагнули порог. В комнате было темно и душно. В воздухе стоял густой запах пота и скисшего молока.

— Вы не запираете дверь, господин Бёрд? — спросил Оскар.

— Полагаю, мне нечего опасаться, — ответил секретарь клуба «Сократ». Он сидел на краю кровати, одетый, но небритый. Когда мы вошли, Бёрд не пошевелился: сутулая узкоплечая фигура чуть согнута, голый череп наклонен вперед. Газовая лампа на прикроватном столике бросала тусклый гнетущий свет.

— Вы уже слышали новость? — спросил Оскар.

Бёрд кивнул. Лежавшими на коленях руками он сжимал клочок пестрой ткани, то комкая его, то придавливая правым кулаком к левой ладони.

— Да, — сказал он едва слышно, — я слышал эту новость. Господа Сиккерт и Брукфилд были здесь вчера поздно вечером. Разумеется, не для того, чтобы повидать меня, — они пришли пропустить стаканчик перед сном. Но, уже уходя, встретили меня в вестибюле и рассказали, что произошло в цирке.

— Мне очень жаль, — сказал Оскар.

— Сапалатте был моим другом, — сказал Бёрд и наконец поднял голову. В слабом свете я увидел глубокое горе в его глазах.

— Вы давно его знали? — спросил Оскар.

— Двадцать лет, — ответил Бёрд. — Полжизни. Мы встретились на перепутье... — Он медленно повернул голову и осмотрел комнату, как будто впервые увидел ее. Я следил за его напряженным взглядом. Помещение было буквально забито великим множеством коробок, ящиков, кофров — сценическим реквизитом его представлений. Возникла пауза.

— На перепутье? — переспросил Оскар.

— Да, на перепутье, — сухо ответил Бёрд, — где Сапалатте, джентльмен наполовину, начал свой путь наверх, к славе и богатству, а я стал опускаться, пока не превратился в человека, которого вы видите перед собой.

— Вот как, — сказал Оскар. — Вы были джентльменом... Я не знал этого.

— Не правда ли? — Бёрд теперь смотрел прямо в лицо Оскару. — Мой отец был джентльменом, у него

было крупное дело в Ливерпуле. Моя матушка была благородного происхождения. Она скончалась вскоре после моего рождения, а отец умер в тот день, когда мне исполнилось восемнадцать. Он покончил с собой. Принадлежавшее ему судно затонуло у берегов Китая, а вместе с ним пошло ко дну и все его состояние. Делец без состояния перестает быть джентльменом. В то время я учился в университете — в том самом, где вы, господин Уайльд, завоевали все ваши награды.

— Я этого не знал, — сказал Оскар. — В каком колледже вы учились? Я был в колледже Магдалины.

— Это мне известно. — Бёрд снова опустил голову и уставился на свои руки. — Я был в Нью.

— Вот как? — Оскар повернулся ко мне. — А вы, Роберт?

— Я тоже учился в Нью-Колледже*.

— Я так и думал.

— И тоже не получил степени, — добавил я.

— Я проучился там всего лишь семестр, — сказал Бёрд. — Покинул университет через две недели после смерти отца и решил идти по стопам героев моего детства Маскелайна и Кука**, великих иллюзионистов. Отец водил меня на их представления в Египетском зале на Пикадилли, и я был в полном восторге. И вот после Оксфорда я пришел к ним. Они взяли меня в труппу и два года учили своему искусству.

— И хорошо научили, — заметил я.

— Я достиг высокого уровня, научился сложным фокусам, добился впечатляющих результатов, и все же, по словам Джона Маскелайна, мне не хватало «божественной искры», я не мог зажечь зрителей, покорить их.

* Нью-Колледж — колледж Оксфордского университета.

** Джон Невил Маскелайн (1839–1917) — знаменитый английский иллюзионист и изобретатель, во многих фокусах высмеивал и разоблачал спиритов и псевдогипнотизеров; вместе со своим партнером Куком в 1873 г. основал собственный театр в так называемом Египетском зале на Пикадилли.

— Вы не смотрели им в глаза, — заметил Оскар.

— Именно, — согласился Бёрд, поднимая взгляд на Оскара. — Я не мог преодолеть робость. Маскелайн же утверждал, что великий иллюзионист должен быть дерзким, ярким и абсолютно раскованным. Ему необходимо, говоря словами Маскелайна, кураж. Я был лишен этих качеств.

— А Джарвис Сапалатте обладал ими... Да так, что хватало на вас обоих. Я прав?

Бёрд принужденно рассмеялся:

— Похоже, вам все обо мне известно, господин Уайльд.

— Я всего лишь высказал предположение, не более того, — мягко сказал Оскар.

— Сапалатте тоже работал у Маскелайна и Кука. Мы были ровесниками, но он казался моей полной противоположностью. Красивый, сильный, Сапалатте умел покорять зрителей. Я превосходил его как иллюзионист, а он обладал большей привлекательностью. Закончив обучение у Маскелайна и Кука, мы с ним стали работать вместе.

— Тогда-то и появились иллюзионисты «Сапалатте и Бёрд»?

— Именно.

— И вы стали успешной парой?

— Могли бы стать. Благодаря Маскелайну у нас были связи. Зрители на нас шли. И хотя нам платили самые низкие ставки — ведь мы были молоды и почти неизвестны, — впереди маячил успех. Однако Сапалатте не хотел ждать. Он увлекся боксом, посчитав, что это более надежный путь к славе. Потом, подчинившись внезапному порыву, он пошел на службу в полицию Лондона, где мог заниматься боксом и при этом получать приличное жалованье.

— Другими словами, он вас покинул?

— Он выбрал свой путь. Но мы продолжали общаться. И так было до самого конца.

— Однако сцену вы оставили? — спросил Оскар.

— Без Сапалатте у меня не было шансов на успех. Джон Маскелайн не ошибся — у меня совершенно отсутствовал кураж. А невысокий рост закрыл для меня двери Столичной полиции.

Бёрд поднял глаза, и его лицо исказила гримаса. Он разжал пальцы, и облачко зеленых перьев тихо опустилось на пол.

— Бедный Капитан Флинт, — сказал Оскар.

Бёрд наклонился и осторожно собрал все перышки. Их было тринадцать.

— Где сейчас ваш попугай? — спросил Оскар.

— Я его похоронил, — ответил Бёрд.

Я оглядел комнату: коробки, ящики, кофры. Интересно, в какой из этих реквизитов иллюзиониста поместил бранные останки своего пернатого друга погруженный в скорбь ночной распорядитель отеля «Кадоган»?

— Он не здесь, — сказал Бёрд, сухо рассмеявшись. — У меня есть клочок земли возле Бромптонского кладбища.

Оскар удивился:

— У вас есть земля, господин Бёрд?

— Да, небольшой участок. Моя единственная отрада. Ночью я работаю в этом отеле, а день могу проводить там, копаясь в своем огороде. Я живу простой жизнью, господин Уайльд. «Чем меньше у меня желаний, тем ближе я к богам».

Оскар улыбнулся:

— Я помню это выражение. — Он опустил глаза на Бёрда и переступил с ноги на ногу. — И раз уж тут всплыло изречение Сократа, позвольте мне, господин Бёрд, перейти к сути дела, после чего мы с господином Шерардом перестанем вам докучать. В предыдущее воскресенье за ужином в нашем клубе, во время моей неумной игры, лорд Альфред Дуглас назвал Капитана Флинта своей жертвой. Вы помните это? — Бёрд молча кивнул.

Оскар продолжил: — Я убежден, что сам лорд Альфред не хотел причинить вред птице — это была лишь не очень удачная шутка, и за нее я от его имени приношу вам искренние извинения. Но остается вопрос: кто убил попугая? Что вы об этом думаете, господин Бёрд?

Альфонс Бёрд застывшим взглядом смотрел на перья в своей руке.

— Кто мог такое сделать? — пробормотал он. — Не знаю. Не имею представления. Но тот, кто это сделал, — чудовище.

Однако Оскара этот ответ не удовлетворил.

— Не имеете представления?

— Ни малейшего.

— А кто, по-вашему, мог убить Джарвиса Сапалатте? — спросил Оскар.

— Ну, — ответил Бёрд без малейшего колебания, — это вам конечно же скажут в полиции.

— Вы так думаете?

— Джарвис Сапалатте на них работал. Он был полицейским осведомителем. Да я просто уверен, что ему отомстил какой-нибудь член преступной шайки. Жизнь Джарвиса постоянно висела на волоске. Он и сам это знал.

— Именно поэтому на ужине членов клуба «Сократ» вы называли его своей жертвой?

Бёрд посмотрел на Оскара и рассмеялся. Смех был довольно непринужденный.

— Как вы это узнали, господин Уайльд?

— Я этого не знал, господин Бёрд.

— Это была всего лишь шутка. И Джарвис ее оценил, когда я ему рассказал о своем выборе. Он частенько и сам шутил на предмет своего убийства. Его это не беспокоило.

— Ну да, ведь у него был кураж, — заметил Оскар.

— «Ничто не способно повредить доброму человеку — ни в жизни, ни после смерти», — сказал Бёрд, глубоко вздохнув и сжав в руках перья своего попугая.

— Снова Сократ. — С этими словами Оскар повернулся ко мне и кивком дал понять, что нам пора уходить.

— Ведь и я некогда учился классическим языкам, — сказал Альфонс Бёрд, так и не встав с кровати.

— Да, — сказал Оскар, прощаясь наклоном головы, — и были джентльменом.

Глава двадцать третья

ВСЕГДА ТАК

— Куда теперь? — спросил я, когда мы покинули отель «Кадоган» и вышли на Слоун-стрит.

На щеках Оскара играл румянец, глаза блестели. С минуту он стоял, размышляя, а затем провозгласил:

— Поворачиваем налево.

Он взял меня под руку и увлек по направлению к Найтсбриджу. В этот момент у нас за спиной раздался резкий звук. Мы обернулись и увидели, что за нами, совсем близко, на тротуаре лежат осколки черного кровельного сланца, упавшего с крыши отеля и расколовшегося на мелкие кусочки. Мы молча подняли головы. Все окна на всех этажах были закрыты. Ни одна занавеска не шелохнулась. Пара голубей поднялась над кровлей и опустилась на трубу.

— Идемте в полицию, — настойчиво предложил я.

Оскар рассмеялся:

— Идти в полицию, потому что в отеле «Кадоган» рушится крыша? Это всего лишь случайность, Роберт.

— Вас могло убить.

— Но не убило, — сказал он невозмутимо. — И вы не пострадали.

— Все же стоит сообщить в полицию, — повторил я.

— Всею свое время. Сначала мне нужно зайти на почту и послать телеграммы — в Оксфорд, в Истборн, Боузи и Констанции.

— Констанции? — переспросил я, когда он снова взял меня под руку и мы продолжили путь. — Разве мы не обедаем с ней на Тайт-стрит?

— Непременно, — сказал Оскар со счастливой улыбкой. — Телеграмма придет уже после обеда и покажет ей, что мы предчувствовали, как будем благодарны ей. — Он по-прежнему держал меня под руку, гордо откинув большую голову (Оскару нравилось подставлять ветру свои длинные каштановые волосы), но глаза моего друга были устремлены на меня. — Когда я только познакомился с Констанцией, — говорил он, улыбаясь, — мы с ней обменивались телеграммами не менее двух раз в день и я мог в любой момент сорваться с места, где бы ни находился, чтобы примчаться к ней и провести с ней хотя бы час и проделать все те глупости, без которых влюбленные просто не могут обойтись. Любовь живет повторениями. Как вы думаете, Роберт, если я вдруг стану вести себя как прежде, смогу ли я вернуть те чувства к Констанции, что испытывал раньше?

Я не ответил Оскару. Да и что я мог сказать?

Мы остановились на углу Найтсбриджа и Бромптон-роуд. Оскар высвободил свою руку и полез в карман за портсигаром.

— Что вы думаете о Бёрде? — спросил он, предложив мне сигарету.

— Мне кажется, он пребывает в глубокой печали.

— Да, я с вами согласен. — Он зажег спичку и, пряча пламя в ладонях, дал мне прикурить. — Но мне показалось весьма интересным, что среди его учителей был сам великий Джон Маскелайн.

— Разве Маскелайн принадлежит к числу ваших кумиров, Оскар? — спросил я, затягиваясь сигаретой, хотя и без особого удовольствия. «Плейерс нейви кат» — а именно такой оказалась сигарета — были скорее во вкусе Оскара.

— Маскелайн — непревзойденный мастер сценической иллюзии, — сказал Оскар. Дождавшись просвета

в непрерывном потоке экипажей, он шагнул на мостовую и увлек меня за собой. — Однако, — продолжал он, маневрируя между omnibusом и телегой с молочными бидонами, — будь ему суждено завтра попасть под карету на лондонской улице, еще неизвестно, кем бы он остался в нашей памяти.

— Я вас не понял, Оскар. — сказал я.

— Маскелайн знаменит своими фокусами, ловкостью рук, трюками с левитацией — но что до этого будущему поколению? — Мы наконец добрались до противоположного тротуара. — По моему разумению, Маскелайну суждено остаться в памяти соотечественников благодаря изобретению, никак не связанному со сценой: замку для общественного туалета, который отпирается монетой в одно пенни.

— Боже милостивый! — воскликнул я, бросая сигарету в сточную канаву. — Неужели это дело рук Маскелайна?

— Не сомневайтесь, именно его. От Маскелайна же пошло известное выражение «потратить пенни» в значении «пойти в туалет»*. Ах, Роберт, я — поэт и драматург, который всю жизнь играет со словами, но, живи я хоть тысячу лет, мне никогда не удастся сочинить фразу, которая стала бы хоть наполовину так же популярна! Увы, друг мой, нам не дано самим определять причину нашего бессмертия.

Я не мог удержать усмешки.

— Хотел бы я знать, каким запомнят вас, Оскар.

В дверях почтового отделения Найтсбриджа толпились люди. Оскар остановился.

— Меня запомнят за мое падение, — сказал он с едва заметной улыбкой. — И мой конец станет началом моей дурной славы. Я всегда это знал. — Он поднес к моим глазам раскрытую ладонь. — Госпожа Робинсон

* Действительно, английское выражение «spend a penny» служит эвфемизмом фразы «пойти в туалет».

прочитала такую судьбу по моей руке. — Оскар говорил о своей преждевременной кончине часто и, как правило, с мелодраматическим смаком. — Если меня убьют в конце этой недели, Роберт, я навсегда останусь в памяти писателем, который отдал Богу душу в пятницу тринадцатого. Я стану Китом Марло* девятнадцатого века, которого помнят скорее за неразгаданные обстоятельства смерти, чем за то, что он сотворил при жизни.

— Но вас не убьют в пятницу, — решительно заявил я.

И в тот момент, когда я произнес «Но вас не убьют в пятницу», между мной и моим другом просунулась рука, и я увидел серебристое дуло, направленное в грудь Оскара. У меня замерло сердце. Голова пошла кругом.

— Ради Бога! — выкрикнул я, схватил кисть, сжимающую пистолет, и резко дернул ее вверх.

— Успокойтесь, старина! — Боузи Дуглас громко расхохотался и освободил руку из моих цепких пальцев. — Он не заряжен.

Я сделал шаг назад и, ошеломленный, уставился на молодого красавца, который улыбался во весь рот. На Боузи были белые фланелевые брюки, нежно-зеленый блейзер и желтая шляпа-канотье. Он бросился на шею Оскару, поцеловал его в щеку и тут же протянул мне открытую ладонь. На ней лежало оружие, подобное которому мне еще не приходилось видеть: размером не более портсигара, серебристый патронник в форме улитки, ствол не длиннее и не толще пальца.

— Красавец, а? — ворковал Боузи. — Французский. Мастер месье Тюрбио из Парижа. Скорость пули, конечно, невелика, но что мне до этого? Он понадобится

* Кристофер (Кит) Марло (1564–1593) — английский поэт, переводчик, драматург елизаветинской эпохи, один из наиболее выдающихся предшественников Шекспира. Обвиненного в безбожии Марло хотели предать суду, но он был убит во время драки в кабаке. По поводу обстоятельств и причин смерти Марло существует несколько противоречивых версий.

мне только раз — для выстрела в упор. Папенька ничего не почувствует... Да разве он когда-нибудь что-нибудь чувствовал?

— Спрячьте пистолет, Боузи, — попросил Оскар. Он отвернулся от юного аристократа и прикрыл глаза руками. — На нас смотрят.

Лорд Альфред Дуглас засмеялся, поцеловал ствол пистолета и сунул его в карман.

— Я только что потратил шиллинг, послав вам телеграмму, Оскар, — сказал он, выходя из почтового отделения и презрительно оглядывая людей, которые таращились на него в полном недоумении. — Завтра я еду в Оксфорд — мой наставник очень строг на этот счет. Пишет, что, если к полудню я не появлюсь с рефератом в зубах, он меня отчислит.

— А какое это имеет отношение ко мне? — спросил Оскар, настороженно поднимая бровь.

— Я хочу, чтобы вы поехали со мной, Оскар. А в поезде вы сможете сочинить мой реферат.

— Это нелепо, Боузи, вы бредите.

— Не будьте жестоки, Оскар. Я умоляю вас. Реферат может быть совсем коротким. И не таким уж блестящим. Всего пара страничек на тему «Эволюция нравственных идеалов». Я даже понятия не имею, с чего можно начать, а из-под вашего пера выйдет прекрасный текст, я уверен. Прошу вас, *cher ami*, — от этого зависит моя судьба в университете.

Оскар посмотрел на Боузи и глубоко вздохнул. Потом сдвинул канотье молодого лорда на затылок — пышный золотистый локон упал на правый глаз юноши.

— Лорд Альфред Дуглас, вы говорите сущий вздор. Вас не могут отчислить из университета только за то, что вы вовремя не представите реферат своему наставнику. Для этого вам пришлось бы долго бродить по лондонским улицам, угрожая прохожим револьвером. Впрочем, — он улыбнулся и лениво покачал го-

ловой, — чтобы защитить вас в пути, и только с этой целью, я согласен сопровождать вас в Оксфорд.

Альфред Дуглас восторженно захлопал в ладоши.

— Благодарю вас, старина, от всей души. А как насчет реферата?

— В поезде мы поработаем над ним вместе.

Боузи с нежностью коснулся плеча старшего друга.

— Отлично, Оскар. На вас можно положиться.

— Вот что, Боузи, — строго сказал Оскар, — после того как я отправлю телеграммы, вы едете с нами обедавать на Тайт-стрит.

— Нет, нет, — тут же ответил Альфред Дуглас, — это невозможно. Я обедаю с матушкой. Дал слово отпраздновать с ней последнее унижение отца. — Лорд бросил взгляд на часы и изменился в лице. — Боже, я опаздываю. — Вдруг он посмотрел на нас с Оскаром и продолжил взволнованно: — Вы же там были вчера! На «Ринге смерти», во время убийства. Море крови! Все газеты только об этом и твердят. Несчастный Сапалатте — убит, хотя вел бой строго по правилам Куинсберри. — Боузи поправил шляпу. — Завтра вы мне все расскажете, Оскар. Вам лучше бы написать реферат сегодня, тогда в поезде мы сможем поболтать, а это гораздо веселее. «Эволюция нравственных идеалов» — тысяча слов, больше не надо. В девять на Паддингтонском вокзале. Платформа на Оксфорд. Вы купите билеты? Храни вас Господь, Оскар. Прощайте, Роберт.

Он пожал мне руку. Обнял Оскара. И исчез. С лордом Альфредом Дугласом всегда так.

Пока Оскар отправлял телеграммы, я нашел газетный киоск и купил ранние выпуски вечерних газет. О загадочном убийстве в цирке Этли сообщалось на первых полосах, причем со зловещими подробностями. «Стандард» писала, что «известный боксер Сапалатте, как теперь выяснилось, вел двойную жизнь полицейского осведомителя». По сведениям «Ивнинг ньюс», инспектор Скотленд-Ярда Гилмор располагает спи-

ском подозреваемых, «отъявленных преступников, замисливших убийство господина Сапалатте, поскольку тому было многое известно». На внутренней странице «Стар» были помещены фотографии кое-кого из знаменитостей, которые стали свидетелями трагических событий вчерашнего вечера, в том числе маркиза Куинсберри, графа Розбери, доктора Артура Дойла и господина Оскара Уайльда.

Просматривая прессу в кебе, влекущем нас на Тайт-стрит, Оскар не жалел междометий. Я предложил ему не показывать газеты Констанции.

— Ужасный стиль, чудовищный язык, Роберт, я совершенно с вами согласен, — сказал Оскар. — Мы должны уберечь мою милую женушку от этой безвкусицы. Она ведь так чувствительна.

— Будьте же серьезны, Оскар.

Он повернулся ко мне с улыбкой:

— Мы не сможем держать это в тайне от Констанции. Всего лишь два дня тому назад Сапалатте был гостем в нашем доме. Слуги только и будут говорить что о его внезапной смерти, да еще со всеми кровавыми подробностями... Но в одном я согласен: о злосчастном ужине в клубе «Сократ», о моей глупейшей игре и ее последствиях — обо всем этом Констанция знать не должна.

— Но разве не следует предупредить ее об опасности?

— Зачем? Это только усилит ее тревогу. Так или иначе, но до пятницы ей ничего не угрожает.

У дверей дома на Тайт-стрит нас встретил Артур, дворецкий Оскара.

— Я сожалею о господине Сапалатте, сэр. Скверное дело.

— Вы правы, Артур. Сквернее некуда. Госпожа Уайльд дома?

— Наверху, сэр. Обед подадут через четверть часа.

Оскар отправился на третий этаж — «потратить пенни», сказал он с усмешкой, и найти жену. Я же остался

в гостиной второго этажа, своей любимой комнате на Тайт-стрит. Она была на редкость гармонична. На белых стенах висели офорты Джеймса Уистлера и Мортимера Менпеса*. Потолок, также работы Уистлера, напоминал шатер из павлиньих перьев. Я подошел к расписному роялю, стоявшему в углу комнаты, и выглянул в окно, выходящее на небольшой и почти пустой сад позади дома Уайльдов. Внезапно я испытал странное ощущение — будто кто-то, сильный и невидимый, находится рядом и наблюдает за мной.

Я отвернулся от окна и оглядел комнату. Никого. Я снова посмотрел в окно — и снова ощутил чье-то скрытое присутствие. Опустив глаза, я стал осматривать пол. Взгляд скользил вдоль белого плитуса к багровому краю белых бархатных штор, окаймлявших окно. Там, под багровым, я увидел пару ног в кожаных башмаках.

Охваченный ужасом, не размышляя о том, что делаю, я отодвинул штору и вцепился в притаившегося за ней человека. Я схватил его за горло, заставил опуститься на колени и только тогда разглядел, кто передо мной.

— Какого черта вы тут делаете? — закричал я.

Эдвард Херон-Аллен медленно поднялся на ноги, отряхнул брюки и поправил воротничок.

— Успокойтесь, старина, — сказал он. — В конце концов, это не ваш дом.

Я смотрел на него и чувствовал, как во мне нарастает гнев. Этот тип был весьма спокоен и уверен в себе. Я потребовал объяснений.

— Что вы делали за шторой?

— Ожидал Констанцию, — сказал он непринужденно.

Ярость разгоралась во мне с невиданной силой.

* Мортимер Менпес (1855–1938) — австралийский художник-баталист, гравер, иллюстратор, ученик Джеймса Уистлера.

— Ожидали Констанцию? — повторил я, задыхаясь от возмущения.

— Мы играли с ней в прятки. Что тут удивительного? Это вполне естественно. Так играют братья с сестрами.

— Но вы не брат госпожи Уайльд. — Я с трудом сдерживался.

— Увы, нет, — сказал он. — Но я люблю ее, как брат сестру — это свободная, легкая, ничем не омраченная любовь.

— Я вас не понимаю.

— Действительно, вы меня не понимаете. Вы ведь тоже любите Констанцию, но ваше чувство к ней окрашено виной. Это не братская любовь. Вы любите ее, как мужчина женщину: ваше сердце полно желанием, в ваших глазах — вождение. Вам нелегко, потому что вы любите и Оскара, а Констанция — его верная супруга.

— Не знаю, о чем вы.

— Не знаете — и Бог с вами, — сказал Херон-Аллен. — Просто любовь и вождение входят в сферу моих интересов.

— Ну да, наряду с изготовлением скрипок, петушиными боями и запрещенной персидской литературой, — добавил я, даже не пытаясь скрыть свою неприязнь.

— Когда речь заходит о неизведанном пространстве между любовью и вождением, мы можем многое почерпнуть у персов, — сказал он, направляясь к зеркалу над камином. Внимательно глядя в него, он поправил волосы, затем лизнул указательный палец и пригладил брови. — В вопросах сексуальности нам есть чему поучиться у других культур. В свое время я изучал скотоводство — да, да, эту разновидность взаимодействия людей и животных. А также некрофилию. Меня занимали вопросы, где заканчивается вождение и начинается любовь... Весьма, весьма увлекательно...

— Именно в этой увлекательной области вы наставляете госпожу Уайльд во время ваших совместных так называемых игр? — спросил я.

— О нет, — рассмеялся Херон-Аллен, — разумеется, нет. Мы с госпожой Уайльд друзья, не более того. Моя жена на месяц уехала к своей сестре, у которой только что родился ребенок, а Оскар вечно где-то пропадает. Поэтому Констанция и я проводим время вместе — нам приятно в обществе друг друга. Мы играем, и это доставляет нам радость. Увы, в Англии дозволено играть только детям.

Внезапно дверь в гостиную отворилась. Это была Констанция, как всегда очаровательная.

— Так вот где вы прячетесь, — сказала она с шутивым недовольством в голосе. — Обед ждет, и Оскар проявляет нетерпение.

За обедом — гороховый суп, бараньи отбивные и пирог с яблоками и черной смородиной — я хранил молчание. Зато Эдвард Херон-Аллен не закрывал рта. Оскар, попивая белое бургундское, и Констанция со стаканом лимонада в руке смотрели на него с искренним восхищением, словно на любимое дитя, проявляющее признаки гениальности. Диапазон его интересов был необычайно широк, а глубина познаний поражала воображение. По совести говоря, мне не в чем было его упрекнуть. Когда речь, как и следовало ожидать, зашла об убийстве Сапалатте, Херон-Аллен опустил наиболее жестокие подробности смерти боксера и искусно перевел беседу на более приятные темы: красоту и смысленность детей Уайльдов, происхождение наиболее распространенных в Англии сортов яблок, утонченность и изысканность моцартовских скрипичных сонат позднего периода, нелепость новых полотен, представленных Королевской академией, ожидаемую премьеру «Короля Лира» в постановке господина Ирвинга и триумфальный успех пьесы Оскара в Сент-Джеймском театре.

После обеда Констанция пригласила Херон-Аллена отправиться с ней и детьми погулять в Гайд-парке. К моему удивлению, Оскар (который приравнивал прогулку по Пикадилли к двухмильному переходу, а двухмильный переход полагал совершенно невозможным предприятием) предложил и нам присоединиться к жене и Эдварду.

— Оскар! — воскликнула Констанция, удивленная не меньше меня. — Что с тобой?

— Разве я не сказал в своей пьесе, что быть здоровым — это наш первейший долг? — ответил Оскар, поднимаясь из-за стола и глубоко вздыхая. — Думаю, послеобеденный моцион придаст нам сил, — продолжал он, поглаживая живот и отдуваясь. — Однако, дорогая, может быть, ты и права: прогулка до парка — это уж слишком. — Оскар нащупал в кармане портсигар. — Разве не довольно с нас будет пройти по Бромптон-роуд в сторону Бромптонского кладбища?

— Брать детей на кладбище? — удивленно спросила Констанция и нахмурилась. — С тобой решительно что-то происходит.

— Речь не о кладбище, — тут же ответил Оскар. — Об участке земли к югу от него.

— У вас там земля, Оскар? — оживился Херон-Аллен. — Я хотел бы на нее посмотреть. Развитие земледелия в городской черте весьма и весьма меня интересует.

Не прошло и получаса, как мы добрались до земельных участков к югу от Бромптонского кладбища. Процессию возглавляли Оскар и Херон-Аллен. Оскар гордо толкал перед собой коляску с Сирилом, а Херон-Аллен нес своего крестника Вивиана на плечах. Мы с Констанцией шли следом, рука об руку. Это была пре-

* «Быть здоровым — это наш первейший долг» — фраза из пьесы О. Уайльда «Как важно быть серьезным», действие 1, перевод И. Кашкина.

красная прогулка. Херон-Аллен оказался кругом прав: когда при переходе улицы Констанция сжимала мою руку, мои чувства к ней действительно окрашивались ощущением вины.

Земельные наделы представляли собой довольно заурядное зрелище. Десять квадратных клочков земли со стороны не более пятнадцати футов — и все в довольно запущенном состоянии.

— Похоже, за ними не очень-то ухаживают, — с грустью заметил Херон-Аллен, опуская на землю ребенка. Оба мальчика принялись резвиться, перепрыгивая через клумбы и грядки, нюхая цветы, обрывая листья. Не прошло и минуты, как на самом краю одного из наделов, у кладбищенского забора, они нашли кучку свежей земли и стали тыкать в нее палками.

— Папа, это замок, да? — спросил Сирил.

— Нет, — ответил Оскар, — это не замок. Я думаю, здесь могилка попуая.

Констанция не слышала этого разговора — она была занята беседой с Херон-Алленом.

— Довольно печальное зрелище, — сказала она.

— Да, трудно найти что-либо более печальное, чем заброшенный сад, не знающий любви, — согласился Херон-Аллен.

Вивиан подбежал к матери, сжимая в кулачке пучок листьев и травинок.

— Мамочка, я нарвал тебе букет! — сообщил мальчик, важно поклонился и протянул ей свой подарок.

— Спасибо, милый! — Констанция, глубоко тронутая этим подношением, наклонилась, чтобы поцеловать сына. — Может быть, дядя Эдвард расскажет нам, какие растения ты собрал.

Она протянула подарок мальчика Херон-Аллену, который стал внимательно его разглядывать.

— Здесь мы видим самые разные растения, — начал он. — Молодец, крестник. — Он опустился на колени рядом с Вивианом и, как хороший учитель, стал рас-

сказывать, перебирая каждую веточку, каждый лист. — Вот дикая морковь, ее еще называют белоголовкой, а тут — листик пастернака. Корешок пастернака едят, а листья его несъедобны. Зато вот эти есть можно, они очень приятны на вкус. — Херон-Аллен надкусил зеленый росток с резными листочками. — Это растение называется петрушка.

— Если быть точным, оно называется *petroselinum*, — добавил Оскар. Он подвел к Херон-Аллену Сирила, чтобы и тот вкусил плоды мудрости. — Все Уайльды — классицисты, Эдвард. Мои сыновья постигают латынь *ab ovo**.

Херон-Аллен вежливо улыбнулся.

— Что ж, — продолжил он урок, — в таком случае вот это — *conium maculatum***, очень милый цветок, но есть его нельзя ни в коем случае. — Он вытянул из букета гладкий зеленый стебель и отбросил его. — А эта травка, пусть и не такая красивая, зато очень вкусная и ароматная. — Он поскреб листик ногтем и поднес к носу Вивиана. — Как, хорошо пахнет? Она очень полезна, ее называют *foeniculum vulgare*.

— Так это обычный фенхель? — спросил я.

— Именно, — сказал Херон-Аллен, вставая с колен. — Его любят и персы.

На обратном пути к Тайт-стрит впереди шла Констанция, толкая перед собой коляску с Сирилом, а Херон-Аллен с Вивианом на плечах шел с ней рядом. Каждый раз, когда они переходили через дорогу, я испытывал приступ ревности, наблюдая, как молодой адвокат протягивал руку и касался изящного локтя Констанции, предупреждая ее об опасности.

Мы с Оскаром шли сзади, курили и почти не разговаривали. У поворота на Тайт-стрит Оскар остановился:

* От яйца, то есть с самого начала (*лат.*).

** Болиголов пятнистый (*лат.*), травянистое растение семейства зонтичных, очень ядовитое.

— Нам предстоит немало сделать до пятницы, Роберт. Впрочем, теперь мы хотя бы знаем, кто убил попугая.

— В самом деле? — спросил я.

Он улыбнулся:

— Думаю, что знаем... Но кто убил Джарвиса Сапалатте? Вот в чем вопрос. И почему его убили? А эти лезвия, которыми были иссечены его руки... Это не шпоры ли боевых петухов?

Глава двадцать четвертая

ВОПРОСЫ

На исходе дня Эдвард Херон-Аллен покидал дом Уайльдов, и все семейство собралось у дверей, чтобы пожелать гостю счастливого пути. Оскар тепло обнял своего молодого друга, мальчики обхватили руками его ноги, не давая уйти, а Констанция нежно потрепала его ухо и щеку и поцеловала на прощанье.

— Мне тоже пора, — сказал я, когда Констанция увела детей наверх, чтобы искупать и рассказать им сказку перед сном.

— Бокал шампанского на дорожку? — предложил Оскар.

Дойдя до конца коридора, ведущего к кухне, он крикнул: «Артур!» — после чего повел меня в свой красно-желтый кабинет на первом этаже. Пол был завален неряшливо сложенными бумагами и шаткими стопками книг.словно гигантская лягушка, плавающая между листьями водяных лилий, Оскар извилистым путем вел меня к своему знаменитому письменному столу, за которым Томас Карлейль написал «Историю французской революции».

— Взгляните на это, — сказал он мне.

— Что это?

Двумя пальцами Оскар держал крошечный блестящий полумесяц, похожий на срезанный ноготь, оправленный в серебро.

— Если верить Херон-Аллену, перед вами мексиканская шпора для боевых петухов. Гордость его коллекции. Эдвард принес ее утром, полагая, что меня это заинтересует. — Он опустил шпору на мою ладонь. — Осторожно, — предупредил Оскар, — она острая, как бритва.

Я внимательно осмотрел миниатюрное лезвие — отполированный металл словно излучал свет — и вернул Оскару, который положил его на стол.

— Слишком много вопросов, Роберт, — тихо сказал он. — Слишком много вопросов и слишком мало времени.

— Если времени так мало, Оскар, — сказал я, тоже понизив голос, — и вы верите, что в пятницу ваша жизнь может оказаться в опасности, следует ли вам завтра ехать в Оксфорд?

— Следует, Роберт. — Он поднял с пола какую-то книгу и принялся листать ее. — И не только ради Боузи.

— Скажите мне, Оскар, кто убил попугая? — спросил я. — Он продолжал молча читать. — Кто убил попугая? — повторил я свой вопрос.

Он оторвался от книги и поднял на меня взгляд.

— Роберт, вы говорите точно как Чарльз Брукфилд.

— Но если вы знаете, то просто обязаны мне сказать.

Оскар рассмеялся:

— А теперь вы говорите как Боузи. Нет, Роберт, вы должны сами написать свой реферат. Вспомните все факты, выстройте логическую цепочку и сделайте собственный вывод.

— Ах вот как... — Я улыбнулся, откинул голову и скрестил руки на груди. — Вы ведь и сами не уверены?

Он захлопнул книгу.

— Вы правы, Роберт. Мне кажется, что я знаю, но полной уверенности у меня нет. Как напоминает нам

Сократ, истинное знание сводится к одному: мы знаем только то, что ничего не знаем. Полная картина не выстроилась, в ней еще есть белые пятна.

Тем временем явился Артур с бутылкой «Перье Жует». Опустив поднос на столик у двери, он поклонился своему господину. Оскар поклонился в ответ.

— Разлейте вино, Роберт. Опустошим бутылку — обретем ясность мыслей. Держите блокнот и карандаш наготове.

Мы пили игристое вино, восхитительно бодрящее, холодное — «чистое и золотое, как майский лунный луч», говоря словами Оскара, — и я записывал указания моего друга. Пока Оскар будет в Оксфорде, мне следовало оставаться в Лондоне. Я должен буду вернуться в «Кадоган» к Бёрду и заказать обеденный зал на вечер в пятницу. Бёрду надлежало пригласить всех участников последней воскресной встречи клуба «Сократ» на особый «мемориальный» ужин, который состоится в этом зале тринадцатого мая.

— Скажите Бёрду, что за столом, как и прежде, будет четырнадцать человек и что блюда и вина должны быть в точности такими же, как в прошлый раз.

— И размещение за столом такое же? — спросил я.

— Не совсем, — сказал Оскар. — Передайте Бёрду, что размещением я займусь сам. И еще, Роберт, свяжитесь с инспектором Гилмором и попросите его присутствовать на этом ужине — вместе с кем-нибудь из своих коллег в качестве гостя.

— Хотите, чтобы за столом были полицейские?

— Да, — сказал Оскар, задумчиво глядя на игру вина в бокале. — Без Сапалатте и Пирса у нас будет два свободных места.

Осторожно ступая между стопками книг и бумаг, он приблизился к окну, выходящему на Тайт-стрит.

— И раз уж вы будете беседовать с Гилмором, постарайтесь узнать, нашел ли он «закоренелых преступников», которых подозревает в убийстве Сапалатте. А

еще спросите у него, есть ли новые сведения из Ист-борна — от полиции или береговой охраны.

— Мне будет чем заняться. — Я вернул на поднос пустой бокал и спрятал в карман блокнот.

— Надеюсь, — сказал Оскар с улыбкой. — А если у вас останется время, вы сможете побеседовать и с другими свидетелями. Мы до сих пор не опросили Уилли Хорнунга. Да и Уолт Сиккерт сказал нам далеко не все.

— Думаете, у них есть какие-то тайны?

— В том, что у них есть тайны, я не сомневаюсь. Вопрос в том, имеют ли эти тайны отношение к нашему расследованию. — Он выглянул в окно. — А вот и ваш кеб, Роберт. Как и следовало ожидать.

— Но я не заказывал кеб.

— Я знаю, — с улыбкой сказал Оскар. — Кеб заказал я — это ваш десерт.

— Но когда вы могли его заказать? — спросил я недоверчиво.

— Только что.

— Только что? — Я растерялся.

— Именно, — подтвердил он. — Только что. — От вина щеки Оскара порозовели. Вид у него был торжествующий. — Когда Артур принес шампанское, — объяснил он, — я подал ему сигнал. Сложил ладони перед грудью, как в восточном приветствии. Мы так условились. Соединив по четыре пальца, я прошу его выйти на улицу и найти четырехколесный экипаж. Если же мне нужна двуколка, я соединяю кончики двух пальцев каждой руки. — Оскар поклонился, сложив перед собой руки, чтобы показать, как он это делает. — Мы выпили вина, и я подумал, что добираться до дома в кебе вам будет удобнее. Вот и все.

— Вы не перестаете меня удивлять, Оскар.

— Рад это слышать, — сказал он. — Вы хороший друг, Роберт, хотя иногда вам не хватает наблюдательности. — С этими словами он вынул из кармана зеленый бумажник из змеиной кожи (свой любимый),

извлек оттуда три фунтовые купюры и протянул их мне. — Завтра вам предстоят расходы. Не возражайте. У вас почти нет денег, у меня же их в избытке. Если я не отдам их сейчас, когда-нибудь у меня их просто украдут.

— Благодарю. Я буду записывать свои расходы.

— Ради Бога, не делайте этого! — Он обнял меня за плечи и проводил до дверей. — Вы ведь не банковский служащий, Роберт, и не бухгалтер. Вы — поэт и правнук поэта-лауреата. Вам ли не знать, что материальное богатство ничего не значит. Его можно легко лишиться. Его могут украсть. Истинное же богатство украсть невозможно. Бесценные сокровища, хранимые в вашей душе, у вас не отнимет никто.

Я посмотрел на его раскрасневшееся лицо и не смог сдержать улыбки.

— Мне кажется, я уже слышал это, Оскар.

— Не слишком ли быстро мы прикончили бутылку шампанского? — спросил он, целуя меня в лоб. — Прощайте, Роберт. — Он помахал мне рукой. — Если я вернусь завтра к вечеру, мы с вами успеем перехватить по стаканчику в «Албемарле». Скажем, в десять, самое позднее — в одиннадцать. А до той поры — *bonne chance, mon brave!** — И, уже сидя в кебе, я услышал: — Я все же думаю, что Херон-Аллен тут ни при чем, а вы?

Я пребывал в растерянности. Не знал, с чего начинать свои рассуждения. Из Оскара получился прекрасный детектив благодаря тому, что он был не только поэтом, но и знатоком классических языков. Со словами он обращался вольно и легко, искусно плел из них пышные кружева, полные причудливых узоров, но при этом мыслил строго и четко. Оскар не просто сочинял изощренные фразы — он обладал глубокими знаниями и тонко понимал устройство языка, его грамматику.

* Желаю успеха, мой храбрец (*фр.*).

У него было воображение поэта, зрение художника, слух актера и обоняние ученого, позволявшие различать мельчайшие детали, связывать их между собой и анализировать результат. Следующим утром, в среду 11 мая 1892 года, я был благодарен ему хотя бы за то, что у меня остались записи его наставлений.

Я стал действовать в строгом соответствии с этими наставлениями. Первым делом я нанял кеб и отправился на Слоун-стрит в отель «Кадоган». Там я попросил Бёрда заняться приготовлениями к ужину членов клуба «Сократ», назначенному на пятницу. Бёрд заверил меня, что все сделает как надо. Из отеля я телефонировал Артуру Дойлу и узнал у него, где я смогу увидеть его юного друга Уилли Хорнунга. Затем, снова воспользовавшись кебом, я преодолел расстояние от Слоун-стрит до Флит-стрит, где и нашел Хорнунга. Без пиджака, но в неизменном пенсне, он сидел в самом темном углу и без того плохо освещенного помещения, где располагалась редакция «популярного журнала», о котором я никогда прежде не слышал.

Хорнунг, как выяснилось, недавно получил место помощника редактора в женском иллюстрированном еженедельнике «Леди». Бедняга сидел на высоком табурете, держа перо в испачканных чернилами пальцах, и казался потерявшим рассудок и впавшим в отчаяние — причем одновременно.

— Я даже не могу прерваться, чтобы спокойно поговорить с вами, — пожаловался он, положив перо и запустив пальцы в густые белокурые волосы. — Должен до обеда закончить статью о жевательной резинке. Представляете? Жевательная резинка! Якобы в Америке по ней сходят с ума, а к Рождеству и у нас каждая дама, не чуждая прогрессу, будет жевать это чудо господина Ригли. Сам я сомневаюсь, но редактор неумолим. Суший людоед. Надо было выбрать «Незабудку» — тоже женский еженедельник, но в нем почти исключительно иллюстрации. Там мне пришлось бы

сочинять только подписи к фотографиям. И хотя сюда меня убедил прийти Артур, это занятие мне совсем не по душе, даю вам слово.

Я стоял рядом с бедным юношей и старался утешить его, говоря, что и Оскару в свое время пришлось трудиться редактором женского журнала. Затем я все же принялся расспрашивать Хорнунга о воскресном ужине в «Кадогане», пытаюсь вывести его «тайны». По его словам, он мало что сохранил в памяти, ибо «был поражен и ошеломлен» всем происходящим. Уилли вспомнил, что Бредфорд Пирс, который сидел почти напротив него, выглядел очень пьяным и что между Чарльзом Брукфилдом и Артуром Дойлом была «очень неприятная» перепалка.

— Вы не запомнили, что они говорили? — спросил я.

— Артур сказал, что Оскар не заметил своего истинного призвания, что он мог бы стать частным детективом не менее проницательным и успешным, чем Шерлок Холмс. А Брукфилд с усмешкой заявил: «Оскар Уайльд в роли детектива — это полнейшая нелепость. Да и вообще Оскар Уайльд как личность — нелепая фигура. Он просто шарлатан».

— Он сказал это за ужином?

— После ужина, когда все уже расходились. Помоему, он был пьян.

— И что, Конан Дойл поставил его на место?

— Артур держался очень достойно. Он сказал: «Господин Брукфилд, история показывает, что так называемые шарлатаны всегда становятся первопроходцами. Из астрологов вышли астрономы, из алхимиков — химики, из месмеризма выросла экспериментальная психология. Вчерашний шарлатан — это завтрашний профессор. Вам господин Уайльд представляется нелепым, а он просто опередил свое время».

— И что на это ответил Брукфилд?

— «Ваша речь великолепна, сэр, но она не изменила моего мнения о господине Уайльде».

Отвечая на мои вопросы, Хорнунг то и дело обращивался, словно опасаясь появления своего злобного редактора.

— Простите, Роберт, — сказал он наконец, — но я должен вернуться к жевательной резинке.

— А все же скажите, в чем ваша тайна? — спросил я. — Оскар утверждает, что какая-то тайна есть у всех.

Хорнунг издал нервный смешок и поправил пенсне.

— Моя-то Оскару известна. Это мое имя...

— Имя?

— Ну да. Я представляюсь как Уильям, все называют меня Уилли, но это не мое имя.

— В этом и есть ваша тайна?

— Да, — сказал Хорнунг, вновь погрузив пальцы в свою шевелюру.

— А какое ваше настоящее имя?

— Эрнест, — сказал он. — Меня зовут Эрнест. Оскар почему-то находит это весьма забавным.

Я покинул Хорнунга, вышел на залитую солнцем Флит-стрит и направился к Стрэнду, потом спустился к набережной Виктории, миновал «Гатти в Арках» (любимый мюзик-холл Джорджа Добни и Уолта Сиккерта), оставил позади вокзал Чаринг-Кросс и подошел к Скотленд-Ярду. Инспектора Гилмора на месте не оказалось, и мне сообщили, что вернется он, скорее всего, лишь к вечеру. Его вызвали на судебное заседание по делу каких-то «закоренелых преступников», а с ним туда отправились и оба его помощника. Дежурный сержант, весьма дружелюбный полицейский в годах, заверил меня, что «в расследовании убийства Сапалатте можно ждать прогресса с минуты на минуту, а уж на следующей неделе несомненно». Я оставил Гилмору записку, где от имени Оскара приглашал инспектора и одного из его помощников на ужин, который состоится в пятницу в половине восьмого в отеле «Кадоган».

Выйдя из Скотленд-Ярда, я добрался до Вестминстерского моста, где взял кеб и поехал в «Клуб искусств» на Кингз-роуд. Уолта Сиккерта я нашел в дальнем конце здания в обеденном зале. Перед ним стояли тарелка с ветчиной и маринованным луком и бутылка алжирского вина. Когда я приблизился, Уолт читал письмо. Он поднял голову — в зеленых глазах художника блеснули слезы.

— Налейте себе, — сказал он, придвигая ко мне бутылку. — Мне пишет парижский друг — он был знаком с Ван Гогом, голландским художником, который застрелился. — Я налил себе вина. — Полотна Ван Гога полны жизни, полны солнца, а сам он был так несчастен в этом мире, что покончил с собой. И знаете, что он сказал, умирая? «*La tristesse durera toujours*».

— «Печаль будет длиться вечно», — перевел я.

— Нет, — сказал Сиккерт, поднося бокал к губам. — «Печаль никогда не уйдет». Здесь есть разница... — Он проткнул вилкой луковицу. — Как вы думаете, Бредфорд Пирс чувствовал то же?

— У вас есть какие-то новости о Пирсе? — спросил я.

— Никаких, — сказал он. — А у Оскара?

— Тоже ничего нового.

Сиккерт высморкался в огромный голубой платок и кивком указал на вскрытый желтый конверт, лежавший на столе под письмом.

— Оскар прислал телеграмму. Там сказано, что вы можете сюда заглянуть. Он славный, Оскар. Немного нелепый, разумеется, но славный.

Я улыбнулся. Было забавно слышать определение «нелепый» из уст Уолта Сиккерта, с его чудовищным бантом, желтыми гетрами и нафабранными усами.

Он тем временем продолжал:

— Я знаю Оскара с детства. Вам, возможно, известно, что он проводил с нами каникулы. Он стал любимцем моей матушки, когда умер отец. Она была безутешна, но появился Оскар, и все изменилось. Он

говорил с ней о моем отце с такой нежностью, с таким мягким юмором... Он научил ее снова смеяться. — Уолт вытер вновь выступившие слезы и взмахнул пустой бутылкой, чтобы привлечь внимание официанта. — Да, кое-кто его не выносит, считает занудой... Не вы ли мне рассказывали, что Виктор Гюго как-то раз заснул в театре во время самого остроумного эпизода из пьесы нашего дорогого Оскара?

Я улыбнулся. Подошел официант с новой бутылкой.

— Действительно, вы могли услышать это от меня. Правда, надо принять во внимание, что месье Гюго в то время был очень стар.

Сиккерт наполнил наши бокалы.

— Выпьем за Оскара, — провозгласил он. — Оскар Уайльд — великий человек. И хороший друг. Попомните мои слова — он раскроет тайну этих загадочных смертей. Кто убил попугая? Кто столкнул с обрыва беднягу Пирса? Кто располосовал руки боксера? Я этого не знаю, не имею ни малейшего понятия, а Оскар найдет ответ на все эти вопросы. Так он устроен.

Я взял с его тарелки маринованную луковичу.

— Инспектор Гилмор тоже расследует это дело.

Сиккерт резко поставил бокал, расплескав вино.

— Забудьте о Гилморе, забудьте о Скотленд-Ярде, — посоветовал он. — Оскар сделает все один, без посторонней помощи. Если два художника сидят рядом и рисуют один и тот же предмет, то настоящего результата добивается только один из них. Этому меня научил Уистлер. А еще он говорил, что «дух успеха сидит только на одном мольберте». Оскар справится сам. — Уолт рассмеялся и долил вина в свой бокал. — И это очень удачно, ибо — увы! — мне нечем ему помочь. Ни вспомнить что-нибудь важное, ни дать полезный совет — ничего этого я не могу. — Он поднял на меня печальные глаза. — Надо допивать вино и возвращаться в мастерскую. Чем вы заняты сегодня, Роберт? Я собираюсь изучить прелести новой натур-

щицы. Так что остаток дня я посвящу ее безупречной коже, стройным лодыжкам, упругим бедрам, тонкой талии и, конечно, груди — твердой и маленькой, как у мальчика... Вам приходилось изображать на холсте девственницу, Роберт?

— Нет, конечно. Вы забыли, что я не художник.

— А спать с девственницей? — Он взмахнул рукой с бокалом. — Это почти одно и то же.

Глава двадцать пятая

ВОПРОСЫ, ВОПРОСЫ...

В тот же вечер, в одиннадцать часов, с раскалывающейся от избытка алжирского вина головой, я входил в клуб «Албемарль» на Албемарль-стрит, 36. К моему немалому удивлению, Оскар уже был там. Он стоял у камина, опершись о дубовую каминную полку, и любовно сжимал в ладони большой бокал бренди. Мой друг не страдал от одиночества: по сторонам камина в низких кожаных креслах сидели братья Дуглас. Боузи, в теннисном костюме, лениво откинулся на спинку, опустил руки, так что они касались пола, склонил голову к плечу и прикрыл глаза. Лорд Драмланриг, в противоположность брату, был облачен в смокинг и устроился на самом краю кресла, подавшись вперед. На его лице играл румянец, глаза смотрели настороженно. Он вперил взгляд в Оскара.

— Вы нас не забыли! — воскликнул Оскар при моем появлении. — А мы было решили, что вам изменила память. — Насколько я понял, он был расположен меня подразнить.

— Как прошла поездка в Оксфорд? — спросил я, налив себе бренди и щедро разбавив его содовой. — Успешно?

Оскар выглядел на редкость бодрым, несмотря на поздний час и трудный день.

— Оксфорд оправдал наши ожидания. С гордостью сообщая вам, Роберт, что наш реферат заслужил высокую оценку. Сократ, Спиноза, Сен-Симон, Сафо — все они нашли там место, и наставник Боузи не смог скрыть восторга. Милый старик даже не заметил, что выбор этих персонажей определялся только моим пристрастием к именам, начинающимся с буквы «с». Пока мы читали реферат, он трогательно возился с носовым платком, а потом угостил нас хересом.

— Вы читали реферат Боузи?

— Я его написал, я его и прочитал. Боузи достались лавры. Чего только не бывает, Роберт! Разве Сиккерт не делился с вами высказыванием Уистлера: «Для того, кто смел, в искусстве нет запретов». Согласно моему опыту, так же обстоит дело и в жизни.

Лорд Драмланриг по-прежнему не сводил глаз с Оскара. Френсису было двадцать пять лет, и красота его — не столь яркая, как у младшего брата, — имела, говоря словами Оскара, «утилитарный характер — служила ему на пользу, но не воодушевляла». Лорд еще больше подался вперед.

— Если это все, Оскар, — сказал он, несколько смущенным тоном, — я, пожалуй, пойду. Мне необходимо успеть к лорду Розбери до полуночи, он меня ждет. Спасибо за бренди.

Он встал и протянул Оскару руку. Оскар взял ее и повернулся ко мне.

— Френсис присоединился к нам после ужина, — пояснил он. — Я задал ему несколько вопросов и получил ответы на все. Это мне весьма помогло. Должен отметить, что лорд Драмланриг проявил при этом исключительную любезность. — Оскар отпустил руку молодого аристократа. — Вот видите, он краснеет. Он чувствует себя неловко. И совершенно напрасно. Я спросил Френсиса, встречался ли он с покойным Джарвисом Сапалатте до нашего ужина в клубе «Сократ» первого мая. И он признался, что однажды это

действительно произошло. Встреча на Вестминстерском мосту — тайная и весьма непродолжительная — состоялась по просьбе Сапалатте.

Лорд Драмланриг стоял по стойке «смирно», вытянув руки по швам и уставившись на каминную решетку. Его щеки полыхали. Оскар тем временем продолжал:

— Сапалатте сказал Френсису, что по городу ходят слухи весьма скандального толка: якобы он попал под скверное влияние джентльмена в годах, склоняющего молодого лорда к противоестественным отношениям. Как вам известно, лорд Драмланриг служит секретарем лорда Розбери. Сапалатте предупредил его, что некоторые персоны — среди них и маркиз Куинсберри — утверждают, будто лорд Драмланриг и лорд Розбери — любовники.

— Я это отрицал, — прохрипел Драмланриг, — отрицал самым решительным образом.

— Он это отрицал самым решительным образом, — повторил Оскар, своим тоном успокаивая Френсиса. — Он потребовал, чтобы Сапалатте не совал нос в дела, которые его не касаются, и выразил свое возмущение в самых недвусмысленных выражениях.

— Он угрожал Сапалатте? — спросил я.

— Да, — сказал Френсис Драмланриг, повернувшись ко мне и глядя на меня темными глазами, в которых читалось замешательство. — Я угрожал ему, но это были слова. Я его не убивал. — Он наклонился и поднял с пола газету. — Извините, мне пора. Всего доброго, Оскар. Доброй ночи, Шерард.

— М-да... — протянул я со вздохом, когда Драмланриг вышел из клуба. — М-да...

— Вот именно, — сказал Оскар. — Здесь есть пища для размышлений. И, думаю, мы обменялись далеко не всеми новостями. — Осушив бокал, он поставил его на каминную полку. — День был напряженным для нас обоих, так что пора в постель. Я сегодня ночую в клубе

и заеду за вами на Гауэр-стрит завтра в полдень. — Он обнял меня за плечи и повел к выходу. — Выйдем тихо, чтобы не разбудить Боузи. Сегодняшний триумф в Оксфорде оставил его без сил...

Я тоже остался без сил. И по-видимому, без ума. До Гауэр-стрит я добрался, когда пробило полночь, но лампа на моем столе горела до трех утра. Сначала я перечитал очередную депешу от адвоката моей жены и попытался набросать черновик ответа; затем я решил записать в дневник события прошедшего дня, пока они были свежи в моей памяти; наконец я — к своему несчастью — принялся читать скабрёзное сочинение, купленное по совету Джорджа Добни во время одного из посещений французской книжной лавки. Когда же, пресытившись нелепыми выходками похотливых монашек и послушниц из Couvent de la Concupiscence*, я отложил книгу и закрыл глаза, сон не заставил себя ждать. Я проспал как убитый почти девять часов. Разбудил меня Оскар, колотя в дверь рукоятью своей трости складной шпагой.

Выглянув из окна, я помахал ему рукой. Одет он был весьма изысканно: пепельно-серый сюртук и лимонно-желтые перчатки. (Оскар имел привычку держать одежду в некоторых клубах и отелях Лондона.) Приподняв черный шелковый цилиндр в знак приветствия, он показал мне на карету, ожидавшую у тротуара. В мгновение ока я оделся (во вчерашние костюм и сорочку!) и сбежал вниз по лестнице.

— Извините, Оскар, я не успел побриться, — сказал я, садясь в экипаж.

— Пустяки, — заметил Оскар. — Для заведения, в которое мы едем, вы выглядите вполне *comme il faut***.

* «Монастырь возжеления» (фр.).

** Комильфо (фр.), букв.: как следует (прилично).

— Боже, да я похож на пугало. — В этот момент мне стало ясно, что я ко всему прочему еще и не причесан. — А вы, Оскар, вы как всегда... элегантны.

Он усмехнулся:

— В цилиндре и сюртуке приличного покроя любой счетовод кажется элегантным. — Оскар тронул свежий бутон розы в петлице. — Впрочем, бутоньеркой я доволен. Этот сорт розы носит имя Жанны д'Арк. Завтра тринадцатое, ее день. Сегодня в моей петлице белый бутон, но завтра, когда роза раскроется, вы увидите ярко-красные лепестки.

— Да, завтра — тринадцатое. И пятница. Пятница тринадцатое, — повторил я.

— Именно, — сказал Оскар. — Кого-то ждут несчастья.

Я повернулся и посмотрел на своего друга — человека необыкновенного, на редкость умного, блестяще образованного и в высшей степени утонченного.

— Вы и в самом деле настолько суеверны? — спросил я.

— О нет, если у меня с собой щепотка соли.

Я рассмеялся.

Оскар повернулся ко мне, и я увидел, что его глаза серьезные.

— Откровенно говоря, Роберт, суеверия мне по душе. Они окрашивают мысли и воображение в яркие цвета. Суеверия противостоят здравому смыслу, а здравый смысл — главный враг фантазии. Оставьте нам право на выдумку. Излишнее здравомыслие отвратительно, Роберт.

Наш кеб повернул на Чаринг-Кросс-роуд.

— Куда же мы едем? — спросил я.

— Увы, это место лишено всякой романтики. Заурядная таверна на Веллингтон-стрит, где мы выпьем пива с бутербродами в компании Брэма Стокера и Чарльза Брукфилда. Это наши последние «очевидцы».

— А Джордж Добни? Вы уже опросили преподающего?

— Нет еще, но сегодня мы встречаемся en tête-à-tête*, по его настоянию. Добни хочет мне показать кое-что — по его словам, это меня несказанно обрадует.

— А я приглашен на эту встречу?

— Нет, Роберт. По-видимому, его сюрприз предназначен только для моих глаз.

— Согласитесь, Оскар, для священнослужителя Добни ведет себя странно.

— Вовсе нет, — живо ответил Оскар. — Насколько я знаю, все они заражены похотью и погрязли в разврате. Таков их образ жизни, причем епископов это касается в первую очередь и в наибольшей степени.

Я наконец сбросил с себя остатки сна. Шутки друга придали мне бодрости. Язвительность Оскара, необыкновенная легкость тона, ироничное приятие им человеческих слабостей — все это лишний раз напомнило мне, почему для меня нет ничего приятней его общества.

Пока наш экипаж катил по Чаринг-Кросс-роуд к Стрэнду, я, по настоянию Оскара, рассказал ему о своих встречах накануне.

— Боюсь, мне не удалось продвинуть наше расследование, — закончил я свой отчет. — Увы, мне далеко до вас и Шерлока Холмса.

— Забудьте о Холмсе, — добродушно сказал Оскар. — Вы сделали полезную работу, и я вам благодарен. — Он одобрительно похлопал меня по колену.

— А каковы ваши успехи? — спросил я.

— Кое-что прояснилось, — сказал Оскар небрежно, глядя в окно. Карета остановилась — лошадь захотела пить и потянулась к сточному желобу, идущему вдоль дороги. Оскар снова повернулся ко мне и спросил:

— Что вы думаете о молодом Драмланриге?

* Наедине, с глазу на глаз (*фр.*).

Я колебался.

— Ну же, смелее.

— Могу я последовать совету Уистлера? Проявить смелость?

Оскар улыбнулся:

— Уж не хотите ли вы сказать, что лорд Драмланриг и есть убийца?

— Разве это невозможно? — спросил я. — Эти Дугласы — странная семейка. Легко впадают в мрачное настроение, упрямы, своевольны, склонны к приступам безумия...

— Это правда. Вы знаете, что «дуглас» по-гэльски* означает «темная вода»? А я придерживаюсь мнения, что *omen est omen*** . Однако из всех членов этой семьи, с которыми я общался, Френсис Драмланриг представляется мне самым практичным и наименее склонным к безумным поступкам.

— Вместе с тем Френсис выбрал в качестве жертвы своего крестного отца, лорда Эйбергордона, а кроме того, как он сам признался, угрожал Джарвису Сапаллате — и Сапаллате мертв...

Карета снова тронулась. Оскар закурил и кивнул мне, как бы предлагая продолжать.

И я продолжил, хотя и не был уверен, что поступаю разумно.

— Френсис Драмланриг, — заговорил я медленно, — является наследником маркиза Куинсберри... Это так?

— Да, это так.

— Однако Френсис отдалился от отца, поскольку тот не жалует его друзей. Маркиз Куинсберри не любит таких людей, как лорд Розбери и... — Я запнулся.

— И как Оскар Уайльд?

— Да, — сказал я, — Куинсберри не одобряет близкие отношения его сыновей с Оскаром Уайльдом. Если

* Гэльский язык — язык шотландцев, населяющих горную часть этой страны и Гебридские острова.

** Имя есть знамение (*лат.*).

бы Френсис вдруг избавил мир от всех Уайльдов, разве не стал бы он дорог сердцу своего папаши, этого зверя в человеческом облике?

— Очень оригинально, Роберт, — и притом смело, — сказал Оскар, одарив меня благосклонной улыбкой.

Ободренный, я продолжил:

— Если оставить в стороне попугая, в списке жертв было шесть человек. У кого еще был мотив для убийства по крайней мере четверых из этого перечня?

Кеб замедлил ход и остановился. Оскар бросил на пол сигарету и раздавил ее ногой.

— Ох, Роберт, — сказал он, распахивая дверцу кареты, — остерегайтесь опасных предположений!

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду предположение, будто у кого-то был мотив для убийства более одного человека.

Я помог Оскару выбраться из экипажа.

— Поясните вашу мысль, — попросил я.

— Разве убийца не мог с самого начала наметить себе одну-единственную жертву, а остальных убивать только для того, чтобы замести следы, сбить нас с толку, увести с верной дороги?

Мы стояли на углу Веллингтон-стрит и Стрэнда. Я поднял глаза к безоблачному небу. Слова Оскара меня смутили. Между тем мой друг расплатился с кебменом и повел меня в бар таверны «Герцог Веллингтон».

— Пиво и бутерброды, — пробормотал он обреченно, когда мы вошли в помещение, полное посетителей и табачного дыма.

Брэма Стокера мы увидели сразу — он стоял у барной стойки и смотрел на дверь, явно ожидая нас. Чарльз Брукфилд блистал своим отсутствием.

— Он прислал свои извинения, — сообщил Стокер, вручая нам по кружке теплого темного пива.

— Неужели? — Оскар смотрел на пиво с нескрываемым опасением.

Стокер расхохотался. Мужчина крупный — ростом не ниже Оскара, минимум шесть футов два дюйма, и столь же широкий в плечах, как мой друг, — он был атлетически сложен, в то время как Оскар казался грузным и вялым. Когда Брэм смеялся, все его мощное тело сотрясалось.

— Вы правы, Оскар, — прогудел Стокер сквозь смех и запустил пальцы в неряшливую рыжую бороду. — Не присылал Брукфилд никаких извинений, просто не захотел прийти. — Он подхватил свою кружку и повел нас в дальний угол, где на длинном столе размещались вилки, ножи, тарелки, бокалы, салфетки, а также стояли два больших блюда — одно с ломтями холодной говядины, второе с крабами под соусом — и две открытые бутылки эльзасского вина. — Присядем, господа, — предложил Брэм, сделав приглашающий жест. — Я никогда не думал, что Оскар питает страсть к бутербродам.

— Вы меня спасли, друг мой, — чуть ли не пропел Оскар, опустившись на скамью. — Мой дух вновь воспарил. От души благодарю вас.

Стокер чиркнул спичкой и зажег два свечи в центре стола. Голубоглазый, с румяными обветренными щеками фермера, Брэм улыбнулся мне и сказал:

— Мы с Оскаром знакомы давным-давно. Его родители были очень добры ко мне, когда ребенком я жил в Дублине. Сэр Уильям Уайльд восхищал меня.

— Отец занимался не только медициной — он писал книги и собирал древности, — заметил Оскар, поясняя слова Брэма.

— О, это был человек выдающийся, исполненный доброты и в то же время силы, — сказал Стокер, разливая вино по бокалам. — Но это дело его сломало.

— «Это дело»? — переспросил я. — Неужели сэр Уильям тоже был чем-то вроде сыщика-любителя?

— Нет-нет, — ответил Оскар. — Сэр Уильям заслужил славу дамского угодника. И «этим делом» Брэм

назвал проигранное отцом дело о клевете. Его обвинили в том, что он с помощью хлороформа усыпил свою пациентку и изнасиловал ее. Разумеется, ничего подобного не имело места, однако не вызывало сомнений, что отец и эта дама вступили в недозволенную связь, пусть и без всякого принуждения. Он так и не смог оправиться после скандала. Брэм прав, это дело действительно сломало отца.

— Урок для всех нас, господа, — сказал Стокер, добродушно улыбаясь. — Держитесь подальше от суда, чего бы это ни стоило. Ваше здоровье!

Мы сдвинули бокалы.

— А теперь объясните мне, почему все-таки Брукфилд не пришел. — И Оскар обстоятельно занялся крабами.

— Причина проста — Чарльз Брукфилд не любит Оскара Уайльда. Все его мысли — о вас, и при этом он вас терпеть не может! Думаю, что во время той дьявольской игры в клубе «Сократ» именно вы стали его воображаемой жертвой. Он вам завидует до безумия. Да что там говорить — мы все вам завидуем. — Стокер подмигнул мне. — А я так еще с юных лет.

— Это сущий вздор, Брэм. — В голосе Оскара звучало явное удовольствие. Он снова потянулся к блюду с крабами. — Полная ахинея. — Он повернулся ко мне. — Это я безумно завидую и ревную. Сидящий напротив нас Брэм Стокер украл у меня возлюбленную — увидел, вскружил ей голову, похитил и унес в свое логово.

— У меня было преимущество, Оскар, — преимущество возраста.

— Да, — сказал Оскар, понюхав вино и удовлетворенно кивнув, — это меня утешает. — Он сделал глоток из бокала, поставил его на стол и доверительно наклонился ко мне. — Флори Балкомб — она же госпожа Стокер — восхитительна.

— Я это знаю, видел ее в «Лицеуме». Мужчины в партере и на балконе вставали на стулья, только чтобы рассмотреть ее получше.

— Констанция Ллойд — госпожа Уайльд — тоже очень красива, — заметил Брэм, и было видно, что говорит он искренне.

— О да, — подтвердил я, чувствуя, как заливаюсь румянцем.

— Роберт слегка влюблен в мою жену. — Оскар положил ладонь на мою руку.

— В этом нет ничего удивительного, многие мужчины испытывают к ней это чувство, — заметил Стокер.

— И все же, — сказал Оскар, закуривая сигарету — первую с тех пор, как мы сели за стол, — и все же нашелся мужчина, желающий ее убить.

— Немыслимо, — сказал Брэм. — В это невозможно поверить.

— Но это правда, — возразил Оскар. Наклонившись вперед, он спросил: — А кого во время этой злосчастной игры избрали своей жертвой вы, Брэм?

— Старика Время, — с улыбкой ответил Стокер и удрученно потянул себя за бороду. — Ведь в ноябре мне стукнет сорок пять.

— А в чем ваша тайна, дружище?

— Тайна? Моя тайна до смешного проста. Она состоит в том, что в душе я чувствую себя двадцатипятилетним.

— Вот как, — сказал Оскар, осушая бокал. — А я в душе еще не достиг девятнадцати.

Мы расправились с двумя бутылками эльзасского вина и заказали третью. Шел легкий разговор о юности и красоте, о хорошем вине и изысканных блюдах. Брэм посоветовал Оскару воздержаться от третьей порции крабов под соусом — именно это блюдо, по его словам, привело его к мыслям о вампирах. Мы говорили о сатире Брукфилда на «Веер леди Уиндермир» и увлечении Уолтера Сиккерта портретами по-

любимых актрис, о Джордже Добни и пожарах и даже о белье — как выяснилось, дед Брэма Стокера шил корсеты для дам. Потом зашла речь о попугаях, обезьянах (Уильям Гилберт подарил Брэму ручную обезьянку) и убийствах (приятель Брэма* признался в убийстве незнакомого мужчины, «совершенном случайно и безо всякой причины»). Это было чудесное застолье, во время которого мы затронули множество тем, в какой-то мере относящихся к нашему «делу», хотя для меня осталось неясным, продвинуло ли это нас к разгадке.

Впрочем, в три часа пополудни, когда мы снова оказались на углу Веллингтон-стрит и Стрэнда, Оскар заявил, что весьма удовлетворен нашей встречей. Брэм Стокер не позволил нам расплатиться («Мне досталась девушка, Оскар, так примите от меня хотя бы крабы»), пообещал прийти в отель «Кадоган» на, как он выразился, «чрезвычайное заседание клуба “Сократ”» и вернулся в «Лицеум», где господин Ирвинг проводил репетицию «Короля Лира».

— Надеюсь, Оскар, вы отдадите себе отчет в том, что делаете, — сказал он на прощанье. — И вот еще что... Обещаю вам притащить с собой Брукфилда.

Я повернулся к Оскару:

— Ну, что теперь?

— Я освобождаю вас, мой Ариэль!** По крайней мере, до вечера. Возвращайтесь к себе на Гауэр-стрит, напишите достойный ответ адвокату вашей жены. Я же нанесу краткий визит инспектору Гилмору — очень важно, чтобы завтра он был с нами в «Кадогане». Затем мне предстоит встреча с достопочтенным преподобным Джорджем Добни — на Бик-стрит, в тихом угол-

* Сэр Ричард Бертон (1821–1890), переводчик арабских сказок «1001 ночь» (*примеч. автора*).

** Персонаж пьесы У. Шекспира «Буря», дух воздуха, которого герцог Просперо называет своим другом и помощником.

ке за старинными гобеленами месье Хирша. Джордж заверил меня, что не разочарует... А потом, Роберт, верьте мне или нет, я отправлюсь домой. Вернусь под родимый кров, в объятия семьи. Сегодня я ужинаю с женой.

— Очень рад это слышать, — сказал я, крепко пожимая руку своего друга. — Так вам и следует поступать. А что завтра?

— Завтра — тринадцатое. Завтра — новый день.

— Позавтракаем вместе? — спросил я.

— Нет, завтра определенно нет, — ответил Оскар, махнув тростью проезжавшему кебу. — Я проведу день в Истборне, отправлюсь ранним поездом. А вас, Роберт, я прошу провести завтрашний день на Тайт-стрит. Господин Херон-Аллен не станет вам докучать: его супруга в Лондоне, и он, подобно мне, возвращается под родимый кров, в объятия семьи... Я хочу, Роберт, чтобы завтра вы оставались рядом с Констанцией, служили ей ангелом-хранителем. Приезжайте на Тайт-стрит к десяти утра и не выпускайте мою жену из поля зрения, пока я не дам вам знать.

План размещения за столом
членов клуба «Сократ» и их гостей
в отеле «Кадоган» в пятницу 13 мая 1892 года

Оскар Уайльд

Достопочтенный Джордж Добни	Уилли Хорнунг
Эдвард Херон-Аллен	Лорд Альфред Дуглас
Артур Конан Дойл	Лорд Драмланриг
Роберт Шерард	Уолтер Сиккерт
Инспектор Роджер Феррис	Брэм Стокер
Чарльз Брукфилд	Инспектор Арчи Гилмор
Альфонс Бёрд	

Глава двадцать шестая

ПЯТНИЦА ТРИНАДЦАТОЕ

В пятницу 13 мая 1892 года — как и в воскресенье 1 мая того же года — в юго-западной части Лондона стояла холодная, хотя и солнечная погода. Выполняя просьбу моего друга, без одной минуты десять я подъехал к дому № 16 по Тайт-стрит. Как мне показалось, дворецкий Оскара Артур меня ждал, чего нельзя было сказать о Констанции. Когда Артур проводил меня в гостиную на втором этаже, госпожа Уайльд сидела за столом у окна и читала книгу. Увидев меня на пороге, она воскликнула:

— Роберт! Какая приятная неожиданность! Вы только что разминулись с Оскаром — он уехал в Истборн. Но я так рада вас видеть! Будет славно, если вы побудете со мной. Жена Эдварда приехала в Лондон, и он вернулся в свое семейное гнездышко. А я осталась совсем одна.

Констанция захлопнула книгу, встала с кресла, подбежала ко мне и легко коснулась губами моего рта. Конечно же она не придавала никакого значения своему жесту — это было привычное выражение дружеских чувств. Я держал Констанцию в объятиях, ощущал теплоту ее тела и наслаждался. Совсем недавно в клубе «Албемарль» после двух бутылок шампанского Оскар признался мне, что больше не может любить свою жену, как надлежит мужу.

— В этом нет вины Констанции — виною всему природа, — сказал Оскар. — Природа отвратительна. Она уничтожает красоту. Безупречную снежно-белую плоть, предмет нашей страсти, она покрывает рубцами и шрамами материнства и превращает в нечто омерзительное. Она оскверняет алтарь высокого чувства.

Я знал Констанцию восемь лет — со времени ее помолвки с Оскаром, — и за эти годы для меня ее прелесть

только усилилась. Ей минуло тридцать четыре, ее фигура стала чуть полнее, чем была в девичестве, но время и материнство придали облику Констанции особое очарование и блеск, какими она не обладала в юности. Когда я увидел Констанцию впервые, присущие ей сдержанность и деликатность скрывали природную красоту. Она была очень миловидна, но при этом застенчива до неловкости. Теперь же к ее расцветшей красоте прибавилось самообладание — уверенность в себе, сочетающаяся с благородной скромностью, — что делало эту женщину в моих глазах совершенно неотразимой. Конечно, Оскар был моим самым близким другом, общение с ним неизменно воодушевляло меня, но, откровенно говоря, иногда мне приходилось нелегко. Если в обществе Оскара я часто оказывался на втором плане, то с Констанцией я всегда чувствовал себя непринужденно.

Когда я разжал руки, Констанция не стала отстраняться. Она смотрела мне в глаза и улыбалась. Превозмогая желание поцеловать ее еще раз, я посмотрел на стол у окна и спросил:

— Что вы читаете?

Она залилась румянцем.

— Как ни стыдно в этом признаться — собственную книгу. — Она рассмеялась и закрыла лицо руками. — Я читаю свои рассказы, Роберт!

— Новая книга? — спросил я, направляясь к столу вслед за Констанцией. — Первая мне очень понравилась, как вы знаете.

— Полно, Роберт! Это были детские истории, они не могли вам уж очень понравиться.

— И все же это так, — не сдавался я. — А новая книга как называется?

Она взяла тонкий томик, переплетенный в голубую кожу, и протянула мне.

— «Давным-давно», — ответила Констанция. — Это тоже истории для детей. Оскар не поспешил на похвалы.

— Я последую его примеру! Прочтите мне хотя бы одну, — попросил я, возвращая ей книгу. — А еще лучше — прочтите мне все!

— Ну что за нелепость, Роберт, — сказала она, но просьбу мою выполнила.

Мы просидели с ней рядом за этим столом все утро. Истории оказались прелестными, полными волшебного обаяния, как и сказки самого Оскара, но язык Констанции был не столь цветист, и в ее рассказах сквозило меньше грусти. Как только она заканчивала одну сказку, я упрашивал ее начать следующую. Каждый раз она отказывалась, но потом уступала моим просьбам. И пока она читала, переворачивая страницы правой рукой, я завладевал левой и не отпускал ее. Время от времени она поднимала на меня глаза и улыбалась. А когда я повернул ее руку ладонью вверх и стал медленно ласкать ее кончиками пальцев, она спросила:

— Роберт, что вы делаете?

— Изучаю линии вашей руки, — ответил я. — Хочу проникнуть в ваше будущее.

Констанция накрыла своей рукой мою.

— Не глядите слишком пристально, — сказала она. — Даже госпожа Робинсон не скажет мне всего, что может прочитать на моей ладони.

Вскоре после полудня в дверь гостиной постучала Гертруда Симмондс, гувернантка мальчиков. Держа за руку Вивиана Уайльда, она спросила, будет ли госпожа Уайльд обедать с детьми, а также присоединюсь ли к ним я.

— О да! — воскликнула Констанция, направляясь к двери. — Господин Шерард, разумеется, захочет провести время с мальчиками.

Пока Констанция разговаривала с гувернанткой и обнимала своего младшего сына, я стоял у окна, выходящего на Тайт-стрит. На противоположном тротуаре под фонарным столбом я увидел две знакомые фигуры — Антифолу, черного юноши из цирка Этли, и его

сестры Берты, которые не спускали глаз с дома Оскара. Антифол держал сестру за руку, а в другой руке у Берты был деревянный обруч, подарок Джорджа Добни. Заметив меня, Антифол помахал рукой. Я помахал ему в ответ.

— Кому вы машете? — спросила Констанция.

— Показалось, что увидел знакомого, — солгал я, — но ошибся. — Когда я вновь повернулся к окну, Антифол и Берта уже исчезли.

Обедали мы с мальчиками в детской. Они вели себя безупречно и были умны не по годам. Когда Сирил сказал: «Папа учит нас латинской грамматике, но для меня это китайская грамота», — и я засмеялся, он с гордостью добавил: «Это моя шутка, а не папина, я ее сам придумал».

После обеда детей уложили спать, а мы вернулись в гостиную. За кофе Констанция говорила мне, как она любит Оскара и какой он замечательный муж и отец. На мое замечание, что он иногда уделяет ей мало внимания, она с жаром возразила:

— Ничего подобного! Он никогда не забывает обо мне и мальчиках. Вот и сейчас я с минуты на минуту ожидаю телеграмму из Истборна. Где бы Оскар ни оказался, он всегда шлет мне нежные письма.

— А что он делает в Истборне? — спросил я.

— Право, не знаю. Думаю, поехал по литературным делам, — сказала она беспечно. — Или Боузи вдруг пожелал подышать морским воздухом. Оскару нужны впечатления, которых он не найдет дома, я это прекрасно понимаю. — Констанция посмотрела на меня с улыбкой. — Я не обижаюсь и не возмущаюсь — ведь я вышла замуж за умнейшего человека в Европе. И за самого доброго. Быть его женой — истинное блаженство, Роберт.

Мы помолчали. Я отвел глаза к окну.

— Когда перед обедом вы помахали кому-то рукой, — заговорила она вновь, — это был черный

юноша с маленькой девочкой? — Я уткнулся в свою чашку и кивнул. — Я их часто вижу, — продолжала Констанция. — По-моему, Оскар велел им наблюдать за мной.

В этот день на Тайт-стрит я ощутил то, чего был лишен прежде, несмотря на три своих брака, — домашний уют, мир семейного очага. Мы с Констанцией играли в пикет, пили чай (госпожа Райан подавала к нему свои особенные булочки, домашнее сливовое варенье и нежно-желтые корнуэльские сливки), помогали Гертруде Симмондс купать детей, а потом я прочитал им перед сном сочиненную их мамой сказку. В шесть Артур разжег камин в гостиной, и мы с Констанцией выпили по бокалу хереса, пожелав друг другу благополучия. Все было так просто, так легко, так естественно... В сущности, только этого я и хотел от жизни.

Когда каминные часы пробили семь, с улицы донеслись цоканье копыт и стук колес. Констанция подбежала к окну.

— Это, должно быть, Оскар! — воскликнула она.

Мы выглянули в окно и увидели у входа в дом двухколесный кеб. К нашему удивлению, из экипажа никто не вышел. Зато с кучерского сиденья прыгнул паренек с конвертом в руке. Это был Нат, посыльный из отеля «Кадоган».

Через мгновение в гостиную вошел Артур с серебряным подносом, на котором лежал конверт.

— Для господина Шерарда, — объявил он.

— Это от Оскара, — сказал я Констанции, разорвал конверт и прочел записку:

Все в порядке, мы готовы. Приезжайте в «Кадоган» немедленно. О безопасности Констанции я позаботился. Антифол на посту, и полиция предупреждена. Ничего не говорите моей жене — только то, что муж ее любит и будет дома вскоре после полуночи.

Сложив записку и опустив ее в карман, я сказал:

— Мне нужно идти.

— Вас зовет Оскар? — спросила Констанция.

— Да.

Других вопросов не последовало. Она не спросила ни где ее муж, ни с кем он, ни почему я должен идти к нему.

— Он сообщает, что будет дома сразу после полуночи, — добавил я.

— Хорошо, — сказала она, беря меня под руку и провожая к двери. — Я рада это слышать. Скажите ему, что я его люблю. И я очень благодарна, что он прислал вас ко мне. — С этими словами он обратила ко мне сияющее лицо. — Это был чудесный день, вы согласны?

— Бесподобный, — ответил я и поцеловал ее в губы.

Через двадцать минут, войдя в обеденный зал отеля «Кадоган», я, к своему изумлению, застал там полное ликование. Смех, громкие голоса, звон бокалов заполняли пространство, в теплом воздухе стоял табачный дым.

— Какое веселье, однако, — заметил я Уолтеру Сиккерту. Он стоял у самых дверей, держа стакан виски с содовой.

— Безудержное, — согласился художник. — Вы, наверное, слышали, что приговоренным к смерти дают поесть от души. Думаю, здесь что-то в этом роде. Все возбуждены до предела. Хотите сигару? — И он протянул мне свою любимую «манилу». Вспомнив его наставления, я сунул ее в рот толстым концом.

— Мы что-то празднуем?

— Именно, — сказал Уолт, поднеся к моей сигаре зажженную спичку. — Ту картину, что я надеялся продать, — я ее продал! Все, отныне никаких персональных выставок! Я более не желаю отдавать свое прошлое, настоящее и будущее на три недели какому-то галерейщику. Мои картины потеряли девственность...

Теперь, как расчетливая и хитрая мамаша, я буду выдавать замуж своих дочерей по одной, тихо, без шума, иногда удачно, иногда не слишком. Эта ушла удачно! Возьмите еще сигару — про запас. — И он сунул ее в мой нагрудный карман.

Уолт несомненно успел напиться. Хотя часы показывали только половину восьмого, Сиккерт был далеко не один в таком состоянии. Атмосфера в комнате становилась буквально истерической. Справа от нас я заметил преподобного Джорджа Добни с пунцовым от вина лицом. Правую руку он возложил на голову Уилли Хорнунга — по-видимому отпуская молодому человеку грехи. Прямо перед нами стояли Конан Дойл и Брэм Стокер и в чем-то громко убеждали друг друга.

— Эти известия о гигантской суматранской крысе! — кричал Артур. — Просто мир еще не готов, чтобы принять их.

— Расскажите нам о них, старина, — гудел Брэм, колотя доктора по плечу крепко сжатым кулаком. — Расскажите — и напугайте своих читателей. Ведь именно этого они жаждут. И именно это я собираюсь сделать с помощью своих вампиров.

— Вам это удастся, Стокер, непременно удастся, — вклинился в разговор Чарльз Брукфилд.

— Я, пожалуй, покажусь Оскару, — сказал я Уолту.

— В этом нет нужды, — заметил Сиккерт, — он вас уже видел. Оскар замечает все.

Мой друг стоял с лордом Альфредом Дугласом и Френсисом Драмланригом в дальнем конце комнаты во главе стола. Сиккерт был прав — Оскар меня уже заметил. Когда я пробирался к нему сквозь толпу, он постучал ножом по своему бокалу с шампанским и попросил тишины.

— Господин Шерард уже с нами, так что все в сборе. À table*, господа, à table.

* К столу (*фр.*).

Все сгрудились у стола, разглядывая карточки с именами, чтобы занять свои места.

— Меню и вина те же, что были при нашей последней встрече, — сообщил Оскар, — но расположение в некоторой степени изменилось. — Он поманил пальцем Джорджа Добни и Уилли Хорнунга. — Справа и слева от меня сядут святой отец и наш друг из еженедельника «Леди».

— А я, как обычно, на дальнем конце, — заметил Брукфилд, — между полицейским и секретарем клуба. — И, громко обращаясь к Оскару: — Я что, ваш главный подозреваемый, Оскар?

— Чарльз, вы сидите с людьми, облеченными властью, — ответил Оскар, улыбнувшись. — Я думал, вы сможете это по достоинству оценить.

Когда все нашли свои места, Оскар снова постучал по бокалу:

— Прошу тишины, господа.

Мы встали за своими стульями и повернулись к хозяину вечера. Он поставил бокал и вернул нож на место. Наступила полная тишина. Освещенный снизу колеблющимся пламенем свечей, Оскар казался персонажем картины Уолта Сиккерта, написанной на театральный сюжет: ведущий актер труппы стоит на авансцене и готовится произнести монолог, открывающий спектакль. Что, собственно говоря, и соответствовало действительности.

Оскар медленно обвел глазами всех собравшихся.

— Господа, — начал он, — благодарю вас за то, что вы любезно согласились принять мое приглашение, при том что я не имел возможности сообщить вам о предполагаемом ужине заблаговременно. По завершении трапезы я объясню вам причину, которая побудила меня собрать вас здесь, а также пригласить инспекторов Гилмора и Ферриса из Скотленд-Ярда. Мы от всей души приветствуем их на этой необычной встрече членов клуба «Сократ». — Под негромкий гул одобре-

ния Оскар коротко поклонился полицейским. — Они пришли не одни, — добавил он, повернувшись к двери. — Насколько мне известно, сегодня в отеле и около него находятся еще восемь полицейских. Одного из них вы легко узнаете, Роберт. — Он понизил голос и наклонился через стол, чтобы я его услышал: — Уродливый карлик из турецких бань оказался не убийцей, а полицейским агентом. И следил он не за нами, а за лордом Розбери. По всей видимости, бывший министр иностранных дел и его сотрудники находятся под постоянным надзором полиции...

Лорд Альфред Дуглас нетерпеливо переступил с ноги на ногу.

— Оскар, разве вы не сказали, что ужин можно подавать?

— Вы правы, Боузи. — Оскар улыбнулся своему молодому другу. — Вознесем же молитву и помолчим в память тех, кого мы потеряли со времени нашей последней встречи здесь двенадцать дней тому назад.

Оскар склонил голову и прикрыл глаза. Его длинные изящные пальцы впились в спинку стула. Мы стояли молча не меньше минуты, а затем Джордж Добни произнес:

— «In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti. Benedict, Domine, nos et haec tua dona, quae de tua largitate sumus sumpturi, per Christum Dominum nostrum»*.

Мы громко произнесли в унисон:

— Аминь.

Стоило нам сесть за стол, праздничное возбуждение, которое я ощутил сразу же по прибытии, вновь овладело всеми. Как только официант отеля подал *hors d'œuvres*, Альфонс Бёрд (единственный участник ужина, пришедший в смокинге) прошел вдоль стола, разливая по бокалам первое из ожидаемого набора вин.

* «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Благослови, Господи, нас и дары Твои, которые по Твоим щедротам мы будем вкушать, через Христа, Господа нашего» (*лат.*).

Это был великолепный искристый *crémant d'Alsace**, который прекрасно сочетался с икрой, омарами и маринованным тунцом. Я сидел напротив Уолта Сиккерта. Тот поднял бокал и произнес:

— Приговоренные к смерти наслаждаются последней трапезой.

Прихлебывая вино, я оглядел сидящих за столом, останавливая взгляд на каждом лице. Я решительно не видел убийцу: никто из присутствующих не был отмечен печатью Каина. Даже Херон-Аллен, который во весь голос делился со своим визави лордом Альфредом Дугласом сведениями о беспорядочной половой жизни самцов обезьян, обитающих в перуанских тропических лесах, даже он производил впечатление человека с совестью, не обремененной преступлением. Повсюду я видел только ни в чем не повинных людей, занятых оживленной беседой. На дальнем конце стола Чарльз Брукфилд дружески болтал с двумя полицейскими. Во главе стола Оскар с обаятельной улыбкой притянул к себе за рукава Джорджа Добни и Уилли Хорнунга, наклонился вперед и обратился к Дойлу:

— Как продвигается работа над скульптурой, Артур? Полагаю, конец близок.

— Да, я почти закончил. Это вам Туи сказала?

— Нет, но вы были с головой поглощены ваянием, и я предположил, что вы сами определили для себя дату завершения. Это будет подарок? Возможно, ко дню рождения?

— И опять вы правы. Но чей это день рождения? Способна ли ваша сила дедукции ответить на этот вопрос?

— Это конечно же дама, — сказал Оскар. — Ни один мужчина не станет прилагать столько стараний ради подарка другому мужчине.

* Эльзасский креман; по сути, это шампанское, но во Франции шампанским называют только вино, произведенное из винограда провинции Шампань.

— Если не считать портсигаров, которые вы дарили мне ко дню рождения! — воскликнул Боузи. — Притом очень красивых и с очаровательными надписями. — С этими словами он извлек портсигар из кармана и помахал им в воздухе.

Не обращая внимания на своего юного друга, Оскар продолжал говорить, обращаясь к Дойлу:

— Этой дамой не может быть ваша жена, Артур, — насколько я помню, день ее рождения в августе. Ею не может быть и ваша любовница — вы истинный джентльмен, и любовниц у вас никогда не было. Следовательно, подарок предназначен какой-нибудь родственнице... матушке, тетушке, сестре? — Оскар отпустил рукав Джорджа Добни и торжествующе стукнул рукой по столу. — У вас есть сестра, Артур? Думаю, есть.

— У Артура есть сестра, — радостно подтвердил Уилли Хорнунг, — и она очень красива. Очень, очень красива!

Оскар повернулся на стуле и посмотрел на молодого друга Дойла.

— Ах, Уилли, да вы влюблены в сестру Артура. У меня нет сомнений на этот счет. Попросите ее руки, друг мой, вот вам мой совет. Как раз в день ее рождения!

Уилли Хорнунг залился краской, а Конан Дойл рассмеялся и одобрительно постучал ладонью по столу. Между тем Оскар обратился к Бёрду, который как раз занял свое место между Чарльзом Брукфилдом и инспектором Гилмором.

— Бёрд! — крикнул он. — Бёрд! Что говорит Сократ о браке? Вы же учились классическим языкам в Нью-Колледже, кому же знать, как не вам?

Внезапно воцарилась тишина, и все взоры обратились на Альфонса Бёрда. Секретарь клуба с минуту колебался, после чего медленно поднялся из-за стола и повернулся к Хорнунгу.

— Я бы советовал вам жениться. С хорошей женой вы обретете счастье, а с плохой — станете философом.

— Именно! — воскликнул Оскар в полном восторге, и все участники застолья поддержали его смехом и аплодисментами.

Пока мы вкушали изысканные яства, в зале царил атмосфера легкого возбуждения. Однако по мере того, как блюда сменяли друг друга, а официант снова и снова наполнял наши бокалы удачно подобранным вином, взаимные уколы и дружеское подшучивание прекратились. Застольная беседа, впрочем, продолжалась, но приобрела более спокойный характер. В десять — я сидел рядом с Дойлом, который время от времени извлекал из жилетного кармана свой хронометр, — когда ростбиф уже убрали, но десерт еще не был подан, Оскар подозвал официанта и сделал распоряжения, причем шепотом и на ухо. А затем громко произнес, не обращаясь ни к кому определенно, но сразу ко всем:

— Я полагаю, что теперь, когда мы все успокоились, можно приступить к делу.

Глава двадцать седьмая

ОТВЕТЫ

Оскар отодвинул стул и аккуратно положил на стол салфетку. Альфонс Бёрд стоял рядом с ним, держа в руках бокал и графин с золотистым вином.

— Благодарю вас, Бёрд, полбокала достаточно. Нам предстоит важное дело.

Он постучал по столу кончиками пальцев и встал. Все умолкли. Тихо колыхалось пламя свечей.

Уолтер Сиккерт наклонился ко мне и прошептал:

— Представление начинается...

Чарльз Брукфилд, сидевший между полицейскими, поднес к губам сложенные рупором ладони и громко произнес:

— Кто убил попугая, Оскар? Вот что мы хотим узнать!

Оскар улыбнулся и наклонился, чтобы прикурить от свечи.

— Все в свое время, Чарльз, — ответил он мягко и, не переставая улыбаться, добавил: — Не будем опережать события. Мы непременно доберемся и до попу-
гая, но, с вашего позволения, Чарльз, начнем с самого начала.

Откинувшись назад, он на мгновение положил руки на плечи Джорджа Добни и Уилли Хорнунга, которые сидели соответственно справа и слева от него, потом оглядел стол и затянулся сигаретой. Убедившись, что глаза всех присутствующих устремлены на него, Оскар заговорил снова:

— Благодарю вас, господа, благодарю от всей души за то, что вы пришли сюда. — Голос его, мягкий и сочный, ласкал слух. Сиккерт однажды уподобил его «звуку виолончели, доносившемуся из соседней комнаты». — Я признателен каждому из вас. Если помните, во время последней встречи мы играли в предложенную мною игру под названием «Убийство», и она привела к непреднамеренным и воистину трагическим последствиям. Нет слов, чтобы выразить, сколь глубоко я сожалею о таком печальном исходе, и то обстоятельство, что я не желал этих последствий, не может служить извинением.

Инспектор Гилмор неловко заерзал на стуле.

— Очевидно, — продолжал Оскар, посмотрев на полицейского, — что все погибшие за последние тринадцать дней, за одним исключением, могли быть убиты и без какой-либо связи с тем воскресным ужином. Однако нельзя отрицать, что моя глупая игра положила начало цепочке ужасных происшествий, а поскольку идея игры принадлежала мне и только мне, я полагаю своей обязанностью разгадать тайну событий, которые за ней последовали. Я призвал вас сюда, господа, чтобы выполнить свой долг и сказать вам, кто из вас кого убил и почему он это сделал.

— Оскар, так вы утверждаете, что среди нас есть убийца? — спросил Уилли. Его лицо покраснело от возбуждения.

— Утверждаю.

Инспектор Феррис поднял руку, как робкий школьник, сидящий за последней партой.

— Но, господин Уайльд, зачем бы этому убийце сюда приходить, если вы можете его вот-вот разоблачить?

— Хороший вопрос, — пробормотал инспектор Гилмор.

— Из любопытства, — вполголоса сказал Чарльз Брукфилд. — Перед Оскаром устоять невозможно. Мы все ждем его слушать.

— К тому же Бёрд накрыл такой стол, — довольно проурчал лорд Альфред Дуглас, откинувшись на стуле и прикрыв глаза.

— Дело в том, что отказ от моего приглашения — как и бегство или попытка укрыться, — стал бы равнозначным признанию вины, — сказал Оскар, глядя на инспектора Ферриса. — Своим приходом сюда убийца пытается доказать свою невиновность. Такова его линия поведения. Он избрал ее с самого начала.

Вновь наступила тишина, и Оскар опустил взгляд на сидевшего справа от него distinguished Джорджа Добни. Тот улыбнулся ему в ответ, но улыбка преподающего показалась мне жалкой.

— Ваш бокал пуст, Джордж, — сказал Оскар. — Возьмите мой. — И Оскар вручил священнику свой бокал с золотистым вином. — Итак, начнем с самого начала, — продолжал он, — а именно с преподающего Джорджа... — Добни поднял бокал и снова улыбнулся. — Если вы помните, господа, во время нашей игры первым Бёрд вытащил из бархатного мешочка листок Джорджа Добни. Господин Добни написал на нем имя своей бывшей невесты мисс Элизабет Скотт-Риверс, тем самым назвав ее предполагаемой жертвой. Нам это известно с его собственных слов, которые он поспе-

шил произнести сразу же, а также повторил позже тем же вечером, твердя при этом, что он слишком много выпил, хотя по моим наблюдениям за все время ужина он выпил не более двух бокалов вина.

Добни пристально посмотрел на Оскара и поднес салфетку к влажным губам.

— Не забывайте, Оскар, что мы с вами друзья. Разве мы недостаточно хорошо знаем друг друга?

— Мне представляется, Джордж, что я знаю вас лучше, чем вы меня.

Джордж засмеялся и оглядел сидящих за столом.

— Но смерть Элизабет была несчастным случаем, — сказал он с жаром. — Спросите коронера. Спросите полицию.

— Это не был несчастный случай. — Оскар погасил сигарету в пепельнице. — Это было убийство, причем весьма продуманное. И план убийства возник у вас во время разговора с моей женой в тот же день, в воскресенье первого мая, в доме шестнадцать по Тайт-стрит.

Добни недоверчиво покачал головой:

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Прекрасно понимаете, Джордж, — невозмутимо сказал Оскар. — В тот день, во время званого чая, устроенного для сбора пожертвований, госпожа Уайльд рассказывала, чем занимается Общество рациональной одежды. По ее словам, только в Лондоне каждый год десятки женщин гибнут во время пожаров в собственных домах из-за того, что их платья загораются от пламени свечи или случайной искры, вылетевшей из камина. Это и навело вас на мысль убить свою бывшую невесту именно таким образом... Вы хотели навсегда избавиться от женщины, которая однажды разорила вас и могла сделать это снова. Вот так, совершенно того не желая, моя жена подсказала вам великолепный способ убийства. Констанция подала вам эту идею, Джордж. А я своей злосчастной игрой дал вам подходящий случай.

В полной тишине Оскар закурил вторую сигарету.

— Господин Уайльд, — обратился к нему инспектор Гилмор, — мне кажется, вы забыли, что мы нашли тело мисс Скотт-Риверс в доме, запертом изнутри. Я сам проверил все замки.

— Когда вы прибыли на место, инспектор, — возразил Оскар, — дом действительно оказался запертым изнутри. Но этого не было, когда к дому двадцать семь по Чейни-уок подошел господин Добни.

Феррис решительно отодвинул свой стул подальше от стола.

— Не беспокойтесь, инспектор, — сказал Добни, повернувшись к нему и поднимая бокал. — Я не собираюсь бежать. Мне нечего скрывать.

Оскар, прищурившись, посмотрел на священника:

— О нет, Джордж, вам есть что скрывать. А ваш генерал — если можно так назвать это свойство — состоит в умении казаться настолько открытым и искренним, что никто не может поверить в вашу способность творить зло...

— Да простит вас Господь, Оскар, ведь я думал, что мы друзья. — Добни покачал головой и осушил свой бокал. Он казался настолько спокойным, что поверить в его виновность было нелегко. Оглядев сидящих за столом гостей, он продолжил: — Дом был действительно заперт изнутри, господа, и огонь бушевал в полную силу, когда я пытался проникнуть туда через окно первого этажа. Жар и пламя отбросили меня назад. Будь это в моих силах, я бы спас Элизабет. Вот как все было.

— Нет, Джордж, все было не так. — Оскар снова повернулся к Добни, устремил на него твердый взгляд и не отводил глаз до конца своей речи. — Теперь я скажу вам, как все было на самом деле. В воскресенье первого мая около полуночи вы покинули отель «Кадоган», прошли по Слоун-стрит, пересекли Кингз-роуд и достигли набережной Темзы. Вы шли именно к дому двадцать семь по Чейни-уок, к дому мисс Элиза-

бет Скотт-Риверс. В окне гостиной вашей бывшей невесты вы увидели свет и, подойдя к двери, постучали. Хозяйка впустила вас сама, поскольку слуги в этот час отсутствовали. Мисс Скотт-Риверс была одна. Она сообщила вам об этом, и вы воспользовались столь удачным стечением обстоятельств. Вы убили ее сразу, на месте — безжалостно, жестоко, хладнокровно.

Добни дрожащей рукой вытер губы.

— Но как? — спросил он. — Как я ее убил?

— Этого я не могу сказать точно, — ответил Оскар. — Думаю, вы ее задушили. Когда нашли тело вашей невесты, ее глаза были широко раскрыты.

— Ужас, — прошептал Конан Дойл.

Оскар по-прежнему на спускал глаз с Джорджа Добни.

— Будет еще ужасней, Артур. — Он наклонился к священнику. — Убив мисс Скотт-Риверс, вы протащили ее тело через гостиную и положили рядом с камином. Потом вы вернулись к парадной двери и закрыли ее изнутри на замок и засов. Спустившись в подвал, вы убедились, что и там все двери — передняя и выходящая в сад — заперты на засов. — Оскар затянулся сигаретой. — Сцена была подготовлена... Вам оставалось вернуться в гостиную, чиркнуть спичкой — или вытащить щипцами из камина раскаленный уголь — и поджечь платье вашей жертвы... Прежде чем уйти, вы подождали, пока пламя разгорится. Когда огонь охватил тело женщины, вы разбили окно и вылезли наружу. А пожарные, которые с набережной увидели вас на карнизе, подумали, что вы пытаетесь проникнуть в дом, а не покинуть его, — именно так это выглядело в тот момент.

— Именно так это и было, — твердо сказал Добни.

— Нет, Джордж. Под окном на земле было слишком много битого стекла — так бывает, когда окно разбивают изнутри, а не снаружи.

— Это был несчастный случай, — настаивал Добни. — У нее загорелось платье!

— Если бы платье вспыхнуло в результате несчастного случая, тело не лежало бы у самого камина. Увидев, что ее одежда горит, женщина не остается рядом с источником пламени — она бежит прочь, она пытается спастись. Тело Элизабет Скотт-Риверс нашли у камина только потому, что его туда положили вы.

Арчи Гилмор встал и кивнул своему помощнику.

— Предъявите ему обвинение в убийстве! — распорядился он.

Оскар рассмеялся.

— И это не все! — Он поднял руку. — Мы еще не закончили!

Джордж Добни даже не сделал попытки двинуться с места. Он закрыл глаза.

— Мне плохо, — пробормотал он.

— Уведите его! — рявкнул Гилмор.

Оскар повернулся к полицейскому:

— Еще не все сказано, инспектор. У вас нет желания послушать дальше?

— Разве мы мало услышали? — спросил Конан Дойл.

— Достаточно, чтобы повесить преступника, это правда, — ответил Оскар. — Мы получили ответы на вопросы «что» и «как». Но мы не услышали ответ на вопрос «почему».

Я посмотрел на Оскара:

— Наверняка он убил несчастную, чтобы вернуть свое состояние, получить наследство...

— Вовсе нет, Роберт. В момент убийства Добни полагал, что Элизабет Скотт-Риверс уже изменила завещание. Он убил ее не ради денег — они стали случайным призом. Добни убил свою невесту из мести, а также, чтобы заставить ее молчать. Ведь она знала его тайну.

— У каждого из нас есть свои тайны, не правда ли? — со смехом сказал лорд Альфред Дуглас. Перегнувшись через сидевшего рядом брата, он вытащил сигару из нагрудного кармана Сиккерта.

— Это правда, — спокойно ответил Оскар. — Элизабет Скотт-Риверс узнала о тайне своего жениха за неделю до предполагаемой свадьбы. И она тут же, не разглашая этого, разорвала помолвку. Вскоре она — уже публично — вчинила ему иск за нарушение обещания жениться и выиграла процесс, разорив Добни. Он ничего не сказал в свое оправдание. Возникает вопрос — почему? Почему Джордж Добни, человек благородного происхождения, сын графа, холостяк и завидный жених, служитель церкви, помощник священника палаты общин, — почему он покорно принял унижение и разорение, которые ему принес этот судебный процесс? Ответ прост: из-за своей тайны он находился в безвыходном положении.

— Наверняка тут замешана женщина, — пробормотал Брэм Стокер. — Другого и быть не может.

— Или юноша, — предположил Чарльз Брукфилд. — У Оскара бывают странные друзья.

— Так в чем состоит эта тайна, Оскар? — Терпение Дойла истощилось. — Выкладывайте, старина, не мучайте нас.

Оскар откинул голову. Две голубоватые струйки дыма поднимались из его ноздрей.

— Джордж Добни зарабатывает на детской проституции. Его специальность — девочки. Он торгует девственницами, цена пять фунтов.

Добни молчал. Он сидел, закрыв лицо руками. За его стулом стоял инспектор Феррис.

— Откуда у вас эти сведения? — спросил Конан Дойл.

— Я почерпнул их из записок, — сказал Оскар.

— Из записок? — изумился Уилли Хорнунг.

— Из записок, — тихо произнес Уолт Сиккерт.

— Да, Уолт. — Оскар перевел взгляд на художника. — Мне сказали об этом записки. — Он осмотрелся. Глаза всех присутствующих, кроме Джорджа Добни, были устремлены на него. — За тем злосчастным ужином я заметил, что distinguished Джордж Добни

носит необычные — разные — запонки. Одна, серебряная, ничего собой не представляла, зато другая была очень изысканной: финифть с репродукцией моего любимого полотна — Пресвятой Девы кисти Беллини*. Когда я снова увидел Добни — через несколько часов, уже после пожара, он постучался в мой дом на Тайт-стрит, — запонок на нем вообще не было. Он их снял, и я задал себе вопрос: почему?

Оскар помолчал, выжидающе глядя на Сиккерта. Тот, однако, теревил усы и не говорил ни слова.

— Во время ужина в «Кадогане» запонки Джорджа Добни вызвали мое удивление потому, что я знал человека, у которого были весьма похожие запонки, — это мой друг, наш друг, художник Уолтер Сиккерт. — Оскар протянул руку в сторону Уолта.

— Я купил эти запонки у Добни, Оскар, как и говорил, когда отдавал их вам. — Сиккерт обвел нас глазами, в которых сквозило отчаяние. Он был очень возбужден. — На них была «Мадонна в скалах» Леонардо. Оскару они очень понравились, и я их ему отдал. А точнее говоря — продал.

— За пять фунтов, — сказал Оскар.

— Да, — подтвердил Сиккерт, — за пять фунтов. Столько я заплатил Добни. Я так вам и сказал.

— Вы сказали, что запонки обошлись вам в пять фунтов...

— Так и было!

— Но вы не сказали мне другого, Уолт. Продав вам эти запонки, Добни пообещал, что их доставит вам посылный особого рода — тринадцатилетний ребенок, девочка, несомненно девственница...

Сиккерт резким движением отодвинул стул.

— Я не тронул ее, Оскар, клянусь вам. Она была нужна мне в качестве натурщицы, и только. Я хотел

* Джованни Беллини (1430–1516) — итальянский художник, основатель венецианской школы живописи.

написать портрет девушки, которая вот-вот превратится в женщину. И мне для этого нужна была натурщица-девственница. Вот и все.

— Вы ее раздели?

— Она сама разделась. Я и пальцем ее не тронул, поверьте.

Оскар улыбнулся и закурил очередную сигарету.

— Я вам верю, Уолт. Вы мой друг, и я знаю вас как истинного джентльмена. Как ни странно, но я перед вами в долгу: вы помогли мне разгадать это дело. Я рад, что вы уступили моей просьбе и продали запонки, которые мне понравились. Случилось так, что я надел их в тот день, когда мы с Робертом Шерардом посетили французскую книжную лавку на Бик-стрит и встретили там Джорджа Добни. Он увидел на мне эти запонки и решил, что я тоже не отказался бы от девственницы за пять фунтов...

— Так, так... — пробормотал Чарльз Брукфилд.

— И вот вчера вечером Добни пригласил меня на Бик-стрит, провел в комнату наверху и познакомил с девочкой по имени Роза. Она говорила по-испански. Прехорошенький ребенок — огромные черные глаза с длинными ресницами, как у детеныша жирафа. Розе было от силы лет двенадцать. По словам Добни, она только что приехала из Мексики. Он звал ее *Nuestra Señora de Guadalupe**. Добни заверил меня, что он «обследовал» девочку и нашел, что ее юные груди «только-только сформировались и были верхом совершенства». Она, пользуясь его словами, была «выбрита в нужных местах» и «лишена физических дефектов». К девочке прилагалось особое свидетельство доверенной акушерки, согласно которому девственность Розы гарантировалась. Эту девственность он и предложил мне приобрести за пять фунтов, посулив в качестве подарка на память о нашей сделке очаровательные запонки.

* Божья Матерь Гваделупская (*исп.*).

— Горло! — закричал вдруг Джордж Добни, оторвав руки от лица. — Оно горит! И шея распухла.

— Шею вам скоро сломают, сэр, — сказал инспектор Скотленд-Ярда Гилмор. — Поставьте его на ноги, Феррис, и отведите к экипажу. Пусть держат его там, пока мы не освободимся. Скажите нашим людям, что ему будет предъявлено обвинение в убийстве. Об остальном — ни слова. Нам нужно, чтобы он пережил эту ночь.

Глава двадцать восьмая

ОТВЕТЫ, ОТВЕТЫ

Альфонс Бёрд вернулся на свой пост рядом с Оскаром с бокалом и графином золотистого вина.

— Вы не притронулись к вину, господин Уайльд, — сказал он.

Оскар улыбнулся и легко тронул руку секретаря клуба.

— Извините меня, Бёрд, я отдал его Добни. При сложившихся обстоятельствах он нуждался в нем более меня.

— Налить вам, сэр?

— Благодарю, полбокала достаточно. — Он повернулся к официанту, стоявшему у стены. — Будьте любезны, позаботьтесь о моих гостях, а затем присоединяйтесь к нам.

— Официант будет сидеть за столом? — спросил Херон-Аллен. На его бледном лице отразилось искреннее удивление. — Я восхищен вашим демократизмом, Оскар.

— Поистине вечер богат на сюрпризы! — воскликнул Боузи Дуглас, поднимая бокал и делая жест в сторону Оскара.

Чарльз Брукфилд наклонился ко мне и тихо сказал:

— По-моему, Оскар всегда был неравнодушен к лакеям, вы согласны?

— Демократизм тут ни при чем, — заметил Оскар, опускаясь на стул и поднимая бокал в ответ на жест Боузи. — Я суеверен. — Он посмотрел на пустой стул Джорджа Добни. — Ужин продолжается, и нас не должно быть тринадцать за столом.

— Уже довольно поздно, Оскар, — сказал Конан Дойл. — Разве мы еще не закончили?

Оскар поставил бокал и со смущенной мальчишеской улыбкой ответил доктору:

— Обещаю вам, Артур, очень скоро вы уже будете на пути в Южный Норвуд. Осталось прояснить совсем немного.

Конан Дойл вынул часы из жилетного кармана.

— Снимаю перед вами шляпу, старина. Добни вы прищучили мастера.

Оскар слегка поклонился.

— Должен признаться, Артур, прислушайся я к вам, мне удалось бы решить это дело раньше. Ведь вы не доверяли Добни с первого взгляда. Это вы сказали мне, что у него безвольный рот.

— Я так сказал?

— Да, сказали. Но меня — романтика — сбила с толку его связь с цирком! Развращенность я принял за повадки клоуна. Он был одновременно священником палаты общин и падре в цирке Эстли, и невероятность этого сочетания меня обезоружила.

С противоположного конца стола раздался голос Арчи Гилмора:

— Когда же вы заподозрили его, господин Уайльд?

— За ужином — он притворялся пьяным, хотя я видел, что он абсолютно трезв. Потом меня озадачили запонки. Они могли служить знаком, символом — чем-то вроде галстука клуба или университета. Однако я полагал, что он интересуется женщинами, а не детьми, и настоящие подозрения возникли и укрепились, только когда я увидел его с ребенком — девочкой, сестрой юноши, который работает в цирке. То, как он к ней

прикасался, меня встревожило. И эта тревога усилилась, когда я увидел, как он любуется фотографией этой девочки, изображенной в костюме Золушки со слезами на глазах.

В зал вернулся инспектор Феррис. Он излучал бодрость, румяное лицо сияло. От порыва холодного ночного воздуха заколебалось пламя свечей. Когда молодой полицейский вновь занял за столом место между мной и Чарльзом Брукфилдом, Оскар сделал знак официанту присоединиться к нам. Официант — крупный, чисто выбритый мужчина — скромно опустился на стул Добни справа от Оскара. Феррис шумно придвинул свой стул поближе к столу, потер руки и удовлетворенно кивнул Арчи Гилмору.

— Я надел на него наручники и посадил в карету. С ним трое наших — куда не денется. Ведет себя тихо, только твердит, что болен.

— Конечно же он болен, — сказал Чарльз Брукфилд.

— Вождение в крайнем своем проявлении — это болезнь. Или безумие. Или и то и другое, — заметил Оскар.

— Растлителей малолетних наказывают плетьюми, я не ошибся? — спросил Брукфилд.

— А кого закон относит к малолетним? — поинтересовался Брэм Стокер.

— Детей до пятнадцати лет, — сказал лорд Драмланриг. — Согласно поправке тысяча восемьсот восемьдесят пятого года к Уголовному кодексу этот возраст увеличен с тринадцати лет до пятнадцати.

— Вы прекрасно осведомлены, милорд, — сказал Брукфилд, иронично подняв бровь. — Поправка тысяча восемьсот восемьдесят пятого? Та самая, которая ввела каторжные работы за мужеложество?

— Она призвана защитить юных и беспомощных, — ответил Драмланриг, не замечая насмешки. — В немалой степени принятием этой поправки мы обязаны лорду Розбери.

— Ай да Примроуз! — сказал Брукфилд и поднял бокал, кивнув Драмланригу.

— Джорджа Добни, господин Брукфилд, успеют повесить еще до плетей — если его вина в убийстве будет доказана, в чем я не сомневаюсь. Господин Уайльд привел весьма убедительные соображения. — Гилмор посмотрел на Оскара. — Утром нам понадобятся ваши показания по этому делу, господин Уайльд.

Оскар кивнул:

— Разумеется, инспектор. Господин Шерард вел записи, и они, я надеюсь, покажутся вам весьма полезными.

— Но остается вопрос, — возбужденно заговорил Уилли Хорнунг, прикурив от сигареты Оскара, — совершил ли Джордж Добни и второе убийство из списка? Убил ли он лорда Эйбергордона? Ведь в качестве священника палаты общин он имел доступ и в палату лордов.

Оскар усмехнулся и похлопал ладонью по руке Хорнунга:

— Нет, Уилли. Насколько я понимаю, на этот раз врачи не ошиблись: лорд Эйбергордон был в весьма преклонных годах и скончался во время сна. Это была естественная смерть. Никто его не убивал.

— Но Сапалатте убили, — решительно сказал Херон-Аллен, ударив кулаком по столу. — В этом нет ни малейших сомнений. Мы там присутствовали. И Добни там тоже был. Мог он убить Сапалатте?

— Нет! — воскликнул инспектор Гилмор. От волнения он сломал карандаш, который держал в руке. — Нет, — повторил он уже спокойнее. — Этого просто не может быть.

— Инспектор прав, — сказал Оскар. — Добни не убивал Сапалатте, хотя не исключаю, что причины для этого у него были: Сапалатте мог кое-что знать о тайной жизни Добни. Выведывать чужие тайны — это профессия полицейского осведомителя. Да, Добни на-

ходилась рядом с Сапалатте в последний момент. Эдвард не ошибся, мы видели его в раздевальне, и на руках преподобного была кровь Сапалатте. Добни мог вдавить лезвия глубже в кисти умирающего, но он не вставлял их в перчатки. Убийцей Сапалатте был другой человек.

— Ну а Бредфорда Пирса не он ли убил? — спросил Уилли Хорнунг.

— Нет, — заговорил вдруг официант, сидевший по правую руку от Оскара, — Джордж Добни не убивал Бредфорда Пирса. — Глубокий низкий голос с мягкими модуляциями показался мне странно знакомым. — Рад сообщить вам, что меня никто не убивал.

— Боже! — воскликнул Брэм Стокер.

— Потрясающе! — Уолт Сиккерт бросил сигару, встал и двинулся вокруг стола с распростертыми руками. — Друг мой! — восклицал он. — Мой воскресший Лазарь!

Бредфорд Пирс поднялся со своего места и поблагодарил присутствующих за аплодисменты. Он обнял Сиккерта как брата после долгой разлуки.

— Подумать только, — рокотал Брэм Стокер, — вы здесь были весь вечер, подавали нам суп, резали ростбиф, разливали вино...

Бредфорд Пирс повернулся к Стокеру:

— Правду говорят, Брэм, — официантов никто не замечает!

— Ну и ну! — сказал Конан Дойл и спрятал часы в карман. — Южный Норвуд подождет. Расскажите нам свою историю, Бред. Что с вами произошло? Не томите нас.

— Свою историю? «Это повесть, рассказанная дураком»*. — Пирс все еще обнимал Уолта Сиккерта за плечи. — Я был полным идиотом, Артур. — Выпустив

* Цитата из «Макбета» У. Шекспира, акт V, сц. 5, перевод М. Лозинского.

наконец Уолта из объятий, он виновато поклонился всем нам. — Да, господа, я повел себя как глупец — по отношению к самому себе и по отношению к своим друзьям.

Уолт Сиккерт придвинул к себе один из стульев, стоявших у стены, и устроился на нем между Оскаром и Пирсом.

— Не надо извиняться, Бред, — мягко сказал он. — Мы рады вас видеть, пусть и без вашей бороды.

— И все же я виноват перед вами, — сказал Пирс, снова сядя на свое место. — Ведь я заставил своих друзей тревожиться безо всякого на то основания.

— Так что же все-таки произошло? — повторил свой вопрос Конан Дойл, глядя актеру прямо в глаза.

— Все очень просто, — заговорил Пирс. Он сидел очень прямо, расправив широкие плечи. — В тот вечер, когда мы играли в предложенную Оскаром игру, я выбрал в качестве жертвы самого себя. Я сделал это отчасти ради развлечения, а отчасти потому, что жизнь — в тот момент, по крайней мере, — мне действительно была не мила. Я оказался по уши в долгах, господа, я буквально утонул в них. Знаю — такова обычная судьба актера, я привык к этому состоянию и, как правило, переношу его спокойно, благо у меня есть верные друзья и господин Ашман неизменно проявлял ко мне сочувствие. Но в тот вечер я чувствовал себя подавленным. — Он посмотрел сначала на Оскара, потом на Уолта и крепко пожал им руки. — Те, кому нужна в деньгах знакома не понаслышке, прекрасно поймут меня. — Он обратил дружелюбный взгляд на братьев Дуглас и улыбнулся им. — Ну а те, кому эта нужда неведома, не поймут вовсе. — Пирс глубоко вздохнул и провел ладонью по лицу. Без бороды он выглядел значительно моложе.

— Наутро после нашего ужина здесь, в «Кадогане», я отправился в Истборн — мне предстояло играть в «Самом грязном убийстве», нелепой мешанине, которую в

театральном мире прозвали «Самой гнусной пьесой». Премьера состоялась в понедельник, зрителей набралось мало, и успеха спектакль не имел. В четверг я сидел в гримерной театра Девоншир-парка в отчаянии от своей бесцельной жизни, от долговой пучины, в которую был погружен, и просматривал позаимствованную у кого-то местную газету. И вот там, на соседних страницах, я прочитал о смерти наследницы значительного состояния мисс Элизабет Скотт-Риверс и члена кабинета министров лорда Эйбергордона. И тут же в моей голове созрел план: я последую за ними! Ведь и я могу стать одной из «жертв» клуба «Сократ». Если умрет Бредфорд Пирс, разве не умрут вместе с ним его долги? Все казалось ясным и простым. Я должен исчезнуть в ту же ночь — броситься с обрыва на мысе Бичи-Хед. — Пирс театральным жестом показал на Дойла. — Бичи-Хед — это ваша идея, Артур. Ей я обязан именно вам!

Конан Дойл со смехом погладил свои усы.

— Так это я во всем виноват?

— Нет, — громко, как со сцены, признал Пирс, — это целиком моя глупость. Мне показалось, что я разом стану свободен. Разделаюсь с Бредфордом Пирсом — и начну все сначала, в Америке. Новая жизнь под новым именем в Новом Свете! Таков был план. — Пирс снова оглядел собравшихся за столом. Его глаза блеснули. — Разве каждый из нас не мечтал о чем-нибудь подобном?

Оскар тихонько постукивал сигаретой по крышке портсигара.

— Только отчаявшиеся люди пересекают Атлантический океан, — сказал он. — Если у человека хватает денег на билет до Америки, ему конечно же не следует туда плыть.

Бредфорд Пирс посмотрел на Оскара и расхохотался.

— Мой план, разумеется, провалился. Его расстроил, чего и следовало ожидать, господин, сидящий слева от меня.

Оскар с улыбкой закурил очередную сигарету.

— Вы забыли, Бред, что и я — человек театра. Я пишу пьесы. Я на короткой ноге с мелодрамой. Для меня нет секретов в фарсе. А в вашем плане прослеживаются элементы обоих этих жанров. Он оказался слишком театрален, чтобы стать хоть в малой степени убедительным. Поскольку вы актер, вам нужны зрители. Вы непременно хотели, чтобы ваше исчезновение вершилось на наших глазах, а потому завлекли нас с Уолтом Сиккертом в Истборн с помощью намеренно двусмысленного письма. Затем, на сцене, при выходе актеров на поклон, вы исхитрились исчезнуть буквально у нас на глазах. В примерной вы оставили для нас сообщение из единственного слова — «Прощайт», — написанного гримом на зеркале. Чтобы придать своему спектаклю больше напряжения и показать, что вам пришлось бежать в спешке, вы оставили слово неоконченным... Однако ни о какой спешке речи не шло. Вы собрали вещи и прихватили все ценное, что у вас было.

— Но я же бросил саквояж у обрыва, — возразил Пирс.

— Да, — сказал Оскар и шутливо погрозил ему пальцем. — Вы оставили саквояж там, где мы могли его найти, и положили в него достаточно бумаг, чтобы убедить нас в принадлежности этого саквояжа именно вам. Там оказались текст пьесы, ненужные счета, кое-какие старые деловые письма, но, рассматривая содержимое саквояжа, я чувствовал, что передо мной просто театральный реквизит, призванный создать эффект правдоподобия. Там не было ничего, что могло представлять для вас подлинную ценность, — ни личной переписки, ни дневника, ни залоговых квитанций, ни коробки с гримом. Путешествующий актер не может относиться с небрежением к такой вещи, как коробка с гримом, и вы свою не бросили на произвол судьбы. Я знал, Бред, что вы живы и просто залегли на дно.

— Оскар, в интеллекте вам нет равных! Потрясающий анализ! — Глаза Пирса горели от восторга.

— В интеллекте — допустим, — сказал Оскар, — но не в смелости. Да и в анализе есть погрешности. Как вам известно, я испытываю слабость к красоте, а также безотчетный страх перед уродством. Вот почему мне не удалось с первого раза найти вас в вашем убежище.

— Вы теряете эти свойства, Оскар! — заявил лорд Альфред Дуглас, откинувшись на стуле и передвинув сигару из одного угла рта в другой.

— Не все из нас в достаточной степени осведомлены об эстетических предпочтениях Оскара Уайльда, — ядовито заметил Чарльз Брукфилд.

Оскар чуть нагнулся вперед и погасил сигарету.

— Бредфорд укрылся на маяке «Белль ту», расположенном на утесе Семи Сестер, что в миле от Бичи-Хеда. Сооружение это на редкость безобразно, и у его зрителя — человека доброго, я уверен, — отталкивающая внешность. В день исчезновения Бредфорда я побывал на маяке вместе с присутствующими здесь Уолтом Сиккертом и Робертом Шерардом. Теперь я понимаю, что увиденный нами мужчина в окне и был Бредфорд Пирс, который успел сбрить бороду. Тогда же я предпочел поскорее уехать оттуда. Зритель показался мне чудовищно уродливым — одноглазый скособоченный карлик, и пребывание там становилось для меня мучительным. Это было ошибкой, я повел себя глупо. Сегодня я вернулся на маяк «Белль ту», нашел там — как и ожидал — Бреда и привез его сюда.

— Я рад, что вернулся, — признался Бредфорд Пирс и с благодарностью положил широкую ладонь на плечо Оскара.

— А как обстоят дела с вашими денежными затруднениями? — обеспокоенно спросил Брэм Стокер.

— Пусть мир летит в тартарары, я знаю правила игры, коль денег нет, то нет и долга, а смерти всем нам ждать недолго!* — с чувством произнес Уолт Сиккерт и потянулся к своему бокалу.

* Строки из стихотворения английского поэта и драматурга Джона Хейвуда (1497–1580).

Бредфорд Пирс посмотрел на Брэма Стокера.

— С ними все улажено, — ответил он. — Благодаря щедрому покровителю.

— Долги были не так уж велики, — заметил Оскар. — Они просто казались такими.

— Оскар погасил их, — пояснил Бредфорд. — Он выписал мне чек на тринадцать гиней.

— Я как раз ожидаю поступления скромной суммы, — сказал Оскар и улыбнулся.

Сиккерт вскочил на ноги.

— Так возвеселимся же, друзья! — крикнул он. — И выпьем за возвращение блудного сына. Прошу всех встать и наполнить бокалы. Господа, позвольте представить: Бредфорд Пирс!

Мы все встали и протянули поднятые бокалы к широченной груди актера, который застыл перед нами с сияющими от счастья глазами.

— Ваше здоровье, Бредфорд, — сказал Оскар, осушая бокал.

— И ваше, Оскар, мой дорогой и верный друг.

Глава двадцать девятая

ТРИНАДЦАТЬ ГИНЕЙ

— Мне пора идти, — решительно сказал Конан Дойл, поднимаясь. — Мир, конечно, может лететь в тартарары, но завтра утром у меня важное дело. — Он снова достал из кармана часы. — Уже почти полночь, обычно я в это время давно в постели.

— Задержитесь до двенадцати, Артур. — Оскар обогнул стол, подошел к Дойлу и положил руки ему на плечи. — Я не прошу большего. Оставайтесь до боя часов. По крайней мере, вы сможете увидеть, дожил ли я до конца дня.

— Вы доживете до конца дня, Оскар. — Артур рассмеялся. — Вам суждено жить вечно.

— О нет! — воскликнул Оскар, протягивая другу раскрытую ладонь. — Моя линия жизни внезапно обрывается. Госпожа Робинсон разглядела неисчислимые бедствия на моей руке.

Конан Дойл отвел руку Оскара.

— Не доверяйте предсказателям, Оскар. — Артур был серьезен. Он оглядел присутствующих, глубоко вздохнул и поклонился. — Прощайте, господа, — сказал он негромко.

Все, за исключением инспекторов полиции и Альфонса Бёрда, вернулись на свои места. Бредфорд Пирс и Уолт Сиккерт занялись напитками и пустили по кругу графин с портвейном, мадерой и бренди. Боузи закурил еще одну сигару Уолта. Чарльз Брукфилд что-то набрасывал в записной книжке. Бёрд за служебным столиком готовился подать десерт — фрукты и сыр.

— Мы тоже уходим, господин Уайльд, — объявил инспектор Гилмор. — Служба. Необходимо водворить Добни в камеру.

— А как же обещание оставаться со мной до полуночи, инспектор? — сказал Оскар. — Вы о нем забыли?

— Я уверен, что вы в полной безопасности, господин Уайльд, — ответил полицейский. — Вот уж не думаю, что вас убьют прямо здесь.

— Не думаете? — спросил Оскар. — А у меня этой уверенности нет.

Не замечая протянутой инспектором руки, он направился к своему месту во главе стола.

— Вы обещали оставаться здесь до полуночи, господа, — повторил Оскар. — И я буду признателен вам обоим, если вы сдержите слово.

— Вы тоже должны остаться, доктор Дойл! — воскликнул лорд Альфред Дуглас. — Иначе нас снова будет тринадцать за столом.

Полицейские молча вернулись на свои места. Артур Конан Дойл медленно покачал головой, убрал часы, поправил жилет и снова сел.

Альфонс Бёрд расставил на столе вазы с фруктами и блюда с сыром и тоже занял свое место между Чарльзом Брукфилдом и Арчи Гилмором. Внезапно четыре свечи, стоявшие на столе, вспыхнули ярким светом и тут же погасли. Наполненная дымом комната погрузилась в сумрак и тишину.

— Благодарю вас за ваше долготерпение, господа, — спокойно сказал Оскар. — Я буду краток и, как обещал, закончу к полуночи.

— Рад это слышать, Оскар, — заметил Конан Дойл, барабанив пальцами по столешнице. — Что еще вы хотите нам поведать?

— Всего лишь правду о Джарвисе Сапалатте, — коротко ответил Оскар.

— Но о Сапалатте мы знаем всё, господин Уайльд, — сказал Арчи Гилмор. — Не забывайте, что он был одним из наших людей.

— Вы многое знаете о Сапалатте, инспектор, но, боюсь, не всё. — Оскар повернулся к Альфонсу Бёрду, который не сводил с него глаз. — У вас при себе часы, Бёрд? Сколько сейчас времени — мне надо знать точно?

— У меня нет часов, господин Уайльд, — ответил секретарь клуба, — но я хорошо вижу те, что висят на стене за вашей спиной. Они показывают ровно без десяти минут двенадцать.

— Помогите мне сдержать слово, Бёрд. Сообщите, когда отпущенное мне время будет заканчиваться.

— Как вам угодно, господин Уайльд, — сказал Бёрд. Он сложил вместе кончики пальцев, прижал сомкнутые ладони к губам и слегка сощурил глаза, устремив их на Оскара. Я огляделся. Все повернули головы и внимательно смотрели на хозяина вечера. Оскар в который раз безраздельно владел нами.

— Иногда мне кажется, — заговорил он, следя, как струйка дыма от его сигареты, прихотливо извиваясь, медленно поднимается к потолку, — иногда мне ка-

жется, что Бог, создавая человека, переоценил Свои способности. Джарвис Сапалатте получил от Всевышнего множество даров. Начнем с того, что он родился в Дублине. Господь наделил его острым умом и умением располагать к себе людей. Ему были даны физическая сила, смелость и — пусть своеобразная — физическая красота. Как личность он отличался яркой индивидуальностью — даже оригинальностью. Как боксер он обладал мощью и отвагой. Но как человек он имел весьма своеобразный дефект: он был лишен каких-либо чувств. Предметом его внимания и заботы был исключительно он сам.

Джарвис Сапалатте, как мы знаем, успел побывать помощником иллюзиониста, иллюзионистом, ярмарочным актером, полицейским, профессиональным боксером и полицейским осведомителем. А кроме того — по своей внутренней природе и по призванию, — он был безжалостным и беспринципным шантажистом.

Арчи Гилмор беспокойно задвигался на стуле.

— Вы уверены в этом, господин Уайльд?

— О да, — ответил Оскар, не задумываясь, и затянулся сигаретой. — Он поневоле проявил свою истинную сущность перед моим другом Робертом Шерардом при первой встрече с ним, когда пересказал ему печальную и отвратительную историю об отце моей жены... Он пытался запугать моего друга лорда Драмланрига, назначив ему встречу на Вестминстерском мосту и излив яд в его уши...

— Яд, пахнувший Примроузом, я полагаю, — пробормотал Чарльз Брукфилд.

— Именно, — подтвердил Оскар. — Чем более возмутительным и скандальным был слух, тем с большим энтузиазмом им торговал Сапалатте. Ему было известно все обо всех. Обо мне он знал больше, чем я сам! И свои сведения он умело использовал — чтобы сначала войти в доверие и очаровать, а затем запугать.

Сапалатте был человеком, который использовал других, использовал их слабости ради своей выгоды — и своего удовольствия. И не было человека, которого бы он использовал с большей жестокостью, чем несчастное создание, которое сейчас сидит напротив меня, — ночной распорядитель этой гостиницы, секретарь нашего клуба, человек, внимательно следящий за отпущенным мне временем, господин Альфонс Бёрд.

Все присутствующие повернулись и устремили взгляды на скелетоподобную согбенную фигуру Бёрда, прижавшего к губам словно для молитвы сведенные пальцы. Он оставался недвижим, по-прежнему не сводя глаз с Оскара.

— Именно Бёрд и убил Джарвиса Сапалатте. Альфонс Бёрд, рожденный джентльменом, но никогда не живший, как пристало джентльмену. Бёрд, искусный иллюзионист, но лишенный того, что великий Джон Маскелейн называл «божественной искрой». Бёрд, который был другом и партнером Сапалатте, пока тот не бросил его, чтобы добиваться собственного успеха. Бёрд, джентльмен, которого с самого начала и до конца подвергал унижению джентльмен наполовину.

Когда они оба были молодыми, Джарвис Сапалатте использовал Альфонса Бёрда походя, беспечно, даже не задумываясь об этом. Через двадцать лет он по-прежнему продолжал использовать старого друга — ночного распорядителя фешенебельного отеля, посвященного во многие тайны, что не редкость для ночных распорядителей отелей, — когда ему только вздумается, чтобы завязать полезные знакомства и получить нужные сведения.

Но со временем, как обычно бывает, терпению Бёрда пришел конец. Когда в тот злосчастный воскресный вечер мы играли в игру под названием «Убийство», Альфонс Бёрд назвал своей жертвой Сапалатте — это несомненно. Собирая в качестве секретаря клуба листки у всех участников игры, Бёрд обнаружил, что эту

жертву выбрали еще двое. И тогда в его мозгу промелькнула мысль: если еще кто-то ненавидит Сапалатте, если и другие желают ему смерти...

Бёрд собирал листки у всех сидевших за столом. Он опускал их в бархатный мешочек и при этом успел заметить, что два листка были пустыми. И вот, неожиданно для самого себя, он пошел на риск. Читая перед всеми собравшимися имена на листках, причем необязательно в том порядке, в котором вытаскивал эти листки из мешка: ловкость рук — неперменная часть его профессиональных навыков, Бёрд решил объявить, что второй пустой листок на самом деле стал еще одним — четвертым! — с именем Сапалатте. Этим он хотел создать впечатление, что Джарвис Сапалатте, его друг, находится в окружении врагов...

Так что в тот вечер, когда все мы играли в свою игру, Альфонс Бёрд играл в свою — лелеял мысль об убийстве Джарвиса Сапалатте. Тогда, я думаю, это было просто фантазией, опасной, но притягательной мечтой. Но уже в понедельник, когда он услышал о смерти Элизабет Скотт-Риверс, и во вторник, когда он узнал о смерти лорда Эйбергордона, Бёрд понял: эта мечта может воплотиться в жизнь. Он внезапно почувствовал, что судьба дает ему шанс. И Бёрд решает воспользоваться благоприятным моментом. Он убивает своего попугая.

— Это вряд ли можно считать преступлением, — заметил Боузи Дуглас. — Попугай был существом отвратительным во всех отношениях.

— Но Бёрд любил своего попугая, — сказал я, обращаясь к Оскару. — Нам все об этом говорили.

Оскар посмотрел на меня с улыбкой.

— Поскольку Бёрд любил попугая, а попугай любил Бёрда и не боялся его, он смог взять птицу в руки и свернуть ей шею, так что попугай не издал ни звука, не забил крыльями, не поднял ни малейшего шума. — Оскар оглядел зал: было видно, что он доволен со-

бой. — Я знал, что птицу убил, скорее всего, Бёрд, потому что только он мог сделать это тихо.

Чарльз Брукфилд положил свою записную книжку на стол.

— Вы утверждаете, что попугая убил господин Бёрд? — спросил он.

— Именно так, Чарльз, — сказал Оскар, делая последнюю затяжку. — Именно поэтому я посадил его справа от вас. — Он потушил сигарету. — Все-таки за это право вы платите тринадцать гиней.

Брукфилд повернулся, выпрямился на стуле и внимательно посмотрел на Альфонса Бёрда, слегка склонив голову сначала на одну сторону, потом на другую — так обычно оценивают выставленный на аукцион лот или скульптуру неизвестного автора. Впрочем, Бёрд не шелохнулся. Застывшее лицо ничем не выдало его чувств. Инспектор Гилмор отодвинулся от стола.

— Мой страж времени молчит. — Оскар через плечо посмотрел на часы, висевшие над дверью. — Еще три минуты, и я закончу. — Он заговорил чуть громче и быстрее: — Альфонс Бёрд убил Капитана Флинта во вторник утром, третьего мая, в своем кабинете. Он сделал это голыми руками, потом вырвал перья из спинки и выжал немного крови бедной птицы в серебряную фляжку — вот такую. — С этими словами Оскар одной рукой распахнул свой сюртук, а другой вынул из внутреннего кармана изящную серебряную фляжку. — Не забывайте, господа, что Альфонс Бёрд — иллюзионист, ученик самого Джона Маскелайна. Ему может не хватать «божественной искры», но наставником Бёрда был великий мастер. Тело птицы, кровь и перья он спрятал в ящике своего письменного стола до того момента, когда все это ему понадобилось. Незадолго до трех пополудни, когда в вестибюле никого не было, он выскользнул из своего кабинета и — во мгновение ока — сотворил чудовищную сцену кровавого побоища,

которую несколько минут спустя наблюдали моя жена и Эдвард Херон-Аллен.

Бёрд, как был и Джаспер Сапалатте, — мастер эффектных сцен. Однако, в отличие от Сапалатте, как он сам признался, у Бёрда не хватает смелости. Он встал на тропу убийств, покончив с Капитаном Флинтом, но не мог убедить себя продолжить этот путь, пока не услышал об исчезновении и предполагаемой гибели Бредфорда Пирса. Только тогда, но отнюдь не раньше, Бёрд решил, что боги поистине на его стороне. Впрочем, боги откликаются на наши молитвы, только желая наказать нас...

Оскар взял со стола серебряную фляжку и медленно повернул ее в руках.

— Пусть Альфонсу Бёрду не хватает куража, но мастерства и изобретательности ему не занимать. Он убил Джарвиса Сапалатте совершенно оригинальным способом. Разумеется, он мог убить его и на Тайт-стрит во время своего представления, но там все было бы слишком явно, его могли легко разоблачить: ведь Бёрд сам присутствовал на сцене и стал бы главным подозреваемым. Нет, Бёрд замыслил убить Сапалатте на расстоянии, когда тот будет окружен почитателями, на «Ринге смерти» цирка Этли, в то время как сам он находится далеко, в отеле «Кадоган», в присутствии многочисленных свидетелей. Как и все лучшие трюки иллюзиониста, убийство Джарвиса Сапалатте было совершено с пленительной простотой. Главным стала сама идея, исполнение же не требовало никаких усилий. Бёрду оставалось лишь поработать с боксерскими перчатками и отправить жертву навстречу судьбе...

— В перчатках были шпоры боевых петухов? Я прав? — спросил Эдвард Херон-Аллен.

— Нет, — ответил Оскар. — Это были фрагменты ножа самодельной гильотины, которую нам показали во время представления на Тайт-стрит.

Часы над дверями начали бить. Арчи Гилмор и Роджер Феррис встали и заняли место по обе стороны от Альфонса Бёрда.

— Полночь, — сказал инспектор Гилмор.

— Да, — негромко произнес Оскар, — полночь... И похоже, я еще жив.

Артур Конан Дойл отодвинул свой стул от стола.

— Вас это удивляет? — спросил он.

Оскар засмеялся:

— Я бы не сказал, Артур, но, возможно, это удивляет господина Бёрда.

Гилмор и Феррис взяли под руки Бёрда, который казался совершенно безразличным к происходящему, и заставили его встать. Он не сопротивлялся. Лицо секретаря клуба было бесстрастным.

— По-моему, — продолжал Оскар, — господин Бёрд рассчитывал, что к этому времени и я буду мертв или близок к смерти. Он не избирал меня своей жертвой, но после того, как с Джарвисом Сапалатте было покончено, он не видел никаких причин, почему бы мне не стать следующим.

Полицейские грубо завели руки Бёрда за спину. Феррис достал из кармана наручники и защелкнул их на запястьях арестованного.

— По мнению Бёрда, — сказал Оскар, — жизнь оказалась к нему неблагосклонна, как и я не был добр к нему. Красота, наполняющая мою жизнь, в то же время делает его жизнь безобразной. Я смотрел на него свысока, пренебрегал им, относился к нему как к слуге, в то время как он — человек классического образования и джентльмен... Но на самом деле Альфонс Бёрд отнюдь не джентльмен. Нат, посыльный из этого отеля, — джентльмен. Антифол, черный мальчик из цирка Этли, — джентльмен. Брайан Флетчер, юный актер, которого мы встретили на пути к мысу Бичи-Хед, — он тоже джентльмен! Но кто тогда Альфонс Бёрд? Да то же самое, что и большинство убийц и бандитов: жал-

кое создание, бледное и трепещущее от страха ничтожество, обуреваемое ненавистью, жертва презрения со стороны окружающих, которое он же себе вообразил. Но он не джентльмен, господа, и отнюдь не образованный человек.

— Мы забираем его с собой, господин Уайльд, — сказал Арчи Гилмор, подталкивая Бёрда к выходу.

Между тем Оскар продолжал свою речь, и теперь его было не остановить.

— Бёрд сказал мне, что провел семестр в Оксфорде, но я сразу же понял, что это ложь. На мой вопрос, в каком колледже он учился, Бёрд коротко ответил — в Нью. Ни один студент Нью-Колледжа не назовет его просто «Нью».

Гилмор и Феррис подвели Альфонса Бёрда к двери.

— Прощайте, господа, — сказал инспектор Гилмор. — Мы свяжемся с теми из вас, от кого потребуем письменные показания.

— Я думаю, вам понадобится и вот это, — сказал Оскар, подняв серебряную фляжку так, чтобы инспектор мог ее увидеть.

— Что это?

— Улика, как я думаю. В этой фляжке находится вино, которое господин Бёрд сегодня налил в мой бокал. Точнее говоря — во второй бокал. Вино из первого я дал выпить Добни еще до того, как понял, что оно отравлено.

— Что вы такое говорите, господин Уайльд? — раздраженно спросил Гилмор.

— Я говорю, что, хотя Альфонс Бёрд и не умудрен в классической филологии, он тем не менее способен оценить и воспроизвести эпизод античной истории. Коль скоро я — основатель клуба «Сократ», а он — его секретарь, Бёрд решил, что мне пристало умереть подобно Сократу. Он предпринял попытку убить меня за этим ужином с помощью сока цветка, произрастающего на его участке земли, — *conium maculatum*, ядови-

того болиголов. Впрочем, я не собираюсь выдвигать против Бёрда обвинения, ибо выпил всего лишь каплю.

— А Добни? — Конан Дойл встал и направился к выходу. — Я должен его осмотреть.

— Да, доктор, — сказал Оскар. — Это не лишне. Хотя я не думаю, что ему грозит смертельная опасность. Я попробовал вино — в нем недостаточно яда, чтобы убить взрослого мужчину. Секретарь нашего клуба принадлежит к тем жалким неудачникам, которые ни одно дело не могут довести до желаемого конца. Я не исключаю, что и Сапалатте мог бы остаться в живых после сурового испытания на Ринге смерти, не оказись рядом с ним Добни, который загнал лезвия поглубже в руки боксера. Бедняга Бёрд! Уведите его. Воистину он лишен «божественной искры».

Гилмор и Феррис вывели Бёрда из комнаты. За ними последовал Конан Дойл, предложив Уилли Хорнунгу составить ему компанию.

— Да, да, я иду, — сказал молодой человек, поправив пенсне и махнув нам на прощание. — Что за вечер, Оскар! Совершенно незабываемый. Благодарю вас!

Оскар стоял во главе стола, бессильно опустив руки. Ему было всего тридцать семь лет, но внезапно он показался мне старым и измученным. Лицо моего друга, которое совсем недавно, во время его захватывающей речи, лучилось энергией, вдруг потускнело. Оживление пропало, краска сбежала со щек. Он растерянно оглядывал зал из-под полуопущенных век. Когда он доставал из портсигара очередную сигарету, я заметил, что его пальцы дрожат.

— Вечер и в самом деле необычный, — бодро сказал Эдвард Херон-Аллен, подойдя к Оскару и тепло пожав ему руку. — Друг мой, вы удивительный человек... Ваши способности поражают!

— И ко всему он еще сочиняет пьесы, — добавил Боузи, с видом собственника поправляя галстук Оскара. — В наш век прерафаэлитов он воистину человек эпохи Возрождения!

— Поздравляю, Оскар, — сказал лорд Драмланриг. — Это просто *tour de force**. Вам следовало стать юристом. Жаль, что вы не пошли по этому пути. Может быть, вам стоит заняться политикой? Я не шучу — лорду Розбери очень нужны такие люди, как вы.

Оскар грустно улыбнулся.

— Политика... — начал было он, но замолчал, покачивая головой. — А к законникам я отношусь с большой осторожностью... — Он снова замолчал, и я уловил страх в его взгляде: чувствовалось, что Оскар ищет слова для афоризма — и не находит.

— Сегодня мы ночуем у матушки, — сказал Боузи и поцеловал Оскара в щеку. — Увидимся завтра. Пообедаем в «Кафе ройял», как договорились, хорошо?

— Да, разумеется, — ответил Оскар. — В час.

— Доброй ночи, Оскар, — сказал лорд Драмланриг.

— А если увидите отца, — добавил Боузи, увлекая за собой брата к выходу, — убейте его за меня. Я вряд ли решусь сделать это сам — вдруг вы возьметесь расследовать это дело.

Оскар улыбнулся и проводил взглядом братьев, которые уходили, взявшись за руки.

— Блестящая работа, Оскар, — одобрительно прогудел Брэм Стокер, похлопав друга по плечу. — Драмланриг прав — это действительно *tour de force*. Вы превзошли Ирвинга. — Он посмотрел Оскару в глаза и улыбнулся. — Неудивительно, что вы остались без сил. Отправляйтесь прямо домой, примите горячую ванну и выпейте горячего пунша. Отец всегда так поступает — и это неизменно приносит облегчение.

Рядом с Брэмом Стокером возник Чарльз Брукфилд. В руках он держал чек.

— Возьмите, Оскар, — сказал он. — Здесь тринадцать гиней, мой долг.

* Здесь: прекрасная работа (*фр.*).

— Благодарю вас. — Оскар слегка поклонился, взял чек и внимательно осмотрел его. Затем он сложил чек пополам и спрятал в карман, после чего пристально посмотрел Брукфилду в глаза. — Что вы подумали, Чарльз?

— Простите?

— Что вы подумали? — повторил Оскар.

— О вас? Только что?

— Именно, — ответил Оскар. — Что вы только что подумали обо мне?

— Ну коль скоро вы спрашиваете, Оскар... — медленно заговорил Брукфилд, тщательно взвешивая каждое слово. — Коль скоро вы сами спрашиваете, я подумал, что ваше сегодняшнее выступление очень напоминает речь на премьере «Веера леди Уиндермир» — в своем роде блестящую, но, по сути, неприятную и неразумную, исполненную... эгоизма и высокомерия. Высокомерие, Оскар, не доведет вас до добра.

— Не слушайте Брукфилда, Оскар! — воскликнул Брэм Стокер. — Ведь он не ирландец, а потому многого не может понять. Вы были великолепны, мой друг, — другого слова не подберешь. И вы вернули нам Пирса!

Бредфорд Пирс и Уолт Сиккерт уже стояли у выхода из зала. Сиккерт держал сигару и непринужденно опирался правым локтем на широкое плечо Пирса.

— Мы едем в «Клуб искусств», — возвестил он во всеуслышание, — отметить возвращение блудного сына.

Бредфорд игриво толкнул друга локтем.

— Какова программа, Уолт? К нам присоединятся ваши хорошенькие натурщицы? — Могучий актер громко рассмеялся, предвкушая приятную ночь. — От всей души благодарю вас, Оскар, мой дорогой друг! Как славно вернуться в свой круг. Маяк — превосходное место, но развлечений там не очень много, должен признаться.

— А бороду будете отращивать снова? — спросил Бредфорда Стокер, тоже направляясь к двери в сопровождении Чарльза Брукфилда. — Ваши розовые щеки сбивают с толку.

— На этот раз я подумываю об усах — на манер Сиккерта. Ваше мнение? Я уже наигрался старых моряков, хочу попробовать себя в амплуа молодого щеголя, прожигающего жизнь в столице.

— Стало быть, не желаете больше играть официантов, — сухо заметил Чарльз Брукфилд. — Разумеется, о таких ролях критики не пишут.

— Я — актер, — гордо сказал Пирс, — и играю все, что мне предлагают.

— Не хотите пойти с нами, Оскар? — спросил Сиккерт. — Бокал на сон грядущий?

— Нет, Уолт, я последую совету Брэма. Час поздний, и я отправляюсь спать. Мы с Робертом пройдемся до Тайт-стрит.

— Верное решение, — одобрил Стокер.

— Доброй ночи, господа, — сказал Оскар, сделав прощальный знак рукой.

«Доброй ночи, Оскар! Доброй ночи, Роберт!» — многократно прозвучало в ответ, и стоявшая у дверей четверка покинула «Кадоган». С порога Сиккерт обернулся и посмотрел на Оскара умоляющими глазами.

— Все в порядке, Уолт, — мягко сказал ему Оскар. — Все хорошо, идите. Я знаю, что вы не тронули эту девочку.

Мы с Оскаром под руку шли к его дому. На чистом ночном небе ярко сияли звезды. Воздух был неподвижен. К Оскару постепенно возвращалась его энергия. Мы пересекали Слоун-сквер, направляясь в сторону Кингз-роуд, когда из темноты вдруг возник двухколесный экипаж и прогрохотал мимо в дюйме от нас. Оскар разразился смехом — такого веселого, счастливого, непринужденного смеха я не слышал от него целый месяц, если не больше.

— Я жив, — сказал он. — Я пережил пятницу тринадцатого, Роберт. Меня все-таки не убили!

Когда мы уже оказались на тротуаре, в безопасности, я спросил:

— А кто выбрал вас в качестве жертвы, Оскар? Вы это знаете?

— Эдвард Херон-Аллен, — ответил он, все еще смеясь. — Он признался мне в этом сам, когда принес серебряную петушиную шпору. Эдвард сказал, что, если бы я умер, он мог бы жениться на Констанции. А я ему возразил, заметив, что в случае моей смерти на Констанции женились бы вы, Роберт.

Теперь рассмеялся я.

— Вы так и сказали ему, Оскар?

Несмотря на абсурдность подобного предположения, слышать эти слова оказалось очень приятно.

— Так и сказал. Но я жив — и вы не женитесь на Констанции. И госпожа Херон-Аллен жива и вполне здорова и сейчас, когда мы с вами беседуем, по всей вероятности, утешает мужа своими ласками, как и полагает жене.

Мы остановились под уличным фонарем. В бледно-желтом газовом свете я увидел улыбку на лице друга. Он был снова счастлив. Оскар достал из портсигара последнюю сигарету «Плейерс нейви кат».

— Знаете, Оскар, — сказал я, — какое-то время я думал, что убийца — Херон-Аллен.

Оскар швырнул спичку в сточную канаву.

— А мне казалось, что вы принимали за убийцу Драмланрига.

— Это верно, но так я думал позже. Я был в этом абсолютно уверен.

Мы продолжили наше неторопливое движение, по-прежнему под руку.

— То, в чем мы абсолютно уверены, всегда оказывается далеким от истины, — сказал Оскар.

Мы повернули налево в первый переулок, который вел к Тайт-стрит. Я помолчал, а потом спросил:

— Если вас своей жертвой назвал Херон-Аллен, кто тогда написал имя Констанции?

— Неужели не догадываетесь? — сказал Оскар. — Боюсь, это был Чарльз Брукфилд.

— Брукфилд?

— Именно.

— Он сам вам сказал?

— Нет, но так подсказывает моя сеть, моя таблица. Метод исключения говорит, что остается только Брукфилд.

— Брукфилд хотел убить Констанцию? — Я был ошеломлен.

— Это всего лишь игра, Роберт. Брукфилд, без сомнения, хотел спасти мою жену от несчастья, которое ей принес брак со мною. — В голосе Оскара не было злости — эта мысль, казалось, его забавляла. — Прелюбопытный тип этот господин Брукфилд...

— Да уж, — сказал я, не скрывая сарказма.

— Как вы думаете, он был прав, когда говорил о моем нынешнем выступлении? — спросил он, подняв глаза к небу. И, не дожидаясь ответа, продолжил: — Пожалуй, прав.

Когда мы уже добрались до угла Тайт-стрит, он снова разразился смехом.

— Ведь поначалу я думал, что убийца — Брукфилд. На эту мысль меня натолкнула госпожа Робинсон. Глядя на мою ладонь, она сказала: «Вот здесь, где этот ручей упирается в поле, я вижу водоворот, и он беспокоит меня»... Я предположил, будто линии руки подсказывают ей, что «Брукфилд»* управляет моей судьбой.

— На самом деле этого нет?

— Надеюсь, нет, — ответил Оскар с улыбкой. — Ведь госпожа Робинсон получает гинею за каждое гадание.

* Фамилия Брукфилд состоит из слов «brook» (ручей) и «field» (поле), отсюда связь со словами гадалки «ручей упирается в поле».

Она просто обязана хоть что-нибудь сказать. На нашем чаепитии были господин и госпожа Брук — раджа и рани Саравака, а также мисс Брэдли и мисс Купер — поэтессы, известные под общим псевдонимом Майкл Филд. Их имена ведь тоже прозвучали в речи предсказательницы, но я услышал то, что хотел услышать, а не то, что она говорила.

— Вот как. А я думал, вы верите словам госпожи Робинсон, — сказал я.

— Так и есть, я ей поверил. И буду верить впредь. Но следует помнить, что предсказание судьбы относится к сфере развлечений, где иногда очень трудно отличить правду от обмана... Так или иначе, Брукфилд к убийству непричастен.

— Однако он вас терпеть не может, Оскар.

— Разве у него нет на это оснований? Я унижаю его. Я с презрением отозвался о его манере не снимать перчаток в помещении, а за ужином посадил в дальнем конце стола.

— Брукфилд вас ненавидит, и в то же время его к вам влечет. Он похож на бабочку, порхающую вокруг огня. Но причина его ненависти не в том, что вы его унижаете, она в другом — он вам завидует.

— Вот как? — Оскар улыбнулся. — Вы так думаете?

— Именно так, — твердо сказал я.

Наконец мы дошли до дома шестнадцать по Тайт-стрит. Оскар вставил ключ в замочную скважину и повернулся ко мне.

— Бойтесь зависти, Роберт, — сказал он серьезно. — Вспомните, что зависть сотворила с Бёрдом... Смотрите, что она делает с Брукфилдом... Зависть — это язва души.

— «Зависть — это язва души», — повторил я. — Отлично сказано, Оскар. Считайте, что я уже записал эту фразу в свой дневник.

— Не забудьте при этом, кто автор этого высказывания. Сократ, Роберт. Сократ, который, по моему мне-

нию, — и, я думаю, вы со мною согласитесь, — принадлежит к сонму бессмертных мыслителей. — Оскар повернул ключ в замке. — Что с нами станет, Роберт? Эта мысль не дает мне покоя. Войдем ли мы в этот круг? Что судьба уготовила нам?

Вздыхнув, он распахнул дверь. В доме стояла тишина — но в этой тишине не было холодного безразличия. На столике в прихожей под неверным светом газовой лампы стоял китайский поднос из ротанга, на котором уютно разместились два бокала, ведро со льдом, замороженная бутылка «Перье Жуэт» и записка, написанная уверенным округлым почерком Констанции: «Браво, Оскар, — лучший из мужей, лучший мужчина под солнцем».

В глазах Оскара заблестели слезы. Он посмотрел на меня и улыбнулся.

— Горячий пунш меня не привлекает, но бокал шампанского перед сном, Роберт... Разве это не прекрасное завершение трудного дня?

ЭПИЛОГ

«Что с нами станет, Роберт? Что судьба уготовила нам?»

Мир знает, что стало с Оскаром Уайльдом. После триумфа 1893 года пришли судебные процессы 1895-го, унижение, тюрьма и изгнание. Констанция умерла в Генуе в 1898 году. Оскар скончался в Париже в 1900-м. Ему было сорок шесть. Я помню его слова: «Мою колыбель качали мойры».

Знает мир и судьбу Артура Дойла. Благодаря Шерлоку Холмсу он обрел мировую славу. Благодаря его многочисленным завидным качествам — честности, прямоте, мужеству — и служению своей стране во время бурской войны, он обрел почет. В 1902 году король Эдуард VII возвел его в рыцарское достоинство.

Конан Дойл посодействовал и успеху Уилли Хорнунга. Он натолкнул Уилли на создание соперника Шерлока Холмса, мошенника и похитителя драгоценностей по имени Раффлз, взломщика-любителя. Свою любовь Уилли Хорнунг тоже обрел благодаря Артуру. В 1893 году он женился на младшей сестре Дойла Конни, а своего первенца назвал Артур Оскар, в честь двух людей, которыми искренне восхищался, — своего шурина и Оскара Уайльда. «Nomen est omen», — сказал он на церемонии крещения.

Брэм Стокер, создав своего Дракулу, в 1912 году умер. Уилли Хорнунг умер в 1921 году, Артур Конан Дойл — в 1930-м. Уолтер Сиккерт и Эдвард Херон-Аллен еще живы. Уолт стал одним из наиболее почитаемых художников старшего поколения, а Эдвард получил широкую известность благодаря, как я думаю, своему скабрезному роману «Девушка-гепард». Жив и Боузи. Время от времени, когда я бываю в Англии, мы встречаемся, вспоминаем старые времена и пьем хорошее шампанское в память об Оскаре и в его честь.

Боузи женат. Жена его не вызывает у меня восторгов (как, насколько я понимаю, и у своего супруга). Брат Боузи Френсис Драмланриг умер в 1894 году в возрасте двадцати семи лет. Он был убит, когда охотился в Сомерсете. Стала ли его смерть результатом несчастного случая, или самоубийства, или убийства — точно не известно. Его отец, маркиз Куинсберри, до самого конца пребывал в убеждении, что Драмланриг и лорд Розбери были любовниками. Эта навязчивая идея не желала покидать лорда Куинсберри, а в год смерти его сына, к величайшей досаде маркиза, лорд Розбери занял кресло премьер-министра.

Розбери выполнил свое обещание Артуру Дойлу. При нем правительство запретило петушиные бои в Шотландии. В том же 1894 году свое обещание Артуру выполнил и Брэм Стокер. По его рекомендации Генри Ирвинг поставил пьесу Дойла «Ватерлоо» и с огромным успехом сыграл в ней главную роль, которая стала последней ролью этого великого актера.

Впрочем, сыграть на сцене Шерлока Холмса Генри Ирвинг отказался, и первым актером, которого зрители увидели в этой роли, стал не кто иной, как Чарльз Брукфилд.

Брукфилд с годами не утратил своего болезненного интереса к Оскару. Именно он в начале 1895 года сообщил полиции имена и адреса нескольких моло-

дых людей сомнительной репутации, которые свидетельствовали против Оскара Уайльда на суде. А 25 мая 1895 года — в день, когда Оскара признали виновным в «грубой непристойности» и приговорили к двухлетнему тюремному заключению, — Чарльз Брукфилд и маркиз Куинсберри устроили грандиозный званый вечер, чтобы отпраздновать вынесенный приговор. Расходы они поделили. Доля Брукфилда составила тринадцать гиней.

БЛАГОДАРНОСТИ

Писатели обычно работают в одиночестве. Но когда я писал эту — вторую — книгу из серии, посвященной расследованиям Оскаром Уайльдом загадочных убийств, меня постоянно грела мысль о щедрой поддержке, оказанной мне при работе над первой. Я особенно признателен за слова ободрения многим известным писателям — Дейvidу Робинсону, Александру Макколлу, Анне Перри, Стефани Баррон, Стивену Фраю, Роджеру Льюису, Ли Лэнгли и Тео Ричмонду. В долгие безрадостные часы, проведенные за компьютером, особенно ценишь такую доброту.

Я благодарен за неустанную поддержку многим своим друзьям — от первого и главного друга, моей жены Мишель Браун, и до моего доброго друга Мерлина Холланда, внука и биографа Оскара Уайльда, который с неизменным тактом указывал мне на мои оплошности при написании первой книги и, я уверен, не оставит меня без своего критического внимания и в дальнейшем. Я надеюсь, что мой портрет Оскара Уайльда близок к оригиналу, а если вам случится заметить в нем неточности, прошу сообщить мне о них, я буду весьма признателен за это.

Как и всегда, я в долгу перед своим литературным агентом Эдом Виктором — и долг этот существенно превышает оговоренные в контрактах пятнадцать процентов. Вот уже сорок лет я издаю свои книги и могу сказать со знанием дела: он — лучший. Великолепны и его сотрудники, из которых я особенно признателен менеджеру по иностран-

ным правам Мораг О'Брайен, представляющей эту серию издателям по всему миру. Я благодарен ей не только за профессионализм и опыт, но и за то, что с ее помощью я обрел новых друзей в самых различных странах — Испании, Южной Корее, Литве и Бразилии.

В Великобритании и Австралии эту серию выпускает издательство «Джон Мюррей» — там же выходит и Артур Конан Дойл. Я многим обязан сотрудникам этого издательства Ролану Филиппсу, Кейт Паркин и их коллегам (Лондон); Триш Грейдер и ее коллегам по издательству «Саймон энд Шустер» (Нью-Йорк); Эмманюэль Хёртебиз и ее коллегам из «Эдисон 10/18» (Париж), а также многим другим за их весомый творческий вклад в рождение этой серии и ее коммерческий успех. С самого начала работы Кейт Паркин была непревзойденным редактором, чутким советчиком и верным другом. Я очень благодарен ей и Джитешу Пейтелу, который создал превосходные обложки для английского и американского изданий.

«Ничто из того, что происходит в действительности, не имеет ни малейшего значения», — писал Оскар Уайльд в своих «Заветах молодому поколению». Не думаю, что он и в самом деле так считал. Изъявление благодарности, бесспорно, имеет значение. И я благодарен всем, кто внес свой вклад в появление на свет этой книги, — и не только поименованным здесь. А особенная благодарность автора адресована тем, кто читает его произведение. Не будь вас, что толку в моей работе? Спасибо.

*Дж. Б.
Лондон, 2008*

ОБ АВТОРЕ

Джайлз Брандрет родился 8 марта 1948 года в Германии, где после окончания Второй мировой войны его отец, Чарльз Брандрет, служил военным юристом при Контрольной комиссии союзных войск. Среди его коллег по службе был Хартфорд Монтгомери Хайд, который в 1948 году впервые опубликовал полный отчет о судебных процессах над Оскаром Уайльдом. В 1974 году на Оксфордском театральном фестивале Джайлз Брандрет представил первый сценический вариант пьесы «Суды над Оскаром Уайльдом» с Томом Бейкером в роли Уайльда, а в 2000 году он отредактировал расшифровку протоколов судебных процессов для звукозаписи с Мартином Джарвисом в главной роли.

Джайлз Брандрет обучался в Лондонском французском колледже, Беттесхэнгер-Скул в Кенте и Бидейлз-Скул в Гемпшире.

В Бидейлз-Скул юный Брандрет познакомился с основателем школы Джоном Хейденом Бедли (1864—1967), который, встречаясь с Джайлзом по средам за игрой в скребл у себя дома, рассказал ему немало историй об Оскаре Уайльде, манерах и стиле поведения писателя, в том числе о его обычае пробовать кое-какие фразы на членах семьи и друзьях прежде чем вставить их в свои произведения. Джон Бедли был в дружеских отношениях с Оскаром и Констанцией и учил их старшего сына Сирила, когда Уайльд находился под арестом.

Подобно Роберту Шерарду Джайлз Брандрет продолжил образование в Нью-Колледже Оксфорда, где занимался гуманитарными науками, был президентом студенческого союза и редактировал университетский журнал, а затем — как и Шерард — начал карьеру писателя и журналиста. Свою первую книгу «Создано в неволе» (1972) он посвятил исследованию реформы тюрем, а первая написанная им биография, вышедшая под названием «Самый смешной человек на Земле» (1974), представляла собой портрет звезды мюзик-холла Викторианской эпохи Дэна Лино*. Позже он опубликовал биографию актера сэра Джона Гилгуда, а также имевший шумный успех дневник, который писал, будучи членом парламента и так называемым «правительственным кнутом», то есть парламентским организатором правительственной партии («Нарушая кодекс: Вестминстерские дневники, 1990—1997»). Затем вышли в свет две также весьма успешные биографии членов королевской семьи: «Филипп и Елизавета: портрет брака» и «Чарльз и Камилла: портрет романа».

Если среди предков Роберта Шерарда был Уильям Вордсворт, то и Джайлз Брандрет связан родством с поэтом, пусть и не столь знаменитым, — Джорджем Р. Симсом (1847—1922), автором баллад «Билли мертв и призван славой» и «Рождество в работном доме». Симс стал первым журналистом, который заявил, что ему известно, кем на самом деле был Джек-потрошитель. Симс состоял в родстве с императрицей Евгенией**, среди его друзей были Оскар Уайльд и Артур Конан Дойл. Считается, что он был первым ведущим журнальных и газетных рубрик о жизни знаменитостей. Своей известностью Симс был также обязан тем, что фигурировал в рекламе «надежного средства от облысения»: «Татчо — восстановитель волос Джорджа Р. Симса».

* Дэн Лино (Джордж Уайльд Гэлвин, 1860—1904) — артист мюзик-холла, имел огромный успех благодаря шуткам на кокни (лондонском просторечии) и пантомимическим номерам с переодеванием в женское платье.

** Супруга Наполеона III.

Джайлз Брандрет — автор многочисленных серий, транслируемых на «Радио 4» Би-би-си, в числе которых «Рифма к месту», «Здравый совет» и «Шепоты» (кстати, именно так, «Шепоты», назвал свой первый поэтический сборник Роберт Шерард). Брандрет — постоянный гость телевизионных программ «Одну минуту!» и «Обратный отсчет». Его амплуа на телеэкране весьма разнообразны — от приглашенного телеведущего программы «У меня для вас потрясающая новость!» до героя передачи «Это ваша жизнь». В качестве актера Джайлз Брандрет сыграл главную роль в одном из ревю на сцене Уэст-Энда (ревю удостоено приза) и роль Мальволио в музыкальной версии шекспировской «Двенадцатой ночи», поставленной в Эдинбурге. Совместно с Хинджем и Брекетом он написал сценарий телевизионного сериала «Дорогие дамы», а в соавторстве с Джулианом Слейдом — пьесу о А. А. Милне, в которой роль Кристофера Робина исполнил Элед Джоунз. Вместе с Сусанной Пирс Брандрет написал новый мюзикл о Льюиса Кэрролле — «Последняя фотография».

Джайлз Брандрет женат на писательнице и издательнице Мишель Браун. У супругов трое детей — адвокат, писатель и экономист-эколог.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	9
Глава первая. ПРЕДСКАЗАТЕЛЬНИЦА	11
Глава вторая. КЛУБ «СОКРАТ»	26
Глава третья. ИГРА	38
Глава четвертая. «ВЕК ЖИВИ — ВЕК УЧИТЬСЯ»	52
Глава пятая. СМЕРТЬ НА ЧЕЙНИ-УОК	61
Глава шестая. «ИГРЫ С ОГНЕМ»	73
Глава седьмая. «МИМОЛЕТНЫЙ КАПРИЗ»	85
Глава восьмая. ЗАВТРАК В ОТЕЛЕ «ЛАНГЕМ»	99
Глава девятая. ЕЩЕ ОДНА ТАЙНА	112
Глава десятая. САМОЕ ГРЯЗНОЕ УБИЙСТВО	122
Глава одиннадцатая. «Я ОПАСАЮСЬ ХУДШЕГО»	133
Глава двенадцатая. БИЧИ-ХЕД	146
Глава тринадцатая. «ЧТО ЗНАЧИТ ИМЯ?»	159
Глава четырнадцатая. РИНГ СМЕРТИ	168
Глава пятнадцатая. ГИЛМОР, ИНСПЕКТОР СКОТЛЕНД-ЯРДА ..	183
Глава шестнадцатая. ВСТРЕЧА НА БЕЙКЕР-СТРИТ	195
Глава семнадцатая. АНШЛАГ	209
Глава восемнадцатая. «ГОСПОЖА ГИЛЬОТИНА»	222
Глава девятнадцатая. МАДОННА ГВАДЕЛУПСКАЯ	239
Глава двадцатая. ПРАВИЛА КУИНСБЕРРИ	253

Глава двадцать первая. МАГИЧЕСКИЙ БРАСЛЕТ	265
Глава двадцать вторая. СЕТЬ ОСКАРА	274
Глава двадцать третья. ВСЕГДА ТАК	289
Глава двадцать четвертая. ВОПРОСЫ	302
Глава двадцать пятая. ВОПРОСЫ, ВОПРОСЫ... ..	312
Глава двадцать шестая. ПЯТНИЦА ТРИНАДЦАТОЕ	325
Глава двадцать седьмая. ОТВЕТЫ... ..	336
Глава двадцать восьмая. ОТВЕТЫ, ОТВЕТЫ.	346
Глава двадцать девятая. ТРИНАДЦАТЬ ГИНЕЙ	355
Эпилог	373
Благодарности	376
Об авторе	378

Брандрет Дж.

Б87 Оскар Уайльд, Конан Дойл и игра под названием «Убийство» : роман / Джайлз Брандрет; пер. с англ. В. Генкина. — Москва: Текст, 2018. — 382[2] с.

ISBN 978-5-7516-1431-7

Знаменитый английский писатель Оскар Уайльд по праву считался умнейшим человеком своего времени, но и он не смог предусмотреть, каким кошмаром обернется придуманная им игра: люди, которых участники этой забавы в шутку назначили «жертвами», стали умирать, причем убийца явно был из числа игроков. Кто же он? За расследование взялся сам Уайльд и его ближайшие друзья, знаменитый сэр Артур Конан Дойл, уже успевший создать своего Шерлока Холмса, и будущий автор «Дракулы» Брэм Стокер... Читателя ждут головокружительный сюжет, яркие образы главных героев, живое описание быта и нравов викторианской Англии — и конечно же разгадка тайны на последних страницах.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Джайлз Брандрет
ОСКАР УАЙЛЬД, КОНАН ДОЙЛ
И ИГРА ПОД НАЗВАНИЕМ «УБИЙСТВО»

Роман

16+

Редактор Ю. Зварич
Корректор Т. Калинина
Оформление А. Иващенко
Художественный редактор К. Баласанова

Подписано в печать 19.06.18. Формат 84 x 108/32

Усл. печ. л. 20,16.

Тираж 1000 экз. Изд. № 1326

Заказ №

Издательство «Текст»
125319 Москва, ул. Усиевича, д. 8
Тел./факс: (499) 150-04-72
E-mail: textpubl@yandex.ru
<http://www.textpubl.ru>